

Уважаемые коллеги и читатели!

Вам представлен третий очередной номер рецензируемого Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии», в который вошли отобранные Редакционным советом и рецензентами 47 статей научно-педагогических работников и специалистов-практиков. Наибольшую активность проявили молодые авторы, работающие над кандидатскими диссертациями. Наши эксперты с удовольствием отмечают высокий теоретико-методологический уровень представленных работ и по мнению рецензентов они полностью соответствуют требованиям ВАК РФ.

Особый интерес вызвали работы: Демидовой С.Е. – кандидата экономических наук, доцента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Оценка системы управления налоговыми расходами бюджетов субъектов Федерации», Шашковой Н.И. – доктора экономических наук, заведующей кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Херсонского государственного педагогического университета «Цифровое государственное управление: роль, риски и новые парадигмы развития», Беляковой А.В. – кандидата юридических наук, старшего научного сотрудника Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Бучковой А.И. – кандидата социологических наук, доцента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова «Социально-правовые проблемы разрешения гражданско-правовых конфликтов во внесудебном порядке», Ковальковой Е.Ю. – кандидата юридических наук, доцента Казанского филиала Российского государственного университета правосудия «Особенности описания объекта закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Вайсбург А.В. – кандидата социологических наук, доцента Тверского государственного технического университета «Социологический анализ проблем подбора IT-специалистов в банковской сфере (на примере исследования в ПАО «Московский кредитный банк»)», Фроловой Н.А. – кандидата социологических наук, доцента и Лариной Л.Ю. – кандидата философских наук, доцента Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева «Влияние пандемии COVID-19 на отношение россиян к ценности здоровья».

От имени Редакционного совета поздравляем работников высшей школы с началом нового учебного года и желаем дальнейших творческих успехов в их нелегкой научно-педагогической деятельности.

С уважением,

Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»

Доктор экономических наук, профессор

В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

<i>Альтерман А.А., Берникова А.М.</i>	
Анализ соответствия налоговых расходов целям социально-экономической политики на примере Центрального федерального округа	7
<i>Балынин И.В.</i>	
Факторы развития негосударственного социального обеспечения	12
<i>Демидова С.Е.</i>	
Оценка системы управления налоговыми расходами бюджетов субъектов Федерации	16
<i>Квасников В.А.</i>	
Формирование и функционирование казначейской системы управления публичными финансами западноевропейских государств: национальная специфика и общие подходы	20
<i>Колесникова Ю.С., Иванов С.Е.</i>	
Объекты нематериальной собственности компаний	25
<i>Матюгина Э.Г., Вусович О.В., Соснин Э.А.</i>	
Инновационная активность как симбиоз способности и готовности участников	29
<i>Матюгина Э.Г., Вусович О.В., Соснин Э.А.</i>	
Формирование среды, способствующей развитию инновационной активности обучающихся	33
<i>Нестулаева Д.Р., Авхадиева Э.А.</i>	
Концепция технологического суверенитета как продолжение политики импортозамещения	37
<i>Поздеева О.Г.</i>	
Проблемы и тенденции социально-демографического обеспечения безопасности регионов Уральского экономического района	41
<i>Самышева Е.Ю., Усов А.С.</i>	
Анализ базовых понятий современной теории экономической безопасности	45
<i>Тисленко М.И.</i>	
Цифровое неравенство и конкурентоспособность государств: теоретические подходы	50
<i>Шашкова Н.И.</i>	
Цифровое государственное управление: роль, риски и новые парадигмы развития	55
<i>Шайхутдинова Ф.Н.</i>	
Тенденции торгово-экономического взаимодействия ЕАЭС и КНР в сфере промышленных товаров	60

Право

<i>Адолина С.Ю., Михеева Т.Н.</i>	
Роль кадрового резерва в управлении муниципальным образованием	64
<i>Ахметзянова Г.Н.</i>	
Эстоппель в гражданско-правовых спорах	68
<i>Белякова А.В., Бучкова А.И.</i>	
Социально-правовые проблемы разрешения гражданско-правовых конфликтов во внесудебном порядке	71
<i>Билалов А.В.</i>	
Системы исполнения судебных актов в эпоху цифровизации: вопросы теории и практики	76

<i>Ковалькова Е.Ю.</i>	
Особенности описания объекта закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд	81
<i>Курилова Е.Н., Маслиенко М.А.</i>	
Меры государственного противодействия незаконному обороту оружия и взрывных устройств	84
<i>Куфёлкина И.Ю.</i>	
Соорганизованность как основное измерение общественной опасности соучастия в преступлении	88
<i>Мишин А.В.</i>	
Проблемы проведения очной ставки с участием защищаемого лица	92
<i>Печегин Д.А., Горб Д.А.</i>	
Практика выявленных нарушений контрактного законодательства Российской Федерации	96
<i>Печегина Ю.С.</i>	
Юридические и этические проблемы собственности на половые клетки человека	100
<i>Симаков А.В.</i>	
Становление английского общего права XI–XV века: историко-теоретический аспект	105
<i>Сундуров Ф.Р.</i>	
Сбалансированность как стержень современной уголовно-правовой политики	110
<i>Федянин Ю.М.</i>	
Законодательство Республики Беларусь об иностранных инвестициях: становление и современное состояние	114
<i>Фероян А.А.</i>	
Эволюция законодательства РФ о банкротстве в новейшей истории. Анализ эффективности и проблемы развития	119
<i>Щигорцова Е.С., Артёменко Н.Н., Качалов В.Ю.</i>	
Понятие государственной безопасности и национальной безопасности с позиции уголовно-правовой охраны	124

Социология

<i>Вайсбург А.В.</i>	
Любительский спорт как вид досуга среди населения: результаты социологического исследования жителей города Твери	128
<i>Вайсбург А.В.</i>	
Социологический анализ проблем подбора IT-специалистов в банковской сфере (на примере исследования в ПАО «Московский кредитный банк»)	131
<i>Галеев А.Р.</i>	
Особенности миграционных процессов в России. Историко-теоретический анализ	135
<i>Голубева К.А.</i>	
Формирование финансовой культуры молодежи столичного мегаполиса в родительской семье	141
<i>Лучшева Л.В.</i>	
Этноцентризм в культуре современного общества	145
<i>Махиянова А.В.</i>	
Роль социальных сетей в создании и развитии профессиональной карьеры	149
<i>Савченко И.А., Трубина Н.А.</i>	
Дискурс-анализ в дискурсивном поле современного города	153
<i>Фатыхова Д.Р., Зиятдинова Э.М.</i>	
Использования мессенджера Telegram как канала коммуникации органов местного самоуправления с молодежью	157

Фролова Н.А., Ларина Л.Ю.

Влияние пандемии COVID-19 на отношение россиян к ценности здоровья 161

Хизбуллина Р.Р.

Самозанятость студенческой молодежи 165

Обзорные статьи

Горланов С.А., Арбенина Е.А., Измайлов М.К.

Особенности инвестиционных проектов в АПК 169

Игумнов В.В.

Цифровое профилирование: новая реальность публичного управления 172

Касимов Р.Н., Кудрявцева И.К.

Формы социальной деятельности национально-культурных объединений
в Удмуртской Республике 176

Кашибразиев Р.В.

Экспортная стратегия Турции: проблемы и перспективы
в условиях декарбонизации мировой экономики 180

Малаев В.В., Валеев Э.Р.

Особенности реализации инвестиционного процесса в современной экономике 183

Охрименко Е.И., Ошкордина А.А.

Космический туризм: перспективы для бизнеса 187

Саркисов О.Р., Гуревич В.А.

Эколого-правовой механизм защиты от радиационного загрязнения и его негативного
воздействия: проблемы реализации и перспективы совершенствования 192

Тышкевич А.И.

Миграционные процессы в Швейцарии: эволюция и ретроспективный анализ 197

Рецензии

Щелкунов М.Д.

Социальное познание в дискурсе «ученый и общество» 206

УДК 336.22

Анализ соответствия налоговых расходов целям социально-экономической политики на примере Центрального федерального округа*

Альтерман А.А.

Стажер-исследователь
Института исследований социально-экономических трансформаций
и финансовой политики Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Берникова А.М.

Стажер-исследователь

Института исследований социально-экономических трансформаций
и финансовой политики Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Цель статьи – анализ налоговых расходов как инструмента реализации государственных программ, способствующих достижению высоких показателей социально-экономического развития. Динамика и объемы налоговых расходов зависят от ряда внутренних и внешних факторов, однако особенное значение оказывает проводимая государством финансовая политика и политика в области управления налоговыми расходами. Применение различных налоговых преференций в рамках реализации государственных программ способствует повышению их эффективности при условии соответствия целям.

Ключевые слова: государственные программы, налоговые расходы, налоговые льготы, социально-экономическое развитие, стратегическое планирование

Государственные программы, представляющие собой стратегические планы социально-экономического развития государства, определяют направления повышения уровня благосостояния и качества жизни населения, улучшения систем здравоохранения, образования, науки и промышленности. Их особенностями являются ограниченность по времени, конкретизация целей, задач, ресурсов и инструментов государственной политики, необходимых для достижения социально-значимых приоритетов государства. Одним из основных элементов социально-экономической политики государства являются налоговые расходы, представляющие собой выпадающие доходы бюджета, обусловленные различными налоговыми послаблениями, а также выступающие ключевым – инструментом при реализации государственных программ [1; 2].

В перечне налоговых расходов, формируемом исполнительным органом субъекта Российской Федерации, указывается предусмотренная налоговая льгота, категория налогоплательщиков и наименование государственной программы (нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации), определяющих социально-экономическую политику, в рамках которой предоставляются налоговые преференции. Например, в рамках государственной программы Тверской области «Сельское хозяйство Тверской области» на 2021–2026 гг. предоставляется налоговая льгота по налогу на имущество организаций, а получателем налоговых преференций являются организации, занимающиеся производством,

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

переработкой и хранением сельскохозяйственной продукции [3]. В настоящее время значительная часть налоговых расходов в паспортах государственных программ не имеет целеполагания или не отражается в них совсем.

Также, исходя из распределения налоговых расходов по государственным программам, выделяются следующие направления их реализации: повышение экономической активности; предоставление социальных гарантий населению; компенсация расходов налогоплательщиков, финансируемых за счет бюджетных средств; непрограммная деятельность (рис. 1).

Исходя из Перечня налоговых расходов Российской Федерации на период 2022-2024 гг., из общего количества налоговых расходов (328) основную долю налоговых расходов занимают стимулирующие налоговые расходы (58 %), на социальные и технические приходится порядка 38 и 4 % соответственно. В Перечне налоговых расходов Российской Федерации на 2023-2025 гг. произошли несущественные изменения доли стимулирующих и социальных налоговых расходов, которые составили 59 и 37 % соответственно [3].

Распределение налоговых расходов по целям государственных программ конкретизирует направление государственной поддержки, оказываемой экономическим субъектам, повышая тем самым прозрачность деятельности исполнительных органов власти. Существующее многообразие подходов отношения налоговых преференций к категории налоговых расходов затрудняет процедуру проведения оценки эффективности их применения. Часть льгот по налогу на прибыль организаций, НДС, ввозным таможенным пошлинам и т.д., включенных в программные показатели, не оценивается на предмет эффективности, соответственно, отсутствует возможность сопоставить влияние данных преференций на достижение целей [4; 5].

Эффективное применение налоговых преференций обеспечивает источник будущих налоговых поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации (рис. 2).

В 2020 и 2021 гг. для расчета использовались фактические данные, в 2022 г. – плановые объемы налоговых доходов бюджетов субъектов РФ.

Максимальные значения по Центральному федеральному округу в части соотношения налоговых расходов к налоговым поступлениям в бюджеты субъектов Российской Федерации показали такие регионы, как Тульская область, Калужская и Курская области, – от 6 до 13 % (рис. 2а). Наименьшие значения зафиксированы в 5 регионах – Московская, Воронежская, Костромская, Тверская, Белгородская области – менее 3 % от общей суммы налоговых поступлений (рис. 2г).

Трансформация социально-экономической политики с учетом региональной специфики и концентрации деловой активности, различия в численности населения приводят к сильной дифференциации

Рис. 1. Виды налоговых расходов и их соотношение с государственными программами и социально-экономическими целями

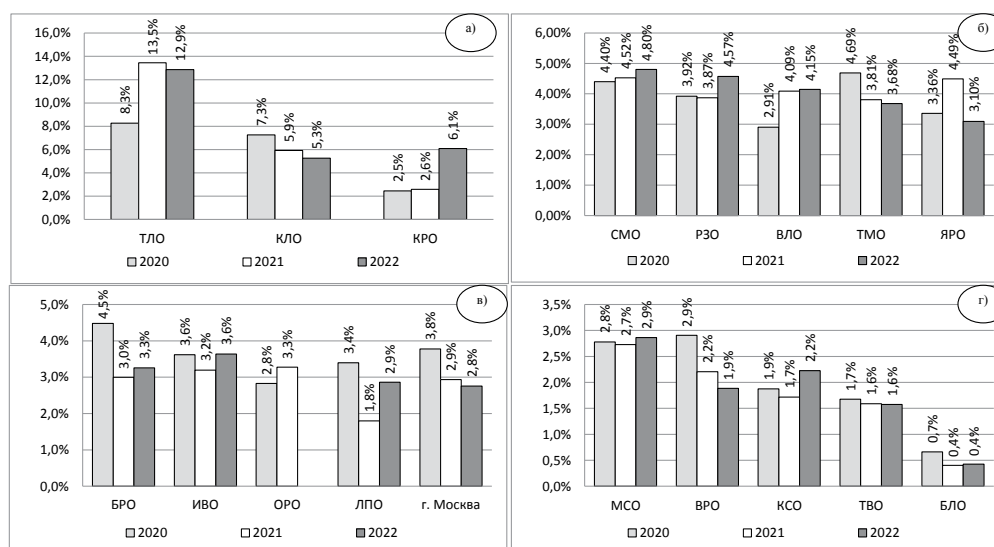

Рис. 2. Отношение налоговых расходов к налоговым доходам бюджетов субъектов Российской Федерации Центрального федерального округа за период с 2020 по 2022 гг., %

Примечания: Московская область – МСО; Тульская область – ТЛО; Калужская область – КЛО; Воронежская область – ВРО; Курская область – КРО; Ярославская область – ЯРО; Владимирская область – ВЛО; Смоленская область – СМО; Липецкая область – ЛПО; Рязанская область – РЗО; Брянская область – БРО; Тамбовская область – ТМО; Тверская область – ТВО; Ивановская область – ИВО; Орловская область – ОРО; Костромская область – КСО; Белгородская область – БЛО.

распределения налоговых расходов субъектов Российской Федерации как по объемам, так и по динамике (рис. 3).

Субъектами Федерации с наибольшими объемами налоговых расходов в Центральном федеральном округе за период с 2020 по 2025 гг. являются такие регионы, как Москва, Московская область и Тульская область (1 сектор рис. 3). Средние значения показали субъекты, находящиеся во 2 и 3 секторах рисунка 3. Соответственно, субъекты Российской Федерации, объем налоговых расходов которых за прошедшие годы и прогнозируемый период до 2025 г. не превышает 1100 млн руб., отнесены к 4 подгруппе субъектов (рис. 3).

Также отмечается увеличение объемов налоговых расходов в период с 2020–2021 гг., что обуславливается введением дополнительных налоговых преференций для экономических субъектов в рамках

государственной политики по борьбе с пандемией COVID-19.

Изменение динамики объемов налоговых расходов непосредственно приводит к изменению удельного веса налоговых расходов субъектов федерации в общей сумме налоговых расходов по округу (табл. 1).

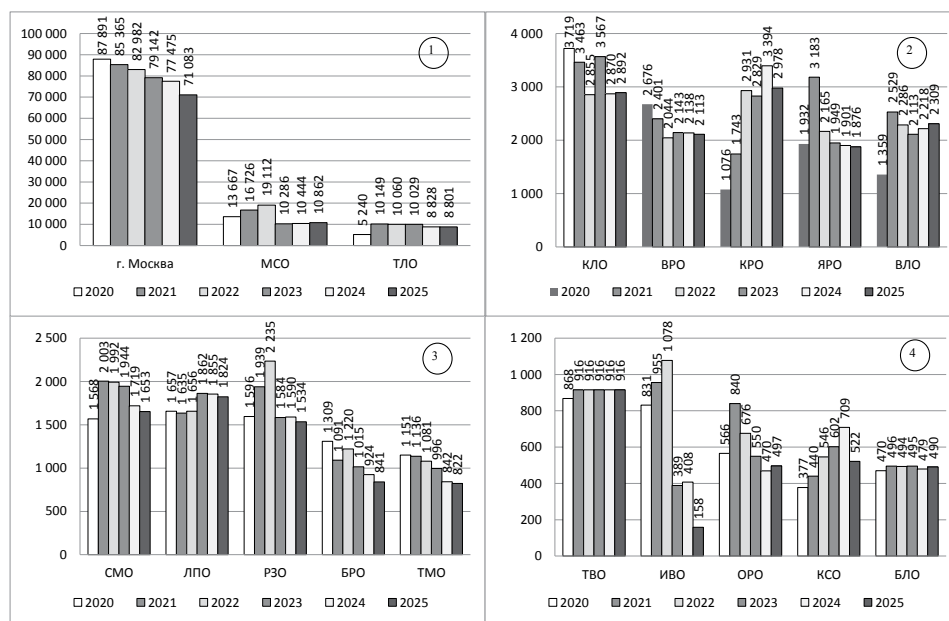

Рис. 3. Динамика объемов налоговых расходов в разрезе субъектов Центрального федерального округа за период с 2020 по 2025 гг., млн руб.

Источник: составлено автором по данным Минфина России [3].

Таблица 1

Удельный вес налоговых расходов субъектов Российской Федерации в Центральном федеральном округе, %

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Тенденция
Центральный федеральный округ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
г. Москва	68,7	62,3	60,9	64,7	65,0	63,4	уменьшение к 2025 г.
Московская область	10,7	12,2	14,0	8,4	8,8	9,7	увеличение в 2022 г. и уменьшение к 2025 г.
Тульская область	4,1	7,4	7,4	8,2	7,4	7,8	увеличение в 2023 г. и уменьшение к 2025 г.
Калужская область	2,9	2,5	2,1	2,9	2,4	2,6	уменьшение к 2025 г.
Воронежская область	2,1	1,8	1,5	1,8	1,8	1,9	постоянство
Курская область	0,8	1,3	2,1	2,3	2,8	2,7	увеличение к 2025 г.
Ярославская область	1,5	2,3	1,6	1,6	1,6	1,7	постоянство
Владимирская область	1,1	1,8	1,7	1,7	1,9	2,1	постоянство
Смоленская область	1,2	1,5	1,5	1,6	1,4	1,5	постоянство
Липецкая область	1,3	1,2	1,2	1,5	1,6	1,6	увеличение к 2025 г.
Рязанская область	1,2	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	постоянство
Брянская область	1,0	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	уменьшение к 2025 г.
Тамбовская область	0,9	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	уменьшение к 2025 г.
Тверская область	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	постоянство
Ивановская область	0,6	0,7	0,8	0,3	0,3	0,1	увеличение в 2022 г. и уменьшение к 2025 г.
Орловская область	0,4	0,6	0,5	0,4	0,4	0,4	увеличение в 2022 г. и уменьшение к 2025 г.
Костромская область	0,3	0,3	0,4	0,5	0,6	0,5	увеличение к 2025 г.
Белгородская область	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	постоянство

Источник: составлено авторами по данным Минфина России [3].

Отмечается общая тенденция по увеличению объемов налоговых расходов в Центральном федеральном округе к 2022 г. (с 128 млрд руб. в 2020 г. до 136 млрд руб. в 2022 г.) и их уменьшению к 2025 г. (до 112 млрд руб.). Причины такой динамики связываются с исключением неэффективных налоговых льгот в связи с более тщательной оценкой, повышением ответственности при формировании перечня налоговых расходов, более осмысленным подходом в части отнесения или не отнесения тех или иных налоговых льгот к категории налоговых расходов [6], реализацией единой государственной социально-экономической политики.

Исследование показало существенные различия в объемах налоговых расходов относительно налоговых доходов по субъектам Федерации. Так, в Тульской области доля налоговых расходов составляет около 13 %, что в 3–4 раза превышает показатели большинства регионов, кроме того, регион имеет высокий общий объем налоговых расходов. Таким образом, средний уровень в 2020–2022 гг. составлял от 3,1 до 3,4 % доли налоговых расходов к налоговым доходам, соответственно, отклонение от среднего уровня налоговых расходов по субъектам Российской Федерации должны быть дополнительно исследованы на предмет обоснованности принимаемых решений. Это позволит оценить эффективность налоговой политики региона по отношению к неналоговым инструментам, в частности, к бюджетным субсидиям или иным прямым расходам. А при доказанной эффективности опыт может быть распространен на другие регионы в качестве лучшей практики и совершенствованию единой методологии.

Для оценки эффективности в первую очередь необходимо на высшем уровне решить проблему отнесения налоговых льгот и преференций к категории налоговых расходов, данный вопрос поднимался Счетной палатой, отмечались ошибки отнесения льгот к налоговым расходам при формировании перечней налоговых расходов [4].

Помимо выработки единой методологии важный вклад в совершенствование системы налоговых расходов должен внести мониторинг налоговых расходов на централизованном информационном ресурсе, где будут собираться данные о налоговых расходах всех уровней публичной власти. Таким ресурсом может выступить «Электронный бюджет» и его надстройка Единый портал бюджетной системы. Обеспечению прозрачности того, как государство использует налоговую систему для достижения целей развития и с точки зрения упущенных доходов, способствует качественная и своевременная отчетность о налоговых расходах. Распределение налоговых расходов по целям государственных программ оказывает значительное влияние на повышение экономической эффективности регионов, однако отсутствие открытых данных [7] у ряда регионов

сокращает возможности проведения полной и достоверной оценки эффективности предоставления налоговых расходов.

Научный руководитель: Демидова С.Е. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС Гарант.
2. Балынин И.В. Финансовая поддержка отечественных производителей в контексте достижения национальных целей развития Российской Федерации: ключевые проблемы и предложения по их решению // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 317–339.
3. Информация о налоговых расходах субъектов Российской Федерации. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=300477-informatsiya_o_nalogovykh_raskhodakh_subektov_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 07.07.2023).
4. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ внедрения концепции налоговых расходов в бюджетный процесс Российской Федерации в 2019–2021 годах и истекшем периоде 2022 года». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ef7/p7hok6uxhil03flxxwtrw4cgirv8w3nck.pdf> (дата обращения: 05.08.2023).
5. Демидова С.Е. Оценка структуры и динамики налоговых расходов федерального бюджета в контексте достижения социально-экономических целей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9. – № 2 (34). – С. 178–193.
6. Попова Е.М., Гусейнова Г.М. Совершенствование методологической базы по идентификации налоговых расходов // Финансы и управление. – 2020. – № 1. – С. 23–37.
7. Вершило Т.А. Налоговые расходы публично-правового образования как средство эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях становления цифровой экономики (правовой аспект) // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 3 (57). – С. 107–113.

Analysis of Compliance of tax Expenditures with the Goals of Socio-Economic Policy on the Example of the Central Federal District

Alterman A.A., Bernikova A.M.

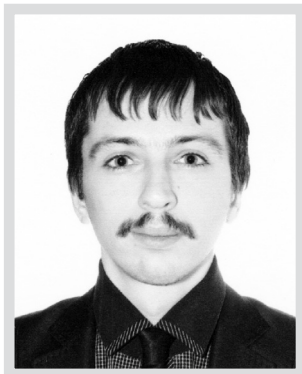
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The purpose of the article is to analyze tax expenditures as a tool for implementing state programs that contribute to achieving socio-economic development goals. The dynamics and volumes of tax expenditures depend on a number of internal and external factors, but the financial policy and policy in the field of tax expenditure management are of particular importance. The use of various tax preferences within the framework of the implementation of state programs contributes to their effectiveness, provided that they meet the goals and evaluation.

Key words: government programs, tax expenditures, tax benefits, socio-economic development, strategic planning

УДК 336.1

Факторы развития негосударственного социального обеспечения***Балынин И.В.**

Кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

В статье автором представлены результаты группировки факторов развития негосударственного социального обеспечения на традиционные и современные с указанием конкретных векторов воздействия.

Ключевые слова: национальные цели, социальное обеспечение, негосударственное социальное обеспечение, социальная защита, стратегия

В последние годы в научной литературе взят тренд на изучение вопросов реализации ответственной бюджетной политики [1; 2], предполагающей важность повышения качества жизни населения [3; 4]. В свою очередь, это требует формирования концепции регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств [5]. Одно из решений – развитие негосударственного социального обеспечения (далее – НСО).

Факторы, оказывающие влияние на развитие НСО, следует разделить на два больших направления: традиционные и современные.

К числу групп традиционных факторов следует отнести такие, как макроэкономические, социально-экономические, институциональные, социально-демографические и политико-экономические.

Так, к макроэкономическим факторам относятся: темпы роста валового внутреннего продукта, уровень отраслевой дифференцированности экономики, темпы роста объёмов платежеспособного спроса. В случае наличия положительных темпов роста валового внутреннего продукта обеспечивается экономический рост, тем самым создаются предпосылки для роста инвестиций в экономику (в т.ч. внешних), а также расширяются возможности по росту рабочих мест (тем самым формируются предпосылки для расширения объёмов платежеспособного спроса): это способствует росту привлекательности различных компаний, потенциально являющихся объектами инвестирования для институтов НСО. В свою очередь, отраслевая дифференцированность

экономики позволяет более эффективно управлять потенциальными рисками за счёт увеличения гипотетически привлекательных направлений вложения денежных средств институтами НСО, что в конечном счёте позитивно отражается на их реальной и потенциальной финансовой устойчивости и тем самым обеспечивает рост уровня привлекательности со стороны вкладчиков и участников.

В свою очередь, к социально-экономическим факторам следует отнести уровень занятости населения, уровень средних заработных плат, уровень медианных заработных плат, наличие положительной динамики реальных заработных плат, уровень дифференциации заработных плат (например, на основе коэффициента Джинни). Представляется, что уровень доходов населения является одним из ключевых факторов, влияющих на развитие НСО, т.к. личное желание гражданина по формированию дополнительной защиты на случай наступления того или иного социального события должно иметь конкретное финансовое подкрепление для осуществления периодических (для формирования надёжной «подушки безопасности») желательных ежемесячных взносов. Таким образом, в случае если объёмы доходов населения обеспечивают удовлетворение гражданами своих базовых потребностей и уплату обязательных платежей, то у него нет объ-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

активных возможностей для осуществления каких-либо взносов для участия в НСО. В данном случае одним из вариантов его развития является корпоративное социальное обеспечение, однако, маловероятно, что оно будет применимо для групп граждан с небольшим уровнем заработных плат. Так, если работодатель имеет возможность увеличить объём расходов на своих работников, то в условиях невысоких заработных плат он, вероятнее всего, выберет именно данный вариант. Более того, граждане также будут заинтересованы именно в увеличении своих заработных плат, а не потенциальной дополнительной защите при наступлении социальных событий, предусмотренных соответствующим видом НСО.

К институциональным факторам прежде всего относится количество организаций, реализующих модели НСО, а также уровень их финансовой устойчивости. Следует отметить, что при небольшой конкуренции на данном рынке одновременно могут создаваться, с одной стороны, предпосылки к ограничению входа других игроков (а следовательно, требуется соответствующая дополнительная работа со стороны антимонопольных служб государств), а с другой стороны, недостаточная выгодность схем для потенциальных участников НСО (что без государственного прямого и косвенного вмешательства также невозможно преодолеть).

Особое значение необходимо уделять оценке концентрации соответствующих институтов негосударственного социального обеспечения. Так, например, в России по итогам 1 квартала 2023 г. доли обязательств ТОП-5 негосударственных пенсионных фондов в рамках накопительного компонента обязательного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения составляют 78 и 77 % соответственно [6].

Говоря об уровне финансовой устойчивости институтов НСО, следует отметить, что при наличии негативных показателей и тем более в случае их банкротств будет формироваться недоверие со стороны потенциальных вкладчиков и участников НСО, тем самым оказывая дополнительное сдерживающее влияние как на уровень развития данных институтов, так и на формирование возможностей по дополнительным социальным гарантиям для населения.

Ещё один институциональный фактор – уровень развития финансового рынка. Так, наличие широких возможностей в части объектов размещения имеющих в распоряжении физического лица денежных средств как минимум позволяет обеспечить рост уровня финансовой устойчивости института НСО. При этом следует отметить, что рост развития НСО будет оказывать положительное влияние на дальнейшее развитие финансового рынка и увеличение привлекательности разных финансовых инструментов.

Социально-демографическая группа факторов включает такие показатели, как продолжительность

жизни населения и половозрастная структура населения. Так, продолжительность жизни населения имеет огромное значение для эффективности моделей НСО, т.к. чем выше период получения пенсионных выплат, тем больший объём средств должен быть сформирован к достижению пенсионного возраста либо размер последующих выплат будет ниже. Особое внимание следует обратить на необходимость изучения гендерных различий в продолжительности уровня жизни при обосновании периода получения пенсионерами соответствующих социальных выплат. Более того, важно обращать внимание и на отдельные факторы, устойчиво способствующие увеличению/сокращению продолжительности жизни: например, трудовая деятельность в отдельных профессиях стимулирует развитие хронических заболеваний или сопряжена с высоким риском для жизни. Данные факты должны обязательно учитываться при оценке будущих финансовых потоков в рамках организации НСО. Структура населения также влияет на эффективность функционирования схем НСО, т.к. они должны обязательно учитывать не только общую продолжительность жизни населения, но и гендерную дифференциацию. Например, в Российской Федерации достаточно большая разница в продолжительности жизни мужчин и женщин, без учёта которой модели НСО не будут эффективно функционировать.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что на указанные выше факторы будут воздействовать и иные социальные процессы, в частности, миграция населения. Причём данное воздействие может быть как положительным, так и отрицательным. Например, в случае массового оттока граждан трудоспособного возраста за границу возникают предпосылки к сокращению востребованности программ НСО ввиду уменьшения числа представителей соответствующей целевой аудитории. В свою очередь, массовый приток граждан других стран, обусловленный реализацией их запроса на получение большего объёма доходов за свой труд, не будет оказывать серьёзного позитивного влияния на рост востребованности программ НСО ввиду желания данной категории граждан максимизировать объём ликвидной части своих финансовых ресурсов.

Группа политико-экономических факторов, влияющих на эффективное функционирование моделей негосударственного социального обеспечения, включает в себя наличие и содержание (виды, формы, объём социального обеспечения, условия его осуществления) государственного социального обеспечения, предсказуемость государственной политики в области государственного и негосударственного социального обеспечения, использование мер стимулирования граждан к участию в НСО. Причём если государство гарантирует не только минимальный уровень социальной защиты посредством ока-

зания государственной социальной помощи, но и формирует системы государственного социального страхования, то не возникает предпосылок к формированию запроса граждан на иные механизмы своей защиты на случай наступления того или иного социального события. Данная проблема подтверждается и исследованиями Международной организацией труда [7]. Это оказывает усиленное негативное воздействие на развитие НСО при условии, если в рамках государственных схем не предполагается финансовое участие граждан при формировании их прав на социальные выплаты в случае наступления соответствующих социальных событий.

Например, в Дании, стране с наибольшим (среди стран Организации экономического сотрудничества и развития) уровнем развития НСО (в части личных пенсионных планов), активно используются налоговые меры стимулирования граждан к заключению соответствующих договоров. Однако необходимо иметь в виду, что любые меры стимулирования (предоставления налоговых льгот, софинансирование осуществляемых гражданами и их работодателями взносов) требуют использования бюджетных средств, что увеличивает нагрузку на федеральный (центральный) бюджет в соответствующем государстве. В качестве особого политико-экономического фактора, обеспечивающего стимулирование развития негосударственного социального обеспечения, является наличие государственных гарантий сохранности денежных средств.

Следует согласиться также с отмечаемым в научной литературе мнением о том, что пенсионное обеспечение не является задачей первичной важности для организаций [8], поэтому без государственного стимулирования развития негосударственных моделей социального обеспечения невозможно обеспечить их функционирование.

Предсказуемость изменений параметров систем государственного и негосударственного социального обеспечения влияет следующим образом: в случае постоянных корректировок снижается доверие населения, т.к. граждане могут проявлять осторожность в использовании инструментов НСО, предпочитая этому иные варианты управления своими финансовыми ресурсами. В связи с этим представляется целесообразным проведение изменений не чаще одного раза в 20-30 лет с обязательным предварительным информированием населения.

На эффективность функционирования НСО оказывает влияние наличие государственных гарантий сохранности средств в институтах негосударственного социального обеспечения (например, в Российской Федерации пенсионные накопления граждан и средства в рамках программы долгосрочных сбережений гарантируются Агентством по страхованию вкладов, а в США – корпораций гарантирования

пенсионных выплат, в Великобритании – Регистратором пенсионных схем).

Группами факторов в рамках современного направления являются такие, как уровень финансовой грамотности населения и степень цифровизации социально-экономических процессов. Проблема низкого уровня финансовой грамотности оказывает прямое и косвенное сдерживающее влияние на развитие НСО: так, первое сопряжено с отсутствием понимания у населения преимуществ использования НСО для своей защиты, а второе связано как с тем, что низкий уровень финансовой грамотности гражданина зачастую сопряжен с невысоким уровнем его дохода (тем самым формируются серьезные ограничения для возможности участия в схемах НСО), так и с высоким уровнем доверия данной категории граждан к различным мошенническим схемам (что приводит в моменте к потере имеющихся небольших денежных средств, а с течением времени – к формированию устойчивого недоверия к негосударственным институтам).

Высокий уровень цифровизации социально-экономических процессов обеспечивает решение проблем, вызванных влиянием большинства из указанных выше факторов, тем самым по своей сути выступает самостоятельным фактором. Так, в частности, благодаря цифровизации обеспечивается решение задачи по повышению открытости данных как о конкретном виде НСО, появляются возможности для доведения информации до большего количества потенциальных участников схем НСО.

В заключение отметим, что, конечно, при оценке развития моделей НСО в конкретном государстве невозможно говорить о влиянии только какого-либо одного направления факторов, т.к. в настоящее время они оказывают своё воздействие комплексно, в том числе максимизируют возникновение конечного эффекта (как положительного, так и отрицательного) по мультипликативной спирали. Также возможны варианты возникновения нейтрального конечного эффекта ввиду взаимного воздействия данных факторов.

Литература:

1. Соляникова С.П. Надлежащая бюджетная политика для меняющейся экономики // Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 6–15.

2. Соляникова С.П. Ответственная бюджетная политика в социальной сфере: проблемы разработки и реализации // Экономика. Налоги. Право. – 2015. – № 5. – С. 45–51.
3. Сергиенко Н.С. Финансовое обеспечение нацпроектов по повышению качества жизни населения // Калужский экономический вестник. – 2019. – № 3. – С. 30–33.
4. Сергиенко Н.С., Велиханов М.Т., Фатиева С.А. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 108–115.
5. Дорофеев М.Л. Современная концепция регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2022. – № 57. – С. 45–60.
6. Банк России. Обзор ключевых показателей НПФ. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45038/review_npf_23Q1.pdf
7. Международный опыт организации системы социальной помощи на примере пяти стран. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_344667.pdf
8. Белобабченко М.В., Лубягина Д.В. Тенденции и перспективы развития корпоративного пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 63–70.

Factors of Development of Non-State Social Security

Balynin I.V.

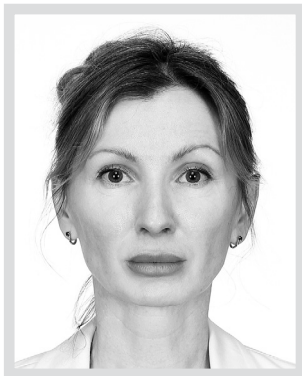
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

In the article, the author presents the results of grouping the factors of development of non-state social security into traditional and modern ones, indicating specific vectors of impact.

Key words: national goals, social security, non-state social security, social protection, strategy

УДК 336

Оценка системы управления налоговыми расходами бюджетов субъектов Федерации***Демидова С.Е.**

Кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Цель статьи – провести оценку системы управления налоговыми расходами субъектов Российской Федерации. В условиях ограниченности объема бюджетных ресурсов, вызванных внешними и внутренними факторами, эффективное управление налоговыми расходами может обеспечить увеличение доходов бюджетов, с одной стороны, и социально-экономические эффекты, с другой стороны. Ключевыми проблемами на субфедеральном уровне являются различия в институциональной структуре, методиках оценок, сроках, планировании налоговых расходов. Отмечается недостаточный уровень прозрачности, отсутствие единого информационного ресурса.

Ключевые слова: налоговые расходы, налоговые льготы, бюджетная эффективность, бюджет, упущенная выгода

Эффективное использование ограниченных государственных ресурсов требует тщательного управления любыми видами бюджетных расходов, включая налоговые расходы. Систематическая оценка влияния налоговых расходов на достижение программных, социально-экономических целей позволяет управлять доходами и расходами бюджетов, своевременно принимать меры при недостижении требуемых результатов. Под оценкой в широком смысле понимается процесс, направленный на систематическое информирование заинтересованных лиц о желательности введения или сохранения конкретных налоговых льгот путем сбора и анализа доступной количественной и качественной информации об их эффектах [1]. Основная функция налоговой системы заключается в сборе доходов, необходимых для финансирования бюджетных расходов. Особенностью налоговых расходов как фискального инструмента является целевой характер, т.е. введение определенных льгот и преференций связано с достижением конкретных социально-экономических параметров в определенной отрасли, сфере, группе бенефициаров. Таким образом, намеренно отказываясь от части налоговых поступлений, правительство отказывается от какой-то части налоговых доходов с расчетом

компенсировать сегодняшние потери в будущем, но при условии достижения поставленных целей. Уязвимости в системе управления налоговыми расходами могут привести к коррупционному поведению, снижая налоговую ответственность вследствие убежденности, что льготами могут воспользоваться избранные получатели [1]. При отсутствии эффективной системы управления налоговыми расходами простое увеличение налоговых льгот может привести к существенным потерям бюджета и снижению прозрачности [2]. Так, на федеральном уровне 18–24 % налоговых расходов не распределены по государственным программам [3], что может свидетельствовать о неурегулированности в рассматриваемой системе.

Элементы управления налоговыми расходами в той или иной степени регламентированы бюджетным законодательством и нормативными правовыми актами, однако проблема методологического единства продолжает быть актуальной [4; 5], особенно на субфедеральном уровне, учитывая неоднородность развития регионов и готовность управленческих кадров.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

За 2018–2021 гг. в России произошло увеличение налоговых расходов как в количественном выражении, так и относительно общей суммы налоговых льгот (рис. 1).

Увеличение налоговых расходов может вызвать следующие негативные тенденции в налоговой системе: усложнение системы налогов и сборов; снижение доверия к налоговой системе, в связи с постоянными изменениями; падение уровня прозрачности, в том числе из-за усложнения системы; повышение уровня регрессивности налогообложения; пересекающиеся налоговые льготы; повышение административных издержек по учету плательщиков, претендующих на налоговые послабления; прямые потери бюджетных доходов; перенос налоговой нагрузки (на другие категории плательщиков и/или другие налоги).

Под системой управления налоговыми расходами будем понимать совокупность взаимосвязанных элементов и процедур, обеспечивающих вовлеченность целевых налоговых льгот и преференций в бюджетный процесс.

Модельные элементы и процедуры включают последовательность шагов: выработку подхода к определению базовых характеристик налогов и выделение категории «налоговый расход»; интеграцию налоговых расходов в бюджетный процесс через формирование нормативно-правового поля; наделение полномочиями по вопросам налоговых расходов соответствующих органов власти, а также создание коллегиального органа. Обязательные процедуры включают ведение перечня (реестра) налоговых расходов, проведение оценки налоговых расходов на основе утвержденных методик, публикацию информации о налоговых расходах на регулярной основе, мониторинг и контроль.

Субъектами системы управления налоговыми расходами являются: финансовые и налоговые органы, иные уполномоченные органы, кураторы налоговых расходов (главные распорядители бюджетных средств). На кураторов налоговых расходов возложены полномочия по определению соответствия налоговых расходов целевым установкам, отраженным в государственных программах или иных документах, включающих социально-экономические цели. Кураторы ответственны за процедуры подготовки па-

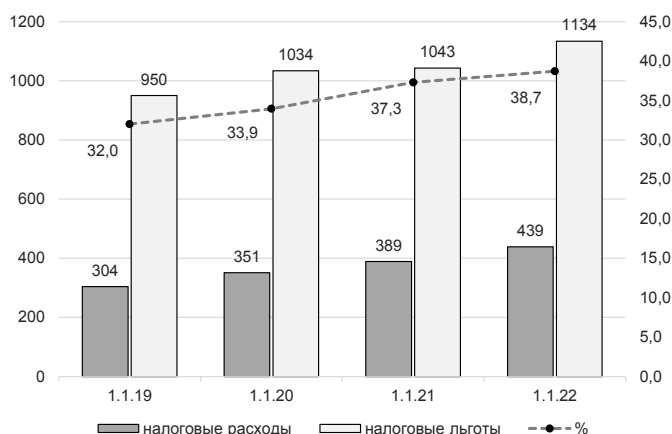

Рис. 1. Динамика налоговых расходов и налоговых льгот РФ по состоянию на первое января финансового года, 2019-2022 гг., ед. (левая шкала) и % (правая шкала)

Источник: составлено автором на основе [6].

спортов налоговых расходов (которые раскрывают нормативные, целевые и фискальные характеристики налогового расхода), разработку методик оценки налоговых расходов [7].

Механизм взаимодействия субъектов и сроки при проведении оценки эффективности налоговых расходов представлены на рисунке 2.

Несмотря на сформированность общего контура механизма оценки эффективности налоговых расходов, остаются актуальными проблемы межрегиональных отличий в практике внедрения механизма, недоформированности отдельных элементов системы управления налоговыми расходами, нарушение процедур. Одним из индикаторов качества управления налоговыми расходами можно считать уровень соответствия планируемых и фактических налоговых расходов. В связи с этим автором был проведен анализ плановых и фактических налоговых расходов по субъектам Российской Федерации.

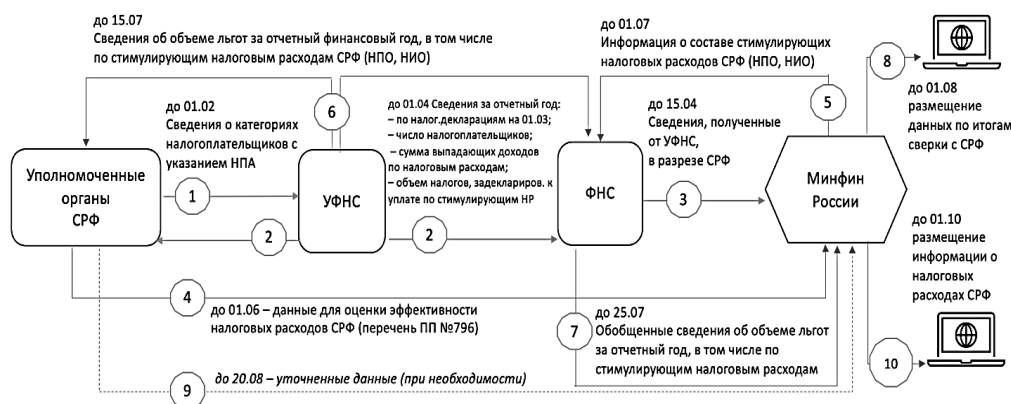

Рис. 2. Механизм взаимодействия органов власти и ведомств при проведении оценки эффективности налоговых расходов субъектов РФ

Сокращения: СРФ – субъекты Российской Федерации, УФНС – Управление Федеральной налоговой службы, ФНС – Федеральная налоговая служба, ПП – Постановление Правительства Российской Федерации, НПА – нормативные правовые акты, НПО – налог на прибыль организаций, НИО – налог на имущество организаций, НР – налоговые расходы.

Источник: составлено автором на основе [8].

В отдельных регионах разрыв между показателями оценивается в сотни процентов (рис. 3).

В выбранных регионах информация о плановых значениях налоговых расходов была представлена на сайтах региональных органов власти, фактические значения были получены с официального сайта Минфина России. Проведенный анализ показал, что отклонение фактических налоговых расходов субъектов Российской Федерации от плановых показателей в Республике Калмыкия составляет 527 %, по Тульской области – 316 %, по Забайкальскому краю – 285 %, по Вологодской области – 17 %, по Республике Алтай – 117 %, Кировской области – 116 %, Челябинской области – 113 %.

Для оценки качества планирования налоговых расходов экспертно была сформирована шкала отклонений (по модулю). Так, при высоком уровне планирования отклонение между планируемыми и фактическими налоговыми расходами может составлять до 20 %, при среднем уровне планирования – до 50 %, при низком уровне планирования – до 100 %, критическое качество планирования – отклонение свыше 100 %.

Таким образом, из рассмотренных 32 регионов у семи регионов фактические значения по налоговым расходам за 2021 г. превысили плановые суммы более чем на 100 %, что соответствует критическому качеству планирования. Также у семи регионов качество планирования является низким. Лишь девять регионов могут быть отнесены к группе с высоким качеством планирования налоговых расходов.

В связи с выявленными отклонениями целесообразно внедрить в систему управления налоговыми расходами элемент предварительной оценки налоговых льгот и преференций с обязательным представлением предоценки в представительный орган вместе с правовым актом о введении налоговой льготы или преференции. На этапе предоценки также необходимо обосновать взаимосвязь налоговой льготы с целями (программными или иными социально-экономическими приоритетами), представить показатели для оценки влияния налоговых расходов на достижение целей, а также сформировать и предложить критерии эффективности налогового расхода.

Сегодня отсутствует возможность сопоставления эффективности налоговых расходов, действующих в различных субъектах федерации и, тем более, на местном уровне. Причина в отсутствии системы автоматизированной оценки эффективности. Содержательное наполнение информационной системы требует разработки единых форм отчетности, алго-

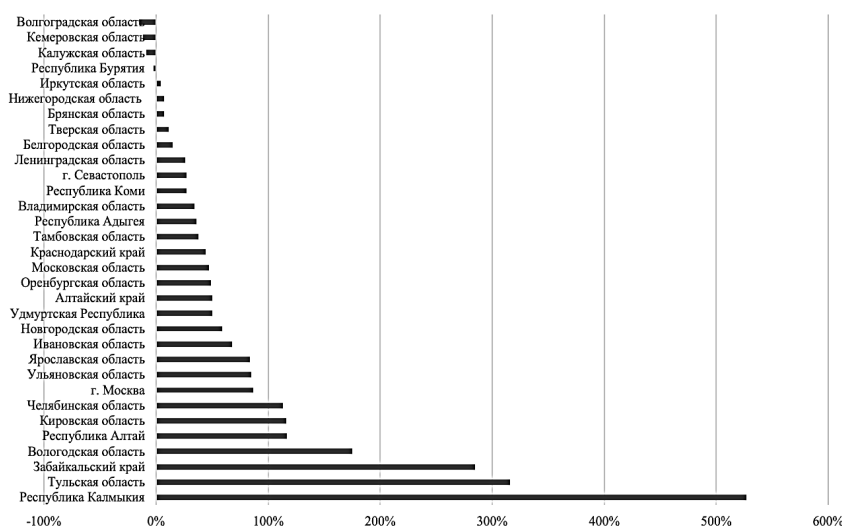

Рис. 3. Отклонения фактических налоговых расходов субъектов РФ от плановых показателей, 2021 г., %

ритмов принятия решений по отмене или использовании налоговых льгот (преференций). Технологические решения могут быть внедрены с помощью ресурсов единой централизованной платформы «Гостех». Использование единой информационной системы обеспечит создания «банков данных» по методикам оценки «схожих» налоговых расходов, обеспечит оперативность принятия решений по исключению из перечня налоговых расходов утрачивших в текущем году налоговых льгот и преференций, повысит качество планирования налоговых расходов и прозрачность.

Литература:

1. Beer S., Benedek D., Erard B., Loeprick J. How to Evaluate Tax Expenditures. Reporting to Evaluation. International Monetary Fund. November 2022. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Fiscal-Affairs-Department-How-To-Notes/Issues/2022/11/How-to-Evaluate-Tax-Expenditures-525166> (дата обращения: 20.07.23).
2. Балынин И.В. Понятие и критерии оценки качества управления расходами бюджетов субъектов Федерации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 36 (318). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kriterii-otsenki-kachestva-upravleniya-rashodami-byudzhetrov-subektov-federatsii> (дата обращения: 21.04.2023).

3. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ налоговых расходов Российской Федерации в части вывозных таможенных пошлин и сборов, в том числе методологии оценки их эффективности». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/2bb/xfmwzhxg0au3ye1usgqm1bcwtpct0jdb.pdf> (дата обращения: 20.07.23).
4. Попова Е.М., Гусейнова Г.М., Милов С.Б. Интеграция концепции налоговых расходов в бюджетный процесс: зарубежный и отечественный опыт // *Налоги и налогообложение*. – 2019. – № 11. – С. 17–34.
5. Вершило Т.А., Шарандина Н.Л. Налоговые расходы публично-правового образования в системе доходов и расходов бюджетов // *Государство и право*. – 2021. – № 3. – С. 93–101.
6. Информации о нормативных, целевых и фискальных характеристиках налоговых расходов Российской Федерации // Официальный сайт Минфина России. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/raskhod/rf?id_65=300479-informatsiya_o_normativnykh_tselevykh_i_fiskalnykh_kharakteristikakh_nalogovykh_raskhodov_rossiiskoi_federatsii
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации муниципальных образований» // СПС Гарант.

Assessment of the tax Expenditure Management System of the Budgets of the Constituent Entities of the Federation

Demidova S.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The purpose of the article is to assess the tax expenditure management system of the subjects of the Russian Federation. In conditions of limited budget resources caused by external and internal factors, effective management of tax expenditures can ensure an increase in budget revenues, on the one hand, and socio-economic effects, on the other hand. The key problems at the sub-federal level are differences in the institutional structure, assessment methods, timing, and planning of tax expenditures. There is an insufficient level of transparency, the lack of a single information resource.

Key words: tax expenditures, tax benefits, budget efficiency, budget, lost profit

УДК 336.146

**Формирование и функционирование казначейской системы
управления публичными финансами западноевропейских государств:
национальная специфика и общие подходы**

Квасников В.А.Руководитель Управления Федерального казначейства
по Самарской области (Самара)

В работе на базе ретроспективного анализа и диалектического подхода определены этапы формирования и развития западноевропейских моделей управления публичными финансами, выявлена корреляционная зависимость возрастания роли и расширения полномочий казначейской службы от проявившейся тенденции усиления влияния государства на процесс регулирования всего комплекса социально-экономических отношений в обществе. На основании результатов ситуационного анализа текущего законодательства и прогнозирования автор даёт классификацию функций и полномочий казначейской службы ряда государств Европы и оценивают степень влияние казначейского сопровождения бюджетного процесса на эффективность и результативность управления государственными финансами, фиксируя при этом её ключевую роль в осуществлении государственной бюджетной политики на современном этапе социально-экономического развития. В статье отмечается необходимость использования позитивного международного опыта дальнейшей цифровизации и оптимизации бюджетного процесса.

Ключевые слова: публичные финансы, система финансового контроля, казначейское сопровождение, бюджетный процесс, полномочия и функции по управлению общественными финансами, контрольно-ревизионной деятельности

Публичные финансы являются неотъемлемой частью фундамента экономической системы всех без исключения современных стран и основным источником финансового обеспечения исполнения государством своих функций и социальных обязательств как перед отдельными гражданами, так и перед обществом в целом. При этом степень влияния власти на весь комплекс социально-экономических процессов, протекающих в обществе, в значительной мере предопределяется результативностью и эффективностью созданной в государстве модели контроля и управления публичными финансами, являющейся ключевым элементом единой системы государственного управления, основной задачей которого является снижение издержек и оптимизация бюджетного процесса, позволяющего его субъектам своевременно и в заявленных объемах получать не-

обходимые для бесперебойного функционирования средства.

Анализ деятельности по управлению публичными финансами ведущих западных экономик показал, что в современном мире отсутствуют как универсальная модель организации и деятельности казначейской системы, так и единая система казначейского исполнения бюджета, которые на национальном уровне имеют достаточно принципиальные различия в силу разницы в уровнях экономического потенциала стран, специфики государственного устройства и законодательной системы, также особенностей исторического и культурного развития. И хотя практически во всех странах специализированные государственные органы, отвечающие за бюджетный процесс, именуется «казначейством», диапазон их полномочий существенно различается

и варьируется от «минимума» в рамках чисто «технического» выделения средств в пределах утвержденного бюджета и невмешательства в процесс его исполнения до «максимума» в виде достаточно широких полномочий в вопросах планирования, контроля и наделения правами получателей бюджетных средств производить те или иных расходы.

В Великобритании, традиционно считающаяся старейшей демократией Запада, за формирование и исполнение государственного бюджета отвечает Казначейство Его Величества (*His Majesty's Treasury*), ведущее свою многовековую историю ещё от Нормандского завоевания Англии и начальном этапе занимавшееся только сбором феодальных податей. Однако по мере возрастания роли государства в социально-экономической жизни общества Казначейство Великобритании постепенно трансформировалось в ведущий департамент Правительства, фактически исполняющий роль министерства финансов и обладающий достаточно широкими и ключевыми полномочиями в реализации всех этапов бюджетного процесса. Казначейство Его Величества прогнозирует состояние государственных финансов в целом и исполнение бюджета, в частности, несет ответственность за подготовку проекта бюджета и сбор налогов, управляет государственным долгом, контролирует все расходы правительства и определяет методологию и требования предъявляемые к порядку представления финансовой отчетности, осуществляет оперативное руководство финансовой и экономической политикой страны. Кроме того, британское Казначейство осуществляет контроль за исполнением региональных и местных бюджетов, активно влияя на вопросы определения объемов заимствований, уровень ставок и формирование перечня местных налогов, установление которых Конституцией *УК* в рамках англо-саксонской модели отнесено к компетенции местного самоуправления.

Во главе Казначейства Его Величества с 1714 г. формально стоит Комиссия Казначейства во главе с Первым лордом, однако по факту всей текущей работой руководит канцлер, официально именуемый Второй лорд казначейства. Штаб-квартира британского казначейства расположена в Лондоне с двумя отделениями в городах Норидж и Эдинбург. На сегодняшний день Казначейство Его Величества состоит из Департамента бюджета и государственных финансов, Департамента управления финансами, Департамента финансового регулирования и промышленности, Департамента макроэкономической политики и международных финансов и Департамента государственной службы [1].

Технически кассовое исполнение государственного бюджета Соединенного Королевства осуществляется по двум основным финансовым каналам: через счет Консолидированного фонда и счет На-

ционального фонда займов. Источником формирования Консолидированного фонда более чем на 95 % являются налоговые поступления, а расходы делятся на «условно постоянные» (не рассматриваемые парламентом) и «условно переменные» (ежегодно проходящие процедуру утверждения высшим законодательным органом страны). К «условно постоянным» относятся издержки по обслуживанию государственного долга, а к «условно переменным» – расходы на здравоохранение, национальную безопасность и оборону, образование, промышленность и т.д. При этом средства со счета Консолидированного фонда могут выделяться исключительно с санкции Парламента и данный процесс достаточно жестко традиционно контролируется Палатой общин, учредившей для этого специальную должность Контролера и генерального аудитора. Однако функцию управления расходами парламент делегировал Казначейству.

В свою очередь, доходная часть Национального фонда займов формируется за счет доходов от предоставляемых британским Казначейством долгосрочных кредитов, доходов от размещения временно свободных бюджетных финансовых средств, прибыли эмиссионного департамента Банка Англии и средств, выделенных парламентом из Консолидированного фонда на обслуживание государственного долга. Конкретный перечень поддержанных бюджетом проектов и сфер использования средств Национального фонда займов определяется Казначейством *УК* самостоятельно с учетом сложившейся социально-экономической конъюнктуры, но они, как правило, расходуются на обслуживание и погашение государственного долга, долгосрочное кредитование государственных корпораций и местных органов власти.

Кроме того, британское Казначейство управляет финансовыми активами государства в виде акций государственных предприятий или акций публичных компаний, в которых государство владеет контрольным пакетом. Как уполномоченный представитель государства Казначейство участвует в собраниях акционеров, ведет реестр акций, оценивает финансовое состояние и прогнозирует дальнейшее развитие каждого предприятия, определяет дивидендную политику и дает оценку перспективам приватизации.

Таким образом, можно с уверенностью сделать вывод о том, что Казначейство Его Величества играет ключевую роль в экономике Великобритании, отвечает за все аспекты бюджетного процесса (включая кадровые) и можно согласиться с мнением ряда авторов о том, что «Британское казначейство осуществляет почти полный контроль за экономической политикой и управлением бюджетом за исключением ревизионных функций, которые возложены на национальное ревизионное управление, подотчетное непосредственно парламенту» [2, с. 87].

Достаточно длительный путь эволюции прошла и казначейская система другой экономически развитой страны Запада – Франции. Национальное казначейство здесь было создано в 1806 г. и до 1914 г. именовалось «кассой обслуживания», затем Управлением движения фондов, а с 1940 г. – Управлением Казначейства. На сегодняшний день полномочия по исполнению государственного бюджета в стране возложены на Министерство бюджета государственных счетов и гражданской администрации Французской Республики, созданное в 2007 г., в состав которого входит Главное управление по учету государственных финансов или Казначейство Франции. В стране функционирует двухуровневая бюджетная система, разделяющая публичные финансы на государственный бюджет и бюджеты местных органов власти, которая и предопределила принципы функционирования национальной казначейской системы и её организационную структуру, включающую в себя Главное управление государственных финансов или Государственное казначейство и подчинённое непосредственно министру в статусе департамента агентство *France Tresor (AFT)* [3].

Работой Государственного казначейства руководит генеральный директор, в подчинении которого находится как центральный аппарат, так и генеральные казначеи регионов с территориальными подразделениями на местах, что позволят создать единую вертикально интегрированную систему исполнения государственного бюджета. Сбор как федеральных, так и местных налогов осуществляют органы Государственного казначейства, и все издержки по их администрированию полностью ложатся на центральной власти, при этом доходы от оказания платных услуг напрямую зачисляются на лицевые счета коммун. В дальнейшем, руководствуясь принципом единства кассы, все налоговые поступления, а также все имеющиеся в наличии бюджетные средства государства и его административно-территориальных единиц консолидируются на едином доходно-расходном казначейском счете, открытом в Банке Франции, в ежедневном режиме отражающем все движения денежных средств государства и его кореспондентов. Расходование бюджетных средств с единого счета осуществляется через систему заявок бюджетополучателей на санкционирование оплаты, которые обрабатываются территориальными органами казначейства Франции. Местные органы власти, являясь распорядителем средств соответствующих бюджетов, осуществляют свои расходы в рамках утвержденных бюджетов под контролем Государственного казначейства Франции.

Кроме того, в рамках проведения административной реформы в 2008 г. и упразднения Главного налогового управления его функции в полном объеме были переданы Государственному казначейству Франции. С этого времени Казначейство стало рассчитывать и

контролировать налоговые декларации, разрабатывать законодательство в области налогообложения и сделок с недвижимостью, осуществлять расходы и вести учет операций с финансами государства, его учреждений и местных органов власти, а также управлять государственным имуществом, что существенно повысило роль и статус национальной казначейской службы в общей системе органов исполнительной власти страны. Казначейство Французской Республики имеет весьма значительные полномочия в сфере государственной инвестиционной политики, т.к. именно его подразделение принимает решения о регистрации на территории страны иностранных компаний, анализируя заявки потенциальных инвесторов с точки зрения соответствия интересам государства и субъектов национальной экономики.

При этом необходимо отметить, что в отличие от Великобритании непосредственно Государственное казначейство Франции отстранено от процесса управления государственным долгом и этим призвано заниматься хотя и «родственное», но независимое агентство AFT, отвечающее за обеспечение постоянного кредитного сальдо центрального единого казначейского счета, рациональное и эффективное использование находящихся на нем временно свободных финансовых средств.

Несколько иным путем в формировании национальной бюджетной системы пошла Италия, где на сегодняшний день за бюджетный процесс отвечает Министерство экономики и финансов (*Ministero dell'Economia e delle Finanze*) [4], которое в 2001 г. «поглотило» до этого самостоятельное Министерство казначейства, бюджета и экономического планирования, понизив статус отвечающего за бюджет национального государственного органа до уровня департамента (*Dipartimento del Tesoro – DT*). Однако полномочия Департамента бюджета достаточно ограничены и в процессе исполнения бюджета задействованы не только три других департамента Министерства, но и ЦБ Итальянской Республики, который совместно с *DT* «осуществляет управление денежными средствами федерального бюджета, включая контроль за поступлениями и выплатами по счетам федерального правительства в банковской системе» [5]. Бюджетный департамент формирует общую государственную политику в сфере казначейства и определяет регламент работы финансово-банковской системы в государственном секторе. За выработку политики и методологии по начислению и сбору доходов бюджета несет ответственность уже Департамент финансов, который через четыре своих агентства (поступлений, территориальное, имущественное и таможенное) осуществляет всю операционную деятельность по сбору доходов. Самый крупный по численности и имеющий разветвленную сеть территориальных органов на местах Департамент генеральной бух-

галтерии государства не только разрабатывает по кассовому принципу государственный бюджет, но и контролирует правомерность и целевое использование его средств всеми без исключения участниками бюджетного процесса, перманентно осуществляя контрольную деятельность как на уровне центральной власти, так и на территориях страны.

Бюджетный счет или ЕКС правительства и все бюджетные счета региональных и местных органов власти в соответствии с законодательством могут быть открыты исключительно в ЦБ Итальянской Республики, который обслуживает их на частично возмездной основе. При этом ЦБ на основании ежегодно пролонгируемого соглашения с правительством, выплачивает последнему проценты к фактическому остатку средств на ЕКС по состоянию на конец каждого операционного дня. Все кассовые расходы за счет средств общегосударственного бюджета осуществляются с единого казначейского счета на основании заявок субъектов бюджетного процесса и в момент фактического исполнения в режиме «онлайн» отражаются в единой информационной системе. В Италии отсутствует практика размещения временно свободных бюджетных средств на рынке и эти средства сразу же направляются на снижение размера государственного долга и сокращение бюджетного дефицита. Счета по учету средств региональных и местных бюджетов могут быть открыты в уполномоченных коммерческих банках, отобранных на конкурсной основе представителями властей регионов и муниципалитетов. За получением бюджетных кредитов региональные и местные органы власти обращаются напрямую в ЦБ Итальянской Республики и в специализированную организацию – кассу депозитов и кредитов.

Таким образом, можно сказать, что в Италии ответственным за бюджетный процесс является не один какой-то орган государственного управления, а эти полномочия возложены на несколько ведомств и организаций, при доминирующей роли Министерства экономики и финансов и ЦБ страны [6].

Несмотря на определенные различия и национальную специфику казначейской системы в анализируемых в данной работе странах, на наш взгляд, также необходимо отметить общие черты и тенденции их развития. К ним относятся:

1. Все национальные казначейские системы наделены общепринятым «минимумом» полномочий в процессе исполнения бюджета – «получение полной, своевременной и точной информации по всем поступлениям и выплатам по бюджетным счетам и надлежащий контроль текущих операций» [7, с. 79; 8].

2. К основным функциям казначейства в ведущих странах мира можно отнести:

«– управление наличностью, включая контроль за поступлениями и выплатами по счетам в банковской системе;

– краткосрочное финансовое планирование;
– управление государственным долгом и долговыми гарантиями;
– управление финансовыми активами и обязательствами, включая пакеты акций государственных предприятий;
– исполнение бюджета по доходам (сбор поступлений);
– исполнение бюджета по расходам;
– бюджетный контроль;
– операции с внебюджетными фондами;
– бухгалтерский учет;
– внутренний контроль и аудит;
– финансовый контроль региональных и местных органов государственного управления;
– обеспечение функционирования государственной финансовой информационной системы» [2, с. 88; 9].

3. Во всех странах все расчеты с получателями бюджетных средств осуществляются через единый казначейский счет, использование которого позволяет сделать бюджетный процесс максимально контролируемым и прозрачным для общества.

4. Наблюдается тенденция усиления контрольных полномочий национальных казначейств и стремление повысить уровень исполнительской дисциплины все субъектов бюджетного процесса на всех стадиях его исполнения.

Сегодня в России построена и функционирует собственная национальная казначейская система, которая «впитала» в себя наиболее позитивные элементы моделей казначейств многих государств. Но, как и любая структура, стремящаяся к укреплению своих позиций и развитию Казначейство РФ должно постоянно совершенствоваться и повышать эффективность своей деятельности. Одним из источников подобной позитивной трансформации российской казначейской службы могут стать результаты анализа исполнения государственного бюджета в экономически развитых странах и внедрение наиболее удачных управленческих решений в свою практику, что позволит в конечном итоге оптимизировать бюджетный процесс и более успешно реализовать заявленную миссию Казначейства РФ – «способствовать лидерству России по качеству управления общественными финансами во благо граждан» [10].

Литература:

1. Казначейство Его Величества. – URL: <https://www.gov.uk/>
2. Тамахина Е.А., Толстых Т.Н. Модели организации казначейств в ведущих странах мира // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 2(58). – С. 85–90.
3. Министерство экономики и финансов Франции. – URL: <https://www.economie.gouv.fr/>
4. Министерство экономики и финансов Италии. – URL: <https://www.mef.gov.it/>
5. Отчет об участии в двухсторонней встрече специалистов Министерства финансов Российской Федерации и Министерства экономики и финансов Итальянской Республики по вопросам планирования программного бюджета, управления доходами и организации бюджетного учета и отчетности. – URL: <https://pandia.ru/text/77/225/23489.php>
6. Егорова Ю.А. Модели организации казначейской системы исполнения бюджета в зарубежных странах // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 3 (2). – С. 258–262.
7. Дроздов О.И. Международный опыт казначейского управления государственными финансовыми ресурсами // Финансы и кредит. – 2007. – № 38 (278). – С. 79–81.
8. Дроздов О.И. Управление ликвидностью в процессе исполнения государственного бюджета // Казначейство: становление и развитие. – 2009. – № 9. – С. 23–26.
9. Гутник В., Оттнад А. Межбюджетные отношения в системе федерализма: германский вариант // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 1. – С. 66–74.
10. Федеральное казначейство официальный сайт Казначейства России. – URL: <https://roskazna.gov.ru/>

Formation and Functioning of the Treasury System of Public Finance Management in Western European States: National Specifics and General Approaches

Kvasnikov V.A.

Department of the Federal Treasury for the Samara Region (Samara)

Based on a retrospective analysis and a dialectical approach, the stages of formation and development of Western European models of public finance management are determined, the correlation dependence of the increasing role and expansion of the powers of the treasury service on the manifested tendency to increase the influence of the state on the process of regulating the entire complex of socio-economic relations in society is revealed. Based on the results of a situational analysis of current legislation and forecasting, the author classifies the functions and powers of the Treasury Service of a number of European states and assesses the degree of influence of treasury support of the budget process on the efficiency and effectiveness of public finance management, while fixing its key role in the implementation of state budget policy at the present stage of socio-economic development. The article notes the need to use positive international experience of further digitalization and optimization of the budget process.

Key words: public finance, financial control system, treasury support, budget process, powers and functions for public finance management, control and auditing activities

УДК 330.524

Объекты нематериальной собственности компаний**Колесникова Ю.С.**

Доктор экономических наук,
профессор кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Иванов С.Е.

Старший преподаватель кафедры сервиса и туризма
Поволжского государственного университета физической
культуры, спорта и туризма (Казань)

В статье проведен анализ структуры активов компаний за период 2017–2022 гг., которые обладают наиболее дорогими мировыми брендами по версии рейтинга Interbrand. Проведена оценка доли нематериальных активов, репутации и их суммарного показателя в структуре активов компании. Целью исследования было определение доли объектов нематериальной собственности компаний и выявление отраслевой принадлежности и характера деятельности наиболее нематериальных компаний. Полученные данные сравнены с аналогичными данными за период 2009–2015 гг., полученными по аналогичной методике. Это позволило сделать выводы о том, что: 1) прослеживается взаимосвязь между отраслевой принадлежностью компании и объемом нематериальной ее составляющей; 2) в 2017–2022 гг. наблюдается увеличение доли нематериальной составляющей компаний в основном за счет увеличения доли нематериальных активов компаний; 3) из числа нематериальных компаний ушли банки и значительно уменьшилось число производителей товаров роскоши. В Российской Федерации за период 2017–2021 гг. наблюдается общий рост нематериальных активов на 49,9 % по аналогичным направлениям деятельности.

Ключевые слова: объекты нематериальной собственности, нематериальный капитал, репутация, нематериальные активы компаний, капитализация, интеллектуальная собственность, бренд

Начиная с конца XX в. и по настоящее время происходит большое количество сделок по покупке и поглощению компаний, основной целью которых является получение доступа и контроля над объектами нематериальной собственности, т.е. нематериальным капиталом – это покупка бренда, технологий и т.д. При этом стоимость покупки может значительно превышать балансовую стоимость компании. Нематериальная собственность компаний капитализируется на их балансе как нематериальный актив или репутация, поэтому данные показатели

баланса служат индикаторами развития интеллектуальной составляющей конкретной компании. Анализ доли нематериального капитала в разрезе большого количества компаний представляет научный интерес, является актуальной темой для исследования. Для анализа нами была взята выборка компаний из рейтинга *Interbrand*, где проводили независимую оценку узнаваемости бренда компаний [1]. Данный выбор объясняется гипотезой о том, что данные компании имеют значительную нематериальную составляющую как минимум за счет

собственности маркетинговой природы – бренда, торговых марок, репутации и т.д. Была проведена оценка доли репутации, нематериальных активов и их суммарного объема (далее – нематериальная составляющая) в структуре активов компаний. Нами проведен данный анализ дважды за период 2009–2015 гг. и за период 2017–2022 гг.

По результатам анализа за период 2009–2015 гг. составлен рейтинг компаний, имеющих самую большую долю нематериальных активов и репутации. Кроме того, составлены рейтинги компаний с наибольшей долей нематериальных активов и репутации в отдельности. Анализ мировых брендов позволил выявить компании (бренды), лидирующие по объему нематериальных активов в 2015 г. – *Gucci, IKEA, Louis Vuitton, Budweiser, Gillette*. Объем нематериальных активов *Gucci* составлял около 50 % от общего объема активов. Если обратить внимание на отраслевую специфику, то пятерку лидеров представляли в основном производители товаров роскоши и товаров массового потребления. По доле репутации в структуре активов лидировали *SAP, Budweiser, Accenture, Pampers, Gillette, Facebook*. Самыми «нематериальными» компаниям, т.е. с наибольшей долей нематериальных активов и репутации, стали *Budweiser* – среди зарубежных компаний и *Mail.ru* – среди российских, с долей 70,4 и 86,6 % соответственно. Более подробно результаты данного исследования представлены в диссертации Ю.С. Колесниковой [2, с. 212–216].

Целью нашей работы в настоящее время было проведение аналогичного исследования за период 2017–2022 гг. и сравнение результатов с периодом 2009–2015 гг. Была проанализирована доля объектов нематериальной собственности в балансах 100 компаний рейтинга *Interbrand*. Наиболее «нематериальной» компанией стала *Philips*. Нематериальная составляющая компании в 2022 г. составила 95,98 %. В десятку лидеров вошли *Coca-Cola, GE, Budweiser, Colgate, Heineken, Gillette, IBM, Visa, Johnson & Johnson*. Таким образом, первенство сохраняется за производителями товаров массового потребления, высокотехнологичных товаров и ИТ. Рейтинг компаний по доле нематериальных активов в общей доле активов представлен на рисунке 1.

Примечательно, что отдельные банки вытеснены из рейтинга платежными системами, частично вытеснены и производители товаров роскоши. На банки в большей степени повлияли процессы централизации, а на производителях товаров роскоши – тенденции к разумному потреблению, расширение ресейл-платформ и уход из Российской Федерации

в связи с санкциями. Неизменно в рейтинге остаются производители товаров массового потребления, которые владеют множеством отдельных торговых марок, рецептурами и технологиями; производители высокотехнологичных товаров (*GE, Philips, Land Rover*) и компании, связанные с ИТ. Нами построен рейтинг компаний по доле репутации в структуре активов компаний (рис. 2).

Компании *Budweiser, L'Oreal Paris, IBM, Disney, Louis Vuitton, Gillette, Pampers* сохраняют свои лидирующие позиции по доле репутации в структуре активов в период 2009–2022 гг., наблюдаются частные изменения доли репутации, как правило, связанные с событиями и политикой самих компаний. Увеличение доли нематериальной составляющей компаний (например, до 95,98 % у *Philips*) происходит в основном за счет увеличения нематериальных активов, а не за счет репутации. Доля репутации среди лидеров по данному показателю упала в среднем на 10 % в сравнении с 2009–2015 гг., что, на наш взгляд, является позитивной тенденцией, т.е. рост активов происходит за счет объектов интеллектуальной собственности – лицензий, патентов, ноу-хау, а не за счет излишне переоцененной репутации.

Если проанализировать динамику и структуру нематериальных активов российских компаний с численностью более 15 чел., то можно увидеть, что в период 2017–2021 гг. размер нематериальных активов увеличился на 49,9 % и составил 2,058 млрд руб. по РФ (рис. 3).

Наибольший объем наблюдается в обрабатывающих производствах – 26,3 %, информатизации и связи – 14,5 % добыче полезных ископаемых – 11,7 % [3]. На рисунке 4 представлена структура

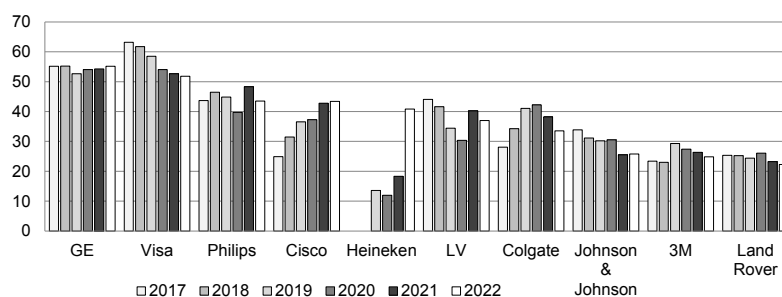

Рис. 1. Доля нематериальных активов в структуре активов баланса топ-10 компаний из рейтинга *Interbrand*, % [1]

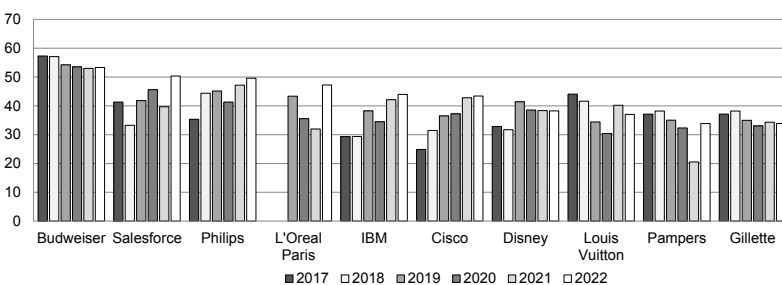

Рис. 2. Доля репутации в структуре активов баланса топ-10 компаний из рейтинга *Interbrand*, % [1]

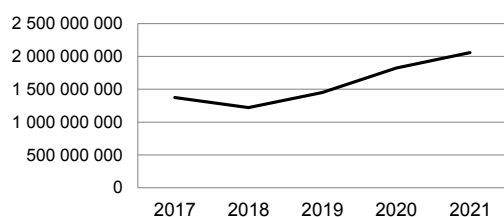

Рис. 3. Динамика нематериальных активов компаний в РФ в 2017–2021 гг., руб. [3]

нематериальных активов в Российской Федерации по видам экономической деятельности.

Причем прослеживается тенденция роста нематериальных активов в сельском хозяйстве и образовании и уменьшении в ИТ деятельности, что отражено на рисунке 5.

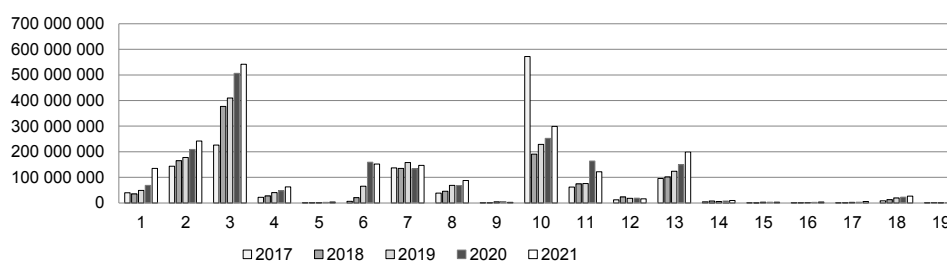
Доля нематериальных активов в общем объеме активов колеблется от 0,65 до 0,63 % в 2017–2022 гг., т.е. она возросла в 20 раз с 2016 г., аналогичный скачок наблюдался в 2009 г., в период с 2012 г. статистика по данному показателю ведется только для организаций с численностью персонала более 15 чел. (рис. 6).

Таким образом, прослеживается взаимосвязь между отраслевой принадлежностью компании и объемом нематериальной ее составляющей, в 2017–2022 гг. наблюдается увеличение доли нематериальной составляющей компаний в основном за счет увеличения доли нематериальных активов компаний. Наибольшая нематериальная составляющая для зарубежных компаний присуща производителям товаров массового потребления, где узнаваемость бренда выступает одним из основных конкурентных преимуществ, ИТ-компаниям и высокотехнологичным производителям, которые обладают объектами интеллектуальной промышленной собственности. За исследу-

емый период из числа нематериальных компаний ушли банки и уменьшилось число производителей товаров роскоши. Для российских компаний наибольшие объемы нематериальных активов характерны для обрабатывающей и добывающей промышленности, ИТ-компаний, организаций научной и технической деятельности, сельского хозяйства. Общей тенденцией является прирост нематериаль-

Рис. 4. Структура нематериальных активов в Российской Федерации в 2021 г. по видам экономической деятельности, % [3]

1. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
2. Добыча полезных ископаемых
3. Обрабатывающие производства
4. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
5. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
6. Строительство
7. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
8. Транспортировка и хранение
9. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
10. Деятельность в области информации и связи
11. Деятельность финансовая и страховая
12. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
13. Деятельность профессиональная, научная и техническая
14. Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
15. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение
16. Образование
17. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
18. Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
19. Предоставление прочих видов услуг

Рис. 5. Структура нематериальных активов в Российской Федерации за период 2017–2021 гг., тыс. руб. [3]

ной составляющей за счет объектов промышленной интеллектуальной собственности (патенты, ноу-хау и др.), а не за счет прироста стоимости брендов, при этом стоимость брендов удается сохранять в основном производителям товаров массового потребления.

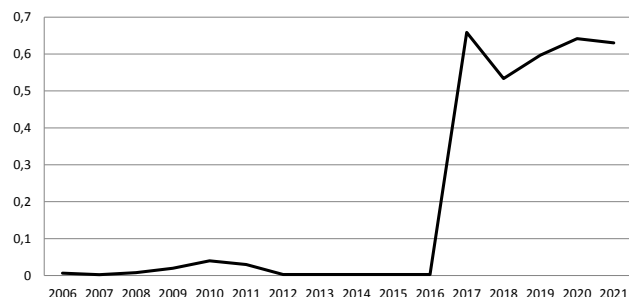

Рис. 6. Доля нематериальных активов компаний в РФ в структуре активов [3; 4]

Литература:

1. Interbrand. – URL: <https://interbrand.com/> (дата обращения: 26.06.2023).
2. Колесникова Ю.С. Влияние нематериальной собственности на развитие. – Казань, 2019. – URL: [https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/](https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F185497876/doktorskaya_celikom_Kolesnikova15032019.pdf)
3. DISSERTATION/F185497876/doktorskaya_celikom_Kolesnikova15032019.pdf (дата обращения: 26.06.2023).
4. Нематериальные активы с 2017 г. Росстат. ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/58245> (дата обращения: 26.06.2023).
5. Нематериальные активы по 2016 г. Росстат. ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/37175#> (дата обращения: 26.06.2023).

Objects of Intangible Property of Companies

Kolesnikova J.S.

Kazan (Volga Region) Federal University

Ivanov S.E.

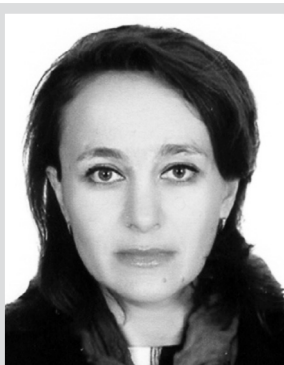
Volga Region State of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)

The article analyzes the structure of assets of companies for the period 2017–2022, which have the most expensive global brands according to the Interbrand rating. An assessment was made of the share of intangible assets, reputation and their total indicator in the structure of the company's assets. The purpose of the study was to determine the share of objects of intangible property of companies and to identify the sectoral affiliation and nature of the activities of the most intangible companies. The data obtained are compared with similar data for the period 2009–2015, obtained by a similar methodology. This allowed us to conclude that: 1) the relationship between the company's industry affiliation and the volume of its intangible component; 2) in 2017–2022, there was an increase in the share of the intangible component of companies mainly due to an increase in the share of intangible assets of companies; 3) banks have left the number of intangible companies and the number of manufacturers of luxury goods has significantly decreased. In the Russian Federation for the period 2017–2021. There is a general increase in intangible assets by 49,9 % in similar areas of activity.

Key words: objects of intangible property, intangible capital, reputation, intangible assets of companies, capitalization, intellectual property, brand

УДК 338.24

Инновационная активность как симбиоз способности и готовности участников**Матюгина Э.Г.**

Доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Вусович О.В.

Кандидат химических наук, и.о. заведующая кафедрой управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета

Соснин Э.А.

Доктор физико-математических наук, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета

Проанализированы подходы отечественных исследователей, позволившие аттестовать инновационную активность как интеграцию способности и готовности участников, отмечено проявление каждой составляющей на различных этапах реализации рассматриваемого процесса, для чего выделена последовательность «инновационный интерес – инновационный потенциал – инновационная активность – инновационно активное поведение». Отмечен инициативный характер инновационной активности, приведена трансформация ролевых функций персонала и компании с учетом смены этапов, что послужило основанием выделения роли первой в поддержании инновационного потенциала. Доказано распределение выигрышей между всеми участниками – для компании в повышении конкурентоспособности, для работника – в приобретении новых, совершенствовании уже имеющихся компетенций.

Ключевые слова: инновационная активность, компания-работодатель, компетенции, среда, конкурентоспособность, инновационный потенциал

Интенсификация развития национальной экономики как ответ на обострение конкурентной борьбы формирует предпосылки перманентного совершенствования производства, требуя от персонала инновационно активного поведения, связанного с инициативным генерированием предложений по повышению эффективности хозяйствования. Данная

ситуация усложняется противоречием между высокими темпами развития производительных сил, провоцирующими трансформацию требований к качеству трудовых ресурсов, и некоторой инерционностью системы образования (в т.ч. и объективного характера). Сглаживание его возможно посредством становления рутин инновационно активного поведения, что пред-

полагает наличия не только (и не столько) соответствующих компетенций в профессиональной сфере, но и универсальных компетенций (анализа, креативного мышления, коммуницирования, работы в команде, презентации идей, готовности к их обсуждению и т.д.). Тем самым базис инновационной активности закладывается уже в процессе обучения с последующей его адаптацией, развитием и совершенствованием при реализации трудовых функций.

Исследователи отмечают, что в основе инновационной активности находится инновационный потенциал [1], отражающий возможность организации инновационной деятельности, однако, на наш взгляд, отправной точкой все же выступает инновационный интерес субъекта, отражающий его потребность в совершенствовании производства и проецируемый на требования к деятельности компаний.

Агрегирование подходов отечественных исследователей [2-4 и мн. др.] к понятию инновационной активности позволило выделить следующие значимые характеристики:

- выступает следствием реализации инновационного потенциала; отражает интенсивность инновационной деятельности;
- обеспечивает приращение новизны процессов, товаров или услуг;
- является инструментом обеспечения конкурентоспособности и др.

Для обоснования дифференциации критериев оценки эффективности действий участников и управленческого инструментария требуется учет:

- инициативного характера инновационной активности работников, что актуализирует вопросы стимулирования, создания и культивирования соответствующих ценностей;
- различной степени новизны подаваемых предложений, широкой вариативности содержания выявляемых резервов;
- трансформации ролевых функций участников в зависимости от этапа (инновационный интерес – инновационный потенциал – инновационная активность – инновационно активное поведение);
- заявленного результата – рутинизации инновационно активного поведения работников, отражающего своего рода «автоматизм» генерирования предложений.

Среди российских ученых отсутствует единый подход к определению инновационного потенциала / инновационной активности – часть аттестует его как способность к действиям по генерированию и реализации инновационных решений [например, 5; 6 и др.], другие же [7; 8 и др.] – как готовность, что привносит некоторую размытость в определе-

ние данного понятия и затрудняет выбор инструментария формирования релевантного поведения.

Существует мнение [9; 10 и др.], что для инновационной деятельности («признания инноваций») необходимо выполнение двух взаимосвязанных условий – «заинтересованности системы в реализации инновации и готовности к реализации инновации», что, по сути, отражает симбиоз способности и готовности субъектов. Именно данного подхода авторы будут придерживаться в представленном исследовании (см. рис. 1), учитывая изменение их ролевых функций на каждом этапе (табл. 1, 2), требование культивирования инновационно активного поведения посредством организационных, институциональных трансформаций с учетом ресурсного обеспечения и преследующую целью приобретение конкурентных преимуществ [11].

Под способностью к проявлению инновационной активности работника понимается его возможность к генерированию предложений, что предполагает, как минимум, осведомленность в определенной профессиональной сфере. Готовность отражает стремление работника к включению в процессы совершенствования производства – презентацию идеи, ее обсуждение, работу по внедрению.

Для организации способность связана с достаточностью ресурсов на трансформацию деятельности; готовность – с материализацией их, проведением оргпреобразований, созданием системы регламентов. Так, например, компания Норникель заявляет о формировании возможностей для сохранения и развития человеческого капитала как главного ресурса; в 2022 г. одной из приоритетных целей было заявлено построение экосистемы опережающего обучения для развития персонала, способного достигать бизнес-цели компании, что легло в основу стратегии обучения на 2022–2025 гг. Для чего предусмотрено построение непрерывного обучения, совершенствование профмастерства, развитие критических компетенций и др. [12].

Эволюционный характер инновационной активности обуславливает настоятельность выделения таких понятий как:

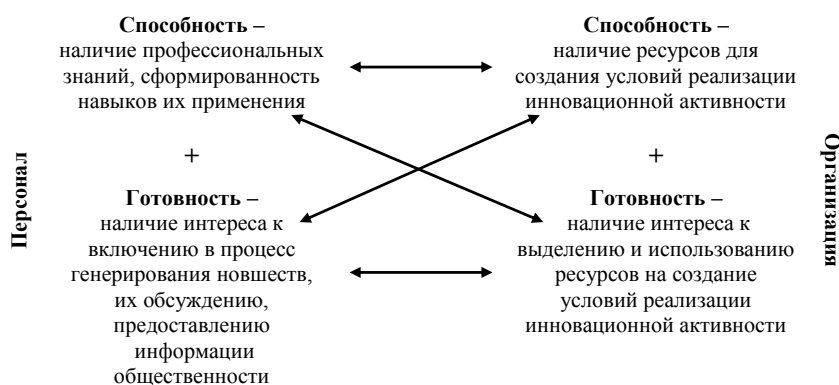

Рис. 1. Взаимодействие персонала и организации в процессе реализации инновационной активности

• инновационный интерес, под которым понимается мотив включения обучающихся в инновационную деятельность, связанный с удовлетворением определённой потребности (в рассматриваемом случае – потребность в самореализации, например);

• инновационный потенциал, отражающий совокупность знаний, навыков, компетенций, позволяющих включиться в инновационную деятельность; является необходимым, но недостаточным условием;

• инновационная активность, связанная с реализацией инновационного потенциала;

• инновационно активное поведение, предполагающее осознанную траекторию действий по реализации инновационного потенциала; целесообразна его рутинизация.

Проведем интеграцию названных понятий с составляющими инновационной активности (готовность – способность) (см. табл. 1).

Нецелесообразно рассматривать деятельность персонала и организации обособленно, т.к. каждый из них имеет статус непосредственного участника инновационного процесса, однако роль организатора / инициатора все же принадлежит компании, имеющей соответствующие полномочия. Представленная траектория развития инновационной активности предполагает изменение ролевых функций субъектов-участников (см. табл. 2).

Небезынтересна кардинальная смена ролей участников – на начальном этапе принципиально важным является наличие инновационного интереса у организации (в т.ч. как инструмента конкурентоспособности, создания имиджа и т.д.) при его отсутствии / слабой выраженности у персонала. При этом важно учесть, что у последних может формироваться сопротивление изменениям либо они могут занимать нейтральную позицию, ориентируясь лишь на выполнение вмененных профессиональных обязанностей (последнее вовсе не означает дистанцирование от приобретения навыков инновационно активного поведения за счет компетенций).

Рутинизация инновационно активного

поведения принимает различные формы – организация поддерживает инновационную активность, совершенствуя процесс, однако при этом кардинального изменения принципов ее функционирования не происходит (характерно первым этапам). Для персонала же трансформация более радикальна – проявляется в совмещении традиционной и исследовательской (инновационной) деятельности. Выигрыши приобретает каждая сторона – происходит становление конкурентных преимуществ как у организации, так и у специалиста. Например, за год сотрудники НЛМК подали больше 30 тыс. предложений в банк идей; решение по изменению конструкции желоба обеспечило экономический

Таблица 1

Соотношение инновационной активности и способности и готовности персонала и компании к ее реализации

Понятие	Компания		Персонал	
	способность	готовность	способность	готовность
Инновационный интерес		√	√	
Важным условием выступает наличие инновационного интереса у компании, как у субъекта, располагающего ресурсами и распределяющего их на данные цели. У работников инновационный интерес побуждает к формированию базы знаний, участию в инновационной деятельности				
Инновационный потенциал	√	√	√	
Для организации это проявляется в заделе НИОКР, исследовательской деятельности, наличии материально-технической базы. Для работников – это профессиональные знания, позволяющие включиться в инновационную деятельность				
Инновационная активность	√	√	√	√
Будучи формой реализации инновационного потенциала, выражает способность и готовность к его реализации; отражает эффективность используемых ресурсов (для организации) и/или соответствие производственного процесса требованию интенсификации развития производительных сил				
Инновационно активное поведение	√	√	√	√
Трактует инновационную активность как неотъемлемый компонент деятельности, предполагая совмещение текущей производственной и инновационной деятельности				

Таблица 2

Изменение ролевых функций субъектов-участников в процессе трансформации инновационно активного поведения

Участник	Этапы			
	Инновационный интерес →	Инновационный потенциал →	Инновационная активность →	Инновационно активное поведение
Организация	Инициатор	Организатор, распределитель ресурсов	Исполнитель-участник с правами управленческого воздействия	Получатель выигрышей, преимущественно наблюдатель
Персонал	Наблюдатель	Исполнитель	Исполнитель-участник с возможностью инициации изменений	Получатель выигрышей, активный участник

эффект – около 3 млн руб. в год [13]. Следует отметить, что актуализируется поддержание инновационного потенциала в аспекте способности работников к инновационной активности – речь идет о поддержании/наращивании профессиональной компетентности персонала. Это предполагает в том числе и систематическую деятельность по повышению квалификации персонала (обязательную, в соответствии с требованиями, и инициативную).

Таким образом, инновационная активность, будучи результатом симбиоза усилий компании и работников, предполагает использование широкого спектра управленческого инструментария, дифференцированного не только по субъектному, но и по «этапному» признаку. Выигрыши, приобретаемые каждым участником, выступают значимым стимулом к затратам ресурсов каждого участника, «первый ход» остается за компанией, располагающей полномочиями организатора и распорядителя ресурсов.

Литература:

1. Шлеенко В.А. Инновации, инновационная активность, инновационный потенциал, инновационная среда. К проблеме взаимосвязи понятий // Управленческий учет. – 2021. – № 2. – С. 132–137.
2. Леонтьев Н.Я., Иванов А.А., Иванова Н.Д. Оценка инновационного развития как составляющая оценки конкурентоспособности предприятия // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – № 8 (479). – С. 1414–1419.
3. Мельников О.Н. Инновационный менеджмент как основа стратегического развития предприятия // Вопросы инновационной экономики. – 2014. – № 18. – С. 26–31.
4. Александрова Т.В., Матяж Е.В. Управление инновационной активностью организации: проектный подход // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 17–20.
5. Корнилов Д.А., Беляев О.Г. Оценка инновационного потенциала региона // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. – 2012. – № 3(96). – С. 254–261.
6. Дубинин А.С. Сущность и методы оценки инновационной активности региона // Вестник Новгородского государственного университета. – 2011. – № 61. – С. 22–26.
7. Заглумина Н.А. Инновационная активность, инновационный потенциал, инновационный климат: взаимосвязи // Инновации. – 2010. – № 11. – С. 45–48.
8. Гунин В.Н., Баранчев В.П., Устинов В.А., Ляпина С.Ю. Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 280 с.
9. Гуреев П.М., Гришин В.Н. Инновационный потенциал: проблемы определения и оценки // Инновации. – 2017. – № 4. – С. 89–92.
10. Ченцова Е.П., Артеменко В.Б. Анализ потенциала инновационного развития отечественных предприятий // ИнВестРегион. – 2012. – № 2. – С. 20–24.
11. Матюгина Э.Г., Емельянова Н.В., Внуков Г.С. Инновационная активность персонала: условия формирования, признаки, взаимосвязь компонент // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 1. – С. 31–36.
12. Управление производством. Развитие персонала: как это делает Норникель. – URL: https://up-pro.ru/library/personnel_management/personnel_training/razvitie-personala-nornikel/ (дата обращения: 05.07.2023).
13. Управление производством. 10 рацпредложений из банка идей НМЛК. – URL: <https://up-pro.ru/baza-racpredlozhenij/metallurgiya/eto-uzhe-rabotaet-nlmlk/> (дата обращения: 05.07.2023).

Innovation Activity as a Symbiosis of Ability And Readiness Of Participants

Matyugina E.G., Vusovich O.V., Sosnin E.A.
National Research Tomsk State University

The approaches of domestic researchers were analyzed, which allowed to attest innovative activity as an integration of ability and readiness of each participant, the manifestation of each component at different stages of the implementation of the process under consideration was noted, for which the sequence "innovative interest – innovative potential – innovative activity – innovation-active behavior" was highlighted. The initiative character of innovative activity is noted, transformation of roles of the personnel and the company taking into account change of stages is resulted that was a basis for allocation of a role of the first in maintenance of innovative potential. It is proved distribution of benefits between all participants – for the company in increase of competitiveness, for the worker – in acquisition of new, perfection of already available competences.

Key words: innovation activity, company-employer, competencies, environment, competitiveness, innovation potential

УДК 338.24

**Формирование среды, способствующей развитию
инновационной активности обучающихся****Матюгина Э.Г.**

Доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), профессор кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Вусович О.В.

Кандидат химических наук, и.о. заведующая кафедрой управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета

Соснин Э.А.

Доктор физико-математических наук, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассмотрены условия формирования и развития инновационной активности обучающихся. Выделены институциональная, организационная и ресурсная составляющие, доказана первичность институционализации как признака позиционирования интереса образовательной организации. Фактологической базой выступила деятельность Национального исследовательского Томского государственного университета.

Ключевые слова: инновационная активность, образовательная организация, среда, регламенты, ресурсы, оргструктура, конкурентоспособность

Обеспечение конкурентоспособности национальной экономики предполагает перманентное совершенствование подходов к организации производства [1], что обуславливает вовлечение в данный процесс работников, способных и готовых к генерированию идей и их реализации – иными словами, инновационно активного персонала. Это означает наличие у последнего компетенций, позволяющих не только осуществлять рутинные трудовые функции, усложняемые по мере трансформации производства, но и инициировать изменение подходов к хозяйствованию посредством примене-

ния аналитических навыков, инициации предложений, работы в команде, коммуницирования и т.д. Эволюционное «взращивание» названных компетенций предполагает их первичное приобретение в процессе обучения и последующую адаптацию в условиях конкретного производства, что придает образовательной организации статус «основателя» инновационно активного поведения специалиста посредством создания соответствующих условий. Обобщив взгляды отечественных ученых [2–7], авторы выделяют следующие условия реализации инновационной активности:

- наличие организационной структуры, обладающей потенциалом для осуществления изменений;
- ресурсное обеспечение – материально-техническое, кадровое, финансовое и др.;
- позиционирование инновационной составляющей в ряду стратегических приоритетов.

При формировании соответствующей среды первоочередным выступает установление образовательной организацией конечных целей, стратегии, правил реализации инновационной активности, определение ролей участников и порядка их проявления. Создание институтов означает фиксирование инновационного интереса у субъекта, обладающего полномочиями распределения ресурсов. Обязательным выступает определение требований к содержанию наполнению образовательных программ, заключающимся в формировании соответствующих компетенций, базы профессиональных знаний, используя которые выпускник сможет вырабатывать и обосновывать предложения по совершенствованию производства в перспективе.

Институционализация инновационной активности происходит как обособленно (только данного направления – принятие отдельной стратегии, определение порядка реализации и др.), так и с учетом встраивания в уже сложившуюся систему (интеграция в общеуниверситетские ориентиры; адаптация образовательных программ; создание системы информирования и др.).

Основным документом образовательной организации выступает Устав, содержание которого отражает базисные положения функционирования университета. Так, в Уставе Национального исследовательского Томского государственного университета (далее – НИ ТГУ) отмечено, что:

- одной из целей деятельности выступает «организация и проведение фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований, использование полученных результатов в образовательном процессе, в том числе для развития научных и педагогических школ ...» (п. 2.2);
- «университет обеспечивает необходимые условия, в т.ч. ... инфраструктуру для обучения, профессиональной деятельности, научных исследований, экспериментальных разработок, опытно-конструкторских и технологических работ ...» (п. 1.15);
- «университет может иметь в своей структуре различные структурные подразделения, обеспечивающие осуществление образовательной, научной и иной деятельности» (п. 3.3) [8] и др.

Приведенный перечень указывает не только на позиционирование компонентов инновационной деятельности, но и закрепляет право самостоятельного формирования университетом институционального, организационного и ресурсного блоков (в рамках институциональных ограничений, установленных государством). Целенаправленная деятельность по

их созданию основывается на включенности инновационных приоритетов в стратегию развития университета, изложенную в «Программе развития университета на 2021–2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет 2030”» [9]. Так же университет реализует проекты: «Учимся, исследуя» (активное включение студентов всех уровней в исследовательскую работу, для чего осуществляется инсталляция сквозного исследовательского трека в основных образовательных программах); «Кадры для будущего» (основан на гибком/модульном принципе проектирования образовательных программ, позволяющем учитывать запросы рынка и обеспечивать индивидуальные образовательные траектории); «Новые предприниматели» (формирование и развитие навыков предпринимательской деятельности, предпринимательской культуры и др.).

Организация условий для инновационной активности предполагает трансформацию оргструктуры образовательной организации, построение системы коммуникаций и др. В НИ ТГУ существует система управления научным и инновационным комплексом, в состав которого входят: Научное управление, представленное отделами научно-технической информации, стандартизации, метрологии и контроля качества НИОКР, организации и сопровождения НИОКР и др.; Управление инновациями в сфере науки, техники и технологий, представленное отделом коммерциализации результатов НИОКР и Центром трансфера технологий; Инновационно-технологический бизнес-инкубатор; Научный фонд имени Д.И. Менделеева и др. [10].

В НИ ТГУ существует тьюторская служба, нацеленная на помощь студентам в приобретении требуемых компетенций посредством выстраивания индивидуальной образовательной траектории, ориентации в ресурсах университета, выбора будущей профессии и др. Таким образом, следует констатировать выделение в организационной структуре университета подразделений, не только осуществляющих общее руководство инновационной деятельностью, но и целенаправленно ориентированных на работу со студенческой аудиторией. Последнее выступает весомым аргументом заинтересованности НИ ТГУ в формировании у обучающихся рутин инновационно активного поведения.

Позиционирование стратегических приоритетов и трансформация организационной структуры выступают начальным этапом, далее требуется привлечение и использование ресурсов для реализации заявленных целей. Для оценки ресурсного блока нами рассмотрены финансовые, трудовые и информационные ресурсы, используемые НИ ТГУ для формирования условий реализации инновационной активности.

Финансовые ресурсы. Оценка поступления финансовых средств в 2022 г. [11] приведена в таблице 1.

Таблица 1

Поступления финансовых средств, 2022 г.

Наименование	Сумма, тыс. руб. / доля	в том числе		
		Субсидии на выполнение гос. задания, тыс. руб.	Целевые субсидии, капиталовложения, тыс. руб. / доля	Собственные доходы, гранты РФФИ, тыс. руб. / доля
Всего	10 947 635,2 / 100	2 797 733,6	758 824,5	7 391 077,1
в т.ч. образ. деятельность	3628 47,0 / 33,1	2 372 716,6	585 641,5	669 988,9
научные исследования и разработки	1638 26,9 / 15,0	289 982,2	44 742,8	1 303 701,9

Сам факт наличия в структуре поступлений статьи «научные исследования и разработки» указывает на наличие определённого «научного задела» для привлечения обучающихся. В структуре источников финансирования преобладают собственные доходы и гранты РФФИ, что указывает на высокий уровень инновационной активности образовательной организации.

Значимым источником внебюджетного финансирования НИ ТГУ выступает Эндаумент-фонд, к целям которого относят реализацию стипендиальных программ, гранты на обучение, развитие социальной, образовательной, научной инфраструктуры, издательскую деятельность и т.д. В 2022 г. инициировано создание целевого капитала «Лидеры будущего», предназначенного для поддержки талантливых студентов и лучших преподавателей экономических специальностей, инициирования творческой активности и мобильности студентов и преподавателей, вовлечения студентов в предпринимательский трек и создание стартапов [12].

Обращает на себя внимание тот факт, что финансирование инновационной деятельности университета осуществляется как за счет средств федерального бюджета, так и за счет собственных средств организации.

Трудовые ресурсы. Организация инновационной деятельности невозможна без участия ППС, формирующих интерес обучающихся к инновационной деятельности, курирующих их. По состоянию на октябрь 2022 г. численность научно-педагогических работников НИ ТГУ составила 2263 чел.; ученую степень имеют 68,32 %. В 2022 г. сотрудники НИ ТГУ опубликовали 1774 статьи, в т.ч. 52 % из них в журналах наукометрических баз *Scopus*, *WoS* 1-й и 2-й квартили.

Информационные ресурсы. Предназначены для наполнения университетской среды информацией о возможностях «включения» в инновационную деятельность, ознакомления с проводимыми мероприятиями.

Помимо представления информации на официальном сайте НИ ТГУ в разделе «Календарь событий» (<https://news.tsu.ru/calendar-of-events/>) с 2016 г.

используется информационно-программная система *Flamingo* (веб-платформа), позволяющая студентам получать информацию о конкурсах, стипендиях и конференциях. Общеузовская система подкрепляется разветвленной системой сайтов факультетов, где размещается аналогичная и дополнительная информация, освещаются достижения факультетов.

Таким образом, формирование среды, способствующей становлению инновационно активного поведения обучающихся, предполагает единство институциональной, ресурсной и организационной составляющей. При этом первичен институциональный компонент как регламентирующий порядок, алгоритм реализации инновационной активности.

Литература:

1. Матюгина Э.Г., Клабукова А.А. Инновационная активность и инвестиционная привлекательность региона в аспекте его конкурентоспособности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 2-1. – С. 300–306.
2. Масленникова Н.П. Создание предпосылок для развития инновационной активности на основе формирования структуры управления организацией // Вестник ГУУ. – 2016. – № 2. – С. 172–179.
3. Сафонов Е.Н., Паламаренко Г.А. Особенности формулирования целей инновационной стратегии предприятия в современных условиях хозяйствования // Проблемы совершенствования управления предприятием в современных условиях / Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. – Пенза, 2000. – 92 с.

4. Коробейников О.П., Трифилова А.А., Коршунов И.А. Роль инноваций в процессе формирования стратегии предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. – 2000. – № 3. – URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2000/3/>
5. Долинская А.Ю. Управление инновационным развитием предприятия на основе стратегий развития инновационного потенциала // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2019. – № 2. – С. 87–95.
6. Леонтьев Н.Я., Иванов А.А., Иванова Н.Д. Оценка инновационного развития как составляющая оценки конкурентоспособности предприятия // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – № 8 (479). – С. 1414–1419.
7. Разумова И.А., Покровская Н.Н., Ахмерова Л.В. Формирование характеристик инновационной активности для разработки системы анализа и принятия решений в сфере инноваций // Управленческое консультирование. – 2017. – № 10 (106). – С. 59–72.
8. Устав ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – URL: <https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/01a/Ustav%202018.12.28.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
9. Приоритет 2030. Программа развития ТГУ. – URL: <https://priority2030.ru/analytics/j8wbik3emg/about/program> (дата обращения: 10.05.2023).
10. Научное управление. Официальный сайт НИ ТГУ. – URL: <https://www.tsu.ru/science/sciactivity/> (дата обращения: 20.05.2023).
11. Информация о поступлении и расходовании средств в 2022 г. Официальный сайт НИ ТГУ. – URL: <https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/bed/fc04unkopcef02wyx85eqoamcdmtp53/Informatsiya-o-postuplenii-i-raskhodovanii-sredstv-v-2022-godu.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).
12. Отчет о самообследовании деятельности ФГАОУ ВО НИ ТГУ. – URL: <https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/75c/samoobsledovanie%20TSU%202022.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).

Creating an Environment Conducive to the Development of Innovative Activity of Students

***Matyugina E.G., Vusovich O.V., Sosnin E.A.
National Research Tomsk State University***

The article deals with the conditions of formation and development of innovative activity of students. The institutional, organizational and resource components are distinguished. The authors prove the primacy of institutionalization as a sign of positioning the interest of an educational organization. The factual base was the activity of National Research Tomsk State University

Key words: innovative activity, educational institution, environment, regulations, resources, organizational structure, competitiveness

УДК 338.1

Концепция технологического суверенитета как продолжение политики импортозамещения*

Нестулаева Д.Р.Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета**Авхадиева Э.А.**Бакалавр кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В работе в исторической ретроспективе рассматривается трансформация концепций, от импортозамещения к технологическому суверенитету, конечной целью которых является обеспечение динамически устойчивого развития экономики России инновационного типа.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, санкционные ограничения, устойчивость экономики

За последние годы такие факторы, как нестабильная политическая ситуация, локальные вооруженные конфликты, торговые войны, пандемия COVID-2019 повлияли на будущее мировой экономики и пересмотр глобальных цепочек создания стоимости. Изменение геополитического контекста влияет и на распределение технологических мощностей между основными экономическими игроками. Рост конкуренции за технологическое и промышленное лидерство между США и Китаем, еще до пандемии заставило Европейские страны говорить о разработке концепции технологического суверенитета [1; 2]. В 2019 г. председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен заявила: «Мы должны владеть ключевыми технологиями в Европе. К ним относятся квантовые вычисления, искусственный интеллект, блокчейн и технологии микросхем» [3].

Лидеры мировой экономики США и Китай «рассматривают европейский рынок как решающее поле битвы в более широкой борьбе за установление своего глобального технологического и промышленного господства. Обе страны исходят из того, что тот,

кто доминирует в сфере развития цифровых технологий, будет доминировать и в мировой экономике» [4, с. 8]. Хотя Китай в 2022 г., по обновленным данным, занял первое место по величине ВВП по паритету покупательной способности (31,559 млрд долл. против 23,149 млрд долл. у США) [5] и контролирует большую долю мирового рынка, но и он все еще зависит от американских технологий [6]. Например, из-за введенных ограничений Китай не может закупать литографическое оборудование для производства микрочипов высокого класса [7, с. 1]. Но за последние 20 лет, реализуя политику «самоусиления», зависимость Китая от иностранных технологий снизилась с 40-60% (в зависимости от отрасли) в 2001 г. до 32% (среднее по отраслям) в 2020 г. [7, с. 1].

Политика, направленная на снижение технологической зависимости, требует повышения уровня технологического суверенитета страны, которая с 2022 г. встала во главу угла и в России, когда РФ

* Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10215.

подверглась беспрецедентному политическому и санкционному давлению со стороны «коллективного Запада». Был принят новый курс на построение системы национальной экономики и перехода «от открытой экономики постсоветского периода» к «ограниченно открытой экономике суверенного типа» [8, с. 1870], а в качестве основного стратегического направления развития экономики принята концепция технологического суверенитета (далее – Концепция ТС).

Концепция ТС плавно сменила на повестке дня вопрос импортозамещения, который возник в 2014 г. после присоединения Крыма к России. Первые введенные санкционные ограничения против нас были связаны с ключевыми секторами российской экономики (финансовый сектор, металлургия, энергетика, добыча полезных ископаемых, инжиниринг, оборонно-промышленный комплекс) [9]. Правительством РФ были приняты меры по снижению влияния введенных ограничений – Распоряжение Правительства РФ от 30.09.2014 г. № 1936-р «Об утверждении плана содействия импортозамещению в промышленности», предусматривающее снижение доли импорта по отраслям обрабатывающей промышленности по годам на период до 2020 г.; Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», целью которого является формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития; Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 г. № 98-р «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.», одним из ключевых направлений деятельности которого является поддержка импортозамещения и экспорта по широкой номенклатуре несырьевых, в том числе высокотехнологичных, товаров. Также были предусмотрены ряд мер и инициатив по стимулированию импортозамещения, из которых наиболее значимыми стали разработанные Минпромторг РФ 22 отраслевых плана по импортозамещению, которые включали 2059 проектов. Данные меры говорят о том, что политика импортозамещения в 2015 г. стала приоритетом РФ, а «программы импортозамещения должны работать на создание в России массового слоя производственных компаний, способных быть конкурентными не только внутри страны, но и на международных рынках» [10].

К сожалению, сегодня мы можем говорить о том, что достичь пороговых значений получилось не во всех отраслях, только в сельском хозяйстве по ряду продуктов были достигнуты утвержденные показатели – по зерну (99,4 %), сахару (95,7 %), растительному маслу (81,5 %), мясу и мясoproдуктам (92,8 %) (данные на 2018 г.) [11]. Хотя политика импортоза-

мещения пока не стала значимым фактором роста производства промышленной продукции, но даже частичная реализация планов привела к существенному сокращению доли импорта по многим позициям. Так, по данным экспертов Высшей школы экономики, «в последние годы использование импорта в промышленном комплексе России не превышало 40 %» [12]. Считаем, что благодаря мерам принятым ранее Россия смогла легче перенести санкционные ограничения 2022 г. А переход от политики импортозамещения к концепции технологического суверенитета стал новым этапом в направлении инновационного типа развития экономики.

Следует отметить, что есть мнения считать термины «импортозамещение» и «технологический суверенитет» синонимами [13, с. 136]. Например, Д. Медведев на заседании партийного форума «Предпринимательство в новой экономической реальности» в мае 2022 г. сказал, что «термин “импортозамещение” немного унижительный для России, его можно заменить на “технологический суверенитет”» [14]. Мы не согласны с такой позицией, т.к. в их сущности и содержании есть принципиальные отличия. Например, при определении понятия «импортозамещение» подразумевают способность промышленности «полностью или частично заменить импортные товары отечественной продукцией со схожим функционалом» [12, с. 5], а давая трактовку словосочетанию «технологический суверенитет» имеют в виду «способность самостоятельного принятия решений о направлениях развития экономики и ее отраслей преимущественно на инновационной основе» [12, с. 90]. Т.е. импортозамещение основано на поиске аналогов зарубежных решений, а технологический суверенитет подразумевает разработку и внедрение собственных технологий и сервисов, которые будут конкурентоспособными на мировом рынке, что позволит стать одним из мировых технологических лидеров.

Словосочетание «технологический суверенитет» применимое к управленческой практике государства не ново, его можно встретить в работах 1960-х гг. [15; 16; 17], в России о нем заговорили в 2019 г. [18].

Если посмотреть частоту запросов в поисковике *Yandex* на сайте «Подбор слов» (<https://wordstat.yandex.ru>), то можно увидеть, что в октябре 2021 г. по фразе «технологический суверенитет» количество запросов составляло всего 201 раз (рис. 1). Но начиная с апреля 2022 г. интерес к данному словосочетанию резко возрос – 1156 запросов, а в феврале 2023 г. уже составил – 6054 запроса.

История запросов по слову «импортозамещение» в поисковике *Yandex* представлена на рисунке 2. Большое количество поисковых запросов мы видим с марта по июль 2022 г., далее происходит постепенное снижение интереса к данному понятию.

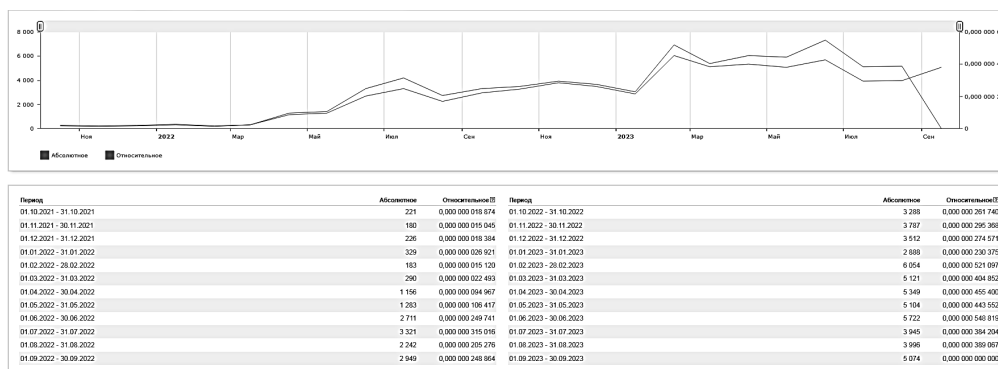

Рис. 1. Частота поисковых запросов по словосочетанию «технологический суверенитет» через поисковую систему Yandex, количество запросов в месяц

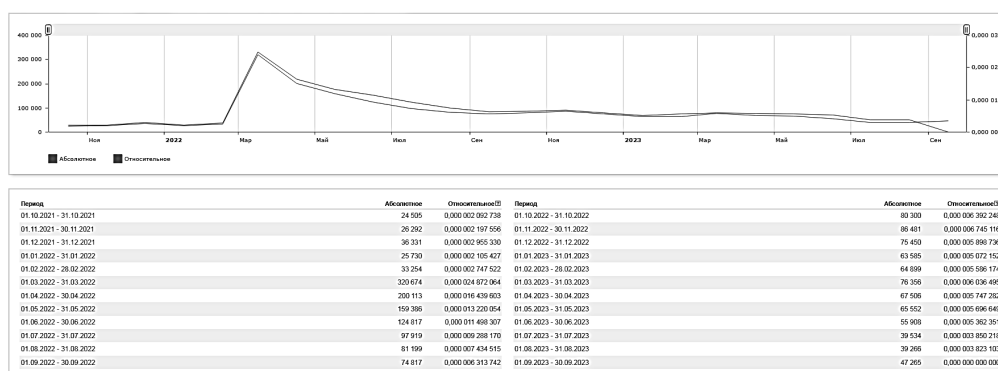

Рис. 2. Частота поисковых запросов по словосочетанию «импортозамещение» через поисковую систему Yandex, количество запросов в месяц

Величина запросов в абсолютном выражении невысока, но данная статистика представлена только для поисковой системы Yandex (не учитывает другие поисковые системы, и самую популярную Google) и словосочетания «технологический суверенитет» без учета морфологии.

Анализируя статистику публикаций по темам импортозамещения и технологического суверенитета на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU можно увидеть постепенный рост научного интереса, посвященного вопросам ТС (табл. 1).

Таблица 1
Результаты поискового запроса на сайте eLIBRARY.RU, количество публикаций

Период	Запрос по слову/словосочетанию (с учетом морфологии)	
	Импортозамещение	Технологический суверенитет
2021 г.	1062	77
2022 г.	3206	506
01.01–31.08.2023 г.	2335	831

В поиске учитывались публикации в журналах, книгах, материалах конференции, депонированных рукописях и диссертациях, а данные слова могли встречаться в названиях публикаций, аннотациях и ключевых словах.

Представленные данные показывают, что заинтересованность российского общества и ученых к теме технологического суверенитета смещает концепцию импортозамещения в информационном про-

странстве. Нам видится, что это не просто новый тренд, а новый этап при решении проблемы – обеспечение устойчивого развития экономики России и перехода ее в группу лидеров технологически и промышленно развитых стран мира.

И хотя политика импортозамещения ушла на второй план, но в краткосрочной перспективе она является основой, т.к. с помощью нее можно быстро наладить эффективные компенсаторные механизмы для стабилизации экономики России при внешнем давлении. А концепция технологического развития – это процесс долгосрочного планирования, который должен создать научно-технический задел для собственных линий

разработок «техники нового поколения по технологиям нового технологического уклада» [19].

Литература:

1. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch C., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. Technology sovereignty. From demand to concept. – Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, Policy Brief, 2. 2020. – URL: <https://ideas.repec.org/p/zbw/fisipp/022020.html>.
2. Centro Economia Digitale. Sovranità Tecnologica: elementi per una strategia italiana ed europea, a cura di R. Cerra e F. Crespi, Concept Paper. 2021. – URL: <https://businessschool.luiss.it/evento/sovranita-tecnologica-elementi-per-una-strategia-italiana-ed-europea/>

3. European Commission. Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme. 2019. – URL: https://multimedia.europarl.europa.eu/en/video/presentation-by-the-commission-president-elect-of-the-college-of-commissioners-and-their-programme-statement-by-ursula-von-der-leyen-president-elect-of-the-ec_I180740.
4. Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. – 2023. – № 21(1). – С. 6–18. – DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18.
5. Всемирный банк обновил оценку валового внутреннего продукта (ВВП) стран мира на конец прошлого года. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/08/04/21009482.shtml>.
6. Биполярной эпохи в мире высоких технологий никогда не будет. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/bipolyarnoy-epokhi-v-mire-vysokikh-tekhnologiy-nikogda-ne-budet/>
7. Зависимость Китая от зарубежных технологий. – URL: https://www.ifes-ras.ru/files/generic_files/Analytics/20221117_China's_dependence_on_foreign_technology.pdf.
8. Афанасьев А.А. Основные направления формирования ограниченно открытой экономики суверенного типа // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 3. – С. 1869–1886. – DOI: 10.18334/vinec.12.3.115133.
9. Как вводили ограничительные меры в 2014 году. Досье. – URL: <https://tass.ru/info/1367443>
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2016. – URL: <https://www.pnp.ru/newspaper/2672/index.html#/32/zoomed>.
11. Васильева О.Н., Шаркова А.В., Ахметшина Л.Г. Импортзамещение в России: что удалось заместить отечественными товарами? // Оценка инвестиций. – URL: <https://www.esm-invest.com/ru/Import-substitution-in-Russia-that-managed-to-substitute-domestic-goods>.
12. Импортзамещение в российской экономике: вчера и завтра. Аналитический доклад НИУ ВШЭ / Я.И. Кузьминов (науч. рук. исслед.), Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.), М.Г. Кузык (рук. авт. кол.), А.А. Федюнина (рук. авт. кол.), А.Б. Жулин (рук. авт. кол.), М.Н. Глухова (рук. авт. кол.), А.Н. Клепач (рук. авт. кол.); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» при участии РСПП, Института исследований и экспертизы ВЭБ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 272 с.
13. Горячева Т.В., Мызрова О.А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23. – Вып. 2. – С. 134–145.
14. Медведев назвал унижительным термин «импортзамещение» для России и предложил замену. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/551461>
15. Grant P. Technological Sovereignty: Forgotten Factor in the Jhi-Tech' Razzamatazz // Prometheus. – 1983. – Vol. 1. – № 2. – P. 239-270.
16. Merhav M. Technological Dependence, Monopoly, and Growth. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1969. – 221 p.
17. Couture S., Toupin S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? // New Media & Society. – 2019. – № 21(10). – P. 2305–2322.
18. Подписаны соглашения о намерениях между Правительством и крупнейшими компаниями о развитии отдельных высокотехнологичных направлений. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60971>.
19. Суверенитет сначала в мозгах, а потом в технологиях. – URL: <https://stimul.online/articles/interview/suverenitet-snachala-v-mozgakh-a-potom-v-tekhnologiyakh/>

The Concept of Technological Sovereignty as a Continuation of the Policy of Import Substitution

*Nestulaeva D.R., Avkhadiyeva E.A.
Kazan State Power Engineering University*

In the work, in historical retrospect, the transformation of concepts from import substitution to technological sovereignty is considered, the ultimate goal of which is to ensure the dynamically sustainable development of the Russian economy of an innovative type.

Key words: technological sovereignty, import substitution, sanctions restrictions, economic stability

УДК 332.025

Проблемы и тенденции социально-демографического обеспечения безопасности регионов Уральского экономического района

Поздеева О.Г.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

В статье изучены теоретические и практические аспекты социально-демографического обеспечения безопасности регионов с целью поддержания качества жизни населения в условиях санкционного давления, оказываемого некоторыми странами, возрастания потребности в социально-демографической стабильности как условия обеспечения дальнейшего социально-экономического развития регионов Уральского экономического района.

Ключевые слова: безопасность, стабильность, социальное обеспечение, демографическое обеспечение, качество жизни, регион

Вопросы обеспечения безопасности предусматривают рассмотрение различных аспектов экономической, финансовой, продовольственной, технологической, ресурсной составляющих безопасности, и одним из важнейших является социально-демографическое обеспечение безопасности.

Актуальность данного исследования обуславливается проявлением неблагоприятных тенденций в социально-демографическом развитии регионов. Урал является территорией с неблагоприятными природно-климатическими условиями, поэтому социально-демографическое обеспечение безопасности для его регионов играет важную роль.

Вопросы обеспечения безопасности на уровне субъектов РФ стали изучаться в 90-е гг. XX в. Наибольший акцент в исследованиях отечественных ученых делался на изучение экономической безопасности регионов. Автор согласен с мнением П.С. Моисеева, что «экономическая безопасность региона, аналогично экономической безопасности государства, приобретает свое значение также в трех направлениях – независимость, устойчивость и обеспечение воспроизводства» [1, с. 221].

Р.В. Илюхина, К.Б. Беловицкий, Н.П. Купрещенко в своей монографии сделали акцент на том, что экономическая безопасность регионов во многом основана на «распределении и использовании природных, производственных, трудовых, финансовых

и других ресурсов..., необходимых для совершенствования в экономической, социальной и экологической сферах» [2, с. 18].

Влияние кризисных явлений в социальной сфере на демографические процессы на региональном уровне изучали в 2000-е гг. уральские ученые А.И. Татаркин, А.А. Ку克林, А.В. Черепанова. По их мнению, негативные тенденции в социально-демографической сфере приводят к формированию проблем «в процессе воспроизводства населения» [3, с. 155].

В данном исследовании автор уделяет особое внимание изучению социально-демографических проблем и тенденций, потому что для уральских регионов одной из важнейших составляющих безопасности является кадровая безопасность. В результате санкционного давления некоторых стран возникла острая необходимость осуществлять ускоренное импортозамещение, а имеющийся дефицит трудовых ресурсов именно в рабочих специальностях оказывает негативное воздействие на дальнейшее развитие промышленности в Уральском экономическом районе (далее – УЭР).

Решение демографических проблем, усиливающих в современных реалиях, согласно мнению Г.М. Квон и Е.А. Шишкиной, «требуется проведения соответствующей социальной политики», реализация которой должна быть направлена на улучшение

ние социального благополучия населения регионов. В своей работе авторы указывают на необходимость поиска инвестиционных ресурсов, развития социальной инфраструктуры, обеспечивающих «стратегическое развитие территорий» [4].

Отечественными и зарубежными учеными для оценки социального развития предлагались к использованию разнообразные индексы: «индекс человеческого развития (ИЧР); индекс развития с учётом неравенства полов (ИРНП); индекс гендерного неравенства (ИГН); индекс физического качества жизни (*PQLI*); индекс качества жизни (*UNDP*) и другие» [5, с. 56]. В данном исследовании для анализа влияния социального обеспечения на безопасность регионов использовался индекс качества жизни – «обобщающий показатель, обеспечивающий методологическое единство всех частных показателей системы и однозначную оценку уровня и динамики исследуемого процесса» [6, с. 59]. Данный интегральный показатель характеризует состояние социальной сферы обеспечивающей привлекательность территорий субъектов УЭР для жизнедеятельности населения и закрепления трудовых ресурсов в регионах.

Уральский экономический район – традиционно промышленная территория с существенно развитым оборонно-промышленным комплексом, который в той или иной степени присутствует в каждом регионе УЭР. Представленная на рисунке 1 динамика численности населения регионов УЭР показывает, что проявляется достаточно устойчивая тенденция снижения численности населения во всех уральских регионах.

Учитывая, что Урал является традиционно промышленным районом, во всех регионах Уральского экономического района городское население превышает сельское (рис. 2).

Наиболее высокий уровень урбанизации характерен для Свердловской и Челябинской областей, для которых удельный вес городского населения в 2021 г. составил 85,2 и 82,7 %, соответственно.

Для обеспечения безопасности регионов УЭР важное значение имеет возрастная структура населения, особенно доли трудоспособного населения и лиц моложе трудоспособного возраста. Эти категории оказывают влияние на формирование трудовых ресурсов как в настоящем, так и в будущем, что крайне важно для промышленных территорий.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что удельный вес населения трудоспособного возраста к 2021 г. во всех регионах по сравнению с 2010 г. снизился на 4-6 процентных пунктов, при этом доля населения младше трудоспособного возраста увеличилась в диапазоне 2-4 процентных пункта,

т.е. напряженность на рынке труда в будущем будет возрастать. Изменение возрастной структуры населения привело и к увеличению коэффициентов демографической нагрузки во всех без исключениях регионах УЭР.

Значимую роль в формировании трудовых ресурсов играют естественное и механическое движение населения как источники пополнения численности населения в регионах (табл. 2 и 3).

Несмотря на меры в реализации демографической политики, предпринимаемые государством, рождаемость в уральских регионах (за исключением республики Башкортостан, за счет национального фактора) находится на низком уровне, что приводит к естественной убыли населения. Особенно непростая ситуация в 2021 г. сложилась в Свердловской и Курганской областях (коэффициент составил -11,6 и -11,3, соответственно).

В пяти регионах из 7 в основном характерен отток населения, что выражается в отрицательном значении коэффициента миграционного прироста, и только в Свердловской и Челябинской областях, как в наиболее индустриальных территориях, за период с 2010 по 2021 гг. наблюдался миграционный приток населения.

Социальный аспект обеспечения безопасности регионов можно охарактеризовать интегральным показателем «индекс качества жизни» населения.

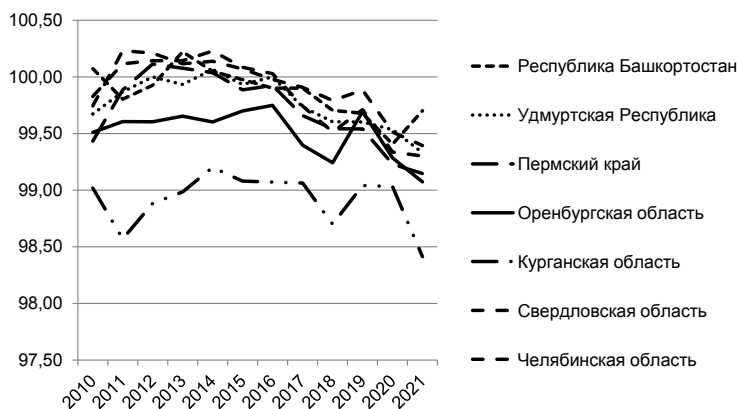

Рис. 1. Динамика численности населения регионов Уральского экономического района, % [7; 8]

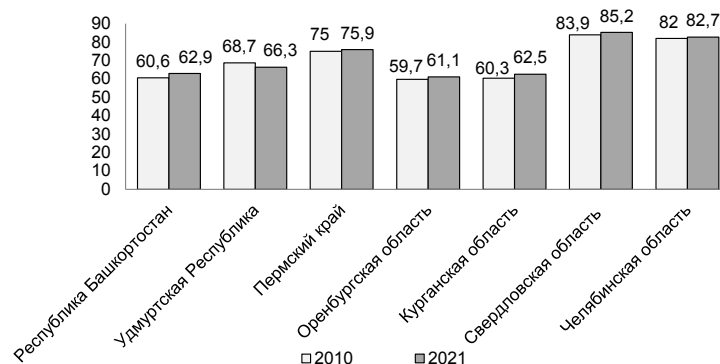

Рис. 2. Удельный вес городского населения в регионах Уральского экономического района, % [8]

Из таблицы 4 видно, что, несмотря на рост индекса качества жизни у всех регионов УЭР, только Свердловская область повысила свою позицию в общем рейтинге субъектов РФ, Челябинская, Оренбургская, Курганская области не изменили свои позиции, а Башкортостан, Удмуртская республика и Пермский край понизили свой рейтинг.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены проблемы в социально-демографической сфере, предопределившие

формирование достаточно устойчивых тенденций: снижения общей численности населения во всех регионах УЭР, более существенного снижения доли лиц трудоспособного возраста по сравнению с ростом доли лиц младше трудоспособного возраста, нарастающие темпы естественной убыли населения, незначительного роста уровня урбанизации. В то же время для изучаемых регионов характерна разнонаправленная динамика в миграционных процессах и качестве жизни населения.

Таблица 1

Возрастная структура населения регионов Уральского экономического района [8]

Регионы	2010 г.			2021 г.			Коэффициенты демографической нагрузки, чел.	
	Лица моложе трудоспособного возраста, %	Лица трудоспособного возраста, %	Лица старше трудоспособного возраста, %	Лица моложе трудоспособного возраста, %	Лица трудоспособного возраста, %	Лица старше трудоспособного возраста, %		
							2010 г.	2021 г.
Республика Башкортостан	18,3	61,5	20,2	20,4	56,6	23	624	767
Удмуртская республика	17,8	61,8	20,4	20,4	55,6	24	619	797
Пермский край	17,5	60,8	21,7	20,4	56,2	23,4	645	780
Оренбургская область	17,5	61,2	21,3	20,2	55,9	23,9	635	790
Курганская область	16,6	58,8	24,6	19,4	52,8	27,8	699	896
Свердловская область	16,1	60,9	23	19,9	56	24,1	641	785
Челябинская область	16,5	60,7	22,8	19,6	56,2	24,2	648	780

Таблица 2

Коэффициенты естественного прироста населения на 1 тыс. чел. населения [7; 8]

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Республика Башкортостан	0,6	0,4	1,4	1,5	1,7	1,2	0,8	-0,3	-0,8	-1,8	-4,8	7,7
Удмуртская Республика	0,3	1	2,4	1,9	1,7	1,7	1,2	-0,2	-1,1	-2,2	-4,4	-2,5
Пермский край	-1,2	-0,6	0,6	0,7	0,7	0,5	0,3	-1,2	-2,2	-3	-5,7	-5,5
Оренбургская область	-0,5	-0,4	0,7	0,9	0,4	0,2	-0,1	-1,7	-2,3	-3	-6,7	-7,2
Курганская область	-3,1	-2,9	-2,1	-2,1	-2,3	-2,7	-3,5	-4,1	-5,2	-6	-8,4	-11,3
Свердловская область	-0,9	-0,6	0,3	0,7	0,5	0,3	-0,2	-1	-1,9	-2,6	-5,5	-11,6
Челябинская область	-1	-0,6	0,2	0,2	0,4	0	-0,3	-1,5	-2,4	-3,2	-6,4	-5,2

Таблица 3

Коэффициенты миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения [7; 8]

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Республика Башкортостан	2	-23	-22	7	-11	-15	-18	-6	-22	-14	-13	36
Удмуртская Республика	-35	-25	-27	-23	-14	-19	-14	-23	-27	-21	-6	0,4
Пермский край	-46	-3	7	0,1	-4	-15	-12	-23	-25	-14	-20	-13
Оренбургская область	-47	-35	-44	-47	-41	-33	-25	-43	-52	-1	-4	-0,2
Курганская область	-76	-110	-97	-77	-60	-64	-56	-60	-77	-30	-21	-45
Свердловская область	-17	31	16	4	11	4	1	0,5	-3	15	7	19
Челябинская область	-8	19	13	12	16	10	8	-11	-26	5	-4	9

Таблица 4
Индекс качества жизни регионов
Уральского экономического района [9]

Регион	Индекс качества жизни		Место в рейтинге	
	2012 г.	2021 г.	2012 г.	2021 г.
Республика Башкортостан	47,5	53,7	15	26
Удмуртская Республика	42,3	48,6	33	40
Пермский край	42,9	47,1	29	49
Оренбургская область	41	48,6	41	41
Курганская область	30	33,1	77	77
Свердловская область	46,2	59,0	19	13
Челябинская область	44,1	53,8	25	25

Литература:

1. Моисеев П.С. Специфика экономической безопасности регионов России // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 12 (046). – С. 218–222.
2. Илюхина Р.В., Беловицкий К.Б., Купрещенко Н.П. Обеспечение экономической безопасности регионов Российской Федерации. – М.: Изд-во «Научный консультант», 2017. – 120 с.
3. Татаркин А.И., Куклин А.А., Черепанова А.В. Социально-демографическая безопасность регионов России: текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. – 2008. – № 3. – С. 154–162.
4. Квон Г.М., Шишкина Е.А. Социально-преобразующие инвестиции в контексте обеспечения социального благополучия населения региона в новых реалиях российской экономики: стратегический аспект // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 7. – С. 2079–2094.
5. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 53–65.
6. Елкин С.Е. О методиках оценки уровня жизни населения // СТЭЖ. – 2016. – № 4 (25). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodikah-otsenki-urovnya-zhizninaseleniya>.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_14p/Main.htm.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
9. Индекс качества жизни «РИА Рейтинг». – URL: <https://russia.duck.consulting/maps/12/2012>.

**Problems and Trends of Socio-Demographic Security
of the Regions of the Ural Economic District**

Pozdeeva O.G.

Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

This article examines the theoretical and practical aspects of socio-demographic security of the regions in order to maintain the quality of life of the population under the conditions of sanctions pressure exerted by some countries, the increasing need for socio-demographic stability as a condition for ensuring further socio-economic development of the regions of the Ural Economic region.

Key words: security, stability, social security, demographic security, quality of life, region

УДК 303.1

Анализ базовых понятий современной теории экономической безопасности**Самышева Е.Ю.**

Кандидат технических наук,
доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Усов А.С.

Аспирант кафедры финансов и бухгалтерского учёта
Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова (Королев)

Авторами установлены характерные особенности базовых категорий теории экономической безопасности – «вызов», «опасность», «угроза», «риск», раскрыто соотношение и корреляция между данными понятиями в рамках обеспечения экономической безопасности банковских структур. Классифицированы различные подходы к изучению категорий «экономическая безопасность банка» и «экономическая безопасность предприятия», а также скорректировано понятие «экономическая безопасность коммерческого банка».

Ключевые слова: экономическая безопасность, вызов, опасность, угроза, риск, ущерб

Современная наука не имеет единой точки зрения на сущностное и содержательное наполнение основных понятий современной теории экономической безопасности: «вызов», «риск», «опасность» и «угроза».

Отсутствие четкого смыслового наполнения данных категорий и наличие дискуссионного характера вопроса об их неблагоприятном влиянии на объект защиты может дезориентировать специалистов, обеспечивающих экономическую безопасность организаций и учреждений и, что важно, негативно сказаться на анализе исходных данных, прогнозировании и выборе стратегии защиты организации от воздействия различных угроз.

Изучение природы и экономической сущности категорий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» проводилось авторами статьи по материалам отечественных и зарубежных исследователей (А.В. Брега, А.И. Веруш, В.А. Гамза, Е.В. Илинич, Т.Е. Кочергина, О.Н. Лопачук, Е.А. Олейни-

ков, В.В. Светлова, А.Е. Суглобов, И.А. Сушкова, И.Б. Ткачук и др.), а также на основе результатов многолетней исследовательской практики на базе одного из крупных коммерческих банков (входит в топ-50 российских банков). Это позволило наиболее объективно выявить общие и различные признаки изучаемых понятий, определить взаимосвязь между ними в плоскости организации защиты кредитных учреждений от влияния различного рода угроз (табл. 1).

Анализ таблицы 1 показывает, что:

1) в категориях «вызов», «угроза» и «риск» ключевым понятием выступает понятие опасности;

2) результатом воздействия внешнего источника угрозы являются потери и/или выгоды, угрозы во внутренней среде реализуются в виде рисков;

3) категории «вызов», «опасность» и «угроза» представляют собой различные степени риска причинения ущерба / вреда объекту безопасности, а категория «риск экономической безопасности» –

Таблица 1

**Сравнительная характеристика понятий
«вызов», «опасность», «угроза», «риск (составлено авторами)**

Понятия	Характерные особенности			
	источник возникновения	содержание	степень причинения ущерба/вреда	степень интенсивности проявления неблагоприятных факторов
вызов	объективная логика текущих процессов и изменений в окружающей действительности (вне и внутри банка)	то, чему невозможно противостоять и сопротивляться, вызов требует ответных изменений в элементах объекта защиты	мнимая готовность к нанесению ущерба / вреда	минимальная
опасность	экономические процессы и явления, техногенная среда или действия людей вне и внутри объекта безопасности	гипотетическая возможность кого- (чего)-либо нанести ущерб / вред	стадия зарождения и насыщения противоречий	средняя или высокая
угроза	экономические процессы и явления вне банка и (или) действия /решения постороннего (-их) лица (лиц) /своих сотрудников по отношению к банку	явное намерение и возможность субъекта причинить ущерб	стадия крайнего обострения противоречий	наивысшая
риск	собственные действия или решения субъекта безопасности (предпринимателя, банка)	действие (управление)	возможность или повышенная степень вероятности нанесения ущерба в связи с реализацией угроз (-ы)	вероятностная

возможность или вероятность нанесения ущерба объекту обеспечения безопасности;

4) категория «риск» обладает большим содержанием и меньшим объемом в сравнении с категориями «вызов», «опасность», «угроза»;

5) минимальный риск представляют вызовы, максимальное влияние риска – у угрозы.

С этой точки зрения представление рассмотренных категорий в последовательности «вызов → опасность → угроза → риск», предложенное российскими учеными А.В. Брегой [1, с. 747], И.А. Сушковой [2, с. 13] в отношении процесса обеспечения национальной безопасности, является целесообразным и функционально применимым, в том числе и для организации процесса обеспечения экономической безопасности коммерческого банка (далее – ЭБКБ).

Методологическая роль этой последовательности в том, что данные категории выстроены в линейный логический ряд в зависимости от степени интенсивности проявления неблагоприятных факторов.

Дополнительно авторами проведен контент-анализ определений понятий «экономическая безопасность предприятия» и «экономическая безопасность банка», представленных исследователями в разное время. При этом стоит отметить, что в нормативно-правовых актах и источниках Банка России понятия «экономическая безопасность банка» или «экономическая безопасность кредитной организации» не определены.

При этом отдельно выделяется банк, представляющий собой финансово-экономическую органи-

зацию с характерными особенностями его работы: 1) деятельность сосредоточена в сфере обращения и обмена в отличие от промышленного предприятия; 2) производит особый вид товара в виде денег и платежных средств; 3) предоставляет физическим и юридическим лицам различные услуги (открытие счетов, управление денежной наличностью, осуществление переводов, кредитование и пр.). Таким образом, очевидно, что технологии бизнес-процессов в банковских организациях, на предприятиях, в страховых компаниях, торговле и т.д. различаются в зависимости от специфики функционирования организации. Соответственно, система экономической безопасности организации линейно зависит от его отраслевой особенности и деятельности на рынке.

Анализ исследований российских экономистов, посвященных проблеме экономической безопасности предприятия / банка, показал, что учёные и специалисты по-разному понимают и формулируют понятие экономической безопасности предприятия / банка, акцентируя внимание на различных методологических аспектах. Первая группа авторов в определениях употребляет управленческие или экономические понятия – «состояние устойчивости», «стабильное функционирование», «устойчивое развитие», «совершенствование», «экономическая независимость», «достижение цели», избегая при этом слова «угроза». Вторая группа авторов, напротив, выделяет в качестве существенного признака экономической безопасности «защищённость хозяйству-

ющего субъекта от угроз», указывая на взаимосвязь степени проявления угроз и условий обеспечения безопасности субъекта хозяйствования от их влияния. Третья группа авторов объединяет первые два подхода. Четвёртая группа авторов рассматривает безопасность с позиций деятельностного подхода, который гласит, что «...желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом» [3].

По итогам анализа трактовок понятий «экономическая безопасность предприятия», «экономическая безопасность банка» авторы считают возможным систематизировать отечественные исследования в рамках четырёх методологических подходов (табл. 2).

Изложенное выше приводит к следующим заключениям.

1. В первых трех подходах исследователи характеризуют экономическую безопасность предприятия / банка как состояние защищенности интересов субъекта безопасности; при этом остается не уточненным, что понимается под «состоянием защищенности» – ситуации, в которых оказывается субъект безопасности, или условия его функционирования, или оптимальное состояние экономической системы субъекта безопасности, которое характеризует степень близости системы к лучшему при определенных условиях и ограничениях состоянию.

По нашему мнению, на формирование представлений об экономической безопасности предприятия / банка оказали влияние два обстоятельства:

1) исторически сложившееся восприятие категории «безопасность» как состояния защищенности кого-либо или чего-либо от совокупности внутренних и внешних угроз,

2) нормативно закрепленное еще в 1992 г. в Законе Российской Федерации от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности» определение безопасности – «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Авторы разделяют точку зрения Г.В. Иващенко, который, рассматривая понятие «безопасность» в рамках деятельностного подхода, утверждает: «...безопасность – не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть бы то ни было состояние. Без-

опасность есть условия существования субъекта, контролируемые им. Безопасность, в общем виде, есть специфическая совокупность условий деятельности» [4].

2. Четвертый подход (деятельностный) при определении сущностных характеристик экономической безопасности любой организации представляется автору наиболее полным и обоснованным, учитывающим все необходимые требования, предъявляемые к данной категории, так как «...любой хозяйствующий субъект (организация) создается для выполнения определенного рода деятельности и существует, пока эта деятельность осуществляется» [5].

3. В современных научных работах (второе – третье десятилетия XXI в.), посвященных исследованию категории «экономическая безопасность коммерческого банка», основные методологические акценты смещаются в направлении создания условий для эффективной и безопасной банковской деятельности. Авторы согласны с данной точкой зрения, считая, что подобный апгрейд устоявшейся на определенном этапе категории «экономическая

Таблица 2

Подходы к определению понятий «экономическая безопасность предприятия / банка» (составлено авторами)

Подход	Содержание понятий	Авторы
Управленческий	Экономическая безопасность как состояние стабильного функционирования, устойчивого развития субъекта хозяйствования; комплекс мероприятий, способствующих повышению финансовой устойчивости предприятия / банка	Н.В. Матвеев, Е.А. Олейников, В.К. Сенчагов [6]
Защитный	Экономическая безопасность как организация защиты всех видов ресурсов и составляющих потенциала предприятия /банка от прямых (активных) или косвенных (пассивных) угроз	И.Л. Графова, О.А. Грунин, С.О. Грунин, Р.А. Емельянова, И.А. Езангина, С.П. Сазонов, В.В. Светлова, Г.Ю. Хачатурян [7]
Синкретический (защитно-управленческий)	Экономическая безопасность как состояние рационального использования корпоративных ресурсов предприятия / банка и защита их от внутренних и внешних угроз	З.М. Бикметова, С.О. Гурин, Е.В. Илинич, К.О. Семенов, В.Е. Сивохин [8]
Деятельностный (процессный)	Экономическая безопасность как совокупность условий деятельности предприятия / банка, при которых управление корпоративными ресурсами осуществляется наиболее эффективно, а опасные действия или обстоятельства предупреждены, либо нейтрализованы, либо сведены до состояния, при котором отсутствуют возможности воспрепятствовать стабильному функционированию и развитию организации	В.А. Гамза, И.Б. Ткачук, И.М. Жилкин, А.В. Попов, В.Л. Поздеев [9]

безопасность» как «состояние защищенности», целесообразен и оправдан с учетом социально-экономических изменений, стремительно происходящих в стране и мире, и в связи с постоянными трансформациями самого процесса организации банковского дела, в котором в настоящее время нет стандартных схем, привычных траекторий, трафаретных моделей деятельности. При этом авторы статьи склонны не согласиться с предлагаемой узкой целевой направленностью банка, поскольку банк является субъектом общественных отношений, соответственно, его экономическая безопасность по определению выходит далеко за пределы простого достижения уставных целей.

Таким образом, в рамках деятельностного подхода под экономической безопасностью коммерческого банка предлагается понимать совокупность контролируемых им условий, при которых функционирование и развитие, имущество и инфраструктура банка не подвергаются нежелательным изменениям, препятствующим достижению уставных и социально-ориентированных целей, а любые угрозы устраняются либо минимизируются.

В уточненном определении следует выделить следующие особенности, характеризующие данное понятие:

- базовая характеристика – совокупность контролируемых банком условий, при которых ЭБКБ является устойчивой системой, готовой реагировать на внутренние и внешние угрозы и способной нейтрализовывать и / или устранять их;

- процесс деятельности банка описан с помощью связки «функционирование и развитие»;

- есть указание на объекты защиты (процесс деятельности банка, его имущество и инфраструктура) и целевую направленность банка (достижение уставных и социально-ориентированных целей);

- под «инфраструктурой» понимаются материальные средства (имущество, технические средства, оборудование и пр.), ИТ-системы аналитического контура, инструменты и технологии банковской деятельности, кадровый состав и нематериальные активы, позволяющие извлекать прибыль.

Авторские наблюдения за деятельностью кредитных организаций свидетельствуют о том, что в практическом плане ЭБКБ – это система, обеспечивающая готовность и способность кредитной организации отразить проявления различных угроз, защищая экономические интересы банка и его клиентов. В этой системе базовой составляющей является технологическая структура банка: новые технологические компоненты (бизнес-процессов, методов, инструментов, оборудования и пр.) и архитектура технологической базы.

Изложенное авторами статьи видение понятия «экономическая безопасность банка и предприятия», а также представленная последовательность

«вызов → опасность → угроза → риск» может использоваться при изучении вопросов экономической безопасности любой экономической системы.

Литература:

1. Брега А.В. Риск в системе категорий, характеризующих антитезу национальной безопасности // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: матер. Всеросс. науч. конф. – М.: «Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования», 2010. – С. 737–753.
2. Сушкова И.А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 4 (33). – С. 10–15.
3. Глушенко В.В. Актуальные аспекты системного и процессного подходов в исследованиях экономики и управления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2013. – № 7 (55). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-sistemnogo-i-protsessnogo-podhodov-v-issledovaniyah-ekonomiki-i-upravleniya-1> (дата обращения: 24.05.2023).
4. Иващенко Г.В. О понятии «безопасность» // Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. – URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108062853&archive=0215&start_from=&ucat=& (дата обращения: 12.05.2023).
5. Гамза В.А., Ткачук И.Б., Жилкин И.М. Безопасность банковской деятельности: учеб. для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2020. – 432 с.
6. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс: учеб. / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Дело, 2017. – 896 с.
7. Хачатурян Г.Ю. Институциональные основы экономической безопасности банковской деятельности в современной экономике // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2010. – № 21. – С. 15–22.
8. Семенов К.О. Методика оценки уровня экономической безопасности коммерческих банков // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 5. – С. 110–115.
9. Поздеев В.Л. О системном подходе в экономическом анализе // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 42 (135). – С. 42–45.

Analysis of the Basic Concepts of the Modern Theory of Economic Security

Samysheva E.Y.

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

Usov A.S.

LEONOV University of Technology

The authors have established the characteristic features of the basic categories of the theory of economic security – "challenge", "danger", "threat", "risk", revealed the relationship and correlation between these concepts in the framework of ensuring the economic security of banking structures. Various approaches to the study of the categories "economic security of a bank" and "economic security of an enterprise" are classified, and the concept of "economic security of a commercial bank" is corrected in the expediency of the activity approach.

Key words: economic security, challenge, danger, threat, risk, damage

УДК 330.3

Цифровое неравенство и конкурентоспособность государств: теоретические подходы

Тисленко М.И.Аспирант, ассистент кафедры региональной экономики и географии
Российского университета дружбы народов (Москва)

В статье рассмотрены теоретические аспекты феномена цифрового территориального неравенства в контексте конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности. Анализ концепций цифровой трансформации стран и регионов с различным уровнем благосостояния показал, что цифровое неравенство несет риски повышению конкурентоспособности территорий. Также была установлена связь с конкурентоспособностью на уровне государств и регионов внутри страны. Автор приходит к выводу, что, несмотря на те выгоды, которые несет цифровизация экономики, цифровое неравенство является серьезным фактором, потенциально тормозящим конкурентоспособность страны и нуждается в дополнительных мерах со стороны государства.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровая экономика, цифровая трансформация, конкурентоспособность, пространственное неравенство

Цифровая трансформация национальных экономик – приоритет, заявленный многими государствами, в том числе Российской Федерацией. Важность внедрения информационно-коммуникационных технологий в хозяйственную деятельность, а также общественную жизнь трудно переоценить в современную эпоху, когда компетенции и доступ к информации становятся ключевыми факторами повышения благосостояния индивида и социума на конкретной территории. Тем не менее в настоящее время в условиях санкционного давления на Россию возникает необходимость дополнительных мер по стимулированию цифровизации производства, бизнеса и сектора государственных услуг. Цифровизация выступает здесь как важный экономический фактор повышения эффективности за счет роста производительности, а также снижения издержек. Одним из обстоятельств, потенциально усугубляющих попытки изолировать РФ из глобальной технологической повестки, является цифровое неравенство. Под ним понимаются различия в уровне проникновения цифровых сервисов и их использования населением. Цифровое неравенство проявляется в неравномерном пространственном распределении цифровых ресурсов, доступа к ним, а также

квалифицированной рабочей силы. Эти различия существуют среди российских регионов и дальше проявляются на государственном уровне при сравнении России с экономически развитыми странами. Сравнить страны по уровню цифрового неравенства можно с использованием различных метрик, начиная от доступа к широкополосному интернету и заканчивая долей населения, пользующейся сервисами электронного правительства [1]. Как будет показано, цифровое неравенство складывается из географических, демографических и интеллектуальных факторов.

В рамках данной статьи автор ставит **цель** выявить связи, как цифровое неравенство влияет на конкурентоспособность государства. Автор выдвигает в качестве **гипотезы** тезис о цифровом неравенстве как о тормозящем факторе для экономического успеха страны. **Объектом** данного исследования выступает цифровое неравенство, а **предметом** – его влияние на конкурентоспособность.

Поставленная цель обуславливает следующие **задачи** для проверки гипотезы:

1. Проанализировать концепцию цифровизации и ее значение в повестке экономической политики различных государств;

2. Определить значение цифрового неравенства в контексте цифровой трансформации национальных экономик;

3. Рассмотреть связи между цифровизацией и конкурентоспособностью;

4. Доказать негативную роль цифрового неравенства для национальной конкурентоспособности.

Теоретической и методологической основой исследования стали труды отечественных и зарубежных ученых, изучающих проблемы цифрового неравенства, а также особенности перехода к цифровому обществу и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Методы исследования включают в себя концептуальный анализ, компаративный метод, а также метод кейсов для демонстрации прикладных аспектов изучаемых феноменов.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевым концептом в рамках данного исследования выступает цифровизация: это один из глобальных трендов современности, трансформирующий общество и экономику в долгосрочной перспективе [2]. Под ней понимается деятельность или процесс оцифровывания, то есть перевода из аналоговой формы (текста, аудио- или видео) в цифровой формат, используя двоичную систему [3]. Цифровая трансформация ломает традиционные уклады и коренным образом меняет общественные институты, структуры, отношения и роли. Это происходит сразу на нескольких уровнях:

1) Операционный: путем приема и внедрения цифровых инструментов для упрощения процессов и снижения итераций;

2) Организационный: путем трансформации существующих услуг, предложения новых сервисов и отказа от излишних практик;

3) Экономический: изменение ролей и цепочек добавленной стоимости в бизнес-экосистемах;

4) Социальный: изменение социальных структур и процессов принятия общественных решений (рынок труда, семья, политическое участие) [4].

Перспективы цифровой трансформации стали желаемой реальностью, что заставляет правительства формировать собственные стратегии цифровизации. Стратегии цифровизации приняты практически во всех экономически развитых и ключевых развивающихся странах. Вьетнамские исследователи Н.Т. Дан и Н.М. Три, проанализировав стратегии разных стран, выделили следующие аспекты понимания правительствами цифровой трансформации [5]:

- развитие цифровой экономики (продвижение цифровых бизнес-моделей, финтех, электронная коммерция и автоматизация в традиционных бизнес-моделях);

- использование цифровых технологий для решения социальных задач (повышение безопасности, качественное здравоохранение и образование);

- трансформация отраслей экономики через внедрение цифровых технологий (сельское хозяйство, промышленность, туризм и транспорт, в том числе через ГИС-технологии и интернет вещей);

- выход на новый уровень цифровизации государственных услуг и форм учета деятельности населения (налогообложение, участие граждан в общественной жизни, оказание госуслуг в режиме «одного окна»).

На фоне развития ИКТ энтузиазм от возможностей, порожденных новыми технологиями, быстро сменился пониманием, что выгоды от них распределяются неравномерно. О цифровом неравенстве /цифровом разрыве российские исследователи пишут более 20 лет, а их зарубежные коллеги – более 30 лет [6]. За это время произошла трансформация в понимании цифрового неравенства от различий в доступе к интернету и физической инфраструктуре (компьютеры) к различиям в цифровых компетенциях и частоте использования цифровыми ресурсами. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) понимает под цифровым неравенством «разрыв между гражданами, домохозяйствами, субъектами предпринимательства и географическими областями на разных социально-экономических уровнях в отношении как возможности доступа к информации и информационно-коммуникационным технологиям, так и к использованию интернета для различных видов деятельности» [7]. Ключевыми характеристиками цифрового разрыва и противоположной ему цифровой инклюзии являются связность (*connectivity*), возможность (*capability*), содержание (*content*), уверенность (*confidence*) и непрерывность (*continuity*), получившими в академической литературе название модели «5 с» [8]. В настоящее время существует консенсус, что основные сложности борьбы с цифровым неравенством в XXI в. лежат в плоскости цифровых компетенций и уровней их владения [9]. Большое внимание исследователей и экспертов было уделено факторам цифрового неравенства [10–14]. Основными его предикторами выступают возраст, образование, пол, уровень дохода, этнические и расовые признаки для ряда сообществ, однако наибольшую связь демонстрируют первые два предиктора [15]. Исходя из этого, цифровое неравенство работает в соответствии с «эффектом Матфея» [16], то есть воспроизводит само себя. Люди с невысокими уровнями образования и дохода, даже обладая доступом к интернету, реже используют его для получения образования и, как следствия, повышения собственного дохода – так работает петля обратной связи цифрового неравенства [17].

Следовательно, цифровое неравенство является сопутствующим фактором цифровой трансформации, потому что в ее основе лежит фактор владения и пользования ценными ресурсами – материально-

технической базой, квалифицированной рабочей силой и в целом качественным человеческим капиталом). Тем не менее цифровое неравенство может быть фактором, тормозящим цифровизацию, и на это есть три причины. Во-первых, цифровые компетенции являются компонентом человеческого капитала, и их наличие повышает его качество и, следовательно, повышает конкурентоспособность как отдельного индивида на рынке труда, так и целых регионов и государств. Во-вторых, цифровая трансформация стимулирует инновации; и в странах, в которых доступ к цифровым технологиям и уровень их проникновения низкий по сравнению с другими государствами (ИКТ-«неимущие»), менее вероятны генерация инновационных идей и их эффективная реализация. В-третьих, цифровое неравенство тормозит становление ИКТ как сектора экономики: уже обозначенная проблема использования технологий на фоне невысокой «цифровой грамотности» обостряется «туземным» употреблением ИКТ¹. В качестве примера можно привести ситуацию, когда мессенджеры по типу *WhatsApp*² используются для циркуляции непроверенных слухов, фейковых новостей и городских легенд (разбросанные террористами иглы в метрополитене, вся «правда» о *COVID-19*). Таким образом, цифровые медиа используют в качестве канала коммуникации недостоверной информации, что может не только ввести в заблуждение большие группы людей из-за эффекта «виральности», но и спровоцировать социальные волнения.

Следующий шаг – установить связи между цифровой трансформацией и повышением конкурентоспособности. Дискуссии о благосостоянии различных экономик насчитывается более 300 лет, начиная со споров меркантилистов с физиократами и классического труда А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [19], однако «конкурентоспособность» как категория получила свое концептуальное оформление в последние 50 лет. Широкое распространение получила теория сравнительных конкурентных преимуществ М. Портера, которая апеллирует к совокупности детерминантов конкурентоспособности экономики, складывающихся в «национальный ромб» [см.: 20]. Модель М. Портера не лишена недостатков, так как не дает представление о качестве и степени связей между факторами и фирмами [21]. Этот и другие недостатки были частично устранены за счет развития теории М. Портера исследователями Дж. Д'Крузом А.М. Ругманом [14] и А. Вербеке [21], предложившими модель «двойного» и «двойного генерализованного» ромбов. Таким образом, к детерминантам национальной экономики добавлялась связка

детерминантов внешних рынков, где позиции национальной экономики могут меняться, а также добавлена роль ТНК. На этом развитие концепции национальной конкурентоспособности не заканчивается: каждый последующий автор добавляет другие факторы для учета в модели [22]: например, в концепции конкурентоспособности корейских исследователей Дон-Сун Чо и Хвайчанга Муна насчитывается уже 9 факторов [23]. В прикладном аспекте концепции конкурентоспособности встречается следующее ее определение, принятое в Европейском Союзе: конкурентоспособная экономика – «это экономика с устойчиво высокими темпами роста производительности. <...> Конкурентоспособность является необходимым условием для достижения ЕС целей умной, устойчивой и инклюзивной экономики, обеспечивающей высокий уровень занятости, производительности и социальной сплоченности» [24].

Как же связаны между собой конкурентоспособность и цифровая трансформация? С одной стороны, цифровизация несет как выгоды, так и вызовы. К выгодам относятся постепенный экономический рост за счет рационализации процессов и использования ресурсов, улучшения качества жизни, более широкий доступ граждан к общественным сервисам и повышение прозрачности и подотчетности лиц, принимающих решения, в том числе политические [24]. Еще одна когорта исследователей обращает внимание, что ключевым достоинством цифровизации, подчеркивающим ее дизруптивный характер для существующего экономического порядка, является повышение производительности [25; 26]. Это дает нам ответ на ключевой вопрос, как связана национальная конкурентоспособность и цифровизация. Следовательно, те субъекты мировой экономики, которые игнорируют цифровизацию как тренд, рискуют оказаться на периферии экономических процессов и утратить собственную конкурентоспособность.

Данный тезис подтверждается эмпирическими исследованиями: существует статистическая зависимость между конкурентоспособностью государства, выраженной, например, в позиции в рейтинге международной конкурентоспособности Международного института развития менеджмента (*IMD*), и значениями таких параметров, как распространение широкополосного интернета, доступ и пользование цифровыми услугами, а также обладание населением ИТ-компетенциями [12].

Если спуститься с государственного уровня на региональный, то можно найти аналогичные закономерности центр-периферийных отношений, складывающихся в пространстве. Например, Греция как член ЕС характеризуется низким уровнем проникновения и использования цифровых технологий: в европейском индексе цифровых экономик и общества (*DESI*) [27] Греция занимает 26-ю позицию (это

¹ По аналогии с «туземной» наукой [см.: 18].

² Компания *Meta*, которой принадлежат *WhatsApp*, *Facebook* и *Instagram*, запрещена на территории России.

при ВВП на душу населения более чем в полтора раза ниже, чем в среднем по ЕС: 20 276 евро против 33 228 [7]). Однако и внутри Греции существует дифференциация между регионами: центральная Греция характеризуется более высоким уровнем применения ИКТ по сравнению с Эгейскими островами и Критом [28]. Следовательно, внутри недостаточно «дигитализированной» Греции можно найти регионы, в которых ИКТ-«неимущих» больше, чем в целом по стране, причем логично предположить, что в таких регионах также есть пространства с большими цифровыми разрывами. Таким образом, центр-периферийные отношения можно наблюдать на разных уровнях вне зависимости от размера территории и степени ее цифрового разрыва.

Если спускаться с уровня агрегированных данных на уровень отдельных кейсов, к такому же выводу приходят исследователи в отношении стран, характеризующихся цифровыми разрывами. Например, Греция, будучи частью Еврозоны и общей политики ЕС по цифровой трансформации экономики, испытывает затруднения на пути к цифровой конкурентоспособности ввиду различий в компетенциях, уровне цифровизации бизнеса, степени развитости электронной коммерции и телемедицины [29].

Стоит отметить, что к проблеме преодоления цифрового неравенства государства начали подходить осознанно преимущественно в развитых экономиках, в то время как развивающиеся страны при наличии ресурсов фокусируются на цифровой трансформации как процессе, сулящем большие возможности. В этом отношении показателен пример Европейского Союза, в чьих стратегических документах зафиксирована приоритетность борьбы с цифровым неравенством как между странами – членами ЕС, так и внутри различных групп населения (женщины, пожилые, низший класс) [30]. Отслеживание динамики на данном направлении осуществляется ежегодно через уже упоминавшийся индекс цифровых экономики и общества *DESI* [31].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровое неравенство – это неизбежное следствие цифровой трансформации, которая, тем не менее, создает риски для конкурентоспособности экономики. Оно опасно как в инфраструктурном смысле (в виде отсутствия доступа населения и предприятий к технологиям и интернету), так и в институциональном – в нехватке компетенций, отсутствии равных возможностей для всех слоев населения, эффективности мер государственной поддержки. В России политики и управленцы уже идентифицируют цифровое неравенство как характеристику субъектов РФ наряду с географическими и ресурсными особенностями экономик российских регионов, однако пока больше в инфраструктурном ключе [32]. В этом плане стейкхолдерам цифровой трансформации в России еще предстоит внедрять допол-

нительные меры для обеспечения равного доступа к технологиям и связности страны.

Литература:

1. Сафиуллин А.Ф., Моисеева О.А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // *π-Economy*. – 2019. – № 6. – С. 26–37.
2. Degryse C. Digitalisation of the economy and its impact on labour markets // *ETUI Research Paper-Working Paper*. – 2016. – P. 7–75.
3. Henriette E., Feki M., Boughzala I. The shape of digital transformation: A systematic literature review // *MCIS 2015 Proceedings*. – 2015. – P. 431–443.
4. Porter M.E. The competitive advantage of nations. – New York: Free Press, 1990. – 855 с.
5. Dung N.T. et al. Digital transformation meets national development requirements // *Linguistics and Culture Review*. – 2021. – Т. 5. – № S2. – P. 892–905.
6. Меликян А.А. Анализ подходов к определению цифрового неравенства // *Инновации и инвестиции*. – 2022. – № 5. – С. 9–14.
7. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) // *Understanding the Digital Divide*. Paris: OECD. 2001. – URL: <https://www.oecd.org/sti/1888451.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).
8. Parviainen P. et al. Tackling the digitalization challenge: How to benefit from digitalization in practice // *International Journal of Information Systems and Project Management*. – 2017. – Т. 5. – № 1. – P. 63–77.
9. Рождественская Е.М. Проблемы повышения конкурентоспособности организации в условиях преодоления цифрового неравенства // *π-Economy*. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 34–46.
10. Chowdary T.H. Diminishing the digital divide in India // *info*. – 2002.
11. Cuervo M.R.V., Menéndez A.J.L. A multivariate framework for the analysis of the digital divide: Evidence for the European Union-15 // *Information & Management*. – 2006. – Т. 43. – № 6. – P. 756–766.
12. Recabarren M., Nussbaum M., Leiva C. Cultural divide and the Internet // *Computers in Human Behavior*. – 2008. – Т. 24. – № 6. – P. 2917–2926.
13. Rice R.E., Katz J.E. Comparing internet and mobile phone usage: digital divides of usage, adoption, and dropouts // *Telecommunications policy*. – 2003. – Т. 27. – № 8-9. – P. 597–623.
14. Rugman A.M., D'Cruz J.R. The «double diamond» model of international competitiveness: The Canadian experience // *MIR: Management International Review*. – 1993. – № 33. – P. 17–39.

15. Elena-Bucea A. et al. Assessing the role of age, education, gender and income on the digital divide: evidence for the European Union // *Information Systems Frontiers*. – 2021. – Т. 23. – № 4. – P. 1007–1021.
16. Hargittai E. The digital divide and what to do about it // *New economy handbook*. – 2003. – Т. 2003. – P. 821–839.
17. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2016. – № 5 (135). – С. 163–182.
18. Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. – 2013. – № 19. – С. 239–275.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2009. – 1770 с.
20. Ryankova S., Troyanskaya M., Tyurina Y. Digital development and its impact on regions' competitiveness // *Global Economy Journal*. – 2021. – Т. 21. – № 02. – P. 2150010.
21. Verbeke A., Moon H.C., Rugman A.M. The generalized double diamond approach to international competitiveness // *Beyond the diamond*. – Emerald Group Publishing Limited, 1995. – P. 97–114.
22. Белова Л.Г. Эволюция подходов к оценке конкурентных преимуществ различных стран // *Аудит и финансовый анализ*. – 2012. – № 5. – С. 314–319.
23. Cho D.S., Moon H.C. National competitiveness: Implications for different groups and strategies // *International Journal of Global Business and Competitiveness*. – 2005. – Vol. 1. – № 1. – P. 1–11.
24. Greece in the Digital Economy and Society Index // Brussels: European Commission, official website. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi-greece> (дата обращения: 17.08.2022).
25. Berman S.J. Digital transformation: opportunities to create new business models // *Strategy & Leadership*. – 2012. – Т. 40. – № 2. – P. 16–24.
26. Brynjolfsson E. ICT, innovation and the e-economy // *EIB papers*. – 2011. – Т. 16. – № 2. – P. 60–76.
27. Indicators of economy in Greece // *WorldData.info*, official website. – URL: <https://www.worlddata.info/europe/greece/economy.php> (дата обращения: 17.08.2022).
28. Gounopoulos E. et al. Digital Divide in Greece-A Quantitative Examination of Internet Nonuse // *Economy, finance and business in southeastern and central Europe*. – Springer, Cham, 2018. – P. 889–903.
29. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: chaotic concept or policy panacea? // *Journal of economic geography*. – 2003. – Т. 3. – № 1. – P. 5–35.
30. Glossary of summaries – Competitiveness // *EUR-Lex* – Access to European Union Law, official website. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/competitiveness.html> (дата обращения: 15.12.2021).
31. European Parliament. Bridging the digital divide in the EU // Brussels: European Parliamentary Research Service, 2015. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/573884/EPRS_BRI\(2015\)573884_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/573884/EPRS_BRI(2015)573884_EN.pdf) (дата обращения: 17.08.2022).
32. В России начался второй этап устранения цифрового неравенства. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40814/> (дата обращения: 17.08.2022).

Digital Inequality and State Competitiveness: Theoretical Approaches

Tislenko M.I.

Peoples' Friendship University of Russia

The paper focuses on theoretical conceptualization of the phenomenon of digital divide and its connection with territorial competitiveness. Based on an analysis of the concept of digital transformation and, as its result, digital divide, a relation with competitiveness has been identified at the level of states and regions within a country. The author concludes that, despite the benefits of the digitalisation of the economy, the digital divide is a serious factor potentially hindering the country's competitiveness and needs additional measures from the state.

Key words: digital inequality, digital divide, digital economy, digital transformation, competitiveness, spatial inequality

УДК 342.5

Цифровое государственное управление: роль, риски и новые парадигмы развития**Шашкова Н.И.**

Доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных наук
Херсонского государственного педагогического университета

Эпоха цифровизации коснулась всех сфер функционирования государства, включая экономику, политику и государственное управление. В статье приведена динамика развития электронного правительства в мире и России, рассмотрены характерные особенности цифрового правительства, выявлены риски и роль цифрового государственного управления. Приведены ключевые направления и парадигмы развития цифрового государственного управления в стране.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, цифровое правительство, риски, электронное правительство

Цифровое государственное управление стало важным вектором развития для многих стран в мире, включая Российскую Федерацию. В разных державах применяются различные подходы и стратегии внедрения цифровых технологий в государственное управление в зависимости от социально-экономического уровня развития страны. При этом в приоритете становится изменение ценностей аппарата государственной власти, усиление открытости и участия граждан, а не трансформация одних организационных подходов в другие в процессе цифровой трансформации.

Теоретические и практические аспекты внедрения процесса цифровизации в сфере государственного управления рассматриваются многими исследователями [2–5; 7–11], однако недостаточно раскрытыми остаются ряд вопросов относительно вызовов и дальнейшего развития цифрового государственного управления, что и актуализовало тему исследования.

Целью исследования является характеристика свойств цифрового правительства, выявление рисков и векторов дальнейшего развития цифрового государственного управления в РФ.

Реформирование государственного управления с использованием цифровых технологий сегодня проходит по всему миру. В рейтинге «Индекс развития электронного правительства» (*E-Government Development Index*), составляемым ООН, в 2022 г. в тройке лидеров находилась Дания, Финляндия и Республика Корея, тогда как Российская Федерация занимала 42 позицию из 193 стран (рис. 1). Успех

указанных стран в области электронного правительства связан с активным внедрением цифровых инноваций во всех государственных учреждениях, использованием искусственного интеллекта и больших данных, усилением доступности и инклюзивности, вовлечением граждан, предоставлением широкого перечня услуг (цифровые удостоверения личности, услуги налогообложения в режиме онлайн, электронные почтовые ящики и пр.), развитием законодательства по кибербезопасности и защите персональных данных. Развитию цифрового правительства также способствует постоянный обмен знаниями и сотрудничество между госучреждениями и заинтересованными лицами.

Следует отметить, что, начиная с 2014 г., позиция РФ в мировом рейтинге ежегодно ослабевала. В раз-

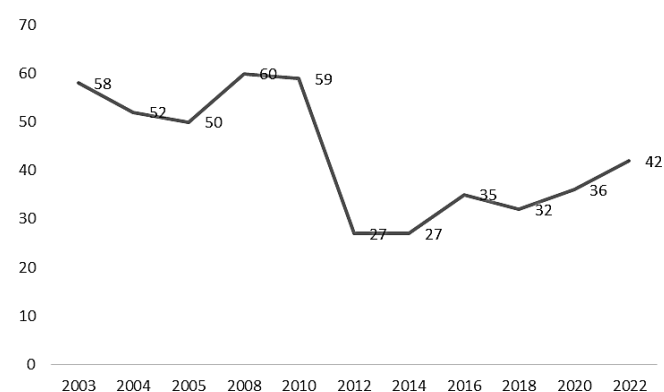

Рис. 1. Место РФ в рейтинге «Индекс развития электронного правительства»

Источник: составлено по данным [1].

резу субиндексов в 2022 г. по сравнению с 2003 г. наблюдался рост индексов телекоммуникационной инфраструктуры и онлайн-услуг, тогда как индекс человеческого развития ухудшился. Также ежегодно снижался индекс онлайн-услуг, начиная с 2018 г. (рис. 2).

В целом же в мире, благодаря пандемии COVID-19 и развитию телекоммуникационной инфраструктуры, в 2022 г. наблюдался рост значений Индекса развития электронного правительства, что было обусловлено переосмыслением роли государства и ускорением процесса цифровизации с целью обеспечения непрерывности государственных услуг и стабильности в социальной сфере.

В мировой практике одним из ключевых индикаторов степени «цифровой зрелости» государственного управления является трансформация электронного правительства в цифровое [2]. А поскольку цифровое правительство представляет собой развитие электронного правительства, то оно обладает рядом специфических свойств (табл. 1).

Компания «Гартнер» определяет цифровое правительство как правительство, которое создано и функционирует таким образом, чтобы использовать преимущества цифровых данных в ходе оптимизации, изменения и предоставления государственных услуг [6].

В целом же цифровое государственное управление можно охарактеризовать как концепцию применения информационных и коммуникационных технологий в деятельности государственных органов и учреждений для оптимизации процессов, повышения качества предоставляемых услуг и улучшения взаимодействия с гражданами, бизнесом и другими заинтересованными сторонами. Это целостный подход к управлению, ориентированный на использование современных цифровых технологий для достижения эффективности и прозрачности в работе государственных структур.

Цифровое государственное управление играет огромную роль в развитии страны, которая заключается в следующем [7; 8]:

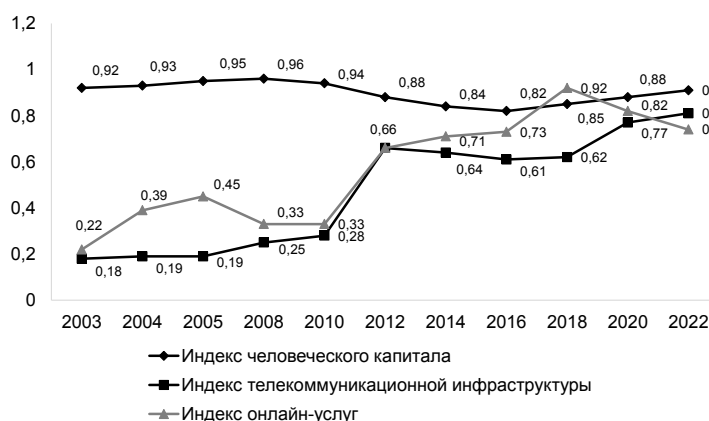

Рис. 2. Динамика индекса развития электронного правительства в разрезе компонент

Источник: составлено по данным [1].

1. Повышение эффективности работы государственных органов. Цифровые технологии позволяют автоматизировать процессы, ускорить доступ к информации и оптимизировать ресурсы, что способствует повышению эффективности работы государственных органов.

2. Улучшение качества государственных услуг. Цифровое государственное управление делает возможным предоставление государственных услуг онлайн, что упрощает процедуры, уменьшает «бумажный документооборот», сокращает временные затраты для юридических и физических лиц. Это также способствует более прозрачному и доступному взаимодействию между государством и обществом.

3. Прозрачность и открытость. Благодаря цифровым технологиям обеспечивается более открытое и прозрачное управление, предоставляется доступ гражданам к информации о деятельности государственных органов, расходах бюджета и принимаемых решениях. Это помогает предотвращать коррупцию, улучшает контроль за деятельностью государственных структур и способствует укреплению доверия между правительством и населением.

4. Активизация процесса вовлечения граждан. Цифровое государственное управление способствует расширению участия граждан в процессах принятия решений через электронные платформы для обратной связи, голосования, общественных обсуждений и участия в онлайн-консультациях.

5. Использование данных для принятия решений. Цифровое государственное управление предоставляет возможность сбора, хранения и анализа больших объемов данных для выявления тенденций и принятия обоснованных решений на основе фактов и статистики.

6. Кризисное управление. В условиях кризисных ситуаций, таких как природные катастрофы, пандемии или террористические угрозы, цифровое государственное управление может обеспечить более оперативное реагирование и координацию действий.

7. Сокращение расходов на обслуживание государственного аппарата и успешное внедрение проектов на национальном уровне при минимизации затрат на их имплементацию.

В тоже время цифровое государственное управление в процессе своего развития сталкивается с рядом проблем и вызовов, среди которых ключевыми являются следующие [3; 5; 9]:

1. Наличие киберрисков. Развитие цифровых технологий повышает риск кибератак и утечек данных. Злоумышленники могут нацелиться на государственные информационные системы, что может привести к серьезным последствиям, таким как утечка личных данных граждан, нарушение работы государственных

Таблица 1

**Характерные черты цифрового правительства
как элемента цифрового государственного управления**

Свойство	Описание
Цифровая форма	Разработка политики, новых программ, а также услуг должна базироваться на цифровых процессах, то есть правительство должно быть полностью цифровым, что включает кардинальные трансформации.
Адаптация законодательства для имплементации цифровых технологий	Новая цифровая реальность требует трансформации существующего законодательного поля, поскольку имеющаяся не учитывает ее особенности.
Максимальная открытость и изменение формата работы государственных органов	Государственные органы на сегодняшний день обязывают государственных служащих сотрудничать в разных форматах по различным вопросам с другими заинтересованными сторонами, тогда как ранее государство представляло собой единственный надежный источник информации.
Трансформация роли государственных служащих	Цифровое правительство предполагает, что госслужащие будут выступать как посредники, коммуникаторы и сетевые акторы, задачей которых станет поиск локальных, национальных и международных проблем, а также объединение интеллектуальных способностей заинтересованных сторон с целью решения выявленных проблем.
Замена линейных подходов экспоненциальными взаимодействиями для решения проблем	Цифровому правительству необходимо присоединяться к открытым инновационным экосистемам и в ходе взаимодействия с окружающей средой идентифицировать не свои потребности, а проблемные аспекты. Государственные служащие должны решать возникающие перед ними проблемы в открытом формате и с учетом взаимосвязи со всеми заинтересованными лицами с целью принятия общих глобальных решений, которые обусловлены четвертой промышленной революцией.
Переход государственных органов на программное обеспечение с открытым программным кодом	Внедрение открытого программного кода позволит местным, региональным и национальным властям как обмениваться решениями, так и проводить совместные разработки услуг с заинтересованными сторонами.
Принятие цифрового мышления государственными служащими	Поскольку услуги физическим и юридическим лицам могут быть предоставлены на любом устройстве, платформе и пр. экосистемы, государственным служащим не следует ожидать обращения граждан к ним за услугами.
Повсеместность и проактивность государственных услуг и невидимость государственных служб	Ожидается, что пользователи не будут взаимодействовать с государственными служащими, поскольку их потребности будут удовлетворены либо сразу после их возникновения, либо до того, как они появятся.
Постоянное расширение структуры цифрового правительства	Структура цифрового правительства является более широкой по сравнению с электронным правительством. В нее входят как государственные, так и негосударственные и коммерческие организации, граждане и их объединения, получающие доступ к данным благодаря взаимодействию с государством либо оказывающие свои услуги на базе государственных платформ.
Приоритетная роль в принятии решений отводится данным, которые собираются в режиме реального времени	В таком случае обеспечивается автоматизация работы органов государственной власти на максимальном уровне и повышается эффективность принимаемых ими решений.

Источник: составлено по данным [3-5].

служб и доверия к цифровым решениям. Все это обуславливает необходимость повышения уровня кибербезопасности для защиты персональных данных от несанкционированного доступа и злоупотребления.

2. Усиление цифрового разрыва. Неравномерность доступа к цифровым технологиям среди различных слоев населения может привести к цифровому разрыву. Люди из отдаленных регионов или малообеспеченные слои населения могут оказаться отстраненными от возможности пользоваться государственными онлайн-услугами, что усугубит социальные неравенства.

3. Проблемы взаимодействия с аналоговыми структурами. Переход к цифровому государственному управлению может столкнуться с сопротивлением или сложностью интеграции с традиционными аналоговыми структурами, которые функциониру-

ют более длительное время. Это может замедлить процесс внедрения цифровых решений и снизить эффективность реформ.

4. Потеря доверия граждан. Неправильное использование данных или недостаточная защита личной информации может привести к потере доверия граждан к государственным органам. Правительства должны активно работать над повышением прозрачности, а также обеспечивать конфиденциальность и безопасность данных.

5. Ресурсные ограничения. Развитие и внедрение цифровых решений требуют значительных ресурсов как финансовых, так и человеческих. Не все страны и регионы могут сразу осуществить широко-масштабное внедрение цифровых технологий в государственное управление, и это может стать проблемой для некоторых менее развитых областей.

6. Человеческий фактор. Одним из ключевых факторов успеха цифрового государственного управления является подготовленность и обучение государственных служащих. Необходимо уделять внимание обучению персонала и обеспечению его технической грамотности, чтобы он мог эффективно работать с цифровыми инструментами и технологиями.

Несмотря на эти проблемы, переход к цифровому государственному управлению остается важным направлением развития, которое может существенно улучшить качество предоставляемых государством услуг, повысить эффективность и прозрачность его работы и содействовать более активному взаимодействию с гражданами. Важно активно работать над решением проблемных аспектов и ответственно использовать цифровые технологии для удовлетворения потребностей граждан и юридических лиц.

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые направления и парадигмы развития цифрового государственного управления [3; 8; 10–11]:

1. Продолжение реформ в области государственного управления, способствующих трансформации государственных органов в цифровые платформы, которые выполняют государственные функции и оказывают услуги в режиме прозрачности и оперативности. Ключевая задача реформирования заключается в адаптации государственных органов власти к вызовам новой реальности. Благодаря внедрению процесса цифровизации, а также платформенных решений, улучшается управленческая структура, сокращаются лишние сотрудники и менеджеры государственного аппарата, минимизируются количество функций, выполняемых сотрудниками государственной службы.

2. Повышение уровня тактического и стратегического планирования для достижения национальных целей развития экономики РФ осуществляется благодаря трансформации модели «сервисного управления» в модель «объединенного правительства».

3. Перевод ведомственных процессов в электронную форму, включая деятельность контрольно-надзорных служб.

4. Расширение перечня государственных услуг, предоставляемых по принципу 24/7, большая часть из которых должна предоставляться автоматически.

5. Улучшение качества системы поддержки пользователей государственных услуг органами государственного управления, работы платформы, на которой оказываются услуги, что является чрезвычайно важным для реализации социальных приоритетов стратегии развития страны.

6. Использование больших данных и искусственного интеллекта. Сбор и анализ больших данных позволяет государственным органам выявлять тенденции, оптимизировать ресурсы, повышать эффективность процессов и принимать более обоснованные решения.

7. Устранение неравного развития в сферах экономики, демографии, цифрового развития и грамотности населения в пределах страны, что позволит снизить политические риски и повысить уровень открытости региональной власти.

Таким образом, резюмируя, отметим, что в мире прослеживается активная тенденция к внедрению цифровизации в сектор государственного управления, что обусловлено, с одной стороны, повышением требований со стороны общества к качеству оказываемых государством услуг, а с другой, развитием информационно-коммуникационных технологий. Единая цифровая платформа, которая является результатом цифровой модификации государственного управления, даст возможность решить ряд важных политических и управленческих решений, что повысит прозрачность и эффективность работы сферы государственного управления. Тем не менее необходимо учитывать все риски и угрозы, которые оказывают негативное воздействие на развитие цифрового государственного управления. Важным фактором при формировании стратегии развития в сфере цифрового государственного управления является учет международного опыта в части оказываемых услуг и при решении возникающих проблем.

В целом же цифровое государственное управление является драйвером развития экономики в эпоху цифровизации и повышает прозрачность и эффективность работы государственной власти, а также уровень обслуживания физических и юридических лиц.

Литература:

1. UN E-Government Knowledgebase. Russian Federation. – URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/CountryInformation/id/141-Russian-Federation/dataYear/2022> (дата обращения: 22.05.2023).
2. Смотрицкая И.И. Цифровая трансформация государственного управления: основные тренды и новые возможности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. – № 230. – С. 223–228.

3. Коданева С.И. Цифровое правительство: государство как платформа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 8–20.
4. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 120–134.
5. Иванова М.В. Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 79. – С. 246–269.
6. Цифровое правительство // TAdviser. – 2020. – 18.09. – URL: <https://www.tadviser.ru/a/549522> (дата обращения: 22.05.2023).
7. Джордано Д.О., Понявина М.Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит. – 2020. – № 2. – С. 75–80.
8. Михайленко Н.В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 171–175.
9. Яковлев-Чернышев В.А. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации: преимущества и риски // NB: Административное право и практика администрирования. – 2021. – № 2. – С. 42–51. – URL: https://nbpub.lich.com/library_read_article.php?id=36011 (дата обращения: 22.05.2023).
10. Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е. О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 81. – С. 256–275.
11. Кочетков А.П., Василенко И.А., Володенков С.В., Гаджиев К.С., Коваленко В.И., Соловьев А.И., Кирсанова Е.Г. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества: экспертный круглый стол на факультете политологии МГУ // Власть. – 2021. – № 1. – С. 317–331.

Digital Public Administration: Role, Risks and New Development Paradigms

Shashkova N.I.
Kherson State Pedagogical University

The era of digitalization has affected all spheres of the functioning of the state, including the economy, politics and public administration. The article presents the dynamics of the development of e-government in the world and Russia, examines the characteristic features of digital government, identifies the risks and the role of digital public administration. The key directions and paradigms of the development of digital public administration in the country are given.

Key words: digitalization, public administration, digital government, risks, e-government

УДК 339.923:338.45

Тенденции торгово-экономического взаимодействия ЕАЭС и КНР в сфере промышленных товаров

Шайхутдинова Ф.Н.

Кандидат химических наук,
доцент кафедры бизнес-статистики и экономики
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Обоснована актуальность исследования торгово-экономических взаимоотношений стран ЕАЭС с КНР в условиях потери Россией ряда западных партнеров. Выявлен существенный прирост экспорта отдельных сырьевых товаров из стран ЕАЭС в КНР и импорта готовой промышленной продукции из экспортируемого сырья. Установлен рост импорта высокотехнологичных товаров из Китая, преимущественно Россией. Предложены рекомендации по обеспечению технологического суверенитета ЕАЭС за счет кооперации внутри Союза и диверсификации торговых отношений с дружественными странами.

Ключевые слова: промышленный товар, торгово-экономическое сотрудничество, КНР, ЕАЭС, экспорт, импорт, внешняя торговля

Деглобализация экономики в период пандемии способствовала росту региональной интеграции стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и интенсификации кооперационных поставок [1] за счет функционирования инновационной инфраструктуры, направленной на развитие высокотехнологичных производств [2]. Однако начало Специальной военной операции (далее – СВО) привело к ужесточению санкционной политики США и стран Запада в отношении России, уходу совместных промышленных производств и иностранных производителей с российского рынка, что обусловило ситуативный дефицит высокотехнологичной продукции и потребовало создания новых партнерств с азиатскими странами [3].

Соглашение о торгово-экономическом взаимодействии между странами Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республикой (далее – КНР), подписанное представителями стран в 2018 г. и вступившее в силу в 2019 г., направлено на экономическую интеграцию стран – участниц соглашения, развитие инициативы «Один пояс – один путь» и формирование геополитического партнерства в интересах ослабления влияния стран Запада и США на территории Азиатско-Тихоокеанского региона [4].

Несмотря на наличие Соглашения и интерес к Китаю как к источнику транснациональных проектов и кооперации в Евразии, до 2020 г. в странах ЕАЭС отмечалась замкнутость экономик в рамках национальных рынков, страны Союза сдержанно относились к торгово-экономическим отношениям с КНР, ограничивая экспансию Китая в ЕАЭС. Одновременно велась работа по усилению импортозамещения в рамках национальных экономик Союза. Далее, с ужесточением санкционного давления, наблюдалась интенсификация кооперации КНР и ЕАЭС. Например, в 2023 г. утверждена дорожная карта торговых взаимодействий, мероприятия которой направлены на упрощение торговли, в том числе электронной, а также на гармонизацию таможенных процедур и системы транспортировки грузов [5].

В связи с тем, что с началом СВО КНР становится наиболее крупным партнером ЕАЭС с оборотом взаимной торговли в 243 млрд долл. США и приростом товарооборота на 1/3 в 2022 г. относительно 2021 г. [6], интерес представляют исследования структуры и изменений товарооборота между ЕАЭС и КНР в части торговли промышленной продукцией. Статистические сводки Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) по внешней торговле ЕАЭС

с КНР включают данные до 2021 г., что ограничивает возможность оценки статистики при эскалации санкций с 2022 г., однако позволяет проследить ряд тенденций (рис. 1).

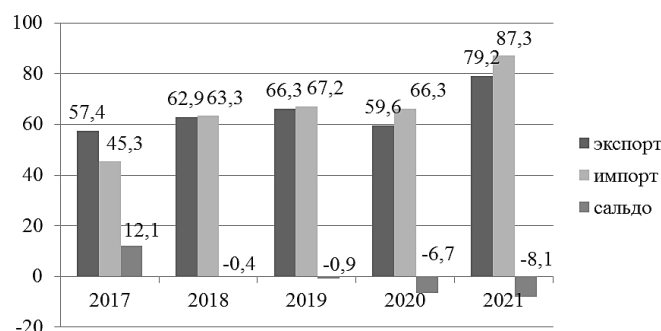

Рис. 1. Динамика внешней торговли ЕАЭС с КНР за 2017–2021 гг., млрд долл. США (составлено автором по данным ЕЭК [7])

Так, согласно рисунку 1, в период с 2017 до 2021 гг. объемы взаимной торговли стран ЕАЭС и КНР демонстрируют рост с закономерным снижением в год пандемии (2020 г.) и повышением в 2021 г. в 1,3 раза относительно 2020 г. В структуре торговых отношений ЕАЭС и КНР превалирует импорт продукции Китая странами Союза над экспортом. Действительно, если торговля между ЕАЭС и КНР осуществлялась с положительным сальдо в 12,1 млрд долл. США в 2017 г., то в 2021 г. регистрировалось отрицательное сальдо в 8,1 млрд долл. США, что свидетельствует о недостаточном развитии собственных производств в ЕАЭС по некоторым группам товаров для полного закрытия потребностей локальных рынков.

В результате анализа состава и объемов экспорта и импорта стран ЕАЭС можно выделить ряд тенденций во взаимоотношениях Союза и КНР по отраслям и группам промышленных товаров (приводятся данные в формате – 2021 г., млрд долл. США/2020 г., млрд долл. США/прирост, %):

- основной экспорт по отраслям включает: минералы – 54,6/36,6/49,1; металлы – 7,3/6,3/15,2; древесину – 5,3/4,4/19,6 и изделия из них;

- экспорт по товарным группам имеет наибольшие значения и прирост для: нефти – 36,8/25,0/47,3; продуктов из нефти – 39/2,2/79,2; угля – 3,9/1,9/200; руд и рудных концентратов – 2,9/2,0/45,1;

- импорт по отраслям демонстрирует наибольший прирост в категориях: машины, оборудование – 51,3/38,2/34,3; текстиль и изделия – 9,1/7,1/17,5; химическая продукция – 9,4/7,0/33,2 [7].

Количественное выражение результатов торгово-экономических взаимодействий ЕАЭС и КНР свидетельствует о приросте экспорта сырьевых товаров со стороны Союза и импорта некоторых видов конечной промышленной продукции из Китая. В целом по странам ЕАЭС в группе «сырьевые товары для промышленности» в 2021 г. экспорт пре-

вышал импорт в 4 раза, с возрастанием экспорта на 2,9 %, а импорта на 18,5 % относительно 2020 г. По группе «обработанные товары для промышленности» экспорт в 2021 г. превосходил импорт в 2,3 раза с приростом в пределах 40 % от уровня 2020 г. как экспорта, так и импорта. Среди стран Союза Россия остается основным экспортером и импортером промышленных товаров в рамках внешней торговли с долей в ЕАЭС по стоимости экспорта – 85,4 и 84 %, импорта – 89, и 88,5 % для группы сырьевых и группы обработанных товаров соответственно.

Распределение товарооборота между ЕАЭС с КНР с долями участия каждой страны Союза по видам промышленных товаров с наибольшим приростом торговли в 2021 г. к 2020 г. в стоимостном выражении представлено в таблице 1. В данном исследовании не приводятся сырьевые товары энергетического сектора (нефть, газ, уголь) в связи с наличием аналитических изысканий в этой области [8].

Согласно таблице 1, в составе экспорта в КНР алюминия, медной проволоки и целлюлозы наибольшую долю имеет Россия; экспортерами медной руды выступают Армения (9,9 %), Казахстан (50,2 %), Кыргызстан (0,7 %), Россия (39,2 %); железную руду в Китай поставляют Казахстан (27,4 %) и Россия (72,6 %); основным экспортером молибденовой руды в КНР является Армения (96,3 %); Беларусь имеет долю в экспорте целлюлозы в 6,1 %. Наибольший прирост экспорта в 2021 г. к 2020 г. регистрируется в категориях товаров – алюминий необработанный (в 3,7 раз) и проволока медная (в 4,9 раз), где основную долю в экспорте имеет Россия. Соответственно, интенсификация поставок России в Китай наблюдается до начала СВО и потери европейских потребителей.

Важно отметить, что если экспорт алюминиевого сырья в КНР осуществлялся на 98,5 % Россией, 0,1 % Арменией, 1 % Казахстаном и 0,4 % Кыргызстаном, то импорт готовых алюминиевых изделий из Китая производился всеми странами ЕАЭС с долей России 76,8 %, Беларуси 6,6 %, Казахстана 12,7 %, Армении 2,4 %, Кыргызстана 1,5 %. При этом основной доход странами ЕАЭС получен от продажи медных (2,88 млрд долл. США) и железных (1,69 млрд долл. США) руд. Аналогично поток экспорта железной руды из России (72,6 %) и Казахстана (27,4 %) преобразуется в Китае в изделия из черных металлов, которые импортируются всеми странами ЕАЭС в долях, согласно таблице 1.

Среди высокотехнологичных промышленных товаров можно отметить рост импорта в 2021 г. относительно 2020 г. в категориях «двигатели», «аналитические приборы» и «средства автоматизации» с лидерством России в импорте из КНР, а также рост закупок катализаторов со значительными долями импорта Казахстана (49,3 %) и России (48,6 %). Соответственно, сохраняются тенденции экспор-

**Внешняя торговля стран ЕАЭС с КНР
по отдельным промышленным товарам,
% (составлено автором по данным ЕЭК [7])**

Товар	1	2	3	4	5	6	7
Экспорт							
Алюминий необработанный	0,1	-	1,0	0,4	98,5	0,74	3,7 раз
Медь (проволока)	-	-	-	-	100,0	0,62	4,9 раз
Медь (руда, концентрат)	9,9	-	50,2	0,7	39,2	2,88	143,4
Железо (руда, концентрат)	-	-	27,4	-	72,6	1,69	124,8
Молибден (руда, концентрат)	96,3	-	3,7	-	-	0,1	114,0
Целлюлоза (все виды)	-	6,1	-	-	93,9	0,95	122,2
Импорт							
Алюминиевые изделия	2,4	6,6	12,7	1,5	76,8	0,2	133,9
Изделия из черных металлов	0,6	5,7	18,9	1,1	73,7	0,4	122,2
Катализаторы, инициаторы хим. реакций	-	2,1	49,3	-	48,6	0,03	114,8
Двигатели, генераторы	0,2	6,6	3,2	2,4	87,6	0,37	122,9
Приборы физ.-хим. анализа	0,8	4,2	13,3	0,6	81,1	0,11	103,2
Устройства автоматизации	0,5	1,9	7,2	0,1	90,3	0,1	162,8

В таблице приведены данные в формате: доля Армении (1), Беларуси (2), Казахстана (3), Кыргызстана (4), России (5) за 2021 г. в %; всего по ЕАЭС округленно за 2021 г. в млрд долл. США (6); прирост 2021 г. к 2020 г. в % (7).

та сырьевых ресурсов из ЕАЭС и импорта готовой промышленной продукции и высокотехнологичных товаров из КНР с наращиванием объемов как экспорта, так и импорта.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выработать следующие рекомендации:

– обеспечение технологического суверенитета России и усиление кооперации стран ЕАЭС. Выявленный поток экспорта металлов, руд и концентратов в КНР, преимущественно из России, и наращивание объемов импорта готовой продукции странами Союза из этих же материалов с существенным приростом взаимной торговли с Китаем требует поиска цепочек создания продукции в рамках стран ЕАЭС. В среднесрочной перспективе очевидна необходимость усиления взаимоотношений с Китаем в связи с потерей западных партнеров, однако целесообразно развитие промышленной кооперации внутри Союза для самообеспечения конечными товарами и снижения зависимости от торгово-экономических взаимоотношений с Китаем в долгосрочной перспективе;

– обеспечение диверсификации внешнеторговых отношений посредством торгово-экономических соглашений ЕАЭС с другими странами Азии. Полезно отметить опыт Китая в диверсификации импорта товаров энергетического профиля, например, на 2018 г. импорт энергоресурсов осуществлялся из России, Анголы, Ирака, Саудовской Аравии [8].

Таблица 1 Аналогично импорт ЕАЭС в части высокотехнологичной продукции целесообразно диверсифицировать среди дружественных стран до реализации программ импортозамещения высокотехнологичной продукции в России и ЕАЭС в целом.

Дальнейшие исследования будут направлены на выявление приоритетов кооперации ЕАЭС в интересах Евразийской интеграции.

Литература:

1. Шайхутдинова Ф.Н. Структура торговли промышленной продукцией стран ЕАЭС: влияние пандемии и деглобализации экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 3. – С. 40–43.
2. Мавлянова М.Х., Шайхутдинова Ф.Н. Инновационная инфраструктура в промышленной кооперации стран ЕАЭС // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2018. – № 1 (60). – С. 331–333.
3. Шайхутдинова Ф.Н., Демидова Е.В. Преодоление дефицита на рынке полупроводников в России: параллельный импорт и новые партнеры // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 3. – С. 38–41.
4. Шилина М.Г. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР: международно-правовой анализ // Международное право. – 2018. – № 2. – С. 16–26.
5. Маврина Л. Китай и ЕАЭС координируют стратегии восстановления экономик // Ведомости. – 2020. – URL.: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/28/844995-kitai-eaes> (дата обращения: 23.08.2023).
6. Си Цзиньпин оценил сотрудничество Китая со странами ЕАЭС // Известия. – 2023. – URL.: <https://iz.ru/1517880/2023-05-24/si-tczinpin-otcenil-sotrudnichestvo-kitaia-so-stranami-eaes> (дата обращения: 23.08.2023).

7. ЕЭК. Публикации. Внешняя торговля товарами. Статистический бюллетень. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 23.08.2023).
8. Говорова А.В. Энергетическое сотрудничество стран ЕАЭС и Китая // Международная торговля и торговая политика. – 2019. – № 4. – С. 135–144.

Trends in Trade and Economic Cooperation Between the EAEU and China in the Field of Industrial Goods

Shaykhutdinova F.N.
Kazan National Research Technological University

The relevance of the study of trade and economic relations between the EAEU countries and China in the context of the loss of a number of Western partners by Russia is substantiated. A significant increase in exports of certain raw materials from the EAEU countries to the PRC and imports of finished industrial products from exported raw materials was revealed. An increase in imports of high-tech goods from China, mainly by Russia, has been established. The recommendations on ensuring the technological sovereignty of the EAEU through cooperation within the Union and diversification of trade relations with friendly countries are substantiated.

Key words: industrial goods, trade and economic cooperation, China, EAEU, export, import, foreign trade

УДК 342

Роль кадрового резерва в управлении муниципальным образованием

Адо́нина С.Ю.

Аспирант кафедры публичного права России и зарубежных стран
Марийского государственного университета

Михеева Т.Н.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран
Марийского государственного университета

Системная работа с формированием кадрового резерва для органов местного самоуправления, к сожалению, ведется далеко не во всех муниципальных образованиях. Это негативно отражается на компетентности, профессионализме лиц, работающих в названных органах. Авторами анализируется правовая база и правоприменительная практика по затронутой проблеме. Результатом исследования стали выводы о необходимости внесения изменений в законодательство о муниципальной службе об обязательности формирования муниципального кадрового резерва, формах работы с ним, приоритете заполнения вакантных должностей в муниципальном образовании лицами, состоящими в кадровом резерве.

Ключевые слова: муниципальная служба, публичная служба, местное самоуправление, кадровый резерв

Для выполнения задач органов местного самоуправления первостепенное значение имеет экономическая основа, которая является, по мнению Е.Н. Фурман, «фундаментом реализации функций органов власти муниципального образования и удовлетворения потребностей местного населения» [1], а для устойчивого социально-экономического развития муниципального образования необходимы компетентные и квалифицированные управленческие кадры.

Вот уже не один десяток лет проблема повышения эффективности управления и наращивания кадрового потенциала муниципальных органов власти имеет статус актуальной. В 2015 г. О.Н. Мигущенко, исследуя публикации журнала «Муниципальная служба: правовые вопросы», отмечал активное обсуждение вопросов «совершенствования работы с кадрами», среди которых «наибольшее внимание было уделено двум проблемам: работе

с кадровым резервом и обучению муниципальных служащих» [2].

Аспекты совершенствования работы с кадрами активно обсуждаются и сегодня, при этом уделяется немалое внимание работе с кадровым резервом. Кадровый резерв как механизм позволяет снизить затраты на поиск и адаптацию необходимых специалистов, выявить кадровый потенциал, является необходимым стимулирующим элементом прохождения службы, надежной кадровой базой государственного аппарата.

Несмотря на то что ст. 33 Федерального закона от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 25-ФЗ) оставляет создание кадрового резерва для замещения вакантных должностей муниципальной службы на усмотрение муниципальных образований, однако и государственные органы не остаются в стороне. Так, Совет по местному само-

управлению Совета Федерации отмечает обязательность формирования кадрового резерва муниципальной службы, создание в субъектах России единой базы лиц, состоящих в кадровом резерве [4]. Он также подчеркивает существенно возросшую роль муниципалитетов в реализации публичных функций в контексте конституционных изменений 2020 г., требующую особого профессионализма, компетенции и ответственности должностных лиц местного самоуправления.

Члены Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления также высказывались о кадровом дефиците и необходимости поддержания образовательного уровня муниципальных служащих в актуальном состоянии, планомерной работе как со «стажистами», так и молодыми специалистами, сохраняя уровень профессионального баланса, используя институт наставничества [5].

В этой связи наибольшую актуальность приобретает необходимость законодательного императивного установления требований к формированию кадрового резерва для замещения вакантных должностей муниципальной службы, для чего, очевидно, потребуется внесение изменений в Федеральный закон № 25-ФЗ, устанавливающих требования к формированию кадрового резерва во исполнение принципа взаимосвязи муниципальной службы и государственной гражданской службы [3].

Несмотря на отсутствие обязательного требования, в муниципальных образованиях приняты муниципальные правовые акты, регулирующие вопросы формирования кадрового резерва, и такие кадровые резервы создаются. Муниципальные органы власти ориентируются на установленный порядок формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе, хотя действующие муниципальные правовые акты нельзя назвать унифицированными, подходы и организация работы с резервом отличаются в различных муниципалитетах.

Определение кадрового резерва в действующем законодательстве отсутствует, но учеными под ним понимается «совокупность граждан, у которых имеются деловые, нравственно-психологические, этические качества для успешной реализации своих знаний, умений и навыков путем их практического применения» [6].

Муниципальные кадровые резервы, как правило, состоят из внешнего резерва (для граждан, не состоящих в трудовых отношениях с муниципальным образованием) и внутреннего резерва (для муниципальных служащих и граждан, состоящих в трудовых отношениях с муниципальным образованием).

По-разному подходят органы местного самоуправления к перечню должностей, по которым формируется кадровый резерв. Например, Положение о порядке формирования кадрового резерва на му-

ниципальной службе в городе Уфе предусматривает формирование кадрового резерва функционирования «для замещения следующих муниципальных должностей муниципальной службы: заведующего сектором (в случае отдельного подразделения), начальника отдела (председателя комитета), заместителя и начальника управления, заместителя главы Администрации, управляющего делами Администрации, главы Администрации района» и кадрового резерва развития «для замещения старших и младших должностей муниципальной службы категории «специалисты» по отраслям и видам экономической деятельности» [7]. Муниципальный кадровый резерв города Нижний Новгород включает: «кадровый резерв для замещения главных и высших должностей муниципальной службы; кадровый резерв отраслевых (функциональных) органов администрации города; кадровые резервы администраций районов города; кадровый резерв для замещения должностей руководителей муниципальных организаций города. Кадровый резерв для замещения главных и высших должностей муниципальной службы и кадровый резерв для замещения должностей руководителей муниципальных организаций города составляют резерв управленческих кадров администрации» [8]. В правовых актах других муниципальных образований не содержится градация по перечню должностей. Кадровый резерв формируется в них под конкретную потребность в замещении той или иной должности (например, в городах Оренбург [9], Салехард [10]).

Уровни органов местного самоуправления, издающие муниципальные правовые акты о формировании кадрового резерва, также различны. Либо представительный орган принимает решение о формировании кадрового резерва муниципальных служащих в органах местного самоуправления, либо каждый из данных органов самостоятельно регулирует вопрос формирования резерва в своем органе муниципальной власти, что, на наш взгляд, не совсем правильно, лишает решение данного вопроса системности и прогнозируемости в конкретном муниципальном образовании в целом.

Существующие муниципальные положения по данному вопросу, как правило, содержат порядок формирования кадрового резерва, организацию работы с ним, порядок замещения вакантной должности из кадрового резерва. Однако этап организации работы с кадровым резервом либо ограничивается требованиями к обобщению и актуализации сведений о его сформированности, случаями исключения из резерва (Салехард, Нижний Новгород), либо содержит норму об основных формах работы по профессиональному развитию муниципального служащего (гражданина), состоящего в кадровом резерве (Тосненский район Ленинградской области, Красноармейский муниципальный район Саратовской области).

Лишь отдельные муниципальные правовые акты, например, города Тюмени, не только устанавливают формы работы с лицами, состоящими в кадровом резерве, отдельно для граждан, не состоящих в трудовых отношениях, и граждан, состоящих в трудовых отношениях с Администрацией или муниципальным образованием, но и определяет, что «уполномоченным органом совместно с отраслевыми (функциональными) и территориальными органами Администрации города Тюмени, органами местного самоуправления или муниципальным органом города Тюмени в индивидуальном плане профессионального развития отражаются результаты контрольных мероприятий и собеседования кандидата, наличия (отсутствия) необходимости профессионального развития лиц, состоящих в резерве, а также требования к ведению индивидуального плана резервиста с отчетом о его исполнении» [11]. То есть далеко не все муниципальные положения о формировании кадрового резерва содержат формы работы с резервистами, контрольные замеры об эффективности и результативности этой работы.

Эффективным процесс формирования кадрового резерва становится только при его системности. Системный подход должен быть нормативно закреплён, для чего необходимо разработать соответствующие методические инструменты. Заслуживает внимания позиция М.М. Шабановой о том, что «выпадение хоть одного элемента ведет к разрушению системы и, как следствие, недостижению результата. В систему должны входить: определение потребности; отбор и оценка резервистов; подготовка резервистов; оценка знаний и навыков, создание условий для приобретения опыта и адаптации по резервируемой должности; назначение резервистов». При этом подготовка резервистов для приобретения необходимого опыта и знаний является самым важным и сложным этапом, без прохождения которого наличие резерва теряет свою первоначальную значимость [12].

Действительно, этот процесс затратный и трудоемкий. Практика планирования индивидуального профессионального развития и реализация программ развития резервистов, по мнению В.И. Шарина, А.М. Полещук, является «слабым звеном», так как носит формальный характер [13]. Мы бы сравнили данную проблему с брешью, через которую «утекают» кадры, причем лучшие кадры, прошедшие профессиональный отбор, так как формальное нахождение в кадровом резерве без ясных и прозрачных перспектив кадрового роста или замещения желаемой должности теряет для резервиста привлекательность, а для работодателя – актуальность.

На практике зачастую складывается ситуация, когда назначение на вакантную должность из кадрового резерва происходит по решению представителя нанимателя (работодателя), а резерв на вакантную

должность формировался еще при предыдущем руководителе, поэтому новый работодатель предпочитает принять на должность «своего» человека. Фактор «усмотрения» возможно исключить только при императивно установленной обязанности назначения на соответствующую вакантную должность кандидата из резерва при абсолютном доверии к уровню профессионализма резервистов. Иначе существование такого кадрового резерва не просто формально, но и крайне деструктивно.

Есть мнение, что процент назначения на должности из кадрового резерва должен быть не ниже 80 % [12]. Однако он, например, за 2012 г. в субъектах РФ по федеральным округам составил в среднем 30 % [14]. Примерно на этом уровне находится и процент назначений из кадрового резерва муниципальных служащих. Так как за 10 лет кадровая проблема в органах власти различных уровней не только не утратила своей актуальности, а усугубилась по разным причинам, эффективность использования кадрового резерва сегодня не выше указанного.

Несмотря на то что исследователи сходятся во мнении относительно системности процесса формирования кадрового резерва, однако вызывает опасения сегодняшнее восприятие продвижения по службе как систему «кадровых лифтов» [4]. Лифт – это инструмент для скоростного передвижения на желаемый уровень. В случае с необходимостью планомерного поступательного должностного роста все-таки уместнее использовать формулу «кадровая лестница»: только пройдя все необходимые стадии от исходных данных, получив необходимый опыт и знания, можно достичь желаемой ступени с четким пониманием и «проживанием» предыдущих этапов. Так приобретается опыт, без которого квалификация остается всего лишь не подтвержденными гарантией знаниями.

На наш взгляд, рекомендованные Правительству РФ вопросы «обязательности формирования кадрового резерва муниципальной службы, единых методологических подходов к оценке кандидатов для зачисления в кадровый резерв муниципальной службы, к созданию в субъектах РФ единой базы» [4] резервистов уже давно назрели для решения. Надо отметить, что такой единый резерв управленческих кадров органов местного самоуправления, муниципальных образований существует, например, в Республике Татарстан, целью которого указано последующее обучение и замещение должностей в установленном порядке [15].

К их числу следует добавить: 1) рекомендованный норматив назначения на должность из кадрового резерва; 2) нормативное установление этапов работы с кадровым резервом, включая формы такой работы; 3) приоритет назначения на вакантную должность лица, состоящего в кадровом резерве на замещение соответствующей должности.

Масштаб осмысления проблемы кадрового дефицита ставит вопрос и о формировании единого кадрового резерва публичной службы, объединяющего кандидатов на должности государственной гражданской и муниципальной службы, что вытекает из конституционных норм о единой системе публичной власти.

Литература:

1. Фурман Е.Н. Управление кадровым потенциалом органов местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. эконом. Наук. – Курск: 2020. – 24 с.
2. Мигущенко О.Н. Кадровая политика: системный подход // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2015. – № 4. – С. 18–23.
3. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Решение Совета по местному самоуправлению СФ ФС РФ. Актуальные вопросы развития кадрового потенциала органов местного самоуправления. 17.01.2022. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/mOm9tD7GmyyW76XUKmPFULCAQzGuKuju.pdf> (дата обращения: 03.09.2023).
5. Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления 20 апреля 2023 года // Сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70959> (дата обращения: 03.09.2023).
6. Гарифуллина А.Р., Юн Л.В. Дефицит квалифицированных кадров в органах местного самоуправления: общетеоретические аспекты // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2020. – № 3. – С. 3–5.
7. Постановление администрации городского округа г. Уфа Республики Башкортостан от 27.03.2017 г. № 338 «Об утверждении Положения о порядке формирования кадрового резерва на муниципальной службе в городском округе город Уфа Республики Башкортостан». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/450340645> (дата обращения: 04.09.2023).
8. Распоряжение администрации города Нижнего Новгорода от 22.04.2014 № 140-р «О формировании муниципального кадрового резерва и работы с ним». – URL: <http://нижнийновгород.рф/upload/getODA/document10147.html> (дата обращения: 04.09.2023).
9. Постановление администрации города Оренбурга от 10.10.2019 г. № 2901-п «Об утверждении Положения о кадровом резерве Администрации города Оренбурга». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561580605> (дата обращения: 04.09.2023).
10. Решение Городской Думы муниципального образования город Салехард от 13.12.2019 г. № 62 «Об утверждении Положения о кадровом резерве муниципальной службы муниципального образования город Салехард». – URL: <https://salekhard.org/upload/iblock/561/561e0b79c31a1c9d2fe17f24d292a0e3.doc> (дата обращения: 04.09.2023).
11. Постановление администрации города Тюмени от 30.08.2019 г. № 13 «Об утверждении Порядка ведения кадрового резерва муниципальной службы города Тюмени и Порядка ведения резерва управленческих кадров города Тюмени». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561515621> (дата обращения: 04.09.2023).
12. Шабанова М.М. Приоритетные направления формирования кадрового резерва муниципальной службы // Вестник экспертного совета. – 2018. – № 1-2 (12-13). – С. 121–125.
13. Шарин В.И., А.М. Полещук Муниципальный кадровый резерв: проблемы функционирования // Human Progress. – 2022. – Т. 8. – Вып. 3. – С. 17. – URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_3/Sharin.pdf.
14. Биджиев А.С., Шамарова Г.М. Особенности формирования и использования кадрового резерва государственной и муниципальной службы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 3. – С. 23–29.
15. Резерв управленческих кадров органов местного самоуправления, муниципальных образований Республики Татарстан. – URL: <https://gossluzhba.tatarstan.ru/gossluzhba/rezervmestsamouprav.htm> (дата обращения: 03.09.2023).

The Role of the Personnel Reserve in the Management of the Municipality

Adonina S.Yu., Mikheeva T.N.
Mari State University

Systematic work with the formation of a personnel reserve for local governments, unfortunately, is not carried out in all municipalities. This negatively affects the competence and professionalism of persons working in the government. The authors analyze the legal framework and law enforcement practice on the issue raised. The result of the study was conclusions about the need to amend the legislation on municipal service on the mandatory formation of a municipal personnel reserve, forms of work with it, the priority of filling vacant positions in the municipality of persons included in the personnel reserve.

Key words: municipal service, public service, local government, personnel reserve

УДК 347.4

Эстоппель в гражданско-правовых спорах

Ахметзянова Г.Н.

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется понятие и механизм применения принципа эстоппель при рассмотрении гражданско-правовых споров. Сделан вывод о нецелесообразности разграничения категорий эстоппель в гражданском праве и процессуальный эстоппель ввиду единого содержания, целей, общего основания и механизма применения. Определены критерии механизма применения принципа эстоппель при рассмотрении гражданско-правовых споров, выработанные судебной практикой. Обозначены виды эстоппель, основанного на недобросовестном или противоречивом поведении стороны в судебном процессе.

Ключевые слова: эстоппель, механизм применения принципа эстоппель, противоречивое поведение, недобросовестное пользование правами, непоследовательное изменение процессуальной позиции по делу

Эстоппель, в широком смысле предполагающий запрет на противоречивое поведение, изначально появился в англосаксонском праве и является довольно новым для права России.

В российской правовой реальности принцип эстоппель (*estoppel*) означает лишение стороны в споре права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их ввиду ранее ею же сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне в процессе судебного разбирательства. Применение принципа эстоппель означает утрату права на защиту посредством лишения стороны права на возражение. В этой связи главной задачей принципа эстоппель является воспрепятствование стороне получить преимущества и выгоду вследствие своего непоследовательного поведения в ущерб противоположной добросовестной стороне.

Анализ судебной практики позволяет говорить о том, что арбитражные суды чаще и более обширно применяют эстоппель, нежели суды общей юрисдикции. Более того, применение эстоппель, основанного на недобросовестном или противоречивом поведении стороны в судебном процессе, в большинстве своем характерно для арбитражных судов.

В судебной практике и юридической литературе отсутствует единство мнений относительно право-

вой природы эстоппель. По мнению цивилистов, принципы эстоппель и добросовестности являются самостоятельными принципами. По мнению правоприменителя, эстоппель является частным случаем проявления принципа добросовестности [1]. В этой связи, по мнению автора, современные принципы добросовестности и эстоппель являются нормами прямого, непосредственного действия и определяют возрастающую с каждым годом взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимное влияние норм частного и публичного права.

Анализ законодательства и судебной практики позволяет говорить о нецелесообразности разграничения категорий эстоппель в гражданском праве и процессуальный эстоппель в силу ряда причин.

Во-первых, содержание эстоппель независимо от того, конкретизирован и закреплён ли его вид в материальном или процессуальном законодательстве, есть лишение стороны права возражать относительно заявленных противоположной стороной требований при недобросовестном или противоречивом поведении.

Во-вторых, основанием эстоппель всегда является недобросовестное или противоречивое поведение.

Несмотря на то что утрата права на возражение может возникнуть в результате недобросовестного

или противоречивого поведения как на этапе реализации права, так и в ходе защиты нарушенного или оспариваемого права, виды эстоппель, содержащиеся, например, в ст.ст. 166, 432, 450.1 ГК РФ, могут быть реализованы только в рамках цивилистического процесса, урегулированного в свою очередь процессуальным законодательством.

В этой связи формулировка «эстоппель в гражданско-правовых спорах» видится наиболее емкой и содержательной, так как отражает как материальный, так и процессуальный аспект принципа эстоппель. В зависимости от законодательного закрепления можно говорить об отдельных видах эстоппель, которые имеют конкретизированный алгоритм применения.

В-третьих, механизм реализации принципа эстоппель как нормы прямого (непосредственного) действия всегда един: по общему правилу эстоппель применяется по заявлению стороны, но не исключена возможность применения принципа эстоппель и по инициативе суда. «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения» [2].

В этой связи судебная практика выработала некоторые критерии механизма применения принципа эстоппель при рассмотрении гражданско-правовых споров, среди которых учет при оценке добросовестности исключительно фактического поведения лица, а не его намерений [3].

Кроме того, оценка последовательности действий сторон в динамике как в рамках одной стадии цивилистического процесса, так и на различных стадиях. Выбор противоречащих друг другу позиций на различных стадиях цивилистического процесса с очевидной вероятностью повлечет за собой применения принципа эстоппель в процессе. В этом смысле норма статьи 131 АПК РФ, которая содержит не право, а обязанность ответчика представить отзыв на исковое заявление, является элементом механизма реализации принципа эстоппель.

Согласно последовательной правовой позиции судов, переменчивое поведение, хоть и не является гражданским правонарушением, но это явление безразлично праву, так как лицо, изменив выбранный ранее порядок поведения, получает преимущество по сравнению с теми лицами, которые следуют своему предшествующему поведению и отношению к юридическим фактам. А в силу п. 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения [5].

В-четвертых, процессуальное законодательство, в отличие от гражданского, содержит лишь легальное закрепление общих оснований эстоппель

в случае недобросовестного или противоречивого поведения стороны в судебном процессе без закрепления видов эстоппель с конкретизированным алгоритмом. В этой связи особое значение имеет системное толкование положений ст.ст. 9, 41, 70, 159 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [6], ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [7], а также материалов судебной практики, согласно которым «принцип эстоппель в процессе представляет собой запрет ссылаться на обстоятельства, которые ранее признавались стороной бесспорными, исходя из ее действий или заверений» [3].

Изучение судебной практики позволяет выделить следующие виды эстоппель, основанного на недобросовестном или противоречивом поведении стороны в судебном процессе.

Во-первых, это эстоппель в отношении подсудности спора. Суды исходят из того, что при обжаловании решения по гражданскому или арбитражному делу заявление стороны о нарушении правил о подсудности в суде первой инстанции по общему правилу не влечет за собой отмену судебного постановления в силу эстоппель, если сторона не заявляла об этом в суде первой инстанции. Так, суды расценивают как недобросовестное поведение стороны, заявляющей о нарушении правил о подсудности при рассмотрении спора в суде первой инстанции только на стадии апелляции или кассации, то есть после невыгодного для стороны судебного постановления. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала действия ответчика об оспаривании компетенции третейского суда по основанию аффилированности недобросовестным процессуальным поведением, приводящим к потере права на соответствующее возражение (эстоппель), так как ответчик заявил об этом обстоятельстве не до начала третейского разбирательства, а лишь впоследствии в целях неисполнения состоявшегося не в его пользу решения суда [8].

Во-вторых, это эстоппель вследствие недобросовестного пользования правами в нарушение требований ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ: предъявление новых требований и процессуальных аргументов, если из действий стороны следует, что спор полностью завершен; непоследовательное изменение процессуальной позиции по делу [9]; не оспаривание фактов и последующее их опровержение; умалчивание о фактах, с которыми законодательство связывает необходимость осуществления судом определенных процессуальных действий. Ст. 159 АПК РФ содержит указание на эстоппель в случае, если доводы стороной заявлены несвоевременно.

Эстоппель, основанный на недобросовестном или противоречивом поведении стороны договора в гражданском обороте возникает в силу ст. 166 ГК РФ для споров о недействительности сделок; ч. 3

ст. 432 ГК РФ, которая предусматривает запрет для стороны, принявшей от контрагента исполнение по договору, требовать признания договора недействительным; п. 3 ст. 432 ГК РФ для споров о заключенности (незаключенности) договора; п. 5 ст. 450.1 ГК РФ для споров об одностороннем отказе от исполнения договора; п. 2 ст. 431.1 ГК РФ при установлении и исполнении обязательства. Умолчание о дефектах договора в сочетании с исполнением, даже частичным, лишает сторону права на защиту.

Таким образом, современные принципы добросовестности и эстоппель являются нормами прямого, непосредственного действия и определяют возрастающую с каждым годом взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимное влияние норм частного и публичного права.

Литература:

1. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2022 г. № С01-2296/2021 по делу № СИП-511/2021. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403473842/> (дата обращения: 02.09.2023).
2. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 16.07.2021 г. по делу № 2 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ibx1UyiwptHQ/> (дата обращения: 02.09.2023).
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 г. № Ф05-20176/2018 по делу № А40-200515/17. – URL: <https://base.garant.ru/41977643/> (дата обращения: 02.09.2023).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.1994 г. (в ред. от 24.07.2023 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 09.09.2021 г. по делу № А45-18117/2021. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uSmaURiCkLoY/> (дата обращения: 02.09.2023).
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.2002 г. (в ред. от 18.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон Российской Федерации от 14.11.2002 г. (в ред. от 24.06.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015 г. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15147/> (дата обращения: 02.09.2023).
9. Решение суда по интеллектуальным правам от 13.04.2023 г. по делу № СИП-1142/2022. – URL: [http://study.garant.ru/#/document/406757577/paragraph/68/doclist/764/6/0/0/решение%20суда%20эстоппель:6\(дата%20обращения:02.09.2023\)](http://study.garant.ru/#/document/406757577/paragraph/68/doclist/764/6/0/0/решение%20суда%20эстоппель:6(дата%20обращения:02.09.2023)).

Estoppel in Civil Disputes

Akhmetzyanova G.N.

Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The article analyzes the concept and mechanism of application of the principle of estoppel in the consideration of civil disputes. It is concluded that it is inexpedient to distinguish between the categories of estoppel in civil law and procedural estoppel in view of the single content, goals, common basis and mechanism of application. The criteria for the mechanism of application of estoppel in the civil process, developed by judicial practice, have been determined. The types of estoppel based on the unfair or contradictory behavior of a party to the litigation are indicated.

Key words: estoppel, mechanism for applying the principle of estoppel, contradictory behavior, unfair use of rights, inconsistent change in the procedural position in the case

УДК 316.48

Социально-правовые проблемы разрешения гражданско-правовых конфликтов во внесудебном порядке**Белякова А.В.**

Кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Центра судебного права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Бучкова А.И.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры
политического анализа и социально-психологических процессов
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва)

Исследование посвящено проблемам междисциплинарного подхода к разрешению конфликтов, возникающих в гражданском судопроизводстве. Авторы рассматривают урегулирование правовых конфликтов не только с точки зрения права, но и со стороны социологии, а также частично психологии. Предлагаются конкретные способы популяризации института внесудебного разрешения правовых конфликтов. Статья имеет научно-практическое значение, так как авторы обосновывают свои выводы на основании анализа социологических исследований, статистических данных, а также проведенного экспертного опроса. Рассмотрены основные причины непопулярности внесудебного разрешения конфликтов в гражданско-правовых отношениях и предложены оптимальные пути широкого распространения данной практики в Российской Федерации.

Ключевые слова: конфликт, правовой конфликт, разрешение конфликтов вне судебной системы, медиативные техники, медиация, переговоры, конфликтология

Вопросы внесудебного разрешения конфликтов в гражданско-правовой сфере в большинстве случаев рассматриваются односторонне, преимущественно с правовой точки зрения. Вместе с тем обозначенная тематика требует анализа социологических и психологических аспектов, так как традиционные способы урегулирования правовых конфликтов являются в большинстве случаев «энергозатратными», нередко малоэффективными. Об этом свидетельствуют, в частности, данные официальной статистики Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП)¹. Рассмотренные цифры коли-

чества исполнительных документов, находящихся в производстве этой службы подтверждают, что конституционная правовая гарантия права на судебную защиту не может быть реализована в полном объеме при получении судебного акта по делу. Необходима фактическая реализация данного документа, а именно, его исполнение. Это влечет за собой ряд проблем как в судебной системе, в органах ФССП, в 2021 г. – 70,9 млн. По сравнению с 2021 г. количество поступивших на исполнение судебных актов увеличилось на 3,8 млн (10,8 %), постановлений уполномоченных органов – на 4,2 млн (11,7 %). В 2022 г. на исполнении находилось 131,5 млн исполнительных производств (в 2021 г. – 119,7 млн). В общем количестве исполнительных производств 68,7 млн (52,3 %) составили судебные акты [см. более подробно: 1].

¹ В 2022 г. в территориальные органы ФССП России для принудительного исполнения поступило 78,9 млн документов,

так и в современном российском обществе в целом. В первых двух случаях речь идет об отсутствии добровольности в исполнении судебных актов национальных судов, а также ряде других проблем, не позволяющих в полной мере реализовать своевременную и справедливую защиту нарушенных прав в судебном порядке, а в последнем случае – о том, что как граждане, так и представители юридических лиц не умеют, а в отдельных случаях не хотят договариваться и разрешать конфликты во внесудебном порядке. Все это обуславливает *актуальность исследования* социально-правовых проблем внесудебного разрешения гражданско-правовых конфликтов, поскольку данный аспект носит междисциплинарный характер.

Цель исследования заключается в анализе основных причин недостаточного распространения и популярности внесудебного урегулирования гражданско-правовых конфликтов в России и предложении практических рекомендаций по преодолению этой проблемы. Авторами использованы социологический анализ статистических данных, а также экспертный анализ.

Конфликт – это активные взаимонаправленные действия каждой из сторон для реализации своих целей, окрашенные сильными эмоциональными переживаниями [2]. Правовой конфликт включает в себя несколько элементов: психологический, социологический и правовой. С точки зрения профессора В.М. Жуйкова, «конфликт представляет собой такую форму позиционного взаимодействия двух или более лиц, в которой хотя бы одна из сторон сознает наличие противоречий в интересах, потребностях, ценностях или способах их реализации и стремится к их преодолению, основываясь на эмоциональном представлении о справедливости своей позиции» [3]. Данное определение «конфликта» в гражданско-правовых отношениях является наиболее точным и отражает содержательный характер рассматриваемого термина. В большинстве случаев именно «уровень взаимных противоречий» и «столкновение интересов» субъектов конфликта приводит к тому, что для урегулирования спорной ситуации необходимо привлечь третью сторону, например, медиатора, конфликтолога, юриста или суд. Это нередко связано с социально-психологическими условиями, в которых возникает и развивается конфликт.

Как следует из материалов официальной судебной статистики за 2022 г. [4], сохраняется тенденция по наибольшему количеству рассматриваемых судами общей юрисдикции споров в гражданско-правовой сфере, возникающих из брачно-семейных отношений и жилищных правоотношений (которые могут быть также отягощены либо наследственным элементом, либо бракоразводным процессом) (см. табл. 1).

Представленные статистические данные наглядно демонстрируют, что внесудебное урегулирова-

Таблица 1
Виды и количество споров
в гражданско-правовой сфере

№ п/п	Категория дел	Количество рассмотренных споров
1	Дела, возникающие из семейных правоотношений	1 167 605
2	Дела, возникающие из трудовых отношений	180 860
3	Дела, возникающие из жилищных правоотношений	10 880 851
4	Дела, связанные с правом собственности на землю и землепользованием	242 277
5	Иски о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору	11 603 675
6	Всего было рассмотрено дел в судах общей юрисдикции РФ по гражданско-правовым спорам за 2022 г.	26 759 891
7	Количество дел, закончившихся мировым соглашением, судебным примирением, утвержденным в суде, или спор был урегулирован в суде через процедуру медиации в 2022 г.	72 502 (мировое соглашение и соглашение о примирении сторон в суде) 367 (мировое соглашение через процедуру медиации) 437 (мировое соглашение через проведение процедуры судебного примирения)
	Общее количество споров, урегулированных посредством применения альтернативных способов разрешения споров в суде в 2022 г.	73 306

ние споров в гражданско-правовых отношениях не пользуется популярностью. В числе причин этого можно выделить неумение и нежелание договариваться, идти на компромиссы и уступки противоположной стороне, а также отсутствие специалистов должного уровня в данной области, компетентных в том числе в сфере психологических и социологических знаний. В результате большинство юристов-практиков склоняются к традиционным способам урегулирования споров, а именно – через обращение в суд. Общественные отношения трансформировались, запросы рыночной экономики изменились, а подходы остались те же. Для того, чтобы в российском обществе развивались внесудебные и досудебные способы урегулирования правовых конфликтов, необходимо, во-первых, пересматривать традиционные подходы в юридическом образовании и образовании в целом, а во-вторых, усиливать роль государства в развитии альтернативных способов урегулирования споров в России.

Следует отметить, что в основе правового конфликта чаще всего находится межличностный (а иногда и внутриличностный) конфликт сторон. Впоследствии он трансформируется в правовой конфликт, когда одна из сторон или даже обе формируют притязания в области правоотношений, подлежащих регулированию конкретной правовой нормой. При этом возможность урегулировать конфликт во внесудебном порядке закладывается в момент его зарождения между сторонами конфликта. Медиатор или иное лицо, осуществляющее попытку разрешить спор, пытается выявить данную возможность, так называемую «медиабельность» спора – свойство правового спора, в силу которого он может быть разрешен во внесудебном порядке, а именно посредством процедуры медиации» [5, с. 288; 6, с. 15].

Рассмотрение данного аспекта является немаловажным, потому что именно с позиции сторон необходимо определять возможности разрешения спора. Для этого в современной медиации, судебном примирении и при переговорах существуют специальные медиативные (переговорные) техники [7, с. 460]. Это комплекс средств обеспечения эффективной коммуникации, управления конфликтом и организации переговорного процесса, применяемых в целях урегулирования разногласий [7, с. 460].

За каждой конфликтной ситуацией в правовом споре стоят личные интересы конкретных людей либо групп лиц. Но и конфликтолог, и юрист чаще всего работают с конкретными конфликтными ситуациями, а не с потребностями и мотивами – это уже задача психологов. В связи с этим в настоящее время остро стоит проблема развития внесудебного урегулирования правовых конфликтов, требующего знаний и навыков в различных областях науки, а также использования переговорных техник.

В результате проведенного в апреле – мае 2023 г. экспертного опроса 11 юристов, конфликтологов, психологов и специалистов в социологии конфликта удалось установить, что эксперты связывают проблемы развития в России урегулирования правовых конфликтов во внесудебном и (или) досудебном порядке с отсутствием развития и внедрения юридической конфликтологии в систему современного юридического образования как полноценной дисциплины, а не как одного из факультативных направлений. Традиционно юридическую конфликтологию изучают с точки зрения уголовной и уголовно-процессуальной специальности, и если психологической составляющей конфликтов в данной области еще уделяется скромное внимание, то совсем упускаются социальные факторы и прочие социологические аспекты, которые тем или иным образом влияют на возникновение правовых конфликтов, впоследствии становящихся предметом разбирательства в уголовном процессе.

Развитие механизмов и инструментов урегулирования правовых конфликтов во внесудебном порядке является одним из необходимых средств достижения защиты нарушенных прав. Важно формировать «культуру урегулирования правовых конфликтов» как отношение сторон к его разрешению с минимальными потерями, цивилизованно без взаимных претензий, унижений, манипуляций. И здесь речь уже идет не только о работе с конкретными специалистами, но и о формировании культуры урегулирования гражданско-правовых конфликтов посредством медиации или иных внесудебных способов в современном обществе в целом, с помощью семейного воспитания, образования, просвещения и тиражирования в СМИ и интернете. Основа конфликтов нередко заключается в том, что заинтересованные лица не хотят или не способны выстроить грамотный коммуникативный диалог, позволяющий не только слушать, но и понимать собеседника, уважительно относиться к нему. Наиболее ярко это иллюстрируют споры, вытекающие из брачно-семейных отношений.

Правовые конфликты – это чаще всего столкновение личных интересов с интересами других лиц. Проблема каждого из правоприменителей заключается в установлении этих интересов на стадии подготовки дела или на первичном опросе. Если для юриста правовой аспект конфликта не является проблемой, то реализация и анализ психологической составляющей спора, выявление истинных мотивов, интересов сторон бывают крайне затруднительными. Стороны конфликта в большинстве случаев скрывают, недоговаривают, поэтому судебные юристы, представители по доверенности и адвокаты вынуждены проводить различного рода беседы со своими доверителями. Важно в первую очередь выяснять истинные мотивы и намерения заинтересованных лиц, а также установить круг лиц, принимающих решения и/или влияющих на их принятие.

В этих случаях ключевым моментом является определение наиболее значимых моментов для каждой из сторон, так называемых триггеров², которые позволяют выявить, что наиболее значимо для определенного человека. Для этого существуют психологические переговорные техники, использование которых повышает вероятность разрешения конфликтных ситуаций в гражданско-правовой сфере во внесудебном порядке. Эксперты в качестве наиболее эффективных техник выделяют компромисс, уступки и сотрудничество. Развитие культуры урегулирования конфликтов предполагает формирова-

² Триггер называют спусковым крючком. Слово «триггер» (англ. *trigger*) дословно переводится как «спусковой крючок». Оно появилось как производное от голландского *trekken* (тянуть) и с 1650-х гг. звучало как «трикер», а уже позже перешло в разговорную форму «триггер». У каждого человека триггеры разные (деньги, репутация, власть, статус, эго, тщеславие и т.д.).

ние навыка использования данных техник как в профессиональной, так и личной сферах.

Все вышеназванные техники могут быть реализованы в переговорах, как в одном из основных способов урегулирования конфликтной ситуации во внесудебном порядке, так как переговоры применяются во всех видах внесудебного и досудебного урегулирования правовых конфликтов.

Переговоры – это процесс поиска взаимоприемлемого соглашения через согласование интересов сторон по предмету разногласия (разногласий), цель которых заключается в поиске взаимовыгодного компромисса. Основа успеха в проведении тех или иных переговоров заключается в наличии максимально полного объема информации, умения выявить скрытые мотивы и эффективно ими управлять посредством знания основных психологических техник. Факт готовности вступить в переговоры уже свидетельствует о наличии желания достичь разрешения спорной ситуации вне суда.

На основании проведенного экспертного опроса можно выделить следующие основные причины, препятствующие развитию внесудебного урегулирования споров в Российской Федерации:

1. Низкие правовая культура и правосознание граждан.

2. Недостаточный уровень информационной осведомленности об иных правовых механизмах разрешения правовых конфликтов.

3. Психологический аспект, который заключается в нежелании, а также отсутствии намерений и умений у заинтересованных лиц урегулировать конфликтные ситуации мирным способом.

4. Отсутствие специалистов должного уровня, имеющих специальные знания и навыки для урегулирования тех или иных конфликтов вне суда, учитывающих социальные факторы и прочие социологические аспекты, которые тем или иным образом влияют на возникновение правовых конфликтов.

Обозначенная выше предложенная экспертами работа с данными причинами позволит распространить практику внесудебного разрешения конфликтов в гражданско-правовых отношениях в России.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что конфликт, возникающий между двумя субъектами гражданско-правовых отношений, вне зависимости от категории спора затрагивает вопросы психологии, социологии, экономики, философии, политики и права. Именно междисциплинарный характер конфликта не позволяет в полной мере обеспечить развитие в России урегулирования споров во внесудебном или досудебном порядке. Для успешного разрешения правового конфликта необходимо проведение более тщательного анализа межличностных отношений сторон в данной ситуации. В дальнейшем предлагается разработать и внедрить специализированные

курсы по подготовке специалистов в области урегулирования конфликтов в гражданско-правовой сфере, обладающих специальными знаниями в области юриспруденции, социологии и психологии. Именно отсутствие узкопрофильных специалистов не позволяет распространяться практике внесудебного урегулирования правовых конфликтов в Российской Федерации, а дефицит специалистов связан с отсутствием базовых программ по их подготовке на базе основного высшего образования.

Литература:

1. Федеральная служба судебных приставов. – URL: <https://fssp.gov.ru/2837777/> (дата обращения: 06.07.2023).
2. Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология (базовый курс). – М.: Юридический институт МИИТа, 2011. – 271 с.
3. Жуйков В.М. Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия // Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 33–34.
4. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.07.2023).
5. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. – М.: Статут, 2017. – 414 с.
6. Грубцова С.П. Медиабельность и арбитрабельность: общее и особенное // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 2. – С. 15–18.
7. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2021. – 738 с.

Socio-Legal Problems of Resolving Civil Law Conflicts Out of Court

Belyakova A.V.

***Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation***

Buchkova A.I.

Plekhanov Russian University of Economics

The research is devoted to the problems of an interdisciplinary approach to resolving conflicts arising in civil proceedings. The authors consider the settlement of legal conflicts not only from the point of view of law, but also from the side of sociology and partly psychology. Specific ways of popularizing the institution of out-of-court resolution of legal conflicts are proposed. The article has scientific and practical significance, as the authors substantiate their conclusions on the analysis of sociological researches, statistical data, as well as an expert survey. The main reasons for the unpopularity of out-of-court conflict resolution in civil law relations are considered and optimal ways for the wide dissemination of this practice in the Russian Federation are proposed.

Key words: conflict, legal conflict, conflict resolution outside the judicial system, mediation techniques, mediation, negotiations, conflictology

УДК 347.9

Системы исполнения судебных актов в эпоху цифровизации: вопросы теории и практики

Билалов А.В.

Аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье исследуются системы исполнения судебных актов в разных странах мира в период цифровизации. Их можно классифицировать на три вида: государственную (бюджетную, публично-правовую), смешанную и частную (внебюджетную). Анализируется опыт России, Казахстана и Франции с точки зрения устройства их систем исполнения судебных актов, которые внедряют передовые информационно-телекоммуникационные технологии в области исполнения судебных актов. Автором выдвинуты предложения о реформе отдельных процедур в системе исполнения судебных актов Российской Федерации.

Ключевые слова: исполнение судебного акта, исполнительное производство, цифровизация, судебный исполнитель, внебюджетная система

Исполнительное производство является важной составляющей рассмотрения дела в суде, так как интерес стороны заключается в непосредственном исполнении решения суда, и для этого необходима отлаженная система исполнения судебных актов. К тому же, если мы говорим о государственных (бюджетных, публично-правовых) системах исполнения судебных решений, то количество исполненных судебных актов и качество их исполнения являются маркерами состояния государства целом, так как суд является органом государственной власти [1, ст. 11]. В ситуациях, когда исполнительные документы не реализуются, нарушенные права граждан не восстанавливаются, и это отрицательно влияет на деловую активность ввиду невозможности защитить свои права при неисполнении сделки.

О необходимости работы исполнителей решений суда говорил древнегреческий философ Аристотель в своем труде «Политика», рассуждая о судебной власти и исполнении приговоров: «Должность эта тягостна, так как она возбуждает к себе большую ненависть; поэтому там, где с отправлением ее не связана большая выгода, никто не соглашается принять ее на себя и не желает при отправлении ее действовать по законам. Она необходима потому, что не было бы никакой пользы в правосудии, если бы

решения суда не приводились в исполнение, так что если государственное общение вообще невозможно без суда, то оно столь же невозможно и без исполнения решений» [2, с. 230].

Сегодня как государства и общества, так и система исполнения судебных актов эволюционируют с развитием технического прогресса и информационных технологий. Новые технологии позволяют автоматизировать и ускорять процессы исполнения решений суда, облегчая таким образом работу исполнительных органов и улучшая общую эффективность системы исполнения.

В данной статье мы будем рассматривать системы исполнения судебных актов, их основные характеристики. Сравнение мировых практик необходимо, чтобы понимать, какие есть модели в данной сфере, также надо критически учитывать текущее состояние российской модели исполнения судебных актов, её плюсы и минусы. Чаще всего выделяют три системы исполнения судебных актов: государственную, смешанную и частную [3, с. 30]. Эти системы образовались при определенных исторических и экономических предпосылках. В статье последовательно будут разобраны каждая из систем на примере стран, в которых они реализуются наиболее «ярко». Анализируя доктрину о классификациях си-

стем исполнения судебных актов, стоит рассмотреть позицию профессора В.В. Яркова. Он предлагает использовать способ организации работы судебных исполнителей в качестве одного из критериев классификации. Выделяются публично-правовая, частноправовая (внебюджетная) и смешанная. При этом В.В. Ярков также поясняет, «что и при внебюджетной форме организации судебный исполнитель действует от имени государства и тем самым реализовывает свои властные полномочия» [4, с. 467]. Что же касается вопросов терминологии, то использование термина «частный судебный пристав» является дискуссионным. Так, определяя, какая именно модель действует в государстве, надо исходить из экономической, политической и социальной ситуации в стране. Если говорить о полностью государственных системах исполнения судебных актов, то В.В. Ярков к таким относит Кубу, Северную Корею и Израиль [4], Е.В. Капорина [5] также относит США и Россию к государственным системам. Современная российская система исполнения судебных актов, обусловленная в том числе исторической и правовой преемственностью с СССР, является, на наш взгляд, преимущественно публично-правовой, так как судебный пристав-исполнитель является государственным служащим, действует от имени государства и финансируется им. Бюджет Федеральной службы судебных приставов (далее также – ФССП РФ) составляет почти 80 млрд руб. по состоянию на 2023 г. [6, прил. 12].

Исполнение судебных актов осуществляется судебными приставами-исполнителями, которые имеют статус государственных служащих [7, ст. 6.4]. Однако при этом в отдельных процедурах исполнительного производства (например, торги и оценка имущества) участвуют организации с «частноправовым» статусом. Поэтому можно говорить о том, что в настоящее время российская система исполнения судебных актов является смешанной, но при этом публично-правовая составляющая доминирует. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», задачами исполнительного производства являются «правильное и своевременное исполнение судебных актов ... в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций» [8, ст. 2]. За 2022 г. судебные приставы-исполнители взыскали более 1 трлн руб. [9]. При этом мы можем указать и на социальную функцию исполнительного производства в России, которая является продолжением гражданского судопроизводства. За это граждане и организации платят «косвенно» своими налогами.

Согласно Ведомственной статистической отчетности ФССП РФ, в 2020 г. на исполнении находились более 87 млн исполнительных документов на общую сумму более 10 трлн руб., из них более

5 трлн руб. – задолженность по исполнительным производствам, возбужденным в предшествующие годы [10], что указывает на существование проблемы недостаточного уровня эффективности исполнительного производства в России. К причинам можно отнести высокий уровень загруженности у судебных приставов-исполнителей (уровень загрузки одного судебного пристава-исполнителя превосходит нормативы в 17 раз [11]), а также недостаточный уровень финансовой мотивации и частое «обновление» системы кадров в региональных подразделениях службы судебных приставов. Можно сказать, что система в текущем виде опирается на патернализм государства, и при этом реальные показатели по исполнению остаются невысокими.

Вместе с тем за последние два десятилетия было несколько предложений реформирования системы судебных исполнителей путём увеличения роли частноправовых начал. Так, в 2014 г. Министерством юстиции РФ был разработан проект закона о частных судебных приставах (в 2017 г. с подобной инициативой выступал глава Центра стратегических разработок Алексей Кудрин), а позднее, в 2019 г., – проект Торгово-промышленной палаты РФ, направленный на передачу частным приставам обращения взыскания по спорам с участием организаций [12]. На наш взгляд, введение частных судебных исполнителей в России было бы оправдано в рамках пилотного проекта, который бы приходился на отдельные категории дел с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Тем не менее есть и положительные эффекты от сильно централизованной, преимущественно государственной российской системы принудительного исполнения.

Так, в рамках цифровизации исполнительного производства достигнуты существенные успехи. ФССП РФ еще в 2019 г. начала внедрять цифровой суперсервис «Цифровое исполнительное производство», предполагающий появление «реестровой модели» принудительного исполнения. Позднее, в середине 2022 г., была информация, что реестровая модель исполнительного производства заработает с 1 января 2023 г., однако в настоящее время полноценно она не заработала. Цифровая трансформация может сделать процесс исполнения более предсказуемым, снизить расходы участников исполнительного производства, обеспечить реализацию принципа гласности путем оперативного получения информации о ходе принудительного исполнения [13, с. 240]. Так, цифровизация исполнительного производства положительно скажется и на его социальной составляющей, повышая не только уровень гарантий для взыскателя, но и способствуя открытости исполнения [14, с. 17]. С 20 июня 2022 г. вступили в силу изменения в Федеральном законе от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном произ-

водстве», которые установили новый порядок вынесения постановлений по вопросам исполнительного производства. Изменения в законодательстве продиктованы реализацией программы суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», которая представляет собой элемент реализации программы «Цифровая экономика». В частности, целый ряд правоприменительных актов Федеральная служба судебных приставов России будет принимать в автоматическом режиме, т.е. без участия – и подписи – должностного лица ФССП РФ. Однако в этом случае необходимо исходить из баланса ускорения процедуры и сохранения качества, так как в случае ошибки – это будет нарушать права сторон, и потребуются усилия для отмены неправильного акта.

Говоря об успешных примерах смешанной системы исполнения судебных актов, можно привести пример Казахстана. Он является особенно актуальным, так как Казахстан является государством – членом Содружества Независимых Государств и имеет не только схожее социально-экономическое положение с Россией, но и общий правовой опыт, который, безусловно, влияет на текущее законодательство.

В настоящее время исполнительное производство в Казахстане осуществляют как государственные, так и частные судебные исполнители (далее – ЧСИ). Частные приставы в Республике Казахстан появились в 2010 г. в связи с законодательными изменениями [15]. После этого у взыскателя появилась альтернатива для выбора.

Изначально, в период с 2011 по 2014 гг. в Республике Казахстан было всего 400 частных судебных исполнителей, их финансирование осуществляется за счет взысканных средств и составляет 10 %. После реформы 2014 г. оплата деятельности ЧСИ была изменена: введена прогрессивная шкала в процентах, привязанная к месячному расчетному показателю (далее – МРП) (ставка для определенных категорий выплат, применяемый в Казахстане; в настоящее время месячный расчетный показатель равен 3450 тенге, что примерно равно 628,5 руб.) [16]. Чем выше в месячных расчетных показателях сумма взыскания, тем меньший от неё берется процент. Например, для исполнительных актов имущественного характера по суммам: до 60 месячных расчетных показателей в размере 25 % от суммы взыскания, от 60 до 300 месячных расчетных показателей – в размере 20 % от суммы взыскания; а от 10 тыс. до 20 тыс. месячных расчетных показателей – в размере 5 % от суммы взыскания; свыше 20 тыс. месячных расчетных показателей – в размере 3 % от суммы взыскания. Такая система стимулирует, чтобы по небольшим спорам (чаще всего между гражданами) стороны договаривались в рамках судебного процесса и не доводили его до стадии исполнения судебного акта, при этом для предпринимателей такое исполнение является экономически выгодным.

1 января 2015 г. образована Республиканская палата частных судебных исполнителей, что привело к централизации контроля за деятельностью отдельных ЧСИ. В регионах созданы региональные палаты частных судебных исполнителей – филиалы Республиканской палаты, руководители которых действуют по доверенности от центра [17]. Также впоследствии из законодательства Казахстана был исключен пятидневный срок на добровольное исполнение судебного акта.

В рамках следующего этапа реформы в Казахстане в исключительную компетенцию ЧСИ переданы на исполнение исполнительные документы в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

С 1 января 2016 г. в компетенцию ЧСИ перешли все категории исполнительных документов, за исключением документов о взыскании с государства, в пользу государства сумм свыше 1000 МРП (около 2 млн 120 тыс. тенге), дела о выселении, сносах, изъятии земельных участков, производимых в интересах государства. В настоящее время в Казахстане свыше 4 тыс. частных приставов, которые по своему объему полномочий уравниваются с государственными (ограничения лишь в части исполнения дел государства, которую выполняют государственные исполнители) и при этом они действуют достаточно эффективно, однако в законодательстве о ЧСИ есть пробелы, связанные с недостаточной регламентацией деятельности ЧСИ. Например, отсутствует порядок распределения дел между частными судебными исполнителями.

В настоящее время действует программа развития института частных судебных исполнителей на 2018–2025 гг., направленная на увеличение количества частных судебных исполнителей [18].

Что же касается процесса цифровизации, то в Казахстане в рамках программы «Цифровой Казахстан» запущена в эксплуатацию «Автоматизированная информационная система органов исполнительного производства», предназначенная для осуществления в электронной форме учета исполнительных производств, автоматизации процессуальных действий судебного исполнителя, а также получения данных о ходе исполнительного производства сторонами исполнительного производства. Также реализация арестованного имущества должника на территории Республики Казахстан осуществляется через Единую электронную торговую площадку [19, с. 43].

В контексте изучения успешного зарубежного опыта частных (внебюджетных) систем исполнения судебных актов важным примером является опыт Франции. Там деятельность ЧСИ является основной, а государственные судебные исполнители остались только в составе Министерства экономики и финансов, они ответственны за взыскание нало-

гов, штрафов и иных платежей в пользу государства. При этом во Франции в рамках процедуры исполнения судебного акта у суда сохраняются функции проверки и контроля за деятельностью ЧСИ, а по отдельным категориям дел (например, семейные и дела с участием несовершеннолетних) суд должен давать согласие на большинство действий [20]. Расходы на проведение процедуры взыскания с должника денежных средств после вынесения судебного акта авансируются взыскателем, однако в ходе взыскания эти денежные средства взыскиваются с должника [21].

Все это направлено на мотивирование должника относиться добросовестно к своим обязанностям. Примечательно, что во Франции частные судебные исполнители в некоторых случаях имеют право давать юридические консультации и проводить оценку движимого имущества, если в той местности отсутствуют оценки данных видов имущества. Что касается цифровизации процедуры исполнения судебных актов во Франции, то стоит указать на возможность коммуникации между ЧСИ и сторонами посредством сообщений в специализированной электронной системе. Также уведомление о принятом решении судебного исполнителя может быть отправлено в электронной форме, но только с согласия сторон.

В Болгарии в феврале 2023 г. в Гражданский процессуальный кодекс были внесены поправки, направленные на цифровизацию исполнения судебных актов. Исполнительный лист будет выдаваться в электронной форме, при этом все документы, необходимые для его получения, могут быть выданы в электронной форме, нововведения будут действовать с 1 июля 2024 г. [22].

Подводя итоги, можно отметить, что каждая из систем имеет свои достоинства и недостатки. Частноправовая (внебюджетная) система направлена на увеличение эффективности взыскания, т.к. от суммы взысканного напрямую зависит доход судебного исполнителя, однако в таком случае стороны должны быть готовы к финансовым тратам (например, авансирование процедуры исполнения судебного акта во Франции), т.е. это повышает уровень ответственного отношения к судебным спорам, но затрудняет доступ граждан и организаций к исполнительному производству, а значит, и к правосудию в целом. При этом за ЧСИ также необходим государственный контроль, чтобы избежать злоупотреблений. Поэтому российский законодатель должен выбирать, что для него является приоритетным? В текущей ситуации система исполнительного производства РФ недостаточно эффективна, однако является «условно бесплатной» и выполняет социальную функцию. Автором статьи предлагается в рамках пилотного проекта использование института частных судебных приставов в РФ. Частные судебные исполнители мо-

гут более успешно справиться с теми функциями по исполнению, где взыскателями являются коммерческие организации и индивидуальные предприниматели. Однако государственные судебные приставы должны сохранить за собой полномочия по привлечению должника к административной ответственности за неисполнение решения суда, а также по делам, связанным с взысканием платежей, имеющих публично-правовую природу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС Консультант-Плюс.
2. Аристотель. Политика. – М.: АСТ, 2002. – 393 с.
3. Ярков В.В., Устьянцев С.Е. Концепция развития системы исполнительного законодательства и службы судебных приставов Российской Федерации (краткие тезисы) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2001. – № 8. – С. 29–40.
4. Ярков В.В. Основные мировые системы принудительного исполнения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – С. 465–504.
5. Капорина Е.Е. О правовом статусе органов принудительного исполнения и предпосылках его реформирования // Современное право. – 2007. – № 8. – С. 21–28.
6. Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // СЗ РФ. – 2022. – № 50 (Ч. I). – Ст. 8760.
7. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.
8. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
9. За 2022 год судебные приставы взыскали свыше триллиона рублей. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5885849> (дата обращения: 30.05.2023).

10. Ведомственная статистическая отчетность ФССП. – URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 30.05.2023).
11. В ФССП заявили, что нагрузка судебных приставов в 17 раз превосходит нормативы. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10949209> (дата обращения: 30.05.2023).
12. Частным приставам дадут добро. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4290940> (дата обращения: 30.05.2023).
13. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. – М.: Статут, 2022. – 336 с.
14. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения // Российский судья. – 2020. – № 3. – С. 16–20.
15. Закон Республики Казахстан от 02.04.2010 г. № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» // Информац.-правовая система «Адилет».
16. С 2023 года МРП будет составлять 3450 тенге. – URL: <https://time.kz/news/economics/2022/08/25/s-2023-goda-mrp-budet-sostavlyat-3450-tenge> (дата обращения: 30.05.2023).
17. Законом РК от 29 декабря 2014 г. № 269-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам кардинального улучшения условий для предпринимательской деятельности в РК». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000269> (дата обращения: 30.05.2023).
18. Программа развития института частных судебных исполнителей на 2018–2025 годы // Сайт Республиканской Палаты ЧСИ РК. – URL: https://zhso.kz/index.php?view=catalog&main_cat=1&cat_id=24
19. Цирина М.А. Цифровизация исполнительного производства // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 1. – С. 42–45.
20. Mathieu-Fritz A., Quemin A. French officers ministériels: autonomy of the legal professions, protection of their market and an ambivalent relationship with the state // International Journal of the Legal Profession. – 2009. – Vol. 16. – № 2-3.
21. Article L111-8. The French Code of civil enforcement procedures. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000028747701/
22. Bulgaria introduces digitalisation of accelerated enforcement court procedure and execution title. – URL: <https://cms.lawnow.com/en/ealerts/2023/05/bulgaria-introduces-digitalisation-of-accelerated-enforcement-court-procedure-and-execution-title>: (дата обращения: 23.05.2023).

Systems of Enforcement of Judicial Acts in the Era of Digitalization: Issues of Theory and Practice

Bilalov A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the systems of enforcement of judicial acts in different countries of the world in the period of digitalization. They can be classified into 3 types: public (budgetary), mixed and private (extra-budgetary). The experience of Russia, Kazakhstan and France in terms of their systems of execution of judicial acts, as well as the experience of countries that are implementing advanced information-telecommunication technologies in the field of execution of judicial acts is analyzed. The author puts forward proposals for reforming certain procedures in the system of execution of judicial acts of the Russian Federation.

Key words: enforcement, enforcement proceedings, digitalization, bailiff, extra budgetary system

УДК 347.45

Особенности описания объекта закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Ковалькова Е.Ю.

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В статье анализируются вопросы осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Рассмотрены положения Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в сфере условий, необходимых для включения в контракт. Раскрываются требования к описанию объекта закупок в их взаимосвязи с формирующейся судебной практикой.

Ключевые слова: закупки, публичные нужды, государственный контракт, муниципальный контракт, предмет контракта, объект закупки

Основное требование, выдвигаемое законодателем для заключения гражданско-правового договора, а значит, и для государственного (муниципального) контракта является согласование всех существенных условий, основным из которых является предмет, согласно ст. 432 ГК РФ [1].

Однако законодатель наравне с термином «предмет» договора использует понятие «объект» (ст. 673 ГК РФ «Объект договора найма жилого помещения», ст. 1013 ГК РФ «Объект доверительного управления» и др.). В Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон, Закон № 44-ФЗ) ст. 33 называется «Правила описания объекта закупки» [2]. То есть мы видим, что законодатель не разграничивает особо эти понятия, являющиеся все-таки не идентичными. По мнению Д.И. Мейера, «предметом договора всегда представляется право на чужое действие» [3, с. 161], аналогичный подход встречается у Г.Ф. Шершеневича: «содержание договора, или, как неправильно выражается наш закон, предмет договора... есть то юридическое последствие, на которое направлена согласная воля двух или более лиц» [4, с. 74.] На наш взгляд, понятие «объект» правильнее использовать, когда речь идет о право-

отношении, а «предмет» уже как существенное условие, которое должно быть определено в договоре-документе.

Рассмотрим данный вывод с позиции публичных закупок. В данной сфере заключение контракта происходит по результатам проведения соответствующих процедур, вначале формируется и публикуется информация (извещение) о публичных нуждах – объекте закупки и размещается проект контракта, в котором объект закупки уже называется предметом контракта (договора). То есть участник закупки, вступая в правоотношения с заказчиком по отбору исполнителя, подрядчика, заключению с ним контракта в случае победы, соглашается с тем, что «юридическим последствием» его участия является исполнение предмета контракта.

Подтверждение данного подхода можно найти и в судебной практике. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. указывается, информация о закупке и проект контракта размещены на официальном сайте, следовательно, заключая контракт, подрядчик имеет возможность заблаговременно ознакомиться с его условиями (для данного случая это требования о поставке заказчику в том числе и лицензии на определенное программное обеспечение), а также запросить у заказчика разъяснения относительно контракта, на основании чего

оценить реальность исполнения контракта в соответствии с указанными в нем условиями [5].

Представляется важным отметить, что описание объекта закупки, предусмотренное в ст. 33 Закона № 44-ФЗ, не только отражает особенности заключения гражданско-правовых договоров в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд, но и направлено на обеспечение эффективного использования средств бюджетов и внебюджетных источников финансирования, на участие физических и юридических лиц в осуществлении таких закупок [6; 7].

Вместе с тем не следует забывать, что основой законодательства о закупках является не обеспечение доступа к закупке как можно большему количеству участников, а *качественное* удовлетворение потребностей государственного заказчика. Так, арбитражный суд, принимая решение о признании недействительным решения УФАС по делу № 010/06/106-780/2022 от 16.11.2022 г. по жалобе на незаконные требования к описанию объекта закупки, влекущие ограничение конкуренции (под описание объекта закупки подходит конкретный товар), отмечает, что возможно сужение круга участников закупки с одновременным повышением эффективности использования финансирования, исходя из положений п. 1 ст. 1 Закона № 44-ФЗ, не может само по себе рассматриваться в качестве нарушения требований законодательства о защите конкуренции [8]. «Товар с указанными в описании объекта закупки характеристиками свободно обращается на рынке и предлагается к поставке различными участниками рынка. Данное обстоятельство подтверждается коммерческими предложениями трех различных организаций, которые использовались заказчиком при формировании цены предмета закупки. При формировании заказа учреждение руководствовалось существующей потребностью, возникшей в связи с осуществлением учреждением специализированной деятельности, и учитывалась необходимость конечного результата – приобретение медицинского оборудования с наилучшими характеристиками для оказания качественной медицинской помощи гражданам в требуемых объемах» [9].

Данный подход подтвержден Президиумом Верховного Суда РФ в «Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: по общему правилу указание заказчиком в аукционной документации особых характеристик товара, которые отвечают его потребностям и необходимы заказчику с учетом специфики использования такого товара, не может рассматриваться как ограничение круга потенциальных участников закупки [10, п. 1 Обзора].

В силу п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ заказчик при формировании описания объекта закупки са-

мостоятельно определяет параметры и характеристики объекта закупки, в наибольшей степени удовлетворяющих его потребностям и специфике деятельности. При этом заказчик обязан использовать показатели, требования, условные обозначения и терминологию, касающиеся технических характеристик, функциональных характеристик (потребительских свойств) товара, работы, услуги и качественных характеристик объекта закупки, которые предусмотрены техническими регламентами, принятыми в соответствии с законодательством РФ о техническом регулировании, документами, разработываемыми и применяемыми в национальной системе стандартизации, принятыми в соответствии с законодательством РФ о стандартизации (п. 2 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ). Кроме того, заказчик обязан описывать объект закупки, применяя код его позиции, наименование и характеристики в соответствии с Правилами, утвержденными Правительством РФ [11]. Согласно п. 5 Правил, заказчик вправе указать в извещении об осуществлении закупки дополнительную информацию, а также дополнительные потребительские свойства, в том числе функциональные, технические, качественные, эксплуатационные характеристики товара, которые не предусмотрены в позиции каталога. При этом установлено, что в случае предоставления иной и дополнительной информации, указанной в пункте 5 Правил, заказчик обязан включить в описание товара, работы, услуги обоснование необходимости использования такой информации в случае, если в каталоге товаров, работ, услуг (далее – КТРУ) присутствует описание товара, работы, услуги (п. 6 Правил).

Так, например, заказчик, описывая товар «Рюкзак туристический», помимо данных КТРУ, где включено минимальное количество характеристик для данного товара, добавил к описанию необходимую и удовлетворяющую его потребностям в соответствии со спецификой деятельности дополнительную характеристику «плотность ткани» и разместил соответствующее обоснование её использования. Поставщик не смог в суде доказать незаконности требования к плотности ткани туристического рюкзака, тем более добровольно заявив о готовности исполнять контракт на заявленных условиях и заключив контракт на предложенных условиях [12].

В отношении товарного знака отметим, что, по общему правилу, такое указание обязательно должно сопровождаться словами «или эквивалент» (подп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ). А в случаях несовместимости товаров, необходимости обеспечения взаимодействия товаров с товарами, используемыми заказчиком; осуществления закупки запасных частей и расходных материалов; осуществления закупки медицинских изделий, специализированных продуктов лечебного питания, необходимых для назначения пациенту по медицинским

показаниям, допускается указание товарного знака без эквивалента.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: описание объекта закупки, установленное законодательством, определяет особенности заключения гражданско-правовых договоров в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок товаров, работ, услуг, призвано обеспечивать эффективное использование средств, развигивать добросовестную конкуренцию и предотвращать злоупотребления в этой сфере.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. – 2013. – 12 апреля. – № 80.
3. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. – М.: «Статут», 2003. – 831 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. В 6 т. Т. 2. – М.: Статут, 2017. – 704 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 г. № 2006-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мерзликиной Ирины Петровны на нарушение ее конституционных прав положением п. 1 ч. 1 ст. 33 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”». – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.08.2023).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 г. № 1786-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 33 и п. 1 ч. 1 ст. 64 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”». – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.08.2023).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 г. № 352-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ворона Эдуарда Мироновича на нарушение его конституционных прав ст. 10, 11 и 11.1 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” во взаимосвязи со статьей 33 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”, а также положениями ряда подзаконных нормативных правовых актов». – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.08.2023).
8. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3434.
9. Решение АС Республики Карелия от 02.03.2023 г. по делу № А26-10601/2022. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/QeonBLvX4IoZ/> (дата обращения: 25.08.2023).
10. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017). – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/16152/> (дата обращения: 25.08.2023).
11. Постановление Правительства РФ от 08.02.2017 г. № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. – 2017. – № 7. – Ст. 1084.
12. Решение АС Краснодарского края от 02.03.2023 г. по делу № А32-41206/2022. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AVoy6h8i8yHR/> (дата обращения: 25.08.2023).

Features of the Description Of The Procurement Object to Meet State and Municipal Needs

Kovalkova E. Yu.

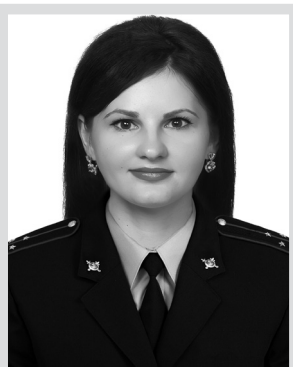
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The article analyzes the issues of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. The provisions of the Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" in the field of conditions necessary for inclusion in the contract are considered. The requirements for the description of the object of procurement are disclosed, in their relationship with the emerging judicial practice.

Key words: purchases, public needs, state, municipal contract, subject of the contract, object of purchase

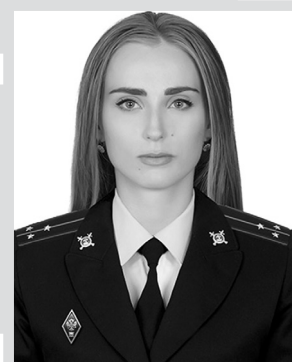
УДК 343.3.7

Меры государственного противодействия незаконному обороту оружия и взрывных устройств

Курилова Е.Н.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

Маслиенко М.А.
Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

В статье рассматриваются актуальные вопросы государственного противодействия незаконному обороту оружия и взрывных устройств на приграничных территориях Российской Федерации в период проведения специальной военной операции. Авторами предложены пути преодоления законодательных пробелов в данной сфере, направленные на внесение изменений в действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, взрывные устройства, государственный контроль, специальная военная операция

Современный мир признает жизнь человека наивысшей ценностью, а государственная власть является гарантом ее безопасности, обеспечивая тем самым достойное существование всех членов общества. Однако определенные лица преступают закон, совершая противоправные посяательства на жизнь и здоровье граждан, зачастую прибегая при этом к использованию оружия, взрывных устройств, в том числе приобретенных незаконным путем.

В нашей стране сложилась сложная система законодательства, которая обеспечивается силами исполнительной и судебной власти. И тем не менее случаи нарушений установленного легального оборота оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств встречаются довольно часто, что свидетельствует о неправомерном поведении отдельных субъектов, а следовательно, ставит перед правоохранительными органами задачи, с одной стороны, по профилактике и предотвращению преступлений, а с другой – по организации их расследова-

ния [1, с. 306], а также правильной квалификации в соответствии с действующим уголовным законодательством. Возросший интерес к оружию, используемому при совершении преступлений, обусловлен созданием благоприятных условий для достижения своих преступных целей правонарушителями.

Необходимость в законодательном урегулировании оборота оружия и взрывных устройств возникла вследствие того, что их неконтролируемый оборот может привести к таким тяжким последствиям, как причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью. В случае отсутствия должного государственного регулирования ограниченных в гражданском обороте предметов, в частности, оружия различные субъекты могут безнаказанно продавать и приобретать оружие и взрывные устройства даже в тех случаях, когда существует значительный риск того, что они могут быть использованы в нарушение международного гуманитарного права и норм в области

прав человека, а также для содействия применению насилия и другим негативным последствиям.

Распространенность трансграничных перевозок огнестрельного оружия и взрывчатых веществ по всему миру сопряжена со сложным комплексом взаимосвязанных проблем. Несмотря на усилия по регулированию законного оборота оружия и взрывных устройств, у предприимчивых преступников существует множество способов обойти правоохранительный контроль и переправить оружие через международные границы. Этот вопрос является актуальным и насущным, его разрешение необходимо для эффективного обеспечения как общественной безопасности в целом, так и для обеспечения личной безопасности граждан.

Показатель территориальной распространенности незаконного оборота оружия и взрывных устройств зависит от множества факторов, в том числе от территориальной расположенности субъектов Российской Федерации, их непосредственной близости к государственным границам. Данную тенденцию можно проследить, проанализировав оперативную обстановку на территории субъектов Белгородской области. В условиях проведения специальной военной операции на территории Украины в целях ее демилитаризации и денацификации Белгородская область, как приграничный регион, в большей степени подвержена вооруженным провокациям со стороны сопредельного государства. Данная ситуация напрямую повлияла на возросший уровень потенциальной опасности незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств через государственную границу России и Украины.

Подтверждением этому являются статистические исследования. Так, по данным МВД РФ, в Белгородской области на фоне спецоперации на 216,7 % выросло число преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия [2]. Также стоит отметить, что в 2022 г. на всей территории Российской Федерации было зарегистрировано 22 206 таких преступлений, из них 162 – на территории Белгородской области, что на 30 единиц больше зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ [3].

При этом обеспокоенность вызывает тот факт, что в незаконном обороте оружия принимают непосредственное участие военнослужащие Вооруженных Сил РФ. Преследуя свои корыстные интересы, имея свободный доступ к оружию, боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам, военнослужащие чаще других субъектов за вознаграждение либо оказание иных услуг имущественного характера реализуют сбыт оружия гражданским лицам.

Приведем пример из судебной практики: «2 июля 2022 г. около 21 ч. 30 мин. военнослужащий ВС РФ

Г.А.И. предложил Д.А.М. приобрести у него за денежное вознаграждение оружие, а именно автомат Калашникова с боеприпасами. В этот момент у Д.А.М. возник прямой преступный умысел, направленный на незаконное приобретение и хранение автомата Калашникова с боеприпасами, в связи с чем он согласился на предложение военнослужащего Г.А.И.

Реализуя свои преступные намерения, Д.А.М., осознавая, что свободный оборот оружия, боеприпасов и взрывных устройств в Российской Федерации запрещен, согласно ранее достигнутой договоренности, 6 июля 2022 г. около 22 ч. 30 мин., находясь на территории п. Уразово Валуйского городского округа Белгородской области, приобрел у Г.А.И. за денежное вознаграждение в сумме 50 тыс. руб., автомат Калашникова (АКС-74У) 5,45 мм, промышленного производства, относящийся к боевому, нарезному, автоматическому огнестрельному оружию, и 436 автоматных патронов 5,45x39 с пулей со стальным сердечником (7Н6), изготовленных промышленным способом, которые перенес в нежилое помещение, где оставил незаконно хранить.

Своими умышленными действиями Д.А.М. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК РФ, – незаконные приобретение, хранение огнестрельного оружия и боеприпасов.

Кроме того, в продолжение своего единого преступного умысла в ходе беседы с военнослужащим ВС РФ Г.А.И. последний предложил Д.А.М. приобрести у него за денежное вознаграждение взрывные устройства. В этот момент у Д.А.М. возник прямой преступный умысел, направленный на незаконное приобретение и хранение не менее 10 гранат, в связи с чем он согласился на предложение Г.А.И.

В последующем, в течение нескольких дней, Д.А.М. приобретал у Г.А.И. гранаты и взрыватели за денежное вознаграждение в сумме 5 тыс. руб. за 1 гранату со взрывателем, а всего на общую сумму 45 тыс. руб.

Таким образом, Д.А.М. умышленно, незаконно, без цели сбыта приобрел 1 гранату «РГД-5», семь гранат «Ф-1», 8 взрывателей УЗРГМ-2, 1 гранату РГО, 1 гранату РГН, 2 неснаряжённых взрывателя УДЗ. При этом гранаты, снаряженные взрывателями, образуют комплекты для сборки окончательно снаряженных и пригодных для производства взрыва взрывных устройств осколочного действия» [4].

Рассмотрим еще один пример из судебной практики: «Т.А.С. в вечернее время, примерно в начале мая 2023 г., находясь на территории г. Белгорода, имея умысел, направленный на незаконное хранение взрывных устройств, без цели сбыта, умышленно, незаконно приобрел за денежное вознаграждение в размере 2 тыс. руб. у неустановленного лица ручную осколочную гранату Ф-1, изготовленную промышленным способом, с содержанием заряда

бризантного взрывчатого вещества тротила, которая относится к категории боеприпасов, предназначенных для поражения цели. Представленная граната как изделие, содержащее взрывчатое вещество, функционально предназначено для производства взрыва и способно к взрыву.

Своими умышленными действиями Т.А.С. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, – незаконные приобретение, хранение, перевозка, ношение взрывных устройств» [5].

Рассматривая данные примеры, интерес вызывает количественный признак предметов взрывных устройств. В Уголовном Кодексе РФ количество предметов вооружения не влияет на санкцию, т.е. предусмотрено одно и то же наказание за незаконные действия как с единицей любого из предметов вооружения, так и с крупным количеством предметов вооружения.

Однако нельзя не разделить мнение Г.А. Караваева и Н.А. Васильева, которые считают, что с учетом «масштабности преступной деятельности необходимо установить в качестве квалифицирующего обстоятельства такой признак, как количество оружия, находящегося в незаконном обороте. В качестве квалифицирующего признака следует предусмотреть совершение деяний в крупном размере (превышающем пять единиц оружия), особо квалифицирующего – совершение преступления в особо крупном размере (более 15 единиц оружия). При этом количественные характеристики крупного и особо крупного размера указать в Примечании» [6, с. 325].

Выделение Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ» в качестве отдельного самостоятельного преступления через ст. 222.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств, решило актуальную проблему, так как особенности взрывчатых веществ и взрывных устройств (степень их разрушающей способности, а также использование в качестве средств массового поражения) обуславливают кардинальные изменения типовой степени общественной опасности преступления, предусмотренного в общей норме, и в силу этого объективно требовалось усиление пределов наказания за преступные деяния, предусмотренные ст. 222.1 УК РФ [7].

Данный вид противоправной деятельности представляет собой наиболее опасное деяние, которое имеет повышенную общественную опасность, в отличие от незаконного изготовления оружия и боеприпасов к нему. Некоторые лица, нарушившие порядок оборота огнестрельного или холодного оружия, часто находят оправдание своим поступ-

кам. Так, попав в поле зрения правоохранительных органов, такие лица аргументируют свои действия интересом к антиквариату и опытным образцам огнестрельного оружия, интересом к конструкции указанного ружья, для защиты себя и своих близких. Обладатель же взрывчатых веществ и взрывных устройств в большинстве своем имеет преступные намерения. Поэтому незаконный оборот таких предметов свидетельствует о подготовке к тяжким и особо тяжким преступлениям.

Введение нового состава преступления, предусмотренного ст. 222.1 УК РФ, обусловлено необходимостью недопущения незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения взрывчатых или взрывных устройств, что подтверждается повышенной степенью общественной опасности рассматриваемых преступлений.

На наш взгляд, считаем целесообразным дополнить ст. 222.1 УК РФ квалифицирующим и особо квалифицирующим признаками «совершение деяний в крупном и особо крупном размерах», соответственно, при этом указав в примечании к данной статье, что под крупным размером понимается превышающее 5 единиц оружия, особо крупном – более 15 единиц оружия.

Таким образом, в условиях проведения специальной военной операции, с учетом обострения оперативной обстановки на территориях приграничных регионов возникает необходимость в ужесточении существующих мер противодействия и контроля за незаконным оборотом оружия и взрывных устройств.

Литература:

1. Диденко К.В., Зейналбдыева А.В., Свиридов Р.В. Проблемные вопросы квалификации хищений с использованием информационных технологий // Современный ученый. – 2020. – № 5. – С. 306–310.
2. Незаконный оборот оружия в Белгородской области устроился на фоне спецоперации. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5862681> (дата обращения: 20.08.2023 г.).

3. Динамика показателей преступности. – URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/criminality/pokazateli-prestupnosti> (дата обращения: 16.08.2023 г.).
4. Приговор Яковлевского районного суда Белгородской области от 9 августа 2022 года по делу № 1-107/2022. – URL: <http://yakovlensky.blg.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2023 г.).
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода № 1-352/2023 от 30 июля 2023 г. по делу № 1-352/2023. – URL: https://oktiabrsky--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo/ (дата обращения: 18.08.2023 г.).
6. Караваев Г.А., Васильев Н.А. Незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств: некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 222, 222.1 УК РФ // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 320–331.
7. Федеральный закон от 24.11.2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (посл. ред.) // СПС КонсультантПлюс.

State Measures to Counter Illicit Trafficking in Arms and Explosive Devices

Kurilova E.N., Maslienko M.A.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

The article deals with topical issues of state counteraction to illegal trafficking of weapons and explosive devices in the border territories of the Russian Federation, during a special military operation. The authors propose ways to overcome legislative gaps in this area, aimed at amending the current criminal legislation.

Key words: illegal circulation of weapons, explosive devices, state control, special military operation

УДК 343.54

Соорганизованность как основное измерение общественной опасности соучастия в преступлении**Куфёлкина И.Ю.**Соискатель кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье отмечается, что соорганизованность как качественный признак соучастия в преступлении проявляется как в организационной преступной деятельности, так и в организованной его (соучастия) форме. Чем соорганизованнее соучастники, тем выше общественная опасность преступления и самих этих лиц. Подчёркивается, что данный признак соучастия позволяет более последовательно дифференцировать его формы и ответственность виновных.

Ключевые слова: преступление, соучастие, формы соучастия, признаки соучастия, соорганизованность соучастников, дифференциация ответственности

Дифференциация ответственности за соучастие в преступлении предполагает прежде всего выяснение особенностей, специфики совместной преступной деятельности, которая проявляется в различных организованных вариантах, в первую очередь в его видах и формах. Характерно, что степень общественной опасности соучастия не определяется формально по виду или по форме соучастия. На самом деле происходит как бы наложение одного критерия общественной опасности и, соответственно, дифференциации ответственности на другой, то есть наложение видов соучастия в преступлении на его формы. По большому счёту, мы имеем в данном случае дело с уравнением со многими неизвестными – обусловить дифференциацию ответственности в первую очередь в зависимости от видов соучастия и с учётом его форм, то есть фактически двойное наложение ответственности за вид и форму соучастия. Так, по мнению С.А. Балеева, за организованную преступную деятельность при соучастии как в преступлении, так и в преступной деятельности организатору должно назначаться наиболее строгое наказание [1]. Это мнение в литературе не подвергается сомнению, действительно, в данном случае соорганизованность как признак соучастия в преступлении проявляется и в организованной преступной деятельности, и в организованной его (соучастия) форме.

Соучастие в организационной деятельности, присущей организатору преступления, с организован-

ными формами соучастия обуславливает наибольший уровень его общественной опасности. И в этом отношении соотношение видов и форм соучастия может приобретать различный характер. Например, второстепенная роль пособника преступления при его совершении преступным сообществом или преступной организацией или, наоборот, высокая степень преступной активности при его совершении с распределением соответствующих ролей.

Систематический анализ норм УК РФ, регламентирующих формы соучастия в преступлении, позволяет выделить следующие признаки соорганизованности соучастников: распределение ролей, предварительный сговор, заранее состоявшееся объединение соучастников, структурированность организованной группы, объединение организованных групп, единое руководство ими, координация их действий, оперируя которыми законодатель предусмотрел соответствующие формы соучастия в преступлении. Все приведённые признаки (критерии) в той или иной мере характеризуют соорганизованность соучастников преступления, которая может быть положена в основу классификации видов и форм соучастия и дифференциации ответственности за них.

В литературе в качестве критериев классификации предполагается рассматривать степень сплочённости участников преступления, характер участия в совершении преступления, то или иное сочетание

объективных и субъективных признаков соучастия, особенности конструкции составов преступлений и др. Так, по мнению А.Р. Зайнутдиновой, в основу классификации форм соучастия следует положить характер совместности участия в совершении преступления, то есть степень сплочённости, организованности, характер распределения ролей, особенности взаимосвязи преступной деятельности соучастников, степень согласованности преступной деятельности, в том числе и сговор между ними [2]. Она привела весьма важные характеристики совместной преступной деятельности, но предприняла это без какой-либо их систематизации. К тому же эти признаки неодинаковы по своей значимости. И не совсем понятно, как некоторые из них соотносятся друг с другом, например, каким образом соотносятся сплочённость и организованность соучастников или, скажем, организованность и особенности взаимосвязи преступной деятельности виновных?

На взгляд В.Д. Карлова, форма соучастия является определённым характерным способом совершения преступления, который определяется характером совершаемых соучастниками действий, а также способом интеллектуально-информационного обмена между ними [3]. Автор, как видно, выделяет объективный и субъективный критерии классификации форм соучастия в преступлении. Лаконичное, но достаточно приемлемое объяснение критериев классификации форм соучастия в преступлении приводит А.А. Илизиев. Таковыми он признаёт характер соучастия в преступлении, наличие или отсутствие предварительного сговора и степень организованности [4]. Автор не расшифровывает, что понимает он под характером участия в преступлении и организованностью соучастников. Хотя стремление положить в основу классификации степень организованности соучастников заслуживает поддержки.

О.Н. Расщупкина во главу ставит объективный характер взаимосвязи и взаимодействия виновных при совершении преступления [5]. Данные критерии, в свою очередь, также нуждаются в конкретизации.

Ближе всех к истине по проблеме дифференциации форм соучастия, по нашему мнению, представляется позиция А.П. Козлова, автора обстоятельной монографии по соучастию в преступлении [6]. Степень организованности прежде всего характеризуется временем достижения соглашения на совершение преступления. А организованность предопределяется степенью объединённости действий соучастников, то есть строгой урегулированностью их поведения, степенью подготовленности к совершению преступления, уровнем организационной деятельности, дисциплины и др. [6].

Практически значимая трактовка форм соучастия и их классификация возможны, по нашему мне-

нию, на основе сущностного признака соучастия – организованности соучастников. Особенно это свойственно для группового способа совершения преступления, существенно влияющего на степень общественной опасности содеянного [7; 8]. Понятие группы имеет универсальное значение для выделения форм соучастия. Кроме предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 35 УК РФ, к групповой форме соучастия следует относить и организованную группу, в которой в более значительной степени проявляется признак организованности, хотя в её состав могут входить не только исполнители, но и другие соучастники, то есть лица, выполняющие какие-то иные функциональные роли. Своеобразной группой следует признать и преступную организацию, поскольку она законодателем определяется с использованием понятия организованной группы. С учётом отмеченного классификационная схема форм соучастия в преступлении может выглядеть следующим образом: 1) соучастие с распределением ролей, когда в его совершении наряду с исполнителем участвуют организатор, подстрекатель и (или) пособник (сочетание исполнителя с организационной деятельностью, подстрекательством или пособничеством также может быть признано видами данной формы соучастия) и 2) групповое соучастие, виды которого предусмотрены в ст. 35 УК РФ. В зависимости от сочетания соисполнительства, с одной стороны, организационной деятельности, подстрекательства или пособничества, с другой, данная форма соучастия охватывает либо групповой способ соисполнения (группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, а иногда и организованной группой), либо, как правило, совершение преступления организованной группой и всегда его совершение преступным сообществом (преступной организацией).

Несмотря на различия в совместности и взаимосвязи преступных действий в приведённых формах соучастия, все они свидетельствуют о той или иной степени организованности виновных.

Организованность – это сущностный признак соучастия в преступлении, раскрывающий совместность и преступный результат. Чем организованнее соучастники, тем выше общественная опасность преступления и самих соучастников. Скорее всего, не случайно законодатель отказался при определении преступного сообщества (преступной организации) от признака сплочённости, заменив его структурированностью, которая фактически является показателем организованности этих объединений. Она (организованность), так или иначе, присуща всем видам и формам соучастия в преступлении, предусмотренным в УК РФ. Не являются исключением в этом отношении соучастие с распределением ролей и совершение преступления группой лиц без предварительного сговора. В первом случае соучастники (организатор, подстрекатель, пособник) объек-

тивно исходят из характера действий исполнителя преступления, а последний принимает во внимание действия других соучастников. Вполне очевидна здесь и субъективная связь между ними. С позиций соорганизованности специфика заключается в том, что при распределении ролей соучастники выполняют различные роли (функции), совокупность которых образует в уголовно-правовом смысле единое деяние.

Определённые элементы соорганизованности свойственны и совершению преступления группой лиц, участники которой координируют, согласовывают свои действия в процессе совершения преступления. При этом координация осуществляется на вербальной основе либо путём конклюдентных действий. Возможно здесь и техническое распределение ролей, хотя в уголовно-правовом плане все члены группы являются соисполнителями. С точки зрения соорганизованности данная преступная группа представляет собой элементарную форму соучастия в преступлении, поскольку соучастники заранее не согласовывают свои действия, не распределяют между собой функции (хотя бы технические), не разрабатывают свои планы, не приобретают орудия, средства совершения преступления и др.

Кроме группы лиц, в ст. 35 УК РФ предусмотрены и другие формы группового соучастия – группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Последняя в ч. 4 ст. 35 УК РФ определяется как структурированная организованная группа или в качестве составляющей преступного объединения.

В ч.ч. 5, 6 и 7 указанной статьи предусмотрены уголовно-правовые последствия совершения преступления преступным сообществом (преступной организацией) и организованной группой. Обращает на себя внимание то, что эти последствия одинаковы применительно к данным групповым формам соучастия.

Если соорганизованность в группе лиц по предварительному сговору проявляется при приготовлении и совершении отдельного взятого преступления, то в организованной группе, преступном сообществе (преступной организации) она выражается в создании организованных структур для осуществления преступной деятельности.

Групповое соучастие в преступлении характеризуется общими объективными и субъективными признаками, присущими любой групповой форме соучастия, и одновременно – дополнительными признаками.

Соорганизованность представляется конструктивным признаком этих форм соучастия; не случайно законодатель оперирует при их определении понятиями «организованная группа», «преступная организация», «преступная иерархия» (ст. 210.1 УК РФ), «структурные подразделения», «коорди-

нация действий организованных групп» и др. (ч. 1 ст. 210 УК РФ).

Существенная специфика организованных форм соучастия проявляется не только в распределении функций, нацеленности на совершение преступлений (осуществление по сути преступной деятельности), но и в создании и поддержании устойчивых структур, связей, поддержании дисциплины и ответственности.

Наивысшая степень соорганизованности проявляется, по нашему мнению, в участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения преступлений (ч. 1.1. ст. 210 УК РФ), занятии высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) и совершении ими преступлений, предусмотренных ч.ч. 1, 1.1. ст. 210 УК РФ (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

Речь в этих нормах идёт о консолидации преступной среды, а не отдельных соучастников или их группировок. Фактически формируются криминальные отношения, альтернативные общественным отношениям, охраняемым законом.

Опасность организованной преступности заключается в том, что она уже сама себя производит, вовлекает в свои ряды (втягивает как в своеобразную воронку) новых участников, особенно молодых, ищущих «романтику» и «прозу жизни» в быстром обогащении, а также соответствующих специалистов, нерадивых чиновников и сотрудников правоохранительных органов.

В заключение отметим, что поскольку существенным признаком соучастия в преступлении, раскрывающим совместность деяния и преступный результат, является соорганизованность виновных в этом лиц, поэтому чем они соорганизованнее, тем выше его общественная опасность. Законодатель обоснованно отказался при определении преступной организации от признака сплочённости, заменив его структурированностью (организованной группы), которая фактически отражает соорганизованность соучастников.

Соорганизованность присуща всем формам соучастия в преступлении. На основе этого качественного признака, своеобразного измерения его общественной опасности можно выделить: 1) низшую степень соорганизованности (соучастие с распределением ролей); 2) низкую степень соорганизованности (соучастие без предварительного сговора); 3) среднюю степень соорганизованности (соучастие по предварительному сговору); 4) высокую степень соорганизованности (организованная группа); 5) высшую степень соорганизованности (преступное сообщество (преступная организация); 6) наивысшая степень соорганизованности (консолидация преступной среды).

Литература:

1. Балеев С.А. Ответственность за организационную преступную деятельность по действующему российскому уголовному законодательству. – Казань: КЮИ МВД России, 2002. – 212 с.
2. Зайнутдинова А.Р. Ответственность за организованные формы соучастия по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001. – 217 с.
3. Карлов В.Д. Формы соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – 197 с.
4. Илidgeв А.А. Назначение наказания за преступление, совершённое в соучастии: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 212 с.
5. Расщупкина О.Н. Уголовная ответственность участников организованной группы, совершающих преступления против общественной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2004. – 24 с.
6. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с.
7. Кругликов Л.Л. Трактровка группы лиц в новейших диссертационных исследованиях // Учёные записки Казанского государственного университета. Юридические науки. – 2002. – Т. 142. – С. 212–219.
8. Розенко С.В. Формы и виды организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 20 с.

Co-organization as the Main Dimension of the Social Danger of Complicity in a Crime***Kufelkina I. Y.******Kazan (Volga Region) Federal University***

The article notes that co-organization as a qualitative sign of complicity in a crime is manifested both in organizational criminal activity and in its organized (complicity) form. The more co-organized the accomplices, the higher the social danger of the crime and of these persons themselves. It is emphasized that this sign of complicity makes it possible to more consistently differentiate its forms and the responsibility of the perpetrators. the article notes that co-organization as a qualitative sign of complicity in a crime is manifested both in organizational criminal activity and in its organized (complicity) form. The more co-organized the accomplices, the higher the social danger of the crime and of these persons themselves. It is emphasized that this sign of complicity makes it possible to more consistently differentiate its forms and the responsibility of the perpetrators.

Key words: crime, complicity, forms of complicity, signs of complicity, co-organization of accomplices, differentiation of responsibility

УДК 343.139.1

Проблемы проведения очной ставки с участием защищаемого лица**Мишин А.В.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью проведения очной ставки в ходе расследования преступлений, при которых осуществляется посткриминальное противоправное посягательство (воздействие) в отношении участников уголовного процесса. Анализируются препятствия процессуального и тактического характера, возникающие при производстве очной ставки с участием защищаемого лица, предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: расследование преступлений, очная ставка, тактическое обеспечение, следовательно, защищаемое лицо

Следственные действия отражают информационно-познавательную деятельность в процессе доказывания. Основу следственных действий составляют предусмотренные уголовно-процессуальным законом приемы и методы познавательного и достоверительного характера, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

В последние годы отечественными учёными активно проводятся исследования, направленные на повышение эффективности тактико-криминалистического сопровождения следственных действий как способа решения задачи по обеспечению безопасности участников производства по уголовному делу. Особое место среди таких следственных действий отводится очной ставке.

Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы производства очной ставки осмысливались в работах Д.В. Алымова, Н.В. Бахарева, А.Р. Белкина, М.В. Головина, В.В. Кальницкого, Е.Г. Ларина, М.П. Перякиной, В.Ю. Стельмаха, А.Б. Соловьёва, В.В. Степанова и др. Вместе с тем организационные, тактические и психологические особенности подготовки и проведения очной ставки, в которой принимает участие защищаемое лицо¹, к настоящему времени остаются дискуссионными.

Практика показывает, что в досудебном производстве по уголовному делу, связанном с осуществлением посткриминального противоправного воздействия (посягательства) на участника процесса как защищаемого лица, достаточно часто возникает необходимость проведения очной ставки (ст. 192 УПК РФ).

Тактическое решение о проведении очной ставки следователь принимает с учётом сложившейся на данный момент ситуации расследования. Это, в свою очередь, предопределяет тактические задачи следственного действия и тактические средства их решения.

Как самостоятельное следственное действие очная ставка предполагает поочерёдный допрос двух ранее допрошенных лиц (одного в присутствии другого) в целях устранения существенных противоречий, содержащихся в их показаниях. Причиной подобных противоречий может быть умышленное искажение, изменение отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также добросовестное заблуждение участника очной ставки ввиду неправильного восприятия таких обстоятельств, неточность их воспроизведения при предварительном допросе.

обвиняемый, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве), подвергшийся посткриминальному противоправному воздействию со стороны преступника и его окружения.

¹ Защищаемым лицом является участник производства по уголовному делу (свидетель, потерпевший, подозреваемый или

При производстве очной ставки для устранения существенных противоречий, возникших в результате заведомо ложных показаний, в криминалистической литературе предлагаются соответствующие тактические приёмы [1, с. 564; 2, с. 48-49; 3, с. 118-119]. Считаем, что одним из наиболее эффективных тактических приёмов, направленных на разоблачение лжи участника очной ставки, следует считать проведение данного следственного действия не изолированно, а в рамках тактической комбинации или тактической операции. При производстве данного следственного действия по делам о преступлениях, совершённых преступными группами и сообществами, востребован такой тактический приём, как использование показаний организатора и наиболее активных участников преступной деятельности, признавших в совершении преступления.

Законодатель не определяет, какие противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц следует считать существенными. Думается, что при принятии решения о необходимости проведения очной ставки следователь в первую очередь должен учитывать противоречия в ранее данных показаниях, которые невозможно разрешить какими-либо иными методами и средствами познания.

Представляется, что, с тактической точки зрения, в ходе проведения очной ставки следователю важно акцентировать внимание именно на тех показаниях, которые различаются между собой и относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу. Следует подчеркнуть, что очная ставка в большинстве случаев проводится в ситуации расследования, когда собрана достаточная совокупность доказательств для правильной оценки показаний её участников [4, с. 186].

В результате производства очной ставки решаются следующие основные тактические задачи:

- выявление и устранение противоречий в показаниях участников очной ставки;
- установление достоверности показаний;
- проверка ранее собранных доказательств и выдвинутых версий;
- разоблачение лжи, криминальных инсценировок;
- выявление ранее неизвестных обстоятельств преступления;
- преодоление добросовестного заблуждения, самоговора.

Указанные тактические задачи могут решаться и при расследовании преступлений, связанных с осуществлением противоправного воздействия на участников процесса.

Отметим, что в досудебном производстве по уголовному делу при проведении очной ставки с участием лица, безопасность которого подвержена угрозе, возникают определённые организационно-тактические и психологические проблемы. В ходе

очной ставки такое лицо из-за страха (опасения) оказывается под влиянием подозреваемого (обвиняемого), что может привести к изменению первоначальных правдивых показаний защищаемого лица либо к его отказу от участия в следственном действии. Так, по данным исследования, проведённого Е.И. Замылиным, в результате противоправного воздействия, предшествовавшего очной ставке, в ходе её производства 72 % свидетелей и 43 % потерпевших отказывались от первоначально данных достоверных показаний [5, с. 141].

Следует учитывать, что при расследовании преступлений, связанных с посткриминальным противоправным посягательством на участников процесса, к моменту производства очной ставки защищаемое лицо, как правило, находится под псевдонимом, который был присвоен ему в ходе допроса (в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Следовательно, чтобы не быть раскритикованным, защищаемое лицо не может участвовать в данном следственном действии в условиях визуального контакта с другим участником (в том числе угрозоносителем).

Для обеспечения личной безопасности защищаемого лица как анонимного участника процесса, в специальной литературе предлагаются различные процедуры проведения очной ставки: с применением систем видео-конференц-связи, с использованием зеркальных (тонируемых) стёкол, яркого освещения, направленного на подозреваемого (обвиняемого) и др. [6, с. 161; 7, с. 41; 8, с. 56; 9, с. 14].

Следует отметить, что в соответствии с ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ в ходе предварительного расследования дистанционное производство очной ставки путём использования систем видео-конференц-связи не допускается в случае возможности разглашения данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности. В этой связи с целью неразглашения таких данных очная ставка с применением видео-конференц-связи могла бы проводиться с аудио- и видеопомехами. Однако проведение очной ставки с участием защищаемого лица в указанных технических условиях вызывает, на наш взгляд, определённые препятствия процессуального и тактического характера.

Во-первых, нарушается процессуальное требование о необходимости перед началом проведения следственного действия выяснить при очном присутствии допрашиваемых знают ли они друг друга. На этот вопрос нельзя ответить без визуального восприятия одним лицом другого. Если следователь не получит ответа на этот вопрос, будет нарушена процедура очной ставки, что повлечёт недопустимость полученного доказательства (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). В этой связи мы не разделяем мнение В.В. Степанова, который считает, что отсутствие визуального контакта субъектов очной ставки не является чем-то исключительным [7, с. 48].

Во-вторых, отсутствует возможность непосредственного воздействия лица, дающего правдивые показания (посредством вербального и визуального убеждения), на изменение позиции другого участника очной ставки, что снижает эффективность и результативность следственного действия. Как обоснованно считает А.Б. Соловьёв, в психологическом плане устранение существенных противоречий будет являться более действенным в том случае, когда аргументы в пользу того или иного положения выдвигает не сам следователь, а добросовестный допрашиваемый [10, с. 97].

В-третьих, следователь лишается инициативы по непосредственному контролю за процессом тактического и психологического воздействия на участников очной ставки с целью решения поставленных задач, направленных на разоблачение лжи, преодоление добросовестного заблуждения, предотвращение последствий негативного воздействия на добросовестного участника следственного действия и т.д. Как справедливо отмечают В.В. Кальницкий и Е.Г. Ларин, показания одного из участников очной ставки следователь оценивает с учётом всей совокупности доказательств как более достоверные и пытается использовать их для психологического воздействия на лицо, давшее недостоверные показания [11, с. 104]. Создание условий, обеспечивающих свободную дачу показаний участниками следственного действия, является определяющим фактором в решении поставленных следователем задач.

В специальной литературе общепризнано, что очная ставка не является исключительным, абсолютным способом установления достоверных данных по уголовному делу. Следователь правомочен самостоятельно определять необходимость проведения очной ставки, в том числе при заявлении сторонами ходатайства о производстве данного следственного действия. Согласимся с Е.О. Зайцевым, что в случае заявления ходатайства со стороны защиты о проведении очной ставки с участием защищаемого лица под псевдонимом следователь должен отказать в удовлетворении данного ходатайства по причине необходимости сохранения конфиденциальности его данных [12]. При этом по тактическим соображениям решение следователя о непроведении очной ставки должно оформляться постановлением с изложением мотива отказа защищаемого лица от участия в следственном действии, а также фиксацией угроз, поступивших в его адрес.

Противоречия, имеющиеся в показаниях ранее допрошенных лиц, одним из которых является защищаемое лицо, могут быть устранены иными процессуальными способами. Определённой компенсацией неполученных доказательств в случае отказа от проведения очной ставки могут быть результаты проведения иных следственных действий, а также

применения отдельных тактико-психологических приёмов (например, предъявление доказательств, воспроизведение фонограммы, аудио-, видеозаписи допросов участников процесса и др.).

Литература:

1. Головин М.В. Тактика очной ставки // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 114 (10). – С. 552-565.
2. Бахарев Н.В. Очная ставка. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы / Науч. ред.: Малков В.П. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 184 с.
3. Криминалистическая тактика: учеб. пособие для академического бакалавриата / Под ред. Л.Я. Драпкина. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 256 с.
4. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие. – М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2008. – 216 с.
5. Замылин Е.И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 236 с.
6. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX вв. (процессуальные исследования). – М.: Юрлитинформ, 2001. – 396 с.
7. Степанов В.В. Очная ставка: процессуальные проблемы, организационные и тактические аспекты // Вестник криминалистики. – 2003. – № 4 (8). – С. 39–47.
8. Петрова А.Н. Меры преодоления противодействия расследованию при производстве отдельных следственных действий: учеб.-метод. пособие. – Волгоград: Волгоградская акад. МВД России, 2009. – 62 с.
9. Пашутина О.С., Алымов Д.В. Очная ставка: проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования // Российский следователь. – 2020. – № 6. – С. 13–16.
10. Соловьёв А.Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 130 с.
11. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учеб. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – 172 с.
12. Зайцев Е.О. Обеспечение конфиденциальности данных о защищаемом свидетеле в ходе его допроса на стадии предварительного расследования // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 181–185.

Problems of Conducting a Confrontation with the Participation of the Protected Person

Mishin A. V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article discusses issues related to the possibility of a confrontation during the investigation of crimes in which post-criminal unlawful encroachment (impact) is carried out against participants in the criminal process. The obstacles of a procedural and tactical nature arising during the production of a confrontation with the participation of the protected person are analyzed, ways to overcome them are proposed.

Key words: investigation of crimes, confrontation, tactical support, investigator, protected person

УДК 342.951

Практика выявленных нарушений контрактного законодательства Российской Федерации***Печегин Д.А.**

Кандидат юридических наук, научный сотрудник
Научно-образовательного центра непрерывного образования и финансового консалтинга
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Горб Д.А.

Младший научный сотрудник
Научно-образовательного центра непрерывного образования и финансового консалтинга
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Эффективность деятельности, направленной на предупреждение и пресечение нарушений контрактного законодательства Российской Федерации, во многом обусловлена качеством ее правового регулирования. Вместе с тем динамика экономических нарушений, выявляемых контрольными органами в системе государственных (муниципальных) закупок Российской Федерации, а также их показатели не всегда свидетельствуют о недостаточной проработанности отдельных положений отечественного законодательства. В настоящей работе рассмотрены аспекты прокурорского надзора, а также приведены результаты судебных дел в исследуемой области, подтверждающие направления совершенствования контрактной системы. В ходе проведенного анализа установлено, что несоблюдение требований нормативных правовых актов, регулирующих осуществление государственных закупок, охватывает все этапы заключения и исполнения контракта.

Ключевые слова: государственные (муниципальные) закупки, прокурорский надзор, судебная практика, коррупция, нарушения, контрактная система

Практика рассмотрения дел, связанных с отношениями, регулируемые Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ) [1], не является однородной, что обусловлено комплексным характером отношений, возникающих в контрактной системе.

Обращение к результатам проведенного анализа судебной практики подтвердило, что некоторые судебные решения направлены на разъяснение отдельных положений законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений, тогда как другие позволяют раскрыть проблемы, возникаю-

щие в правоприменении, а также подтвердить тенденцию сохранения типичных нарушений контрактного законодательства.

В то же время актуальность и необходимость рассмотрения практики прокурорского надзора за исполнением государственных контрактов связана с возрастающим уровнем недобросовестных действий со стороны участников контрактной системы, выявленных за последние несколько лет. Учитывая

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета на 2023 г. ВТК-ГЗ-ПИ-51–23 по теме «Разработка предложений по предотвращению коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

неуклонный рост количества совершаемых экономических преступлений (на 12 % в исследуемом 2021 г.), в том числе взаимосвязанных с несоблюдением положений Закона 44-ФЗ и значительный объем коррупционных нарушений, выявленных за последние два года, составивших в совокупности более 100 млрд руб., представляется возможным ставить вопрос о направлениях совершенствования контрактного законодательства и практики применения его положений (рис. 1).

В частности, проведенные исследования НИУ ВШЭ иллюстрируют, что в большинстве случаев выявленных коррупционных нарушений в контрактной системе объем «откатов» составляет пятую часть от стоимости контракта. Экспертами установлено, что совокупный размер взяток, полученных участниками государственных закупок, оценен в 6,6 трлн руб. и занимает 6,2 % от объема ВВП России за 2020 г. или 35,3 % от доходов федерального бюджета за аналогичный период [3].

При этом сведения о результатах работы органов прокуратуры демонстрируют высокий уровень и масштабность нарушений Закона 44-ФЗ.

Так, органами прокуратуры реализуются мероприятия, направленные на выявление нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок [4]. В результате осуществления прокурорского надзора в 2021 г. вскрыто и пресечено более 150 тыс. нарушений, связанных с неправомерным использованием бюджетных средств при заключении государственных контрактов, а также приемке выполненных работ (услуг), не соответствующих условиям сделки. Только в 2020 г. органами прокуратуры привлечено свыше 40 тыс. виновных лиц к различным видам ответственности, а именно, по результатам проверок судами рассмотрено и удовлетворено 1,2 тыс. исков и заявлений, заведено более 700 уголовных дел [5; 6].

К числу типичных нарушений контрактного законодательства относятся ненадлежащее сопровождение закупок, принятие незаконных решений по предоставлению преимущества по конкурсным заявкам. Например, согласно приговору Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного окру-

га по делу № 1-236/2020, сумма подкупа работников контрактной системы и членов комиссии по всем эпизодам составила 3,22 млн руб. Коррупционные факторы позволили организациям бюджетной сферы заключать государственные контракты с заведомо выбранными поставщиками, что препятствует развитию конкуренции, а также свидетельствует о неэффективном использовании выделенных бюджетных средств [7].

Допускаются нарушения требований технической документации к соответствующему аукциону таким образом, чтобы фактически его мог выполнить только конкретный исполнитель, а выделенные денежные средства не пришлось бы возвращать. Например, согласно приговору Интинского городского суда Республики Коми по делу № 1-1/2021, с целью реализации остатка субсидии в размере 4,5 млн руб. МОГО «Инта» осуществило муниципальную закупку путем включения в техническое задание условий под конкретного исполнителя, который, в свою очередь, не располагал документами о безопасности продукции [8].

Отметим, что органами власти также выявляются нарушения законодательства при определении победителей аукционов. В частности, Баргузинским районным судом Республики Бурятия по делу № 1-208/2020 установлено неправомерное допущение ООО «Индустрия торговли» на участие в электронном аукционе с предельной ценой контракта в размере 100 тыс. руб. В ходе дела выявлено, что член комиссии по осуществлению закупок заведомо знал о несоответствии первой части заявки от указанного поставщика требованиям документации. Преследуя цель незаконного получения вознаграждения, участник контрактной системы нарушил требования Закона 44-ФЗ [9].

В ходе анализа судебной практики также выявляются случаи подкупа членов аукционной комиссии в особо крупном размере (500 тыс. руб.), в частности, по итогам рассмотрения десяти поданных заявок на участие в государственной закупке комиссией необоснованно допущен только один поставщик (приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа по делу № 1-19/2021) [10].

По результатам надзорных мероприятий вскрываются факты дробления контрактов, в целом направленных на достижение единой цели, и их распределения между организациями – участниками конкурсов, от имени которых в переговорах может участвовать одно и то же лицо. Так, по приговору Октябрьского районного суда г. Мурманска по делу № 1-25/2021 Мурманской государственной областной научной библиотекой заключено 12 контрактов с ООО «Анвил», ООО «ОЛЛСТРОЙ», ООО «МГК» на выполнение ремонтно-строительных работ в помещениях бюджетного учреждения. Переговоры с главным инженером заказчика осуществлял один

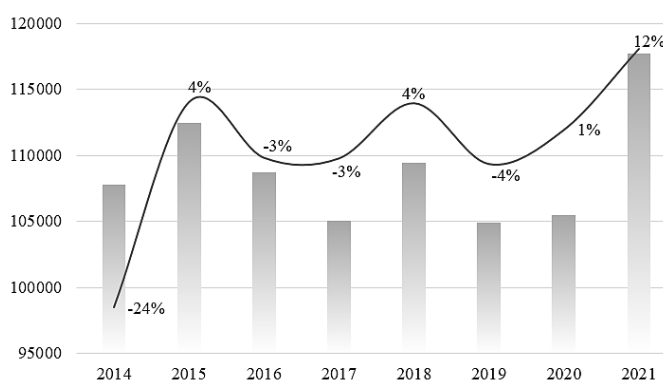

Рис. 1. Динамика экономических преступлений в Российской Федерации за 2014–2021 гг. [2]

и тот же человек от имени всех исполнителей контрактов. В результате нарушения сроков представителем всех вышеуказанных организаций предложено 700 тыс. руб. главному инженеру бюджетного учреждения с целью исключения претензионно-исковых работ в отношении юридических лиц [11].

Факт дробления контрактов также установлен приговором Промышленного районного суда г. Ставрополя по делу № 1-16/2021. В ходе осуществления контрольных мероприятий установлено, что с целью оперативной реализации выделенных ГКУ «ПАСС СК» бюджетных средств на сумму 17,5 млн руб. заказчиком принято решение о разделении вышеуказанной суммы на 7 частей. В результате суммы планируемых контрактов не превышали 3 млн руб., что позволило провести электронный аукцион своими силами, минуя Комитет по государственным закупкам [12].

Более того, фиксируются факты заключения контрактов без проведения торгов с единственным поставщиком (прямые договоры) в обход конкурентных процедур. Например, администрацией района Республики Саха (Якутия), минуя конкретные способы отбора поставщика, заключены контракты с единственным подрядчиком на строительство объектов для проведения национального праздника в общей суммарной стоимости 30 млн руб. По итогам проверки в отношении руководителей администрации района возбуждены дела об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 7.29 КоАП РФ, которые привлечены к административной ответственности в виде штрафа в размере 50 тыс. руб. каждый [13].

Принимая во внимание изложенное, отметим, что в контрактной системе Российской Федерации совершаются нарушения на всех этапах осуществления государственных (муниципальных) закупок. С одной стороны, вариативность обнаруженных «отступлений» от норм контрактного законодательства, свидетельствует о необходимости модернизации контрактной системы Российской Федерации по направлению обеспечения качественного правового регулирования возникающих внутри нее общественных отношений

С другой стороны, проведенный анализ подтвердил наличие типичных проблем и нарушений в рассматриваемой сфере общественных отношений, которые повторяются разными субъектами на протяжении многих лет и в целом взаимосвязаны не столько с Законом 44-ФЗ и другими федеральными законами или нормативными актами в сфере закупок, сколько именно с практикой правоприменения.

В данном контексте сложно прогнозировать позитивные ожидания только от тех либо иных законодательных новелл. С учетом этого необходим комплексный подход, нацеленный не только на совершенствование отдельных положений контрактного законодательства, но прежде всего на

обеспечение организационно-управленческой и правоприменительной деятельности (регламенты, приказы, указы и проч.), поскольку проблемы правоприменения и фиксации действительных значимых нарушений по Закону 44-ФЗ охватываются более глобальными проблемами ригоризма в профессиональной деятельности должностных лиц органов государственной власти и негибкости системы закупок для государственных и муниципальных нужд.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс».
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>.
3. Национальный доклад «О практике осуществления закупок». – URL: <https://fcs.hse.ru/research>.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 14.01.2021 г. № 6 «Об организации прокурорского надзора в сфере закупок» // СПС «Консультант Плюс».
5. Авторский материал начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации Виктора Балдина // Прокурор. – 2021. – № 2. – С. 77–82. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>.
6. Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 297 с.
7. Приговор Нарьян-Марского городского суд Ненецкого автономного округа по делу 1-236/2020 // СПС «Консультант Плюс».
8. Приговор Интинского городского суда Республики Коми по делу № 1-1/2021 // СПС «Консультант Плюс».
9. Приговор Баргузинского районного суда Республики Бурятия по делу 1-208/2020 // СПС «Консультант Плюс».

10. Приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа по делу № 1-19/2021 // СПС «Консультант Плюс».
11. Приговор Октябрьского районного суда г. Мурманска по делу № 1-25/2021 // СПС «Консультант Плюс».
12. Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя по делу № 1-16/2021 // СПС «Консультант Плюс».
13. Паламарчук А.В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Законность. – 2019. – № 1. – С. 3–10.

Practice of Revealed Violations of the Contract Legislation of the Russian Federation

Pechegin D.A., Gorb D.A.

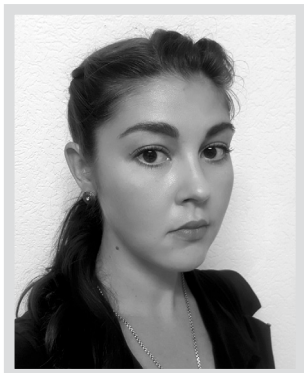
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The growth of dynamics of economic violations identified by the control The effectiveness of activities aimed at preventing and suppressing violations of the contract legislation of the Russian Federation is largely due to the quality of its legal regulation. At the same time, the dynamics of violations detected by control bodies in the system of state (municipal) procurement of the Russian Federation, as well as their indicators, do not always indicate insufficient elaboration of certain provisions of domestic legislation. In this paper, aspects of the practice of prosecutorial supervision are considered, the results of the analysis of court cases in the studied area are presented, confirming the directions of improving the contract system. The study also found that non-compliance with the requirements of regulatory legal acts regulating the implementation of public procurement covers all stages of the conclusion and execution of the contract.

Key words: government procurement, prosecutor's supervision, judicial practice, corruption, violations, contract system

УДК 347.23

Юридические и этические проблемы собственности на половые клетки человека**Печегина Ю.С.**Старший преподаватель кафедры медицинского права и биоэтики
Самарского государственного медицинского университета

Невообразимая до XX в. клиническая практика переноса половых клеток человека из тела в тело в настоящее время является основой оживленного рынка, в том числе рынка медицинских услуг по применению репродуктивных технологий. Применение вспомогательных репродуктивных технологий порождает ряд принципиальных вопросов, ответ на которые можно дать только при системном анализе норм гражданского и медицинского права в частности. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса допустимости и эффективности распространения на половые клетки человека режима собственности. Для достижения указанной цели в работе рассмотрены правовые проблемы возникновения права собственности на половые клетки, обосновано, что возникновение права собственности у того или иного лица напрямую зависит от цели изъятия половых клеток из тела человека. В статье проанализированы особенности осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения половыми клетками человека, оценены механизмы защиты права собственности на половые клетки с точки зрения применимости и разумности.

Ключевые слова: половые клетки, гамета, биоматериалы, право собственности, собственность на половые клетки человека, донорство, бесплодие, репродукция, репродуктивные права, репродуктивные технологии, криоконсервация и хранение гамет, медицинское вмешательство

Репродуктивное здоровье — это глубоко личный вопрос. Возможно, именно этим объясняется отсутствие его широкого общественного обсуждения, фрагментарность и бессистемность правового регулирования порядка применения вспомогательных репродуктивных технологий, использования, исследования, хранения и передачи донорских половых клеток и сопутствующих вопросов.

Невообразимая до XX в. клиническая практика переноса половых клеток человека из тела в тело в настоящее время является основой оживленного рынка медицинских услуг по применению репродуктивных технологий, развивающегося по собственным законам в связи со смущенным молчанием законодателя. По состоянию на 2021 г. в Регистре ВРТ РАРЧ (вспомогательные репродуктивные технологии Российской ассоциации репродукции человека) имеется информация о 1 232 977 циклах вспомогательных репродуктивных технологий (далее

– ВРТ), проведенных в России, около 6 000 циклов ежегодно проводится с использованием донорских сперматозоидов, около 30 % – с использованием донорских ооцитов [1].

Использование донорских гамет обусловлено отсутствием у участников программы применения ВРТ собственных пригодных половых клеток, а также опасностью передачи будущему ребенку серьезных генетических аномалий. В результате донорства гамет и эмбрионов супружеские пары получают возможность иметь здорового ребенка, что даже важнее, чем просто лечение бесплодия. Таким образом, в этой непростой с точки зрения биоэтики ситуации право является основным гарантом баланса интересов отдельного человека (будь то донор, реципиент или ребенок, рожденный в результате применения ВРТ) и общества в целом, заинтересованного в сохранении человеческой популяции, снижении рисков распространения генетических и инфекционных заболеваний.

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса допустимости и эффективности распространения на половые клетки человека режима собственности. Для достижения указанной цели в работе рассмотрены правовые проблемы возникновения права собственности на половые клетки, особенности осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения половыми клетками человека, оценены механизмы защиты права собственности на половые клетки с точки зрения применимости и разумности.

Существует ряд принципиальных вопросов, ответ на которые можно дать только при системном анализе норм гражданского и медицинского права, в частности, сохраняются ли за донором права на половые клетки в случае донорства в интересах неопределенного круга лиц, возможно ли отозвать право на использование половых клеток в случае, если донор «передумал»? Возникают ли права собственности у юридических лиц – медицинских организаций, реализующих ВРТ, и биобанков, и могут ли они «продавать» невостребованные половые клетки? Возможно ли донорство для научных и учебных целей, то есть целей, напрямую не связанных с репродукцией?

В настоящий момент в законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, регулирующие принадлежность половых клеток. При этом в п. 18 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – Приказ Минздрава № 803н) говорится, что решение о дальнейшей тактике (донорство, криоконсервация, утилизация) в отношении неиспользованных при оказании медицинской помощи с использованием ВРТ половых клеток принимают лица, которым принадлежат половые клетки путем заключения гражданско-правовых договоров. Очевидно, что в приведенной выше норме речь идет о «принадлежности» указанных объектов на праве собственности. Приложением № 13 к Приказу Минздрава № 803н утверждена «Форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с применением вспомогательных репродуктивных технологий и искусственной инсеминации», содержащая следующую формулировку: «Мои (Наши) половые клетки/эмбрионы, оставшиеся после проведения программ ЭКО/ИКСИ/ИИ, прошу (просим): криоконсервировать / утилизировать / донировать». Таким образом, вопрос дальнейшей судьбы невостребованных (лишних) гамет предлагается решить еще на этапе получения медицинской организацией информированного добровольного согласия на применение ВРТ. При этом цели донирования отдельно не оговариваются, презюмируется их использование только в рамках ВРТ, то есть лечения бесплодия. Такое

положение дел считаем не вполне отражающим все многообразие возможных отношений, которые возникают по поводу половых клеток, в случае если они не были использованы при ВРТ, и тем более если они были донированы для неопределенного круга лиц. Так как единственными собственниками являются лица, предоставившие половые клетки, только они могут определить дальнейшую судьбу биоматериала, в частности, переход в собственность научных и образовательных организаций для использования в учебных и научных целях.

Системный анализ норм гражданского и медицинского права позволяет сделать вывод, что, несмотря на заметную специфику объекта – половых клетки, отношения по ее принадлежности определенному лицу вполне ложатся в канву гражданско-правового института собственности.

Рассмотрение вопроса права собственности на половые клетки человека следует начать с оговорки о том, что в качестве объекта права собственности (вещи) могут быть рассмотрены только отделенные от человеческого организма клетки. На клетки, находящиеся в теле человека, распространяются соматические права, которые, по определению В.И. Крусса, основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в праве человека самостоятельно распоряжаться своим телом [2].

Появление права собственности у конкретного субъекта напрямую зависит от цели отделения половых клеток от тела человека. Так, неоспоримо право собственности человека, чьи половые клетки изъяты из тела с целью криоконсервации и хранения «для собственных нужд», т.е. для отсроченной реализации репродуктивных прав.

В случае, если половые клетки отделяются от тела человека с целью их донорства в интересах неограниченного круга лиц, право собственности сразу после извлечения из тела человека возникает у медицинской организации, оказывающей в соответствии с лицензией услуги по акушерству и гинекологии (использованию вспомогательных репродуктивных технологий) и по забору, криоконсервации и хранению половых клеток и тканей репродуктивных органов. Таким образом, донор фактически передает права на половые клетки в момент подписания договора донорства и информированного согласия на медицинское вмешательство (для доноров ооцитов) как права на будущую вещь, не становясь ее собственником.

Необходимо учитывать, что весомая часть организаций, имеющих лицензию на указанные виды деятельности, представлена государственными или муниципальными учреждениями. В соответствии со ст.ст. 113, 123.21, 298 ГК РФ, ст. 3 Федерального закона от 03.11.2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», ст. 11 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и му-

ниципальных унитарных предприятиях», учреждения не имеют имущества на праве собственности. Собственниками являются Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в лице органа государственной власти или органа местного самоуправления, которые вправе передать имущество созданному им учреждению на праве оперативного управления. Учреждения, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, владеют, пользуются этим имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и вправе распоряжаться этим имуществом с согласия собственника (п. 1 ст. 296 ГК РФ). Таким образом, половые клетки, сданные донорами в интересах неограниченного круга лиц, переходят в государственную или муниципальную собственность, что в конечном счете должно привести к формированию базы донорских гамет, требующей отдельного внимания законодателя.

Не становясь собственником половых клеток, донор не получает никаких прав на них. В частности, исключена возможность запретить использовать донорские гаметы, истребовать их из чужого владения. Права донора половых клеток человека не регулируются нормами гражданского права [3; 4]. Приходится констатировать, что в законодательстве должным образом не урегулирован статус донора половых клеток. Согласно п.п. 7 и 8 ст. 55 Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», быть донорами половых клеток имеют право граждане в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование. Рамочные требования к договору донорства половых клеток остались вне правового поля. В соответствии с п. 48 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н, донорство ооцитов осуществляется при наличии информированного добровольного согласия женщины-донора на проведение овариальной стимуляции, пункции фолликулов яичников, анестезиологическое пособие и использование ее ооцитов для других пациентов. Информированное согласие для донора спермы в указанном Приказе Минздрава не упоминается. Отсутствуют и рамочные требования к порядку заключения и содержания договора донорства половых клеток.

Определившись с моментом возникновения права собственности, перейдем к рассмотрению его содержания по отношению к половым клеткам человека. Содержание права собственности традиционно раскрывают через триаду правомочий: владения, пользования и распоряжения. Автором «триады» правомочий собственника является В.Г. Кукольник, в 1813 г. указавший, что «право собственности есть право в вещи, из коего следует власть владеть вещью, пользоваться и по произволению располагать ею» [5].

Правомочие владения – это обеспеченная законом возможность фактического обладания вещью. Владение выражает состояние принадлежности вещи определенному лицу, осуществление физической власти над вещью. Указанное правомочие выступает необходимой фактической основой для пользования и распоряжения, осуществление которых без владения оказывается зачастую невозможным.

Вместе с тем стоит заметить, что фактическое обладание половыми клетками при этом не реализуется в полном смысле слова в связи с их особенностью сохранять жизнеспособность (потребительские свойства) только при соблюдении определенных условий, обеспечить которые способны лишь специализированные организации. В соответствии с п.п. 36 и 37 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н, хранение криоконсервированных биоматериалов осуществляется в специальных маркированных контейнерах, помещенных в жидкий азот / пары жидкого азота.

Правомочие пользования представляет собой возможность извлекать из имущества полезные свойства вплоть до потребления. Собственник самостоятельно определяет, в чем состоит польза той или иной его вещи, и любое его обращение с вещью, поскольку оно не противоречит закону, рассматривается как ее использование.

Решение вопроса пользования половыми клетками осложняется тем, что они содержат генетическую информацию о доноре. Решение вопроса о праве на информацию становится особенно актуально в случае использования половых клеток в научных целях, ведь половые клетки могут применяться медицинскими организациями и научными лабораториями не по прямому назначению как вещи, а как носитель информации.

В гражданско-правовой науке достаточно часто высказывается мнение, что установление вещно-правового режима в отношении биоматериалов человека должно сопровождаться защитой его генетической информации как нематериального блага. Например, Е.Е. Богданова считает, что по своей правовой природе генетическая информация является элементом личной, семейной тайны гражданина и включается в более объемное понятие тайны частной жизни субъекта, поэтому должна защищаться законом как нематериальное благо (ст. 150 ГК РФ) [6]. Представляется необходимым обратить внимание на тот факт, что генетическая информация встроена в половую клетку, неотделима от нее и поэтому не требует отдельного правового режима защиты. Чрезмерное усложнение правовых конструкций ведет к их неприменимости к общественным отношениям.

В настоящий момент донорство половых клеток предусмотрено только для целей реализации ВРТ. Репродуктивный биоматериал может оказаться

в собственности научных или образовательных организаций только по остаточному принципу из числа неостребованных половых клеток. То есть формула собственности, согласно которой собственнику можно все, что не запрещено, закрепленная в п. 2 ст. 209 ГК РФ, не может быть применена к правообладателю репродуктивного материала. Указанный факт, по нашему мнению, не способствует развитию науки и ставит в затруднительное положение образовательные организации, лишенные в достаточном количестве половых клеток для использования оных в учебных целях. Согласно ст. 22 «Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины» (Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164)) [7], которую, к сожалению, Российская Федерация не ратифицировала, любая часть тела человека, изъятая в ходе медицинского вмешательства, может храниться и использоваться в целях, отличных от тех, ради которых она была изъята, только при условии соблюдения надлежащих процедур информирования и получения согласия. Таким образом, донор половых клеток должен самостоятельно определять границы разрешенного использования своих гамет и требовать применения санкций в случае нарушения своих прав [8].

Кроме того, следует учитывать, что на уровне законодательства имеются прямые ограничения некоторых видов использования половых клеток человека: не допускается промышленное использование (ч. 6 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Правомочие распоряжения – это, прежде всего, возможность совершения с вещью различных юридически значимых действий, сделок. В результате сделок и иных распорядительных актов собственника меняется «юридическая судьба» вещи. Только собственник вещи осуществляет принадлежащие ему правомочия по своему усмотрению и в полной мере.

На основе анализа норм действующего законодательства Российской Федерации следует констатировать, что в настоящий момент не создано правовых основ договорных отношений по поводу половых клеток человека, в частности, договоров донорства половых клеток, договоров о предоставлении биоматериалов в научных и учебных целях, договоров криоконсервации и хранения биоматериала. Много вопросов вызывает безвозмездная передача половых клеток от одного юридического лица к другому, исходя из запрещения дарения между коммерческими организациями (ст. 575 ГК РФ).

Однако рассуждения о праве собственности носили бы чисто теоретический характер, если бы от решения вопроса о возможности собственности на половые клетки не зависел бы способ защиты прав доноров и реципиентов. В гражданском праве тра-

диционно существуют два классических вещно-правовых иска, служащих защите права собственности (и иных вещных прав), — виндикационный (об истребовании имущества из чужого незаконного владения) и негаторный (об устранении препятствий в пользовании имуществом, не связанных с лишением владения вещью). Эти способы защиты призваны защитить вещное право на сохраняющийся в натуре имущественный объект. При его утрате или невозможности возвращения собственнику речь может идти лишь о возмещении причиненных убытков. Собственнику половых клеток в случае их утраты или повреждения (изменения потребительских свойств) будут компенсированы убытки по правилам ст.ст. 15, 393 и 902 ГК РФ. В частности, в ч. 2 ст. 902 ГК РФ указано, что возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Однако такой способ возмещения совершенно не может быть применен в ситуации с ненадлежащим хранением половых клеток для собственных нужд. В связи с прямым запретом на куплю-продажу биоматериала ч. 6 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» стоимость утраченного репродуктивного материала будет весьма трудно определить; еще сложнее возместить лицу невозможность рождения генетически связанных с ним детей вследствие уничтожения половых клеток, к воспроизводству которых лицо более не способно. Однако указанную проблему можно решить совокупным применением правил компенсации морального вреда.

Проведенный анализ норм гражданского и медицинского права позволяет сделать вывод о применимости института собственности к отношениям по владению, пользованию и распоряжению половыми клетками человека с той оговоркой, что в нормативные акты медицинского права, например, в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» и приказы Министерства здравоохранения Российской Федерации будут внесены нормы, конкретизирующие гражданские права, возникающие по поводу половых клеток человека, в частности, существенные условия договора донорства половых клеток и порядок компенсации утраты половой клетки.

Литература:

1. Регистр ВРТ. – URL: https://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2019.pdf (дата обращения: 03.07.2023).
2. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
3. Печегина Ю.С., Сергеев В.В., Шмелев И.А. Правовые аспекты суррогатного материнства // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 3. – С. 66–69.
4. Этические и правовые проблемы стоимостной оценки половых клеток // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 8. – С. 13–17.
5. Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Малеина Н.С., Мозолин В.П. [и др.] Развитие советского гражданского права на современном этапе. – М., 1986. – С. 105.
6. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. – 2019. – № 6 (151). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-i-riski-geneticheskoy-revolyutsii-geneticheskaya-informatsiya-i-diskriminatsiya> (дата обращения: 03.07.2023).
7. Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164). Заключена в г. Овьедо 04.04.1997 г. (с изм. от 27.11.2008 г.). Российская Федерация не является участником Конвенции. – URL: <https://base.garant.ru/2562155/> (дата обращения: 03.07.2023).
8. Купряхин В.А., Максименко Н.А., Шмелев И.А. Направления совершенствования деятельности локальных комитетов по биоэтике // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12-8. – С. 1538–1542.

Legal and Ethical Problems of Ownership of Human Germ Cells

Pichugina Yu.S.
Samara State Medical University

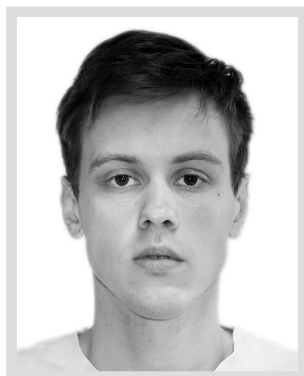
The clinical practice of transferring human germ cells from body to body, unimaginable before the twentieth century, is now the basis of a lively market, including the market of medical services for the use of reproductive technologies. The use of assisted reproductive technologies raises a number of fundamental questions, the answer to which can be given only with a systematic analysis of the norms of civil and medical law in particular. The purpose of this article is to consider the question of the permissibility and effectiveness of the extension of the ownership regime to human germ cells. To achieve this goal, the paper considers the legal problems of the emergence of ownership of germ cells, it is proved that the emergence of ownership rights in a person directly depends on the purpose of removing germ cells from the human body. The article analyzes the peculiarities of the exercise of the rights of ownership, use and disposal of human germ cells, evaluates the mechanisms of protection of ownership of germ cells from the point of view of applicability and reasonableness.

Key words: germ cells, gametes, biomaterials, ownership, ownership of human germ cells, donation, infertility, reproduction, reproductive rights, reproductive technologies, cryopreservation and storage of gametes, medical intervention

УДК 340.15

Становление английского общего права XI–XV века: историко-теоретический аспект

Симаков А.В.Аспирант юридического факультета
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Автором рассмотрены исторические особенности и эволюция судебной системы Англии, процесс формирования системы норм общего права и развития юридической практики. Представлена периодизация становления английского общего права, приведены позиции различных ученых. Результаты исследования подчеркивают важность начального этапа становления английского общего права для понимания современных правовых систем, а также в контексте исторического развития права в мире.

Ключевые слова: Англия, общее право, нормандское завоевание, англосаксонское право, юридическая практика, прецедент, королевские суды, феодализм, судебная система

Английское общее право (*Common law*) – это правовая система, которая развивалась в Англии с XI в. до наших дней. *Common law* основывается на прецедентном праве и общепринятых обычаях, а не на законодательстве. Она является одной из распространенных правовых систем в мире и была внедрена во многие страны, которые в свою очередь её развили, исходя из собственных потребностей в правовом регулировании.

Цель настоящего исследования заключается в изучении становления английского общего права в период с XI по XV вв. и анализе историко-теоретических аспектов этого процесса. В частности, в рамках исследования будут указаны основные этапы развития английского общего права, влияние правовых традиций на формирование этой системы права, а также принципы и особенности функционирования английского общего права в указанный исторический период. Результаты исследования могут быть полезны для более глубокого понимания истории английской правовой системы и ее влияния на современное право в различных странах.

Сегодня вопрос основных причин и закономерностей возникновения общего права в виде одной из ведущих правовых систем современного мира выступает одним из наиболее дискуссионных. С целью определения данных причин и закономерностей следует в первую очередь провести периодизацию

становления английского общего права, что также вызывает дискуссии среди ученых.

Так, например, по мнению Р. Леже, становление английского общего права, известного как *Common Law*, можно разделить на следующие периоды:

1. Раннее средневековье (VII–XI вв.) – в этот период существовало множество обычаев и законов на местах, которые не были систематизированы. Законы применялись и интерпретировались на местах, и не существовало единой системы права.

2. Позднее средневековье (XI–XV вв.) – в этот период английские короли начали создавать единую систему права для всей страны. Были созданы суды, которые занимались разрешением споров между людьми и применением законов. В этот период также возникли первые судебные прецеденты, которые стали основой для будущего развития общего права.

3. Раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) – в этот период правовая система стала более систематизированной и унифицированной. Кодексы законов были созданы для упрощения применения права, но общее право продолжило развиваться благодаря судебным прецедентам.

4. Позднее Новое время (XVIII–XIX вв.) – в этот период общее право стало более развитой системой, которая определяла большинство правовых вопросов в Англии. Концепция прецедента стала основным элементом общего права, и суды начали всё

больше рассматривать решения, которые уже были приняты в прошлом.

5. Современность (XX в. – настоящее время) – сегодня общее право остается основной правовой системой в Англии и некоторых других странах, таких как США и Канада. Оно продолжает развиваться и изменяться в ответ на новые юридические проблемы и вызовы [1].

Однако, по нашему мнению, наиболее верную периодизацию становления английского общего права предлагает В.Ф. Баранов в своем диссертационном исследовании «Возникновение и развитие английского общего права в XII–XVII веках» [2]. Как указывает В.Ф. Баранов, историю становления английского общего права можно разделить на следующие периоды:

1. Начальный этап становления общего права в период XI–XIII вв. В этот период начали формироваться основы подходов к общему праву и создавались суды, занимающиеся разрешением конфликтов и применением законов. Королевская власть играла важную роль в формировании нормативной основы общего права. Правовая система стала более систематизированной и унифицированной. Судебные прецеденты, возникшие в этот период, стали основой для будущего развития общего права.

2. Период от XIV до XVII вв. в истории английского права играл важную роль, поскольку на фоне усложнения общественных отношений, распада феодализма и зарождения буржуазии происходили значительные изменения в системе права. В результате этих трансформаций общее право претерпело модернизацию, включая пересмотр нормативной базы и процедурных методов. Английская правовая система стала уникальной и «дуалистической» по своей природе.

3. Важным моментом, на который В.Ф. Баранов обращает особое внимание, является период с XVII по XX вв. В.Ф. Баранов подчеркивает три основных аспекта: воздействие английского права на формирование новых правовых систем в колониях и доминионах, влияние английского права на правовые системы континентальной Европы, а также вклад Англии в становление и развитие юридической науки. Этот период представляется важным в развитии английской правовой системы, так как она становится одной из наиболее значимых правовых систем в мировой практике [2].

Мы разделяем позицию В.Ф. Баранова о периодизации истории становления английского общего права, так как считаем, что он учитывает как исторические, так и теоретические аспекты развития английского права, а также специфику различных периодов, связанную с социально-экономическими, политическими и культурными изменениями в Англии. Кроме того, периодизация В.Ф. Баранова имеет практическое значение для понимания основных

этапов развития английского права, что важно для юристов и исследователей права.

Сегодня существует множество научных работ, посвященных начальному этапу становления английского общего права, и в которых высказываются различные на него точки зрения. Например, М.В. Тулинов, Н.В. Евстратов и Л.П. Косцов в своем исследовании на тему «Историческое развитие английского общего права» указывают на то, что возникновение английского общего права произошло в результате процесса изменения и централизации королевской власти в средние века [3]. Г.А. Гиренок и Т.А. Гаврикова в своей статье на тему «Историческое развитие английского общего права» проводят анализ важности и роли прецедентного права в функционировании судебной системы Англии с помощью исторического обзора процесса её развития на начальном этапе её создания. Они указывают на то, что у английского общего права имеется множество исторических источников, которые существовали задолго до Нормандского завоевания и отражены в местных обычаях и традициях. Они утверждают, что Нормандское завоевание способствовало объединению этих обычаев и традиций в одну единую систему права, которая стала общей для всех народностей, заселявших английский остров. Так, по их мнению, прецедентное право возникло на фундаменте этих обычаев, которые в дальнейшем составили основу правосудия в Англии в XI–XII вв. [4].

Важность изучения начального этапа становления английского общего права является научно значимым по нескольким причинам:

Во-первых, это позволяет лучше понять историю развития права и его влияние на современную правовую систему, помогает увидеть, как сформировалась одна из наиболее влиятельных правовых систем в мире и какие факторы легли в ее основу.

Во-вторых, исследование начального этапа становления английского общего права является важным для сравнительного анализа правовых систем разных стран. Некоторые из особенностей английского общего права, сформированные в начальный период его становления, оказали влияние на правовые системы других стран.

На наш взгляд, английское общее право возникло в Англии в XI в. в период правления короля Вильгельма I Завоевателя. Это право представляло собой совокупность судебных прецедентов, которые и составили основной нормативно-правовой костяк при создании новой системы права. Новая система права формировалась в период с 1066 по 1189 гг. в Англии, когда произошло с нормандским завоеванием замена англосаксонской династии – нормандской [5, с. 23].

Особенности развивающегося общего права формировались постепенно, и оно при этом не стало полностью альтернативой местным обычаям и традициям.

Перед приходом нормандцев в Англию судебная деятельность в племенах осуществлялась, но была довольно примитивной и основывалась на решениях общинных судов, которые разрешали местные споры. Для разрешения крупных судебных дел существовали суды графств и суды сотен, которые единой системы правосудия на острове не составляли. Однако после завоевания эти суды были преобразованы в феодальную юрисдикцию, были объединены в единую систему, но при этом в них продолжали использовать нормы местных обычаев и традиций. Стоит отметить, что в церковной юрисдикции после норманнского завоевания стали активно использовать каноническое право [6, с. 294].

Центральное место в единой судебной системе Англии стали занимать созданные завоевателями Королевские суды, которые решали дела широкого спектра нормативного регулирования общественных отношений. При этом стоит отметить, что в королевских судах почти два века деятельность осуществлялась на французском языке. Суды рассматривали дела, связанные с королевскими финансами и налогами, публичными отношениями, с недвижимостью и земельной собственностью, а также гражданскими и уголовными отношениями. В XII в. королевские суды стали рассматривать дела, связанные с личными правами и имущественными спорами. Частные лица начали обращаться за защитой в королевские суды, разрешением дел в которых занимались наиболее опытные и квалифицированные судьи. Данная судебная деятельность осуществлялась в местечке Вестминстер под Лондоном, что и дало название данной системе права – Вестминстерской в XIV в. [7].

Судьями Вестминстерских королевских судов на протяжении нескольких веков выносились решения, которые стали фундаментом для развития прецедентного права. Решения опирались на правовое сознание самих судей и богатый опыт нормативного регулирования, хранившийся в обычаях и традициях населявших народов острова, складывавшихся в обществе на протяжении веков. Таким образом, Вестминстерские королевские суды сыграли важную роль в становлении английского общего права, которое сегодня является одной из основных систем права в мире.

Особое внимание в данном периоде также хотелось бы уделить Эдуарду I (1272–1307 гг.), эпоха правления которого считается ключевой для развития английского общего права. Он был одним из наиболее успешных и влиятельных королей в истории Англии, и его правление считается переломным моментом в истории английской монархии. Эдуарда I часто называют «английским Юстинианом» [6, с. 23], что вполне заслуженно, потому что он внес значительный вклад в совершенствование и укрепление правовой системы Англии. Эпоху правления

Эдуарда I достаточно часто также называют «Триумфом общего права» [6, с. 23].

Так, одна из наиболее значимых идей Эдуарда I состояла в создании Парламента в 1295 г. Этот новый орган власти стал центром законодательной власти в Англии, где стало формироваться единое законодательство Английского королевства. С созданием парламента в формирующемся общем праве Англии появляется её новый источник – закон. Парламент был создан как Совет короля, в котором представители из различных областей Англии встречались с королем, чтобы дискутировать и утверждать новые законы. В этом Совете были представители двух групп – дворянства и духовенства.

Он также принял ряд законов, которые упорядочили судебную систему Англии и значительно повлияли на развитие общего права.

Одним из наиболее значимых законов, принятых при Эдуарде I, был Закон о прецедентах. Он установил прецедентное право как основной источник права и предоставил судьям возможность ссылаться на решения предыдущих судебных дел в качестве прецедента. Это привело к постепенному развитию общего права, которое строилось на накоплении опыта и практики, а не на формальной записи законов [8, с. 807].

Эдуард I также укрепил власть короны и централизовал систему управления, что способствовало укреплению правовой системы в целом. Его реформы обеспечили более четкое формулирование правил и законов, установили судебные процедуры и ограничили произвол местных судей.

Таким образом, начальный этап является ключевым для данной правовой системы, так как именно он заложил основы судебной власти и первичные правовые нормы, которые продолжают использоваться и развиваться в настоящее время.

На рубеже первого и второго периода становления общего права в правовой системе Англии возникли объективные причины его изменения, это:

– упадок натурального хозяйства, в связи с чем общее право начинает ориентироваться на нужды феодального общества. Натуральное хозяйство предполагало использование земли и ее ресурсов преимущественно для собственных нужд, что означало ограниченное количество продукции для продажи на рынке. Со временем производство стало более товарным и производители стали использовать землю и другие ресурсы не только для личных нужд, но и для продажи на рынке. Это привело к изменению отношения к собственности и развитию новых форм хозяйственной деятельности, которые не всегда удавалось уложить в рамки традиционного общего права. Как указывает В.Ф. Баранов, общее право стало «не успевать в своем развитии за потребностями эпохи» [2];

– рутина и консерватизм судейского сословия. Судьи, как правило, назначались на всю жизнь и не

подвергались никакому контролю со стороны общества. Они были склонны придерживаться традиционных юридических концепций и не принимать во внимание изменения, происходящие в обществе. Это приводило к тому, что общее право не всегда могло адаптироваться к новым условиям и изменениям в обществе [2, с. 161].

Так, в период между XIII и XIV вв. Англия столкнулась с необходимостью проведения правовых реформ. Однако английское общее право было сложно подвергнуть реформированию. В отличие от континентальной Европы, где право было закреплено в форме кодексов и законов, английское право основывалось на прецедентной природе. Это означало, что нормы права формировались в ходе судебной практики и постепенно устанавливались на основе прецедентов. При этом новые нормы могли возникать только после того, как суд принял соответствующее решение по конкретному делу. Изменение правовых норм в такой системе было долгим и медленным процессом. Несмотря на это, английское общее право нуждалось в кардинальных реформах. В связи с этим, если в рамках судебной практики выявлялось, что некоторые правовые нормы утратили свою актуальность, судьи могли изменять их толкование или отказываться от их применения в конкретных случаях.

Все вышеперечисленное привело к тому, что с XIV в. начинается второй период развития английского общего права, который продолжался до XVII в. и характеризовался существенным изменением в судебной системе и утверждением общего права как главного источника права. Однако нас интересует период времени до XV в.

Так, до XIV в. в Англии основным источником права был правовой обычай, который мог заменить общее право при разрешении дел, если существовали свидетельские показания местных жителей, подтверждающие его действие. Однако к концу XIV в. общее право стало преобладать над правовым обычаем. Данный период также достаточно часто называют периодом юридической терминологии [9, с. 419].

Одним из главных событий этого этапа было создание Королевской канцелярии во главе с канцлером в XIV в., которая становится важным центром юридической деятельности и издания правовых актов в королевстве. Первой причиной его появления послужила расширяющаяся независимость королевских судей в вопросах правосудия от короля, что его совершено не устраивало, так как умаляла его суверенные права в королевстве. Второй – потребность участников судебного процесса в апелляции судебных решений, вынесенных судьями Вестминстерских судов. Часто участники процесса решения считали их не справедливыми, и, обращаясь к канцлеру с апелляцией, они получили право на

справедливое рассмотрение их споров. Прецеденты, созданные королевской канцелярией во главе с канцлером, в своей совокупности получили название «право справедливости».

Еще одной особенностью данного периода становления английского общего права являются изменения, внесенные в процессе рассмотрения судебных дел: суды перешли от процедуры «защиты» (*trial by battle*), где стороны решали спор с помощью физической борьбы, к процедуре «присяги» (*trial by jury*), где решение принималось жюри из 12 чел. [10, р. 270].

Стоит отметить, что право справедливости разработало свои собственные принципы, которые позволяли более гибко и справедливо учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного случая [11].

Один из наиболее важных принципов права справедливости — это принцип добросовестности (*good faith*), который требует от сторон контракта действовать честно и добросовестно друг с другом. Этот принцип был часто использован в случаях, связанных с обманом и мошенничеством.

Другой важный принцип права справедливости – это принцип бережливости (*propriety*), который требовал от сторон договора использовать свои права в соответствии с общественными нормами и не злоупотреблять ими в ущерб другой стороне [12, с. 896].

Право справедливости стало важным элементом английской правовой системы и продолжает существовать до сегодняшнего дня. В настоящее время суды в Англии используют как общее право, так и право справедливости, чтобы обеспечить более справедливое и гибкое разрешение конфликтов.

В конце XVII в. также был издан «Статут о хабеас-корпус» (*Habeas Corpus Act*), который играл важную роль в защите индивидуальных свобод граждан и предотвращении незаконного лишения их свободы. «Статут о хабеас-корпус» стал одним из первых законов, защищающих личные свободы и права граждан, и внес значительный вклад в развитие прав человека в английском общем праве [4, с. 92].

Таким образом, одним из главных вех второго периода стало утверждение «Общего права Англии» (*Common Law*) как главного источника права. Это право базировалось на решениях судов, обычаях и традициях и получило широкое распространение по всей стране.

В свете вышеизложенного, можно согласиться с В.Ф. Барановым относительно особенностей Английского общего права, которое сформировалось в процессе его уникального развития. Эта правовая система претерпевала постепенные и эволюционные изменения, причем «преемственность и казуальный характер всегда были его отличительными чертами» [2, с. 222]. В отличие от континентальных систем права, английское общее право не подверга-

лось резким трансформациям. Тем не менее, «любая другая система права, оно не раз подвергалось испытаниям и не всегда было способно быстро адаптироваться к быстро меняющимся условиям общественной жизни. Но всегда находило внутренние ресурсы для нового развития, проявляя гибкость и жизнеспособность» [2, с. 222] Английское общее право также сыграло важную роль в формировании новых правовых систем в бывших английских колониях и доминионах, а также оказало влияние на правовые системы континентальной Европы.

Становление общего права в Англии произошло в контексте эволюции судебной системы и культурных, социальных и политических изменений, происходивших в стране в течение нескольких веков. Наше мнение заключается в том, что как культурные, социальные и политические изменения, так и начальный этап становления играют ключевую роль в формировании английского общего права. Однако особое значение придается именно начальному этапу, поскольку именно на этой стадии были заложены основы для последующего постепенного развития рассматриваемой правовой системы.

Литература:

1. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 529 с.
2. Баранов В.Ф. Возникновение и развитие английского общего права в XII–XVII веках: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 258 с.
3. Тулинов М.В., Евстратов Н.В., Косцов Л.П. Историческое развитие английского общего права // Электронный научный журнал. – 2020. – № 8(37). – С. 228–229.
4. Гиренок Г.А., Гаврикова Т.А. Истоки зарождения прецедентного права в Англии // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара, 2018. – С. 90–92.
5. Абрамова Ю.Д. Основные этапы становления и развития англосаксонского права и формирование в нем судейского права // Человек: преступление и наказание. Межд. науч.–теор. конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2021. – С. 20–26.
6. Долгих Ф.И. Теория государства и права: учеб. – М.: Университет «Синергия», 2023. – 464 с.
7. Богатырев В.В. Правовое регулирование конфессиональной деятельности: учеб. пособие. – Владимир: «Шерлок-пресс», 2018. – 132 с.
8. Francis C.W. Practice, Strategy, and Institution: Debt Collection in the English Common-Law Courts 1740–1840 // Nw. UL Rev. – 1985. – Т. 80. – P. 807.
9. Dainow J. The civil law and the common law: some points of comparison // Am. J. Comp. L. – 1966. – Т. 15. – P. 419. – DOI:10.2307/838275.
10. Epstein R.A. The static conception of the common law // The Journal of Legal Studies. – 1980. – Т. 9. – № 2. – P. 253–275.
11. Allison J.W.F. A continental distinction in the common law: a historical and comparative perspective on English public law. – Oxford University Press on Demand, 2000.
12. Аюпов Р.Ф. Правовая система Англии и пути ее становления // Аллея науки. – 2019. – Т. 2. – № 5(32). – С. 893–897.

The Formation of English Common Law of the XI–XV Century: Historical and Theoretical Aspect

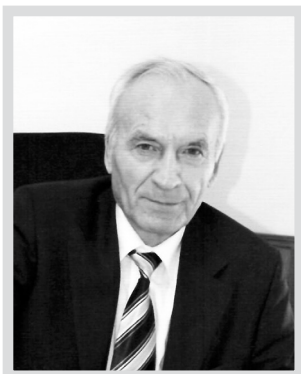
Simakov A.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

This scientific article is devoted to the history of the formation of English common law. The author examines the historical features and evolution of the judicial system of England, the process of forming a system of common law norms and the development of legal practice. The periodization of the formation of English common law is presented, the positions of various scientists are given. The results of the study emphasize the importance of the initial stage of the formation of English common law for understanding modern legal systems, as well as in the context of the historical development of law in the world.

Key words: England, common law, Norman conquest, Anglo-Saxon law, legal practice, precedent, royal courts, feudalism, judicial system

УДК 343.24

Сбалансированность как стержень современной уголовно-правовой политики**Сундуров Ф.Р.**

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В исследовании отмечается, что сбалансированность уголовно-правовых последствий является, наряду с дифференциацией ответственности, стержнем современной уголовно-правовой политики, утверждается, что важно не просто предусматривать смягчение или усиление уголовно-правовых обременений, а находить наиболее рациональные пути и средства достижения ее целей и решения задач уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, уголовно-правовая политика, сбалансированность уголовно-правовых последствий, усиление уголовной ответственности, смягчение наказания

Социальный эффект уголовно-правовой политики в значительной, если не в решающей, мере обусловливается соблюдением баланса между усилением и смягчением уголовно-правового обременения.

Любая разновидность политики государства в первую очередь должна отвечать требованиям сбалансированности и преемственности. Идет ли, скажем, речь о внутренней или внешней политике, социальной, экологической, промышленной, аграрной или какой-то иной политике. Не рассматриваем как исключение уголовную политику, ее отдельное направление в виде уголовно-правовой политики, которая должна основываться на закономерностях общественного развития, учитывать происходящие фундаментальные изменения в нем и на этой основе обеспечивать решение задач противостояния преступности. А это возможно лишь тогда, когда уголовное законодательство будет базироваться на требованиях законности, неотвратимости ответственности, экономии репрессии, справедливости, гуманизма и уважения прав человека.

Извечная проблема противостояния преступности – это нахождение баланса между усилением и смягчением уголовной ответственности. Она фактически пронизывает всю историю уголовного законодательства, когда достаточно жестокие его периоды (в период царствования Ивана Грозного, законодательство Петра I) перемежались некоторыми послаблениями в уголовной ответственности. Эта практика была характерна и для советского законо-

дательства. Если в первые годы после Октябрьской революции намечались значительные послабления в уголовно-правовой политике (введение условного осуждения, наказаний, не сопряженных с изоляцией, попытка отказа в 1917 и 1920 гг. от смертной казни, привлечение общественных институтов к противодействию преступности и др.), то в последующем, с 30-х гг. ушедшего века, она стала чрезвычайно репрессивной. С принятием же в 1960 г. Уголовного кодекса РСФСР были преодолены последствия культа личности, а уголовно-правовая политика стала более осмысленной и гуманной. Хотя спустя два года после принятия УК, законодатель уже предусмотрел усиление ответственности вплоть до применения смертной казни за ряд особо тяжких преступлений (ст.ст. 93¹, 117, 173). Смещение акцентов на смягчение или усиление уголовной ответственности наблюдалось и в последующем (1969 г., 1982 г., 90-е гг., 2000-е гг.).

Принятие УК РФ в 1996 г. ознаменовало значительное послабление уголовной ответственности, хотя в некоторых аспектах она была и усилена, что проявилось в увеличении размера и продолжительности таких наказаний, как штраф, исправительные работы, лишение свободы и др. В последующем же, вплоть до настоящего времени, законодатель принял меры по усилению уголовной ответственности; большинство дополнений и изменений УК РФ были направлены на криминализацию и усиление пенализации деяний. За время действия УК РФ

с 1997 по 2023 г. он был дополнен 145 статьями, которыми была значительно расширена сфера действия уголовного законодательства. Во многих статьях Особенной части УК РФ (в более 200) предусмотрены новые (по сравнению с первоначальной редакцией Кодекса) квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. Криминализация объективно направлена на повышение роли уголовного законодательства.

В законотворческой деятельности менее выражена тенденция смягчения уголовной ответственности в структуре Особенной части УК РФ. Здесь лишь можно назвать введение составов мелкого взяточничества (ст. 291²) и мелкого коммерческого подкупа (ст. 204²).

Характерно, если Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была осуществлена частичная депенализация многих деяний путем исключения указаний на минимальный срок некоторых видов наказаний, а Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» была существенно смягчена карательная нагрузка наказания в виде ограничения свободы (по сравнению с предыдущей редакцией УК), в последующем Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» во многих статьях Особенной части были предусмотрены принудительные работы.

Тенденции в развитии уголовно-правовой политики обнаруживаются в значительной мере при определении предпосылок и критериев освобождения от уголовной ответственности, принципа ее неотвратимости, то есть фактическом отступлении от нее. От того, каковы пределы этого основополагающего требования, в значительной, если не определяющей, степени, зависит сущность всей уголовно-правовой политики.

Известно, что до 1958 г. не предусматривалось освобождение от уголовной ответственности, поэтому предшествующее уголовное законодательство было нацелено на репрессивные меры, карательное воздействие (и не обязательно только на виновных в тяжких преступлениях) [1, с. 206–208; 2, с. 11, 37–44].

В УК РСФСР 1960 г. регламентирован целый ряд разновидностей освобождения от уголовной ответственности; освобождение применялось, если ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное лицом деяние потеряло характер общественно

опасного или это лицо перестало быть общественно опасным (ст. 50), в связи с направлением материала о малозначительном преступлении в товарищеский суд (ст. 51), с возложением административной ответственности (ст. 50-1), с передачей виновного на поруки (ст. 52), с разбирательством материалов дела в комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 10), за давностью совершения преступления (ст. 48). В основу всех этих новаций была положена в общем-то полезная идея – соединение государственного принуждения с общественным воздействием. Однако в 80–90-е гг. прошлого столетия ее реализация приняла односторонний характер. Более одной трети лиц, совершавших преступные деяния, к уголовной ответственности не привлекались. По сведениям, приводимым В.П. Малковым, в СССР в 1988 г. по нереабилитирующим основаниям было освобождено от уголовной ответственности 36,9 % от общего количества лиц, совершивших преступления, в 1989 г. – 39,2 %, а по Республике Татарстан в 1989 г. – 40 % [3, с. 316]. Подобная судебная практика, по его мнению, – явление ненормальное, поскольку она подрывает принцип неотвратимости уголовной ответственности, авторитет и социальную значимость уголовного закона. Неслучайно поэтому эти годы были отмечены ростом преступности.

Имеются также сомнения относительно целесообразности применения административной ответственности при освобождении от ответственности уголовной. Предупредительный эффект этого вида освобождения явно недостаточный, притом и УК РСФСР 1960 г. располагал, кроме наказания, значительным ресурсом иных уголовно-правовых мер. Если же обратиться к сути проблемы, то в данном случае поведение виновного фактически выступает основанием замены уголовной ответственности административной. Думается, критерием разграничения преступления и административного правонарушения как оснований этих видов ответственности не может служить поведение виновного. Основаниями разграничения этих видов ответственности объективно выступают характер и степень общественной опасности деяний.

Совершенно иная концепция заложена в основу регламентации освобождения от уголовной ответственности в УК РФ. Основанием освобождения законодатель признает ту или иную совокупность деятельного раскаяния (ст.ст. 75, 76, 90), а также не увязывает его с последующими мерами воздействия на виновных. Иначе говоря, личностные данные виновных в совершении преступлений не могут быть основанием уголовной ответственности, но могут существенно обуславливать ее смягчение и даже освобождение от нее. Особенно важное значение законодатель придает примирению с потерпевшим, которое, с одной стороны, обеспечивает восстановление

нарушенных преступлением прав потерпевшего, а с другой – оказывает позитивное воздействие на виновного [4, с. 4–6]. Характерно, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим востребовано в практике, ежегодно около ста тысяч человек освобождаются по этому основанию.

В первоначальной редакции норм об освобождении от уголовной ответственности заложена достаточно продуманная их система. Однако, затем УК РФ был дополнен ст.ст. 76¹ и 76², регламентирующими освобождение в связи с возмещением ущерба и назначением судебного штрафа. Они, по нашему мнению, нарушают системность и сбалансированность регламентации этого института в целом. Скажем, возмещение ущерба как разновидность деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ) значительно не только при совершении преступных деяний, приведенных в ст. 76¹ УК РФ, но и других преступлений (например, преступных деяний против собственности, экологических преступлений и др.).

Особенно много вопросов возникает в отношении освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Как признается в литературе, это новое явление в российском уголовном законодательстве, так как лицо освобождается от уголовной ответственности, однако суд при этом назначает судебный штраф, который «мало чем» отличается по своей сути от штрафа уголовного (ст. 46 УК РФ) [5].

По основанию, предпосылкам, содержанию и порядку применения освобождение от ответственности в связи с назначением судебного штрафа не сбалансировано с другими видами освобождения от уголовной ответственности. Если освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, с примирением с потерпевшим еще надо «заслужить» своими позитивными актами поведения, то освобождение в связи с назначением судебного штрафа обуславливается только возмещением виновным ущерба, причиненного преступлением, здесь не требуется раскаяние, признание вины, утраты лицом общественной опасности. Но в то же время на виновного налагается судебный штраф в весьма значимых размерах, который признается законодателем в качестве иной меры уголовно-правового характера (поскольку регламентирован он в разделе VI УК РФ). Здесь фактически предусматривается упрощенная и противоречивая форма осуществления уголовно-правового воздействия – лицо освобождается от уголовной ответственности, но ему назначается судебный штраф в качестве иной меры уголовно-правового характера. И в то же время оно (освобождение) применяется к лицам, полностью не утратившим общественную опасность [6, с. 32].

Несмотря на неопределенность юридической природы освобождения от уголовной ответственности

сти с назначением судебного штрафа, оно достаточно широко применяется судами, например, в 2020 г. оно было применено к 56 979 чел., в 2021 г. к 36 690 чел., в 2022 г. к 20 311 чел. [7].

Применение данного вида освобождения от уголовной ответственности не обусловлено признанием лицом своей вины в совершении преступления, оно допускается даже только при подозрении его в совершении преступного деяния.

Необоснованно широкое применение освобождения от уголовной ответственности подрывает главенствующий постулат уголовного правосудия – неотвратимость ответственности, повышает рецидивоопасность виновных.

Центральное место в механизме уголовной ответственности должно занимать наказание и его, так сказать, производные (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и др.). Оно необходимо для того, чтобы преступник осознал свою вину и стал бы законопослушным. Этого фактически нет при освобождении от уголовной ответственности, в частности, в связи с назначением судебного штрафа, поскольку не предполагаются те или иные акты деятельного раскаяния, примирение с потерпевшим, признание своей вины. По большому счету судебный штраф – это своеобразный откуп от наказания, не порождающий судимости, причем речь идет о преступлениях не только небольшой, но и средней тяжести.

Необходимость сдержанного отношения к чрезмерному применению освобождения от уголовной ответственности обуславливается и тем, что оно не позволяет своевременно оказывать на виновных необходимое предупредительное и, тем более, исправительное воздействие. И в то же время отметим, что УК РФ располагает разносторонним ресурсом карательно-воспитательного воздействия – от наказаний, сопряженных с существенным ограничением личной свободы и даже с лишением свободы, в том числе и пожизненно, до наказаний, не связанных с изоляцией в местах принудительного содержания, а также до иных мер уголовно-правового характера (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия и др.)

Поскольку виновные в совершении преступлений вообще освобождаются от уголовной ответственности, необходимы для этого веские основания – утрата лицом общественной опасности и дозированное его применение. Например, следовало бы ограничить освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, совершивших насильственные преступления средней тяжести, экологические преступления, повлекшие тяжкие последствия.

В меньшей мере сбалансированность требуется и при законодательном регулировании и при-

менений наказания. Обращает на себя внимание то, что освобождение от наказания и его смягчение предусматривается в 33 статьях Общей части УК РФ, в то время как его усиление – только в 7 её нормах. С очевидностью просматривается тренд на смягчение наказания либо освобождение от него. Поддерживая в целом такую линию законодателя, однако отметим, что в некоторых его решениях можно усомниться. Так, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к преступлениям небольшой тяжести были отнесены деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Считать эти преступления небольшой тяжести, то есть не представляющими большой общественной опасности, вряд ли следует. Известно, что в советском законодательстве преступления, не представляющими большой общественной опасности, признавались преступные деяния, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до одного года.

Нам представляется, данное решение законодателя искусственно принижает степень общественной опасности указанных преступлений.

Вызывает также вопросы предоставление возможности назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, при рецидиве преступлений. Казалось бы, совершается как минимум два умышленных преступления, причем за них назначается наказание в виде лишения свободы, и при этом еще надо, чтобы было назначено справедливое наказание.

В то же время подчеркнем, УК РФ стоит на позиции первоочередного смягчения наказания – сначала принимаются во внимание смягчающие, а затем отягчающие обстоятельства (ст.ст. 61, 62, 63, 65, 73 УК РФ). И то, что в ч. 1 ст. 63 УК РФ предусмотрено большее количество отягчающих обстоятельств (19) по сравнению со смягчающими обстоятельствами, не противоречит этому выводу, поскольку

суду представлено право признавать смягчающими обстоятельствами и такие, которые не включены в их законодательный перечень. И эту возможность часто используют суды.

Таким образом, сбалансированность уголовно-правовых последствий является, по сути, стержнем современной уголовно-правовой политики, важно не просто предусматривать смягчение или усиление уголовной ответственности, отдавать приоритет тому или другому, а находить наиболее рациональные пути и средства достижения ее целей и решения задач уголовного законодательства.

Литература:

1. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. – М.: Юрид. лит.-ра, 1971. – 373 с.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 10.08.2023).
3. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.П. Малкова, Ф.Р. Сундунова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1994. – 467 с.
4. Балафендиев А.М., Сундунов Ф.Р. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2019. – 114 с.
5. Рамазанов Е.Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. – 247 с.
6. Крылова Н.Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 2016. – № 3. – С. 25–37.
7. Судебный департамент РФ. – URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.08.2023).

Balance as the Core of Modern Criminal Law Policy

Sundurov F.R.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article notes that the balance of criminal law consequences is, along with the differentiation of responsibility, the core of modern criminal law policy, it is argued that it is important not only to provide for the mitigation or strengthening of criminal law burdens, but to find the most rational ways and means to achieve its goals and solving problems of criminal law.

Key words: crime, criminal law policy, balance of criminal law consequences, increased criminal liability, mitigation of punishment

УДК 347

**Законодательство Республики Беларусь об иностранных инвестициях:
становление и современное состояние****Федянин Ю.М.**Соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье проведён анализ становления нормативно-правового регулирования отношений, связанных с инвестиционной деятельностью в Республике Беларусь. Исходя из особенностей развития нормативной базы, регуливающей инвестиционные отношения на каждом этапе её становления, сделан вывод о том, что на сегодняшний день выявляются как тенденции к установлению ограничений для иностранных инвесторов в национальных интересах государства, стремящихся к сохранению экономической и политической независимости, так и активное предоставление преференций и льготных режимов для иностранных инвесторов с целью привлечения их на внутренний рынок Республики Беларусь.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, Республика Беларусь, инвестиционное законодательство, инвестиционные преференции

Актуальность темы обусловлена активным продолжающимся сотрудничеством и интеграцией Российской Федерации и Республики Беларусь. Вопрос экономического развития остро стоит на повестке дня, инвестиционная политика как в России, так и в Республике Беларусь направлена на поддержку экономического роста, привлечение в экономику страны иностранных инвесторов и создание благоприятных условий для развития бизнеса. В то же время в условиях современных реалий усиливается контроль государства за осуществлением иностранных инвестиций. В России в апреле 2023 г. принято Постановление Правительства РФ от 24.04.2023 г. № 645 «О внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» [1], расширившее полномочия Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ. В Республике Беларусь инвестиционная политика также характеризуется усилением государственного контроля над экономической деятельностью в целях защиты национальных интересов, поэтому её опыт интересен для России.

И в России, и в Республике Беларусь привлечение иностранных инвестиций на сегодняшний день

во многом ориентировано на развитие высокотехнологичных производств и инновационных технологий, правительствами предоставляются различные преференции и льготы для инвесторов. В процессе же происходящих в настоящее время изменений в геополитике предлагаем разобрать вопрос правового регулирования иностранных инвестиций в Республике Беларусь, проанализировать путь его становления и современного состояния.

Прежде чем перейти к более подробному анализу правовой базы, регуливающей инвестиционную политику в Республике Беларусь на сегодняшний день, обратимся к ретроспективе её становления и к началу развития законодательства в данной сфере в рамках Союза Советских Социалистических Республик. Инвестиционная политика, традиционно присущая капиталистическим обществам, не была актуальна в закрытой системе экономики СССР и своё развитие получила в период социальных и экономических трансформаций. 17 августа 1990 г. Совет Министров СССР в составе пакета законов по переходу на регулируемую рыночную экономику подготовил и направил в Верховный Совет СССР проект Закона «Об иностранных инвестициях СССР», основными идеями которого были: предоставление иностранным фирмам и гражданам права

100-процентного владения предприятиями в СССР; возможность функционирования иностранного капитала в экономике страны в акционерной форме; допуск иностранных инвесторов не только в производственную, но и в финансовую сферу [2]. Далее, опираясь на данные принципы, был издан Указ Президента СССР от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инвестициях в СССР» [3]. Он ознаменовал собой переход на новый этап правового регулирования иностранных инвестиционных отношений и приравнял правовой режим иностранных инвестиций к национальному правовому режиму для инвестиций советских физических и юридических лиц. Указ допустил иностранный частный капитал не только в виде долевого участия в совместных предприятиях, но и создание предприятий, на 100 % принадлежащих иностранным инвесторам. Также Указом впервые была предоставлена возможность реинвестирования прибыли иностранных инвесторов, полученной в советской валюте, а также возможность её перевода за границу.

Далее за Указом Президента СССР были приняты сначала «Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР» от 10 декабря 1990 г. [4], а затем «Основы законодательства СССР об иностранных инвестициях» от 5 июля 1991 г. Согласно принятым законам, в последние месяцы существования СССР в нем впервые инвестициями были признаны все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, вкладываемых в объекты предпринимательской и других видов деятельности, в результате которой образуется прибыль (доход) или достигается социальный эффект (ст. 1 Основ законодательства об инвестиционной деятельности в СССР). Таким было начало формирования правового регулирования инвестиционной деятельности, общее для всех союзных республиках.

Союзным республикам было предоставлено право также применять и своё законодательство об инвестиционной деятельности и об иностранных инвестициях, если оно не противоречило союзной Конституции и действующему законодательству СССР. Это обусловило схожесть законодательства РСФСР и Республики Беларусь на начальном этапе формирования национальных законодательств после распада СССР.

Для осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь в мае 1991 г. был принят первый закон «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» [5], он не противоречил законодательству СССР, а был принят на его основе и устанавливал общие экономические, социальные и правовые условия инвестиционной деятельности на принципах рыночной экономики. 5 июля 1991 г. в СССР применительно к иностранным инвесторам и предприятиям с иностранными инвестициями были приняты Основы законодательства

№ 2302-I «Об иностранных инвестициях в СССР» [6]. В ноябре этого же года в Республике Беларусь дополнительно был принят Закон от 14.11.1991 г. № 1242-XII «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь» [7], как и в РСФСР направленный на создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций в республику. Указанные законы, принятые в соответствии с общим законодательством СССР, в дальнейшем и составили нормативную базу в области иностранных и отечественных инвестиций республик, вышедших из состава СССР, они были схожи, и по сути, предоставили для иностранного капитала доступ к закрытым ранее рынкам СССР. В юридической литературе также отмечают, что на начальном этапе формировавшееся законодательство об инвестициях на постсоветском пространстве было подвержено влиянию идеи необходимости создать привлекательные условия в первую очередь для иностранных, а не отечественных инвесторов [8].

В то время как в России по сегодняшний день в научных кругах ведутся дискуссии о необходимости принятия единого акта, регулирующего инвестиционную деятельность, достижения посредством него систематизации и упорядочивания законодательства [9], в Республике Беларусь подобный опыт был, рассмотрим его далее.

Вместо законов 1991 г. в июне 2001 г. законодателем был принят Инвестиционный кодекс Республики Беларусь [10], установивший единый правовой режим для иностранных и национальных инвесторов, а также более подробно регламентирующий особенности инвестиционной деятельности. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь систематизировал и свёл воедино нормы, касающиеся инвестиций, определил общие условия осуществления инвестиционной деятельности, предоставил иностранным инвесторам ряд гарантий (гарантировалось равенство прав инвесторов, право на беспрепятственный перевод за пределы Республики Беларусь прибыли в результате осуществления инвестиционной деятельности, право на защиту от незаконных действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц и др.), регламентировал институт концессий, внёс изменения в саму форму понятия «предприятий с иностранными инвестициями», заменив его на «коммерческие организации с иностранными инвестициями». В данном случае в изменении терминологии прослеживается гармонизация с российским законодательством [11], ст. 4 Федерального закона от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» закрепляла форму коммерческих организаций с иностранными инвестициями, но Инвестиционный кодекс Республики Беларусь в отличие от российского закона в ст. 80 проводил дальнейшее деление указанных организаций на коммерческие совместные либо

коммерческие иностранные организации. Примечательно, что Кодексом были определены такие условия признания юридического лица коммерческой организацией с иностранными инвестициями, как объявление уставного фонда в долларах США. В белорусских рублях это допускалось только для акционерных обществ, а в ст. 81 был установлен минимальный размер вклада иностранного учредителя в уставный фонд организации: размер иностранных инвестиций в уставном фонде должен был составить сумму не менее 20 тыс. долл. США в эквиваленте. Исключения допускались лишь в отношении банков и страховых организаций, для них иными актами законодательства минимальные размеры уставных фондов были установлены в белорусских рублях, эквивалентные определенному размеру в евро [12]. Однако в ходе дальнейшего развития белорусского законодательства в отношении иностранных инвестиций указанные ограничения по созданию коммерческих организаций с участием иностранных инвесторов были упразднены. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь был отменен.

Законом Республики Беларусь «Об инвестициях» [13], принятым в 2013 г. и заменившим Инвестиционный кодекс Республики Беларусь, наряду с отменой установленных ограничений по созданию коммерческих организаций с участием иностранных инвесторов, было предоставлено право нерезидентам Республики Беларусь вносить свой вклад в иностранной валюте и/или белорусских рублях с любым объемом инвестиций, а также неденежный вклад, имеющий оценку стоимости, в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Так, принятие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» стало новым этапом становления национальной правовой базы инвестиционной деятельности в Республике Беларусь. Здесь важно принять во внимание, что он был разработан в рамках реализации Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011-2015 гг. [14] (далее по тексту – Программа), согласно которой инвестиционная политика и привлечение прямых иностранных инвестиций была определена одним из ключевых направлений деятельности Правительства Республики Беларусь на 5 лет. Согласно заявленной Программе, основной целью инвестиционной политики являлось создание условий для ускоренного привлечения отечественных и иностранных инвестиций в экспортоориентированные и импортозамещающие производства, в частности, планировалось увеличение объема инвестиций в основной капитал, кардинальное изменение структуры инвестиционного портфеля в пользу средств производства (машин, оборудования, технологий), предполагалось, обеспечение, начиная с 2011 г., доли иностранных источников в объеме инвестиций в основной капитал не менее

21 %. Приоритетным направлением инвестиционной деятельности были обозначены экспортоориентированные и импортозамещающие проекты, обеспечивающие повышение технологического уровня производств, создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест. При этом Программа содержала в себе и перечень основных механизмов реализации поставленных задач, в который, в частности, входили:

- расширение возможности финансирования инвестиционных проектов за счет собственных средств организаций посредством улучшения их финансового состояния, роста отдачи от инвестиционного капитала и улучшения качества бизнес-планирования инвестиционных проектов;

- развитие лизинга, облигационных займов, фондового рынка;

- эффективное использование бюджетных инвестиционных источников;

- создание условий для привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь с учетом ресурсов и преимуществ регионов, радикальная деbüroкратизация инвестиционной деятельности, внесение изменений и дополнений в Инвестиционный кодекс Республики Беларусь и др.

Таким образом, принятие вышеуказанной Программы явилось серьезным толчком к развитию национального инвестиционного законодательства в Республике Беларусь и стало предпосылкой разработки и принятия в 2013 г. действующего Закона Республики Беларусь «Об инвестициях», который установил правовые основы и основные принципы инвестиционной деятельности, обеспечил гарантии, права и законные интересы инвесторов, их защиту.

Также отметим, что в рамках реализации указанной Программы был принят Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «О концессиях» [15], которым установлены условия осуществления концессий в Республике Беларусь. Ранее особенности инвестиционной деятельности на основе концессий регулировал Инвестиционный кодекс Республики Беларусь. Договор концессии по правовой природе схож с инвестиционным договором, его особенность определяется тем, что объектами концессии являются объекты, составляющие исключительную собственность государства (недра, воды, леса), объекты, находящиеся только в собственности государства, виды деятельности. В соответствии с принятым законом, концессионерами выступают инвесторы, за исключением государственных юридических лиц, заключившие концессионный договор с Республикой Беларусь или её административно-территориальной единицей.

Ещё одним законом, разработанным и принятым в ходе выполнения заявленной Программы, стал Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. «О государственно-частном партнёрстве» [16], ко-

торым устанавливалось более чёткое правовое регулирование привлечения средств из внебюджетных источников и частных инвестиций в отношении объектов государственной инфраструктуры в целях концентрации в указанных объектах материальных, финансовых, интеллектуальных, научно-технических и иных ресурсов, а также обеспечения баланса интересов и рисков.

Государственно-частное партнерство, в соответствии с указанным законом, предусматривается для реализации проектов, планов и программ по развитию объектов инфраструктуры в сферах: дорожной и транспортной деятельности; коммунального хозяйства и услуг; здравоохранения; социального обслуживания; образования, культуры; физической культуры, спорта и туризма; электросвязи; энергетики; переработки, транспортировки, хранения, поставки нефти; транспортировки, хранения, поставки газа, снабжения газом; агропромышленного производства; обороны, правоохранительной деятельности; научной, научно-технической деятельности; информационных и телекоммуникационных технологий и иных.

В этом отношении в настоящее время на официальном сайте Министерства экономики Республики Беларусь отмечается заинтересованность на практике к проектам государственно-частного партнерства в сфере дорожного строительства, инженерной инфраструктуры, совершенствования объектов социальной сферы и здравоохранения, поддержания исторических объектов [17]. К примеру, с учётом практики реализации пилотного проекта по реконструкции и техническому обслуживанию дороги М-10 [19], когда в 2020 г. на этапе конкурса по выбору частного партнёра к данному проекту был проявлен большой интерес со стороны иностранных участников (в конкурсе приняли участие представители стран Европейского Союза, Китайской Народной Республики, Турецкой Республики, Республики Корея, Российской Федерации), в развитие данного направления далее в 2021 г. был подготовлен проект, а в 2022 г. был принят Закон Республики Беларусь от 18.07.2022 г. № 194-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнёрстве», предусматривающий нововведения, направленные на дальнейшее развитие института государственно-частного партнёрства путём упрощения процедур в данной сфере» [18].

Подводя итог рассмотренным выше национальным нормативно-правовым актам, регулирующим инвестиционную деятельность в Республике Беларусь, можно сделать вывод о том, что в 90-е гг. нормативная база республик, вышедших из состава СССР, была схожа, носила в основном декларативный характер. Принятые законы допустили иностранные инвестиции в экономику республики, что, по сути, предоставило иностранному капиталу допуск к закрытым ранее рынкам СССР, законодательство пре-

доставило инвесторам гарантии осуществления ими деятельности, что увеличило активность и интерес потенциальных инвесторов. Следующим периодом в развитии инвестиционного законодательства Республики Беларусь стала его доработка и систематизация в единый нормативно-правовой акт в 2000-е гг. в целях предоставления инвесторам дополнительных гарантий и льгот, но уже в 2010-е гг. в инвестиционной политике стали прослеживаться тенденции к приоритетному направлению инвестиций на экспортно-ориентированные и импортозамещающие проекты. В настоящее же время в Беларуси функционирует комплекс мер, развивающих экономику посредством привлечения отечественных и иностранных инвестиций, предоставляя ряд преференций в целях развития регионов и стимулирования высокотехнологичных и направленных на экспорт производств. Отметим, что подобные тенденции наблюдаются и в России. Отличительной же чертой современного белорусского законодательства от российского является отсутствие специального нормативно-правового акта, предметом регулирования которого являлись бы конкретно иностранные инвестиции. Как, в частности, нет в действующем белорусском законодательстве и легального определения термина «иностранная инвестиция», что свидетельствует о произошедшем переходе к общему регулированию инвестиций, включающему как национальные, так и иностранные.

Основные преференциальные правовые режимы инвестирования в Республике Беларусь на сегодняшний день включают в себя: свободные экономические зоны; индустриальный парк «Великий камень»; особую экономическую зону «Брежино-Орша»; Парк высоких технологий; инвестиционный договор; средние, малые городские поселения, сельскую местность; Оршанский район Витебской области; Юго-восточный регион Могилевской области; реализацию инвестиционных проектов с применением механизмов государственно-частного партнерства [19]. Указанные специальные правовые режимы в Республике Беларусь регулируются рядом нормативно-правовых актов, такими как законы, указы и декреты Президента, постановления Совета Министров Республики Беларусь. Таким образом, на сегодняшний день в Республике Беларусь функционирует обширная по сферам деятельности система различных преференциальных режимов как для иностранных, так и национальных инвесторов, которые взаимно дополняют друг друга.

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.04.2023 г. № 645 «О внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением

- иностранных инвестиций в Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304250018> (дата обращения: 08.06.2023).
2. Закон об инвестициях: иносфирмы на общих правах // Коммерсантъ Власть. – 1990. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/26645> (дата обращения: 08.06.2023).
 3. Указ Президента СССР от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инвестициях в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – № 27. – Ст. 132.
 4. Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР (приняты ВС СССР 10.12.1990 № 1820-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 51. – Ст. 1109.
 5. Закон Республики Беларусь от 29.05.1991 г. № 824-ХІІ «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь». – URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/199/2121 (дата обращения: 10.04.2023).
 6. Основы законодательства от 5 июля 1991 г. № 2302-І «Об иностранных инвестициях в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 51. – Ст. 880.
 7. Закон Республики Беларусь от 14.11.1991 г. № 1242-ХІІ «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь». – URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/199/2088 (дата обращения: 10.04.2023).
 8. Семилютина Н.Г. Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 30–42.
 9. Старшов А.А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Концепт. – 2019. – № 2. – С. 195–202.
 10. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь от 22.06.2001 г. № 37-3. – URL: https://belzakon.net/Кодексы/Инвестиционный_Кодекс_РБ
 11. Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СПС КонсультантПлюс.
 12. Решение Экономического совета СНГ «Об Обзоре делового климата, льгот инвесторам, свободных экономических зон, промышленных и научно-технических парков государств-участников СНГ» (принято в г. Москве 20.06.2014) // СПС КонсультантПлюс.
 13. Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «О концессиях». – URL: https://belzakon.net/Законы/Закон_РБ_О_концессиях
 14. Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 годы. – URL: http://government.gov.by/ru/events_pdp_2011-2015/ (дата обращения: 14.04.2023).
 15. Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 г. «О концессиях» – URL: https://kodeksy-by.com/o_gosudarstvenno-chastnom_partnerstve/2.htm (дата обращения: 14.04.2023).
 16. Закон Республики Беларусь от 30.12.2015 г. «О государственно-частном партнёрстве». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500345&p1=1> (дата обращения: 12.05.2023).
 17. Этапы развития ГЧП в Республике Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/ru/etapy_ppp-ru/ (дата обращения: 13.04.2023).
 18. Пилотный проект на условиях государственно-частного партнерства по реконструкции участка автомобильной дороги М-10 граница Российской Федерации (Селище) – Гомель – Кобрин км 109,9 – км 195,15. Принят Указом Президента Республики Беларусь от 26 ноября 2018 г. № 461 «О реконструкции автомобильной дороги» – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P31800461> (дата обращения: 14.04.2023).
 19. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 194-3 «Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=39955335#pos=0;0
 20. Официальный сайт Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/investicii> (дата обращения: 19.04.2023).

Legislation of the Republic of Belarus Concerning Foreign Investments: Formation and Current State

Fedyanin Yu.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article presents an analysis of the formation of regulatory regulation of relations associated with investment activity in the Republic of Belarus. Based on the peculiarities of the development of the regulatory framework regulating investment relations at each stage of its formation, it is concluded that today there are both trends towards the establishment of restrictions for foreign investors in the national interests of the state seeking to preserve economic and political independence, and the active provision of preferences and preferential regimes for foreign investors in order to attracting them to the domestic market of the Republic of Belarus.

Key words: foreign investments, Republic of Belarus, investment legislation, investment preferences

УДК 347

Эволюция законодательства РФ о банкротстве в новейшей истории. Анализ эффективности и проблемы развития

Фероян А.А.Аспирант кафедры теории права и государства, истории и философии
Сочинского государственного университета

Статья посвящена исследованию совершенствования института несостоятельности (банкротства) в современной России. Приведен исторический очерк формирования банкротного законодательства в новейшей истории РФ. Автор предпринимает попытку проанализировать результаты эффективности процедур банкротства юридических лиц в Российской Федерации за последние годы и приходит к выводу о том, что действующее законодательство о несостоятельности в РФ на настоящий момент не может удовлетворить интересы всех сторон конкурсного процесса. Законодательство не сбалансировано и ставит банкрота в преференциальное положение перед кредитором. Выводы исследования могут служить основой для дальнейшего изучения особенностей формирования института несостоятельности в РФ и составления рекомендаций по совершенствованию законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, Федресурс, банкротство юридических лиц, статистика банкротств

На сегодняшний день институт банкротства представляет собой важный для экономики инструмент. Защищающий физических лиц, попавших в критическую жизненную ситуацию, юридических лиц, неспособных исполнять принятые на себя обязательства, инвесторов, помогая им возместить их убытки, он также исключает из хозяйственного оборота неэффективные коммерческие общества.

Эффективность системы банкротства в числе прочих факторов показывает уровень инвестиционного климата в стране, является объектом исследования международных финансовых организаций, рейтинговых агентств.

Развитие законодательства о банкротстве важно для прогресса экономики страны, улучшения инвестиционного климата, привлечения иностранных производств и технологий.

Кроме того, важно добиваться баланса в банкротном законодательстве между интересами должника и кредитора.

Несмотря на то что отечественный институт банкротства получил свои зачатки еще в дореволю-

ционной России, современное законодательство о несостоятельности (банкротстве) начало формироваться только в начале 90-х гг. XX в. Соответственно, механизмы банкротства в России находятся в процессе активного развития и ожидать от них высоких результатов преждевременно.

Так, правовой новеллой в новейшей истории России стали нормы о несостоятельности, предусмотренные Законом РСФСР от 25.12.1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности». В частности, п. 3 ст. 24 указанного нормативно-правового акта предусматривал возможность объявить предприятие неплатежеспособным (банкротом) [1]. Это еще не было полноценным правом о банкротстве, но законодатель уже демонстрировал вектор развития экономики страны в рыночном фарватере.

Однако рыночные отношения бурно развивались, кооперация создавала вызовы для новых экономических порядков, и 14 июня 1992 г. отечественная правовая система получила первый специальный, хотя пока и подзаконный, акт, регулирующий право-

отношения в сфере банкротства. Таким актом стал Указ Президента РФ от 14.06.1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» [2].

19 ноября 1992 г. был принят Закон РФ № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [3]. Указанный нормативно-правовой акт стал первым полноценным специальным законом, формирующим современную систему банкротства в России. Закон имел ряд существенных недостатков и не зарекомендовал себя на практике как эффективный инструмент разрешения неплатежеспособности. В частности, процесс признания должника банкротом был слишком сложен, что приводило к преференциальности положения должника перед кредитором.

Эволюция конкурсного законодательства продолжилась, и в январе 1998 г. был принят Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Но и этот акт, выросший по объему, но не по эффективности, не смог удовлетворить запрос бурно развивающихся рыночных отношений и создать баланс между интересами должников и кредиторов [4].

И очень скоро ему на смену пришел ныне действующий Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ № 127-ФЗ) [5], став основой законодательства о банкротстве РФ. Как и его предшественники, ФЗ № 127-ФЗ не стал эффективным нормативно-правовым актом, удовлетворяющим требованиям развития экономики и ее участников. Для изменения этой тенденции законодателем было произведено большое количество усовершенствований. Так, на настоящий момент насчитывается 141 изменяющий документ, принятый для модернизации ФЗ № 127-ФЗ. Кроме того, регулярно публикуется судебная практика судов высшей инстанции с разъяснениями порядка применения норм законодательства о банкротстве.

Исследуя результаты процедур банкротства за последние годы, возможно сделать попытку оценки положения системы разрешения неплатежеспособности и эффективности действующего законодательства о несостоятельности в РФ.

Федеральным законом № 127-ФЗ впервые было введено в действие банкротство рядовых граждан – физических лиц, так называемое некоммерческое или неторговое банкротство. Соответственно, необходимо рассматривать банкротство юридических и физических лиц отдельно. В настоящей статье автором будут исследованы статистические данные эффективности процедуры банкротства юридических лиц.

Для этого использована статистика, размещенная в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (Федресурс). Федресурс является официальным

источником публикаций сведений о банкротстве в Российской Федерации. В соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 05.04.2013 г. № 178 «Об утверждении Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве», официальными сайтами Федресурса являются: *fedresurs.ru*, *bankrot.fedresurs.ru* [6].

Согласно статистическому бюллетеню Федресурса по банкротству от 31 декабря 2022 г., количество банкротств юридических лиц, начиная с 2015 г., следующее: 2015 г. – 13044, 2016 г. – 12549, 2017 г. – 13541, 2018 г. – 13117, 2019 г. – 12401, 2020 г. – 9930, 2021 г. – 10317, 2022 г. – 9055 [7, с. 4].

Настоящая статистика показывает, что в последнее время, в период с 2020 по 2022 гг., прослеживается тренд на снижение количества банкротств юридических лиц. Чтобы ответить на вопрос, свидетельствует ли это об улучшении эффективности системы банкротства либо это результат снижения количества регистраций, а, соответственно, и количества действующих юридических лиц, автором проведен сравнительный анализ представленных выше данных Федресурса и статистики Федеральной налоговой службы по количеству регистраций юридических лиц за тот же период. Итого, количество регистраций юридических лиц следующее: 2015 г. – 504 216, 2016 г. – 498 642, 2017 г. – 453 605, 2018 г. – 377 600, 2019 г. – 305 789, 2020 г. – 233 056, 2021 г. – 241 280, 2022 г. – 260 590 [8].

Указанные данные свидетельствуют о стабилизации количества банкротств юридических лиц за исследуемый период. Кроме того, как отмечается выше, наблюдается тенденция к снижению количества банкротств за 2020–2022 гг. Однако, по мнению автора, это связано прежде всего с уменьшением числа регистрации юридических лиц и, соответственно, их количества. Соотношение количества регистраций и банкротств юридических лиц и их взаимозависимость наглядно прослеживается на представленном автором рисунке 1.

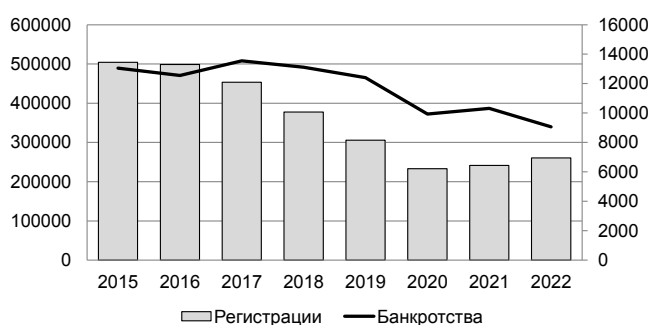

Рис. 1. Количество банкротств и регистраций юридических лиц, ед. [7; 8]

Кроме того, хотим обратить внимание на такой важный показатель эффективности разрешения неплатежеспособности, как уровень удовлетворения требований реестровых кредиторов. Далее представлены статистические данные, показывающие размеры включенных и удовлетворенных требований реестровых кредиторов за 2019-2022 гг. и долю удовлетворенных требований (табл. 1).

Указанные данные свидетельствуют о том, что в результате проведения процедур банкротства кредиторам возвращаются ничтожно малые средства от суммы их требований. За 2022 г. – это всего 6,8 %.

Иными словами инвесторы, поставщики, займодавцы и прочие кредиторы в рамках процедуры банкротства в 2022 г. смогли вернуть только 6,8 копеек с каждого вложенного рубля.

Такое положение дел подтверждает и заместитель руководителя Федеральной налоговой службы Константин Чекмырев. В ходе заседания Экспертного совета Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам в феврале 2022 г. он заявил, что в 2021 г. было списано 4 трлн руб. по результатам процедур банкротства. Кроме того, он указал, что незалоговые кредиторы возвращают только 1,7 % от суммы своих требований [9]. Несмотря на то что в 2022 г. этот показатель увеличился до 4,2 %, принципиально это не оказало никакого влияния на положение дел.

Для понимания серьезности размера указанной суммы отметим, что согласно Федеральному закону от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» доходная часть бюджета Российской Федерации на 2023 г. составляет немногим больше 26 трлн руб. [10].

Только один показатель – уровень удовлетворения требований кредиторов уже свидетельствует о серьезной, если не сказать критической неэффективности системы и концепции банкротства в Российской Федерации. Нам представляется трудным говорить о популяризации внутренних инвестиций и тем более о привлечении внешних инвестиций в экономику, в ситуации, когда лицо, привлечшее инвестиции в случае своего банкротства, вернет только 6,8 % от полученной суммы или 4,2 % в случае, если не оформлен какой-либо залог. Полагаем, малоэффективно создавать разного рода преферен-

ции для инвесторов, пока не будет решен фундаментальный вопрос с возвратом средств инвестору в случае несостоятельности должника.

Одним из составляющих указанной проблемы является тот фактор, что за 2022 г. доля дел, в которых кредиторы не получили абсолютно никакого удовлетворения своих требований, составляет 57,2 %. А в 38,4 % случаев к моменту признания должника банкротом в инвентаризационных описях отсутствовало какое-либо имущество для удовлетворения требований кредиторов [7, с. 8].

Представляется маловероятным, что 38,4 % организаций за период своего существования не обзавелись абсолютно никаким имуществом, необходимым для осуществления уставной деятельности. Напротив, приобрести долги у этих организаций получилось. Из чего напрашивается вывод, что в ряде случаев имущество заблаговременно было выведено с баланса предприятия. О чем свидетельствует увеличение оспариваемых сделок должника арбитражными управляющими. Так, в 2019 г. было принято 11 010 заявлений о признании сделок должника недействительными, а к 2022 г. этот показатель увеличился до 19 581 заявления [7, с. 20].

Следующим важным показателем эффективности процедуры банкротства является срок процедуры. Ведь для кредитора важно не только сколько он вернет денежных средств, но и за какой срок это произойдет. Согласно статистическим данным Федресурса, средняя длительность процедуры банкротства юридических лиц составила: 943 дня в 2019 г., 1 057 дня в 2020 г., 1170 дня в 2021 г. и 1 257 дня в 2022 г. [7, с. 7]. Из чего мы можем сделать вывод о том, что в результате банкротства должника кредитор оказывается в затруднительном положении, с одной стороны, средний размер удовлетворения его требований составляет 6,8 %, с другой – срок, за который он вернет эту часть средств, в среднем 1 257 дней. Кроме того, мы видим устойчивую тенденцию по увеличению срока процедуры банкротства из года в год, что тоже является негативным фактором при оценке эффективности системы банкротства.

Как мы ранее указывали, эффективность системы банкротства в числе прочих факторов показывает уровень инвестиционного климата в стране, является объектом исследования международных финансовых организаций, рейтинговых агентств.

Так, в рейтинге *Doing Business-2020* группы Всемирного банка, который характеризует условия ведения предпринимательской деятельности, Россия по показателю «разрешение неплатежеспособности» (*Resolving Insolvency*) опустилась с 55-го на 57-е место [11].

Кроме того, анализируя статистические данные, размещенные на Федресурсе, можно прийти к выводу, что

Таблица 1
Эффективность удовлетворения требований кредиторов за 2019-2022 гг. [7, с. 9]

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Включенные требования кредиторов, млрд руб.	2500,2	2092,7	4486,8	3567,7
Удовлетворенные требования кредиторов, млрд руб.	131,0	96,1	159,1	243,9
Доля удовлетворенных требований, %	5,2	4,6	3,5	6,8

Всемирный банк дал очень оптимистичную оценку эффективности системы банкротства в РФ, а показатели Всемирного банка далеки от реальных, поскольку выводы были сделаны, исходя из следующих показателей: возврат средств (доля удовлетворенных требований кредиторов) – 43 %, длительность процедуры – 2 года [12]. Если бы рейтинг *Doing Business-2020* основывался на реальных показателях, то Россия в рейтинге оказалась бы гораздо ниже.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам: – современное законодательство Российской Федерации о банкротстве находится в ранней стадии своего формирования. Несмотря на то что у российской цивилистики и конкурсного права, в частности, глубокие корни, большой временной перерыв в 74 года построения социалистического государства при отсутствии рыночной экономики и необходимости в институте банкротства отбросили эволюцию банкротного законодательства в прошлое. И фактически государству пришлось с нуля строить систему банкротства. Это выразилось в принятии большого ряда нормативно-правовых актов, рассмотренных выше.

Вместе с тем завершающим актом, регулирующим банкротные правоотношения, стал ФЗ № 127-ФЗ, вобравший в себя лучшие положения предыдущих законов, которые оказались недостаточно эффективными.

Однако статистика эффективности процедур банкротства в РФ за последние годы показывает, что действующая система разрешения неплатежеспособности не может удовлетворить интересы всех сторон экономической деятельности, в частности, по результатам процедуры должник оказывается в привилегированном положении перед кредитором. Поскольку все задолженности должника-банкрота списываются, а кредитор получает возмещение в среднем в размере только 6,8 % от суммы его требований. Из чего мы можем сделать вывод, что баланс интересов сторон на сегодняшний день не соблюден. Требуется не просто локальное усовершенствование положений действующего банкротного законодательства, а изменение концепции и подходов к разрешению неплатежеспособности должников-банкротов.

Литература:

1. Закон РСФСР от 25.12.1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (ред. от 30.11.1994) // СПС Гарант.
2. Указ Президента РФ от 14.06.1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» // СПС Гарант.
3. Закон РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // СПС Гарант.
4. Немцева О.И. Исторический анализ законодательства о несостоятельности и банкротстве в РФ конца XX века // Вологодские чтения. – 2006. – № 58. – С. 77–85.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Гарант.
6. Приказ Минэкономразвития России от 05.04.2013 г. № 178 «Об утверждении Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве» // СПС Гарант.
7. Статистический бюллетень Федресурса о банкротстве от 31.12.2022 г. – URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf> (дата обращения: 06.07.2023).
8. Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/?ysclid=ljqvuj19co609404391 (дата обращения: 06.07.2023).
9. Кредиторы банкротов в РФ потеряли 4 трлн руб. в 2021 году. – URL: <https://fedresurs.ru/news/c6d233c2-08dc-4512-b7fe-0ba0ab30d463> (дата обращения 06.07.2023).
10. Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // СПС Гарант.
11. ОБЗОР: Банкротству предложено исправиться. – URL: <https://fedresurs.ru/news/0ebb8cb8-7e0f-4ce1-848e-6c7bbcd341fc> (дата обращения: 06.07.2023).
12. Economy Profile Russian Federation Doing Business 2020. World Bank Group. – URL: <https://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/r/russia/RUS.pdf> (дата обращения: 06.07.2023).

Evolution of the Legislation of the Russian Federation on Bankruptcy in Recent History. Efficiency Analysis and Development Problems

Feroian A.A.
Sochi State University

The article is devoted to the study of the improvement of the institute of insolvency (bankruptcy) in modern Russia. A historical sketch of the formation of bankruptcy legislation in the recent history of the Russian Federation is given. The author attempts to analyze the results of the effectiveness of bankruptcy procedures of legal entities in the Russian Federation in recent years and comes to the conclusion that the current legislation on insolvency in the Russian Federation at the moment cannot satisfy the interests of all parties to the bankruptcy process. The legislation is not balanced and puts the bankrupt in a preferential position before the creditor. The conclusions of the study can serve as a basis for further study of the peculiarities of the formation of the institute of insolvency in the Russian Federation and making recommendations for improving bankruptcy legislation.

Key words: insolvency, bankruptcy, Fedresource, bankruptcy of legal entities, bankruptcy statistics

УДК 343.214

Понятие государственной безопасности и национальной безопасности с позиции уголовно-правовой охраны

Жигорцова Е.С.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института Российского университета кооперации

Артёменко Н.Н.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Качалов В.Ю.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института Российского университета кооперации

В статье проводится анализ понятий государственной, национальной и общественной безопасности, их взаимосвязь и взаимообусловленность в разрезе уголовно-правовой охраны такого объекта, как безопасность. Анализ видов безопасности проводится на основании общей теории права, с конкретизацией относительно дополнений в УК РФ, внесенных в период 2020–2023 гг. Безопасность рассматривается авторами в качестве явления общественной жизни, направленного на защиту личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Ключевые слова: национальная безопасности, государственная безопасность, преступления против общественной безопасности, уголовно-правовые нормы

Общественная безопасность является одним из объектов уголовно-правовой охраны. Под общественной безопасностью понимаются отношения, обеспечивающие безопасность жизнедеятельности граждан и общества, развитие и деятельность его институтов.

Достаточно близким к понятию «общественная безопасность» является понятие «государственная безопасность». В законах РФ понятия «госу-

дарственная безопасность» и «безопасность государства» приравнены, но приоритетными и более емкими считаются понятия «безопасность государства» или «национальная безопасность». Понятие «безопасность государства» включает в себя такие понятия, как экономическая безопасность и информационная безопасность. Поэтому мы часто определяем категорию «национальная безопасность» как «совокупность всех видов безопасностей страны,

как самостоятельную политическую систему с Конституцией и всеми органами власти» [1, с. 524].

Объект национальной безопасности достаточно разнообразен. В объект включены разнообразные сферы как государственного, так и общественного уровней. А.Б. Мельниченко под объектами национальной безопасности предлагает понимать, что это «государство и его институты, политическая и экономическая система, общество в целом, нации и народности, проживающие на территории Российской Федерации, отдельные граждане, их обычаи, традиции, жизненный уклад, язык, культура, вероисповедание» [2, с. 112].

Частью национальной безопасности выступает государственная безопасность. Рассматривая государство с позиции науки политологии, можно говорить о том, что государство представляет собой в организационно правовом аспекте первую политическую организацию. Подтверждением этого выступает исторический факт, согласно которому древние греки называли свои государства (города–государства) «полисами». В настоящее время именно за государством сохранено право реализовывать политику в отношении своего населения (внутренняя политика) и в отношении установления связей с другими государствами (внешняя политика). Следовательно, любое государство обладает суверенитетом и источником, который реализует политическую власть на внутригосударственном и внешнем уровнях.

В легальных определениях понятие «безопасность» рассматривается как защищенность конституционного строя, органов власти, суверенитета страны и целостности территорий от внешних и внутренних угроз. Исходя из характера преступных действий, составные элементы безопасности перечисляются в ст. 2 УК РФ и указываются законодателем как задачи УК РФ.

Обеспечение безопасности является основной обязанностью любого государства. Вследствие этого безопасность выступает объектом уголовно-правовой охраны и обеспечивается органами государственной безопасности.

УК РФ в Особенной части содержит достаточно большое количество норм, направленных на охрану общественной безопасности. Несмотря на то что нормы находятся в разных главах УК РФ, между ними есть внутренняя связь, для которой характерен такой признак, как объект уголовно-правовой охраны – безопасность.

Большая часть норм, направленных на безопасность, сосредоточена в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». В гл. 29 УК РФ законодателем систематически вносятся дополнения, в частности, ст. 275.1 «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», ст. 280.1 «Пу-

бличные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ», ст. 280.2 «Нарушение территориальной целостности РФ», ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» и т.п.

В УК РФ были внесены новые статьи преступления: «Публичные призывы и осуществление действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ».

В основу определения «общественная безопасность» заложены такие понятия, как личность, общество и государство, а также идея о состоянии защищенности общества [2, с. 112].

Президентом РФ был подписан Указ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ» [3]. Согласно Стратегии, под защиту государства ставится человек, любой гражданин, ценности общества материальные и духовные от любых неправомерных действий, конфликтов социального и межнационального характера, любых чрезвычайных техногенных проблем. В Стратегии национальной безопасности РФ такие понятия, как государственная и общественная безопасности, трактуются как однозначные понятия. В Указе Президента «О стратегии национальной безопасности РФ» содержатся тезисы о самоопределении России в современном мире. Согласно Стратегии, приоритетным направлением в обеспечении безопасности признается ее гарантия посредством уголовно-правовой охраны.

Нормы, связанные с охраной государственной и общественной безопасности, постоянно совершенствуются как на уровне материального, так и на уровне процессуального законодательства [4, с. 468]. Приоритетом является стратегическая стабильность, всеобщее сотрудничество стран. Президент РФ считает приоритетными национальные интересы страны и реализацию основных задач по обеспечению государственной и общественной безопасности. В Стратегии определены основные направления внешней политики, в частности, взаимоотношения со странами СНГ, сотрудничество со странами азиатского региона, Африки и Латинской Америки.

Под Стратегией общественной безопасности понимается защищенность общества, гарантируется развитие и прогресс всех сфер жизни, даже при возникновении негативных факторов. Согласно Стратегии, в понятие безопасности включены такие виды

безопасности, как государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая.

Вторым, не менее важным документом выступает «Концепция общественной безопасности РФ», которая была разработана ещё в 2009 г. и утверждена Президентом РФ 14.11.2013 г. Основные положения Концепции общественной безопасности нашли закрепление и в Стратегии национальной безопасности.

В настоящее время вопросам безопасности государственного уровня стали уделять значительное внимание все государства мира. Преступность совершенствует свои методы и применяет новые достижения науки и техники. Поэтому в настоящее время нет гарантии полной безопасности не только жизни личности, но и общества и даже государства.

Общественная безопасность как объект уголовного права выступает неотъемлемой потребностью общества, его ценностью и необходимым благом, поэтому в доктрине уголовного права все преступления, посягающие на безопасность (ст.ст. 215–217, 219, 113–114) выделяются в самостоятельные группы, дополняясь другими видами составов (ст. ст. 220–226) [5, с. 58].

Безопасность общества по отношению к безопасности государства признана более значимым направлением охраны, потому что именно на базе общества формируются государственные институты и государство в целом. Поэтому если не обеспечена безопасность общества соответствующими правоохранительными органами, то не защищено и само государство от любых видов правонарушений.

Общественная и государственная безопасности взаимосвязаны между собой и являются одним общим объектом уголовно-правовой охраны.

Рассматривая уголовно-правовые нормы, подтверждается единство безопасности как общества, так и государства. Поэтому преступления экстремистской направленности ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ отображены в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», а террористические преступления ст.ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности».

По действующему законодательству терроризм есть проявление экстремизма. Поэтому эти правоохранительные нормы находятся в одном разделе УК РФ – гл. 24 «Преступления против общественной безопасности». Терроризм угрожает общественной безопасности, что в итоге ставит под угрозу государственную безопасность. Отсюда можно сделать вывод, что терроризм и его цели становятся угрозой государственной безопасности именно через общественную безопасность.

Любая норма Особенной части УК РФ обеспечивает безопасность и уголовно-правовую охрану. Государственная и общественная безопасность яв-

ляются едиными объектами уголовно-правовой охраны.

За последние годы УК РФ подвергся достаточно серьезным дополнениям, направленным и на повышение уровня уголовно-правовой охраны безопасности.

Внесены дополнения, согласно которым совершение любого преступления в целях пропаганды, поддержки диверсии признаются обстоятельством,отягчающим наказание. Устанавливается повышенная ответственность за такие деяния, как содействие диверсионной деятельности, организация, совершение и финансирование диверсии, прохождение обучения в целях диверсионной деятельности и участия в ней. В УК РФ введены ст.ст. 201.2, 201.3, 207.3, 285.5, 285.6, 352.1, 356.1.

Ужесточена ст. 280.3 УК РФ об ответственности за «фейки» о действиях Вооруженных сил РФ. Приняты поправки УК РФ по защите от новых форм преступлений и угроз государственной безопасности. Наказанию по ст. 282.4 УК РФ подлежат пропаганда, изготовление и сбыт нацистской символики и атрибутики или схожей с ней. Такое обстоятельство, как совершение преступления в период мобилизации, вооруженного конфликта, введено в ряд составов и влечет усиление уголовной ответственности, так как представляет собой квалифицированный состав и, как следствие, ужесточение наказания.

Корректирующие изменения внесены в УПК РФ, в части касающейся определения подсудности и подсудности уголовных дел о преступлениях по новым статьям УК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что под безопасностью понимается сбалансированность интересов личности, общества и государства в таких сферах жизнедеятельности, как внутривнутриполитической, военной, информационной, международной, пограничной, социальной, экологической, экономической и др. Указанные интересы направлены на долгосрочную перспективность, определяя основные цели и направления деятельности, связанные с текущими и стратегическими задачами, основанными на внутренней и внешней политике государства. На основании этого безопасность государства в первую очередь обеспечивается незыблемостью конституционного строя, целостностью территории государства, его суверенитета, стабильностью во всех направлениях деятельности, единством правового поля, устранением внешних и внутренних угроз, которые способствуют дестабилизации.

Литература:

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая и особенная части: учеб. / Под ред. проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 704 с.
2. Мельниченко А.Б. Систематизация российского уголовного законодательства с учетом государственных приоритетов обеспечения национальной безопасности // Бизнес в законе. – 2009. – № 2. – С. 112–114.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Нестеров С.В., Пузиков Р.В. О правовой доктрине общественной безопасности Российской Федерации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 12 (128). – С. 467–473.
5. Тушмаков А. Реализация положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в сфере общественной безопасности // Молодой ученый. – 2016. – № 23.1. – С. 57–61.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.: в ред. Законов Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СЗ РФ. – 2014. – № 15. – Ст. 1691.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05 июня 1996 г.; введен Федер. законом Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федер. закона от 15.03.2023 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; – 2019. – № 44. – Ст. 6175.
8. Гончаров И.В. О соотношении понятий «Национальная безопасность», «Государственная безопасность», «Конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 121–127.
9. Елин В.М. Теоретические аспекты формирования понятия национальной безопасности // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 9. – С. 242–245.
10. Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 325 с.

The Concept of State Security and National Security from the Perspective of Criminal Law Protection

Shigortsova E.S.

**Kazan Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation,
Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism**

Artemenko N.N.

Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Kachalov V.Yu.

Kazan Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation

The article analyzes the concepts of state, national and public security, their interrelation and interdependence in the context of criminal law protection of such an object as security. The analysis of the types of security is carried out on the basis of the general theory of law, with specification regarding additions to the Criminal Code of the Russian Federation made in the period 2020–2023. Security is considered by the authors as a phenomenon of public life aimed at protecting the individual, society and the state from internal and external threats.

Key words: national security, state security, crimes against public security, criminal law norms

УДК 796:316.334.52(470.331)

Любительский спорт как вид досуга среди населения: результаты социологического исследования жителей города Твери

Вайсбург А.В.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В статье представлены основные направления любительского спорта в современном мире. Проанализированы результаты прикладного пилотажного социологического исследования на тему «Любительский спорт как фактор социализации жителей города Твери». Выявлено, что именно вкладывают респонденты в понятие «любительский спорт». Определено преимущественно положительное отношение населения к любительскому спорту. Установлены наиболее предпочитаемые виды спорта, которыми занимаются опрошенные в качестве досуга. Выявлены наиболее предпочитаемые места для занятий спортом для всех и причины, побуждающие людей заниматься или не заниматься любительским спортом.

Ключевые слова: досуг, любительский спорт, население, Тверь

В настоящее время в связи с постоянно нарастающим темпом жизни, многозадачностью, предъявляемой к каждому человеку, меняются предпочтения в выборе способов проведения свободного времени. Чаще всего свободное время предпочитают проводить в виде досуга, который рассматривают как «социальную категорию», в которой «отражается общественная, индивидуальная и духовная сущность человека. Еще со времен Аристотеля, досуг рассматривался как высшее благо, при этом философ указывал, что “вся человеческая жизнь распадается на занятия и досуг” и в государстве люди должны быть свободны от повседневных забот и уметь испытывать счастье и удовольствие от свободы действий» [1, с. 14].

Одной из форм проведения досуга является любительский спорт. Повсеместная активизация занятий любительским массовым спортом обозначена как приоритетное направление «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 г.» [2].

С начала 2000-х гг. в России наблюдается повсеместный рост распространения любительского спорта. При этом данное явление породило целую индустрию. Организуются различные мероприятия вокруг спорта: это времяпрепровождение

на стадионах, возможность делать ставки на любимых игроков, организация общественных спортивных групп, формирование сообществ болельщиков, открытие спортивных движений, спортивная мода [2, с. 139].

По данным исследования бегового портала runrepeat.com, за 2010-е гг. популярность марафонов и прочих забегов в России выросла на 300 %, что повлекло за собой развитие спортивной бизнес-индустрии для разнообразия проведения досуга подобным образом [3].

Л.И. Лубышева считает, что «спорт для всех» «признан направлением массового спорта, так как его содержание, методы и используемые формы способствуют эффективному взаимодействию антропоцентрических и социоцентрических установок» [3, с. 6].

По мнению Л.И. Лубышевой и Н.Г. Пашенко, «люди, вовлеченные в мероприятия “спорта для всех”, реализуют индивидуальные потребности в движении, вступают во взаимодействие с другими индивидами в условиях заранее обозначенных норм и правил, обмениваются с ними имеющимися знаниями, расширяют социальные связи, усваивают ценности физической культуры и спорта, ориентируются на эталонные образцы поведения» [4, с. 4].

Летом 2023 г. было проведено пилотажное исследование на тему «Любительский спорт как фактор социализации жителей города Твери». В исследовании приняли участие 263 респондента, жители города Твери. Выборка репрезентативная, квотная по полу и возрасту. Среди опрошенных 58,6 % – женщины, 41,4 % – мужчины. Возрастное распределение: 18–29 лет – 22 %, 30–54 лет – 48 %, старше 55 лет – 30 %. 1,5 % опрошенных имеют неполное среднее образование, 9,9 % – полное среднее, 30 % – среднее специальное, 58,6 % – высшее. 37 % – холосты/не замужем, 52 % женаты/замужем, 7 % – вдова/вдовец, 5 % состоят в «гражданском браке». Материальное положение респондентов следующее: 3 % – высокий уровень материального достатка, 79 % – средний, 18 % – низкий.

Более половины опрошенных (64,6 %) понимают под термином «любительский спорт» «занятие спортом по своему желанию», 16 % – «укрепление здоровья и способ поддержки фигуры», 10,6 % – «занятие физической культурой» и 8 % опрошенных – «физическую подготовку в конкретной деятельности». При этом количество мнений, что любительский спорт – это занятие спортом по своему желанию, значительно уменьшается по мере увеличения возраста опрошенных. Чем моложе опрошенные, тем больше они уверены, что любительский спорт – это занятия по собственному желанию.

Отношение большинства респондентов (81,7 %) к любительскому спорту – преимущественно положительное. Однако каждый 4-й опрошенный относится к нему отрицательно, а каждый 6-й – нейтрально (рис. 1).

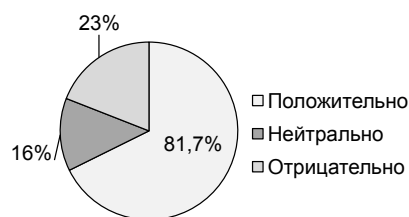

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к любительскому спорту?»

Естественно, что большее положительное отношение наблюдается со стороны людей, занимающихся любительским спортом, признающих его в большей степени агентом социализации современного человека. Отрицательное отношение к любительскому спорту больше характерно для более взрослых людей с высоким уровнем материального достатка, состоящих в отношениях.

Число опрошенных, которые занимаются любительским спортом, лишь немного (58 %) превышает количество тех, кто не занимается им (42 %) (рис. 2).

Те, кто сам занимается любительским спортом, в большей степени признают, что он является активным агентом социализации для населения. Среди них немного преобладают мужчины среднего и бо-

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы любительским спортом?»

лее молодого возраста, с более низким уровнем образования, но более обеспеченные, не состоящие в браке. Люди, которые не занимаются любительским спортом, негативно относятся к нему, имеют более низкий уровень материального достатка и принадлежат к более старшей возрастной группе.

Среди тех, кто занимается любительским спортом, наиболее предпочитаемыми видами спорта являются: плавание (29,1 %), велоспорт (23,2 %), легкая атлетика (19,2 %), волейбол (17,9 %), аэробика (15,2 %), футбол (12,6 %). Среди мужчин и женщин лидирующий вид спорта совпадает – это плавание (16,7 % – мужчины, 17,1 % – женщины). Далее по популярности среди женщин – аэробика и велоспорт (по 15,4 % соответственно), волейбол – 12,3 %. А мужчины отдают большее предпочтение футболу (12,4 %), легкой атлетике и велоспорту (по 11,5 % соответственно) (рис. 3).

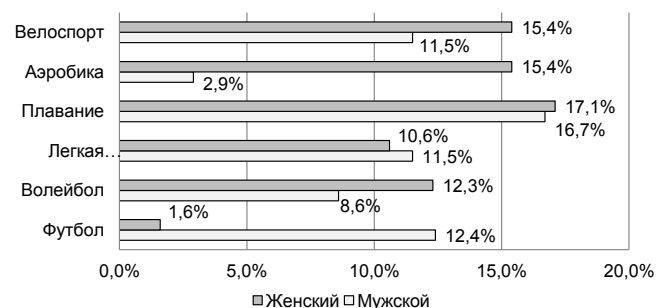

Рис. 3. Гендерное распределение наиболее предпочитаемых видов любительского спорта жителями города Твери

Среди молодежи 18–29 лет наиболее популярным видом любительского спорта является легкая атлетика, но с увеличением возраста ее популярность падает. При этом чем старше респонденты, тем все больше они предпочитают такой вид любительского спорта, как плавание (18–29 лет – 14,1 %, 30–54 года – 17,1 %, старше 55 лет – 19,7 %). Среди среднего поколения также большую популярность имеет велоспорт (16,3 %). А среди лиц старше 55 лет – аэробика (14,8 %).

Наиболее обеспеченные жители города Твери предпочитают среди любительских видов спорта волейбол (23,1 %) и велоспорт (23 %). Люди со средним достатком – плавание (17,1 %), с низким – легкую атлетику (24,2 %).

Каждый 3-й житель Твери, который занимается любительским спортом, предпочитает это делать на

свежем воздухе, каждый 5-й – дома, 16,3 % – в тренажерном зале, 15 % – на спортивных площадках (мужчины тут тренируются чаще женщин), 9,2 % – в бассейне. По мере увеличения возраста опрошенных все большее количество людей перестает ходить в тренажерный зал и предпочитают заниматься любительским спортом на свежем воздухе.

В качестве основных причин занятий любительским спортом респонденты назвали: поддержание хорошей физической формы (64,3 %), поддержание здоровья (63,7 %), хорошее настроение (45,2 %), проведение свободного времени с пользой (36,9 %). Каждый 3-й опрошенный занимается любительским спортом для приятного времяпрепровождения (30,6 %) и саморазвития (29,9 %). Среди тех, кто относится к любительскому спорту положительно, в 2 раза больше респондентов занимаются им для себя – для поддержания здоровья и хорошей физической формы.

Люди, которые не занимаются любительским спортом, в качестве основных причин этого называют: недостаток времени и занятость (по 38,8 % соответственно), отсутствие желания и лень (по 26 % соответственно), у каждого 4-го опрошенного отсутствуют возможности заниматься им.

Таким образом, предпочитая любительский спорт как вид досуга, в основном люди относятся к нему позитивно. «Спорт для всех» выбирается индивидами для поддержания и укрепления здоровья и хорошего самочувствия, с предпочтением щадящих видов спорта, в доступных местах (на улице или дома). Развитие любительского массового спорта как вида досуга неизменно повысит качество жизни населения, увеличит продолжительность жизни, снизит социальную нагрузку на медицинские учреждения и будет способствовать развитию здоровой нации. Для этого требуется создавать необходимые условия для дальнейшего развития досуга в виде любительского спорта: открывать новые спортивные площадки, доступные для всех, выделять велодорожки, делать более доступными цено-

вую политику на спортивные объекты, проводить больше массовых спортивных мероприятий. Также для пропаганды любительского спорта необходима разработка стратегии формирования положительного общественного мнения к данному виду досуга, мощная PR-компания и поддержка государственных органов на федеральном и региональном уровнях.

Литература:

1. Мишина Т.В. Физическая активность как форма проведения досуга // International journal of Professional Science. – 2022. – № 6. – С. 14–16.
2. Огородов Д.А. К генезису спорта: функции спорта в обществе модерна // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (30). – С. 136–143.
3. Как изменился любительский спорт в России за 30 лет. – URL: <https://www.mentoday.ru/life/life-faq/kak-izmenilsya-lyubitelskiy-sport-v-rossii-za-30-let/> (дата обращения: 21.08.2023).
4. Лубышева Л.И., Пашенко Н.Г. Современные социальные противоречия массового спорта // Теория и методика спорта. – 2022. – № 9. – С. 3–5.
5. Лубышева Л.И. Конверсия высоких спортивных технологий как методологический принцип спортизированного физического воспитания и «спорта для всех» // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2015. – № 4. – С. 6–8.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р «Стратегия развития физической культуры и спорта на период до 2030 г.». – URL: <http://www.minsport.gov.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

Amateur Sports as a Form of Leisure Among the Population: Results of a Sociological Study of Residents of the City of Tver

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The article presents the main directions of amateur sports in the modern world. The results of an applied aerobatic sociological study on the topic "Amateur sports as a factor of socialization of residents of the city of Tver" are analyzed. It is revealed what exactly respondents put into the concept of "amateur sport". The predominantly positive attitude of the population to amateur sports has been determined. The most preferred sports that the respondents are engaged in as a leisure activity have been established. The most preferred places for sports for everyone and the reasons that encourage people to engage in or not engage in amateur sports have been identified.

Key words: leisure, amateur sports, population, Tver

УДК 316.334.2:[002.6.08:336.71]

**Социологический анализ проблем подбора IT-специалистов в банковской сфере
(на примере исследования в ПАО «Московский кредитный банк»)****Вайсбург А.В.**

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В статье представлены основные направления развития банковских услуг, статистика подбора IT-специалистов в банковской сфере за последние годы. Описаны особенности подбора персонала в банковской сфере и портрет потенциального кандидата IT-специалиста. Также приведены результаты пилотажного исследования на тему «Проблемы подбора IT-специалистов в банковской организации». Приведены результаты мнений экспертов об основных проблемах подбора подобных кадров, причинах и факторах, влияющих на него. Описаны оценки эффективности работы кадровых служб банков по подбору IT-специалистов. Раскрыты мнения о главных компетенциях IT-специалистов в банках при подборе персонала. Разработаны рекомендации по совершенствованию системы подбора IT-специалистов в банковской сфере.

Ключевые слова: подбор, банк, IT-специалисты, персонал, проблемы

В настоящее время наблюдается бурный рост банковского сектора экономики. Все большее количество банковских услуг переходит в режим онлайн, для чего банки активно расширяют свои IT-подразделения, так как без современных сервисов очень трудно привлечь новых клиентов. Наиболее активно развиваются сервисы интернет-банкинга и мобильных банковских приложений. Применение данных сервисов позволяет привлечь и удержать как возрастных клиентов, так и более молодых и динамичных, готовых пользоваться банковскими приложениями прямо в своих смартфонах. Также банки внедряют технологию бесконтактных платежей NFC, с помощью которой клиент может расплатиться простым прикладыванием к устройству считывания как картой, так и смартфоном, часами или иными устройствами. Для клиентов при этом главное – безопасность данных сервисов, поэтому пользуются ими очень охотно, так как это удобно и быстро.

Чтобы обеспечить клиентов необходимыми современными сервисами, банковским организациям необходимы IT-специалисты с высокой квалификацией. Этим и объясняется высокая востребован-

ность аналитиков и разработчиков в банковской сфере. Согласно данным статистики, аналитики составляют 1/5 долю IT-специалистов, более 15 % занимают разработчики, 14 % – специалисты поддержки пользователей [1]. Поэтому проблема подбора IT-специалистов с каждым годом становится все актуальнее. В настоящий момент банки активно пользуются всеми каналами поиска таких специалистов, в том числе и на перспективу (то есть без наличия открытых вакансий).

Также стоит учитывать, что сфера кредитно-финансовых отношений имеет очень большой риск при найме также из-за необходимости обеспечения банковской тайны. Вероятность ее разглашения прямо пропорциональна степени текучести кадров.

На данный момент в IT-сфере присутствует кадровый голод, так как специалисты очень тщательно подходят к выбору своего будущего места работы. Стоит отметить, что количество вакансий в области IT растет быстрее, чем количество резюме IT-специалистов. За 2021 г. по данным HH.ru IT-вакансий увеличилось на 72 % по сравнению с 2022 г. На одну IT-вакансию приходится всего 1,4 резюме [2].

Следовательно, поиск, отбор и найм ИТ-специалистов может происходить достаточно продолжительное время. Воронка поиска подходящих претендентов, по данным сервиса *VC.ru*, увеличивается с каждым годом. В 2015 г. на 1 нанятого специалиста необходимо было найти 150 релевантных данной должности специалистов, в 2020 г. их число выросло до 300, а концу 2022 г. соотношение составляет уже более 500 к 1 [3].

Банковская сфера имеет свои особенности, для каждого банка присутствуют следующие черты труда, которые нужно учитывать при подборе персонала:

1) для каждого сотрудника банка характерна узкая предметная специализация;

2) к каждому сотруднику банка предъявляются очень высокие требования квалификации по большинству направлений трудовой деятельности;

3) в реализации одной конкретной банковской операции участвует, как правило, отдельный специалист, а не весь коллектив. Но сотрудник при необходимости может привлечь своих коллег в качестве технических исполнителей или консультантов;

4) особые требования предъявляются как к информационному, так и к ресурсному обеспечению трудовой деятельности;

5) сохранение банковской тайны и другой важной информации, разглашение которой может привести банк к огромным убыткам и даже к банкротству;

6) жесткие требования предъявляются к деловым и личностным качествам работников, к их уровню ответственности и лояльности;

7) стрессовый характер труда [1].

Портрет потенциального кандидата ИТ-специалиста выглядит следующим образом: опыт коммерческой разработки, понимание процесса разработки программного обеспечения, осознание специфики отрасли, в рамках которой работает специалист, знание банковских процессов, а также ряд личностных качеств, которые будут направлены на успешную трудовую деятельность.

В ноябре 2022 г. было проведено пилотажное исследование методом экспертного глубинного интервью (10 экспертов) головного офиса ПАО «Московский кредитный банк» в г. Москва с целью анализа проблем подбора ИТ-специалистов в банковской организации.

Более половины информантов признали, что проблема подбора подобных кадров действительно существует («Проблема безусловно есть, сыпятся заявки на подбор ИТ постоянно»).

Они утверждают, что достаточно трудно найти ИТ-специалиста, который будет подходить по всем требованиям актуальных вакансий. «Либо такие специалисты не имеют необходимого опыта работы, либо не имеют достаточной квалификации», так как к банковскому работнику, особенно в отделе информационных технологий, предъявляются более

строгие требования в связи с предоставлением ему доступа к базам данных и информационным ресурсам банка. Двое информантов считают, что проблема частичная, так как в последнее время множество вузов открывают дополнительные направления по обучению специалистов именно в сфере ИТ. Специалисты с меньшим стажем работы отмечают, что проблема подбора подобных кадров присутствует, но «это зависит от региона, в котором требуется сотрудник, так как в маленьких городах найти специалиста труднее, чем, к примеру, в Москве».

Более половины опрошенных экспертов считают, что проблема вызвана плохой коммуникацией между ИТ подразделениями и кадровой службой («Да, от айТишников порой не дожидаться обратной связи»). Им сложно понять, чем конкретно занимаются сотрудники отделов информационных технологий, от чего случается, что они могут подбирать кандидатов, не соответствующих реальным требованиям будущей предполагаемой работы. Такое происходит, по их мнению, из-за того, что сотрудники ИТ-подразделений не уделяют достаточного времени для пояснения «простыми словами» сути их работы. Все информанты согласны, что необходимо провести дополнительное обучение кадровых специалистов для лучшего понимания предметной области.

Больше половины экспертов не согласны с тем, что проблема при подборе ИТ-специалистов связана с внешними факторами (начальники ИТ-отделов, специалисты кадровой службы). «Нет, резюме на открытых ресурсах хватает». Однако некоторые начальники и специалисты кадровой службы утверждают, что в связи с последними политическими событиями нашу страну покинуло множество специалистов с высокой квалификацией, что привело к осложнению ситуации с подбором ИТ-специалистов в банковской сфере («большая текучка в связи с ситуацией в стране, многие уехали, в том числе уволились по собственному желанию»).

Все эксперты считают, что кадровая служба работает эффективно с точки зрения методов подбора персонала. Начальник отдела кадровой службы утверждает, что «отдел кадров использует все новейшие методики поиска и подбора персонала, которые зарекомендовали себя в других компаниях (в том числе и зарубежных)». Специалисты кадровой службы подтвердили, что регулярно проводится обучение, направленное на изучение и проработку новых методов подбора персонала. Сотрудники ИТ-подразделений также не считают методы подбора персонала кадровых служб неэффективными, так как они достаточно неплохо, по их мнению, справляются со своей работой.

Все работники кадровой службы банка считают, что проблема заключается в том, что заказчик нечетко формулирует требования к вакансии. По мнению экспертов, необходимо более детально описать тре-

бования к кандидату по каждой вакансии, указать, каким опытом желательно должен обладать кандидат, а также подробнее описать, какими инструментами для работы с информационными ресурсами он должен владеть. Работники кадровой службы считают, что данную проблему можно решить, составив требования к вакансиям совместно, согласовав окончательный вариант с начальником того ИТ-подразделения, в который будет производиться поиск кандидатов на работу. *«Да, лично я часто не понимаю, что спрашивать у кандидатов исходя из требований заказчиков, много неизвестных терминов».*

Начальник и сотрудники ИТ-подразделения банка, наоборот, утверждают, что требования к вакансии всегда указываются подробно, а более полную информацию о кандидате можно будет получить только в ходе личного собеседования, так как в резюме кандидат может написать что угодно. Проблема, по их мнению, опять же решается в проведении обучения сотрудников отдела кадров.

Эксперты из ИТ-подразделения банка утверждают, что более привлекательным кандидатам при всех равных компетенциях будет тот, у кого более развиты так называемые *«hard skills»* – это профессиональные и технические навыки, которые можно наглядно продемонстрировать. Например, если кандидат будет более подробно отвечать на поставленные технические вопросы, а также в уме сможет решить некоторые простые реальные задачи или продемонстрирует, в каком направлении нужно решать эту задачу, чтобы получить необходимые результаты, то он будет иметь больший приоритет над остальными кандидатами, имеющими схожее образование, опыт работы и т.д. *«При схожих компетенциях будет выбран тот кандидат, кто лучше продемонстрирует свои технические навыки и более подробно ответит на поставленные вопросы на собеседовании».* При том, что эксперты-кадровики больше обращают внимание на *«soft skills»* – это социально-психологические качества человека, которые показывают его коммуникационные навыки, организованность, умение работать в команде и решать конфликты *«Самый коммуникабельный кандидат, умеющий работать в команде».* При равных входных параметрах сотрудники отдела кадров отдадут преимущества именно такому кандидату, который, по их мнению, лучше адаптируется в новом коллективе.

На основании результатов прикладного исследования, изучив и систематизировав мнения экспертов ПАО «Московский кредитный банк» о деятельности по подбору ИТ-специалистов в банковском секторе, можно сформулировать следующие рекомендации:

1. Необходимо ввести обязательную коммуникацию с кадровым отделом для устранения пробелов в резюме кандидата и одно собеседование, в ходе

которого выполняется проверка профессиональных навыков. При необходимости привлекая нескольких специалистов. Необходимо наладить коммуникацию между подразделениями кадровой службы и ИТ.

2. Ввести перечень должностных инструкций для каждой должности для понимания того, какие функции будет выполнять искомый сотрудник, какие задачи перед ним поставлены.

3. Необходимо провести обучение рекрутеров силами технических специалистов и проверить полученные знания силами других специалистов.

Таким образом, подбор ИТ-специалистов в банковской сфере – трудоёмкий процесс, в котором нужно учитывать много нюансов, в том числе временные и экономико-политические факторы. Основными проблемами, с которыми сталкиваются банковские организации при подборе ИТ-специалистов в настоящее время, это: недостаток квалифицированных кадров для решения поставленных целей и задач; отсутствие четких критериев оценки компетенции ИТ-специалистов; отсутствие у кадровых специалистов знаний и представления о сфере ИТ.

Литература:

1. Тарасова А.О. Специфика найма персонала в банковской сфере // Экономика и бизнес. 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-nayma-personala-v-bankovskoy-sfere/viewer> (дата обращения: 29.08.2023).
2. Новости hh.ru. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/258613319> (дата обращения: 12.12.2022).
3. Какие проблемы с наймом в ИТ ждут в 2021 году? – URL: <https://vc.ru/hr/189368-kakie-problemy-s-naymom-v-it-zhdut-v-2021-godu> (дата обращения: 11.09.2022).

Sociological Analysis of the Problems of Selecting IT Specialists in the Banking Sector (Using the Example of a Study in «Credit Bank of Moscow»)

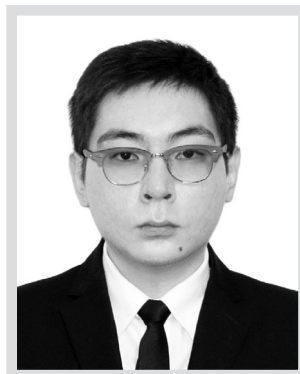
***Vaisburg A.V.
Tver State Technical University***

The article presents the main directions of development of banking services, statistics on the selection of IT specialists in the banking sector in recent years. The features of personnel selection in the banking sector and the portrait of a potential candidate IT specialist are described. The results of a pilot study on the topic "Problems of selecting IT specialists in a banking organization" are also presented. The results of expert opinions on the main problems of the selection of such personnel, the causes and factors affecting it are presented. The evaluation of the effectiveness of the personnel services of banks in the selection of IT specialists is described. Opinions on the main competencies of IT specialists in banks in the selection of personnel are disclosed. Recommendations have been developed to improve the system of selection of IT specialists in the banking sector.

Key words: recruitment, bank, IT specialists, staff, problems

УДК 314.7

Особенности миграционных процессов в России. Историко-теоретический анализ**Галеев А.Р.**

Аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, специалист Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Москва)

В статье поднят ряд вопросов, касающихся миграционных процессов. Прослеживаются исторические аналогии, где рассматриваются проблемы взаимодействия разных этнических групп на территории Древней Руси. По сути, это можно назвать реакцией на неконтролируемую миграцию. Тем не менее государство стремилось по-своему решать эти задачи. Приводится ряд примеров, где власти берут под контроль миграцию в России и справляются с ней довольно эффективно. Особенно это касается периода СССР. Отдельно рассматривается беспрецедентный феномен такого миграционного потока в Новейшей истории, как эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны.

В исследовании также делается попытка классификации и структуризации проблем, связанных с миграцией и политикой страны в этой области. Приводятся и обосновываются основные причины, уровни и условия миграционного процесса в России. Автором разрабатываются условия для снижения рисков для коренного населения России от притока трудовых мигрантов. Предлагаются инструменты для ассимиляции части мигрантов и формирования у них российского менталитета. В ходе исследования автор приходит к выводу, что на протяжении существования России как государства миграционная политика в стране давала позитивные результаты в основном тогда, когда власти полностью брали этот процесс под контроль.

Ключевые слова: миграция, эвакуация в годы ВОВ, ассимиляция, регулирование миграции, школа, искусство, последствия миграции

Вопросы миграции в России и в мире становятся одними из самых сложных в социально-экономической и духовной сферах нашего общества. Проблема эта носит и политический характер, так как миграционные процессы развиваются чаще всего на международном уровне. Исследований в данной области существует значительное количество, тем не менее мы считаем нужным сделать историко-социологический обзор данной проблемы, для того чтобы наиболее четко сформулировать суть понятия «миграционный процесс», выявить его причины и следствия и предложить пути преодоления негативных последствий от миграции в России.

Можно выявить несколько причин, по которым миграция наиболее вероятна:

1. Военные действия и другие деструктивные политические события в государстве или в регионе.

2. Низкий экономический уровень региона, откуда люди едут временно работать в другой регион, т.е. трудовая миграция.

3. Личные мотивы населения, по которым люди уезжают жить в другую страну с семьями, хотя в их регионе социально-экономический и политический климат является более приемлемым. Поэтому здесь можно отметить ряд причин, например, климат, экология, национальный состав и культурно-бытовая обстановка, географическое расположение и т.д.

Последняя причина не является массовой, но тем не менее заслуживает внимания, анализа и изуче-

ния. Поскольку этот тип миграции – самый приемлемый для населения региона.

Миграция имеет, как и все другие социально-экономические явления, позитивные и негативные стороны, которые активно влияют на развитие общества в целом. Многие государства, исходя из этого, разрабатывают взвешенную миграционную политику, которая преследует своей целью создание известного баланса между этими двумя сторонами. Понятно, что избежать негативного фактора в принципе невозможно, однако смягчить негативные последствия вполне осуществимо. Считаем необходимым вкратце выявить наиболее существенные черты позитивной и негативной сторон миграции в современном мире.

Социологи выделяют несколько позитивных моментов, которые оказывает миграция на экономику страны.

Во-первых, трудовые мигранты восполняют недостаток работников низкоквалифицированных специальностей в различных сферах, например, в сфере услуг, развития инфраструктуры или тяжелой промышленности. Мигранты, прибывшие по личным мотивам, наоборот, могут восполнить недостаток очень редких специалистов.

Во-вторых, приток мигрантов увеличивает налоговые сборы в бюджет и демографические показатели.

В-третьих, миграция не дает замыкаться в себе этническим группам или населению региона, поскольку замыкание ведет к культурной и демографической деградации, о чем еще будет сказано ниже.

Тем не менее существует ряд отрицательных факторов, которые сопутствуют активным миграционным процессам [1, с. 36].

В литературе по социологии и юриспруденции они описаны, но мы все же назовем несколько из них.

Во-первых, напряженные отношения между местным населением и мигрантами приводят в некоторых случаях к социальным конфликтам.

Во-вторых, в среде мигрантов, по статистике, криминалитет наиболее существенен.

В-третьих, создание этнически замкнутых анклавов мигрантов препятствует вливанию в социально-культурное поле окружающего населения.

В-четвертых, трудовая миграция способствует оттоку финансов из экономики государства.

Вот перечень наиболее существенных негативных последствий, связанных с неконтролируемой миграцией.

Можно выделить так же и разноуровневые современные миграционные движения:

1. Внутриэтнические в рамках государства.
2. Межэтнические внутригосударственные.
3. Межгосударственные внутриэтнические.
4. Межгосударственные межэтнические.

В Российской Федерации миграционные процессы имеют те же проблемы, что и в других государствах, но со своими особенностями. Мы считаем

необходимым рассмотреть их более подробно как в хронологическом, так и в культурном ракурсах.

Итак, история России насчитывает более тысячи лет и межэтнические вопросы, которые были связаны прежде всего с расселением этнических групп, решались еще со времен бытования Древнерусского государства. Так, в Древнем Новгороде времен призвания князя Рюрика (862 г. н.э.) уже обитали вместе с восточными славянами угорские и финские племенные союзы, носившие названия «чудь», «весь» и т.д. [2, с. 40–41]. На юге и востоке древние русы имели контакты с тюркскими этносами: булгарами, печенегами, хазарами, позже с половцами [3, с. 36–37]. Необходимо констатировать, что в этот период завязывались отношения, которые в будущем и сформировали российскую государственность. Кстати, вышеназванные этнические группы имели различные религиозные верования, уже были первые христиане и мусульмане, а также некоторые придерживались языческих культов.

Здесь особо надо упомянуть и такой этнос, как «варяги» – представителей норманнской народности. В Киевской Руси они сыграли большую роль в оформлении русского народа. Имена первых русских князей (Рюрик, Олег, Игорь), по предположению многих ученых, стоящих на позиции «норманнской теории», являлись норманнами-скандинавами, по-славянски, «варягами», которые впоследствии ассимилировались с восточнославянским этносом [4, с. 134–137].

Однако эти процессы мы не можем назвать миграционными в полном смысле этого слова. Скорее это можно квалифицировать межэтническим взаимодействием и ассимиляцией. Тем не менее в древнем государстве уже начали вырабатываться механизмы, позволяющие различным народам находить взаимодействие на различных уровнях: экономическом, политическом, культурном и социальном. Все это привело к появлению русского народа, который возникает в результате ассимиляции с восточными славянами варягов, финно-угров и частично тюркостепняков (печенегов и половцев). Здесь, видимо, значительную роль сыграл тот факт, что на славян мощное влияние оказала Византия со своей христианско-греческой культурой. А славяне, носители этой культуры со своими особенностями, в свою очередь, становятся доминирующим центром в своем ареале обитания.

Еще один немаловажный фактор, который непосредственно связан с нашей тематикой, это миграционная политика раннего Московского государства в правление Ивана III и Ивана IV Грозного. Прежде всего она связана с распадом Золотой Орды и взаимоотношениями Москвы с Казанским, Астраханским, Сибирским ханствами и Ногайской ордой. Например, в Казанском ханстве началась смута, фактически гражданский конфликт и значительное чис-

ло татар уходило на службу московскому князю. И казанские татары становились военно-политической опорой для московского государства [5, с. 132–135].

В истории России необходимо отметить еще один интересующий нас факт миграционной политики. Речь идет о заселении Новороссии, Крыма и Поволжья в правление Екатерины II в XVIII в. [6, с. 64–65].

В СССР в XX в. были периоды, когда население приходило в движение по следующим причинам:

1. Гражданская война 1918–1921 гг.
2. Индустриализация и коллективизация в 30-е гг. XX в.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
4. Государственные программы: освоение целины и политика в области развития Дальнего Востока, строительство БАМа и др.

Все эти вышеназванные причины являлись во многом не стихийным движением, а государственной политикой (кроме Гражданской войны). Поэтому несмотря на создававшиеся проблемы, эти процессы перемещения населения несли в большей степени позитивные для экономики последствия (в основном это касается пунктов 2 и 4).

Среди всего можно назвать особо уникальным феноменом эвакуацию населения вместе с промышленными предприятиями, управленческими и культурными организациями на восток страны во время Великой Отечественной войны. Жители западных областей СССР – прибалты, украинцы, белорусы, русские и т.д. оказывались в Башкирской, Татарской, Узбекской, Казахской и других союзных и автономных республиках, а также в Поволжье и Сибири. Эти гигантские массы народа, перевезенные в кратчайшие сроки на Урал и в Среднюю Азию, оказывались в тесном взаимоотношении с местным населением. Такое положение дел практически не вызывало каких-либо значительных проблем. Об этом говорят воспоминания современников и различные исследования на эту тему [7]. Несомненно, здесь большую работу сыграла всеобщая трагедия войны, сплоченность людей перед агрессией, предвоенная идейно-культурная политика и военное положение, введенное правительством. В совокупности это и дало положительный эффект в данной ситуации. Тем не менее опыт такого рода государственного регулирования миграционных процессов необходимо изучать и использовать с учетом современной конъюнктуры [8].

После распада СССР в 1991 г. начались сложные социально-экономические процессы, которые сопровождались демографической убылью населения, локальными вооруженными конфликтами и падением экономики. Все пятнадцать союзных республик отсоединившись от Советского Союза, становятся суверенными государствами со своей внутренней и внешней политикой. На базе СССР была созда-

на конфедерация Союз Независимых Государств (СНГ). До настоящего времени бывшие союзные республики проводят различную политику по отношению к Российской Федерации. Условно их позиции к России можно классифицировать на три категории: недружественные, нейтральные и дружественные.

Одни бывшие республики, в основном западные, взяли курс на интеграцию с Евросоюзом и заняли недружественную позицию по отношению к России. Например, Эстония, Латвия, Литва, особенно в свете последних политических событий (имеется ввиду СВО на Украине), заняли к РФ откровенно враждебную позицию. Грузию также можно считать, особенно после конфликта 2008 г., недружественным государством, хотя намечается тенденция к конструктивным взаимодействиям с Россией.

Такие государства, как Туркмения, Азербайджан, Молдова и Армения, имеют скорее нейтральный статус к внутренней и внешней политике России.

Третьи страны, такие как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, проводят, на наш взгляд, более дружественную политику по отношению к России.

Конечно, в течение 32-х лет после распада СССР позиции тех или иных бывших союзных республик менялись, однако на данном этапе развития политических событий мы видим примерно такой расклад.

Тем не менее бывшие республики СССР объединяет с Российской Федерацией культурно-исторический фактор. То есть географическая близость и историческое пространство играют до сих пор значительную роль в выстраивании отношений в различных сферах.

В середине 90-х гг. XX в. Россия и Белоруссия подписывают ряд соглашений о создании Союзного государства. После создается Евразийский союз, куда входят Россия, Казахстан, Белоруссия.

Такого рода международные отношения, на наш взгляд, в значительной степени влияют на миграционные процессы как в России, так и на Евразийском континенте в целом.

Если говорить о России, то здесь наблюдается рост трудовых мигрантов из Средней Азии, Закавказья и частично из Украины. Конечно, в РФ существует миграция и внутригосударственная, межэтническая, но мы не будем широко касаться этого миграционного уровня из-за громоздкости информации и ограниченности объема настоящей статьи.

Теоретически ситуация в современной России выглядит следующим образом.

Распад Советского Союза поспособствовал образованию 15-и государств, большая часть которых не имела опыта самостоятельной государственности. В Средней Азии сложились такие политические системы, в основе которых лежит клановость, nepотизм, создающий препятствие для равномерного экономического развития. Экономическое состо-

ание в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане и Кыргызстане, несмотря на обилие ресурсов и остатков советской промышленности и образования, оказалось нестабильным. Соответственно, жители этих областей отправляются в Россию для улучшения своего материального состояния. Население, живущее в России, для мигрантов – самое близкое по культурному типу общество, состоящее из бывших соотечественников [9, с. 161].

Таким образом, привлекательность России для мигрантов заключается в следующем:

1. Экономическая привлекательность.
2. Географическая близость.
3. Относительная безопасность.
4. Русский язык, который знают еще со времен СССР, хотя сегодня наблюдается некоторый спад популярности русского языка в бывших республиках. Тем не менее в России он является языком межнационального общения, в том числе среди мигрантов.
5. Культурно-историческая близость. Это выражается в ностальгии по СССР, популярности советской песенной и кинематографической культуры, участии предков в Великой Отечественной войне и т.д.

Таким образом, мы видим банальную ситуацию, с одной стороны, и сложную социально-экономическую, с другой. Задача, которая ставится перед российским государством, имеет следующие составляющие:

1. Поставить под контроль поток мигрантов и лимитизировать их количество.
2. Создать собственные трудовые резервы.
3. Иметь в наличии ассимиляционные и адаптационные системы.
4. Улучшение качества работы органов правопорядка.

Эти четыре составляющих порождают ряд других проблем, но тем не менее мы считаем нужным кратко остановиться на них.

То, что государство идет по пути контроля и пытается создать лимит приезжающих трудовых мигрантов, – это тема для специального исследования, где отдельным вопросом стоит коррупция, организация и развитие научных центров по статистике и демографии, выработка новых научных концепций в этой области, применение современных технологий и т.д. [10, с. 80].

Создание своих трудовых резервов – это тема так же обширна, комплексна. Здесь речь должна идти:

- о естественном росте своего населения, откуда вытекает целый ряд программ по пропаганде рождаемости, финансовом стимулировании, медицине и т.д.;
- о подготовке профессионалов в тех областях, которые требуют наибольшее количество рабочих. Это, в свою очередь, поднимает еще одну проблему – образование и централизованную систему мониторинга в профориентации. Отдельная тема – это

низкоквалифицированный труд и его непрестижность в сознании местного населения. Эта проблема находится на стыке нескольких составляющих: массового сознания; оплаты труда; трудового регулирования и контроля; технологий.

По-видимому, эта проблема не имеет однозначного решения, однако при должном внимании на вышеперечисленные составляющие можно снять некоторую напряженность в данной теме [11, с. 23]. Например, пропаганда в виде «облагораживания» через СМИ некоторых видов «непрестижных» работ может привлечь в них и местное население. Еще больше она станет привлекательной, если работа эта будет оплачиваться выше, а государство будет контролировать количество рабочих часов, условия, безопасность и т.д. [12, с. 176].

Третья из названных составляющих – это возможность и воля государственных ресурсов на ассимиляцию и адаптацию приезжих мигрантов. Сюда мы относим и регуляцию их взаимоотношений с местным населением. Это особый, требующий научного подхода элемент, который стоит перед государством и не имеет однозначного решения на данный момент. И, на наш взгляд, для поиска оптимальных решений необходимо учитывать исторические аналогии, использовать междисциплинарные и философские знания с учетом современных реалий. В приоритете должны стоять первичные знания о мигрантах, их реальной численности, а также следующая информация: национальность, государство проживания, конфессиональная принадлежность, пол, возраст, специальность, образование.

Эти первичные данные о мигрантах могут позволить решить ряд проблем с их адаптацией, возможно, с ассимиляцией. В исторической перспективе, как протекали ассимиляционные процессы в России, мы упоминали выше. Однако стоит отметить, что здесь немаловажную роль должны играть пропаганда, наличие соответствующей идеологии и культура.

Остановимся на культуре. Она является наиболее действенным методом вливания мигрантов в общероссийское общественно-экономическое поле. Под культурой или духовной сферой в данном контексте мы понимаем: науку, образование, язык, религию, искусство.

В России, как в полинациональном государстве, представлен значительный спектр языков (индоевропейских, урало-алтайских, финно-угорских, семитохамитских и других языковых семей). Религиозные конфессии представлены так же широко. Помимо христианства, ислама и буддизма в различных их изводах, в России имеют место быть и более специфические религиозные системы, которые не признаны в правовой сфере как деструктивные секты.

Искусство в нашей стране, как и во всем мире, переживает сложную трансформацию, тем не менее наблюдается тенденция к ренессансу. На сегодняш-

ний день нет оснований категорически заявлять как о кризисе российского искусства, так и о его подъеме. Можно лишь констатировать факты, которые могут относиться к разным утверждениям.

Образование и наука находятся в настоящее время в состоянии реформ, поэтому давать конкретные оценки об этих факторах культурной сферы мы не видим острой необходимости, за исключением школьного образования. Школьное образование – один из значимых инструментариев ассимиляции или встраивания миграционного элемента в российское общество. Причиной данного утверждения служит тот факт, что школа касается детей младшего возраста и подростков. Их сознание, как говорят исследования, более гибкое и восприимчивое к культуре в целом, а также раскрыто для вступления в контакт с ребенком, представляющим иную этническую группу. Многие специалисты настаивают на работе по адаптации к российским реалиям детей мигрантов еще в дошкольный период [13, с. 202, 204]. Тем не менее в школьном возрасте формируется личность, закладывается психотип, социальная адаптация, культурологические предпочтения и т.д. Однако этот инструментарий (школа) эффективен для семейных мигрантов.

Рассмотрим еще ряд значимых для нас проблем, связанных с межэтническим адаптационным инструментарием, который представляет собой интерес в рамках нашего исследования.

Один из важнейших стимулов и предпосылок к сближению этнически различных групп населения – это совместное преодоление кризисных социально-экономических явлений, куда входят и военные действия. Примером может служить Великая Отечественная война, когда мужское население всех национальностей СССР воевало на фронте, а эвакуированные жители западных районов жили в Средней Азии, Поволжье, Урале и Сибири. Наблюдалось массовое сближение многих народов при сохранении своей национальной идентичности [14].

Существует также еще один инструмент для ослабления миграционных потоков в РФ. Это экономическое стимулирование тех государств, из которых прибывает наибольшее количество мигрантов. Эти мероприятия требуют системного подхода, который подразумевает под собой решение сложных задач. Это инвестиции в энергетическую инфраструктуру, производство, сельское хозяйство, образование, науку, искусство и т.д.

Если в государствах-донорах, откуда в Россию прибывает наибольшее число мигрантов, будут успешно развиваться вышеперечисленные отрасли, то у местного населения уменьшится стимул для трудовой миграции в другие регионы. Однако чисто экономическое динамичное развитие не является основным и единственным инструментом. Необходимо в этих государствах-донорах создать эффективную си-

стему распределения национальных богатств в лице государственной власти. Значительный разрыв между самым обеспеченным социальным слоем и самым малообеспеченным, несомненно, несет в себе гражданский конфликт в различных его проявлениях, а это, в свою очередь, приводит к миграции.

Таким образом, исходя из всего вышеназванного, мы можем сделать следующие выводы. Миграционный процесс в России имеет характер трудовой миграции в основном из бывших среднеазиатских республик СССР.

Российская Федерация является наиболее привлекательным районом по многим параметрам. Неконтролируемая миграция несет ряд угроз для населения, экономики и т.д. Стабилизировать данный процесс можно при глубоком научном подходе к нему, комплексных мерах, где в приоритете должна быть духовная сфера (образование, искусство, религия и язык). Это позволит интегрировать в российское общество часть мигрантов, вырабатывая в них российский менталитет. Такой подход, на наш взгляд, даст возможность сгладить противоречия между мигрантами и местным населением. Также нами утверждаются два тезиса, которые выдвигаются, имея под собой конструктивное основание, это совместное преодоление кризисных социально-экономических явлений и экономическая помощь тем государствам, откуда наибольшее количество мигрантов прибывает в Российскую Федерацию.

Литература:

1. Бачиева А.В. К вопросу о понятии «миграция» и преступлений, совершаемых в сфере организации незаконной миграции // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2019. – С. 34–38.
2. Петрухин В.Я. Древняя Русь IX – 1263 г. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 190 с.
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. – 392 с.
4. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. – СПб.: Лань, 2000. – 304 с.
5. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2014. – 336 с.
6. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. – СПб.: Лань, 2001. – 256 с.
7. Козырев А.В. Из воспоминаний Л. Максименко: эвакуированных встречали по-братски // Культурно-историческое и духовное наследие поколений победителей в Великой Отечественной войне. Сборник статей. – Екатеринбург, 2021. – С. 91–92.

8. Сабиров А.Т., Саматов Х. «Страна спасения» в Великой отечественной (из воспоминаний эвакуированных в Ташкент) // Эшелоны идут на восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. – 2019. – Т. 12. – С. 51–56.
9. Лысенко Ю.М., Гаджимагомедова М.С. Эвакуированное население в Дагестане в годы Великой Отечественной войны: документы и воспоминания // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Россия–Восток–Запад: уроки истории и новые вызовы». – Махачкала, 2018. – С. 231–237.
10. Потемкина М.Н. Размещение эвакуированных ленинградцев и социальная помощь им в обустройстве на Среднем и Южном Урале (на материалах личных воспоминаний евреев) // История. Память. Люди. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Алма-Аты, 2018. – С. 39–47.
11. Шумилов А.И. Истоки экономической победы СССР над фашизмом (к вопросу о наличии плана эвакуации в СССР к началу ВОВ) // Актуальные вопросы развития экономики. Материалы международной научно-практической конференции. – Омск, 2015. – С. 311–315.
12. Олимов М.А., Олимова С.К. Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 59. – С. 158–166.
13. Донская М.В., Анучин Д.А. Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции на территории Российской Федерации сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 78–82.
14. Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н. Проблемные аспекты государственного регулирования трудовой миграции в Российской Федерации // Криминологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 21–25.
15. Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н. К вопросу о профилактике правонарушений в сфере миграции как средства борьбы с незаконной миграцией // Полиция и общество: пути сотрудничества. Сборник статей. – Воронеж, 2020. – С. 174–181.
16. Омельченко Е.А. Технологии адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов в школе // Вестник антропологии. – 2019. – № 2(46). – С. 196–207.
17. Малышева Е.М. Духовный потенциал народов России как фактор межнационального согласия: исторический опыт и современные реалии // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Грозный, 2021. – С. 192–203.
18. Такиев М.-Н.Т. Содружество народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Материалы юбилейной научной сессии профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ДГПУ, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Махачкала, 2015. – С. 27–31.
19. Безугольный А.Ю., Бородин Л.И. Горюшина Е.М. и др. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование. – Ростов-на-Дону; Южный научный центр РАН, 2022. – 428 с.
20. Суржик Д.В. Дружба народов в СССР как один из важнейших факторов Победы в Великой Отечественной войне // Экономические стратегии. – 2018. – Т. 20. – № 3(153). – С. 164–175.

Features of Migration Processes in Russia. Historical and Theoretical Analysis

Galeev A.R.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

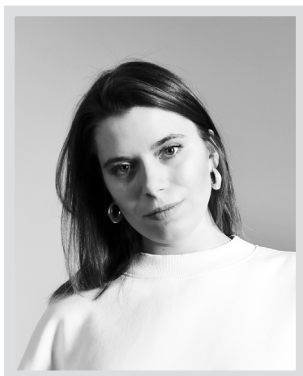
The article raises a number of issues related to migration processes. Historical analogies are traced, where the problems of interaction between different ethnic groups on the territory of Ancient Rus' are considered. In fact, this can be called a reaction to uncontrolled migration. Nevertheless, the state sought to solve these problems in its own way. Further, a number of other examples are given where the authorities take control of migration in Russia and deal with it quite effectively. This is especially true for the period of the USSR. Separately, the unprecedented phenomenon of such a migration flow in modern history as the evacuation of the population during the Great Patriotic War is considered.

This study also makes an attempt to classify and structure problems related to migration and the country's policy in this area. The main reasons, levels and conditions of the migration process in Russia are given and justified. The author is developing conditions for reducing risks for the indigenous population of Russia from the influx of labor migrants. Tools are proposed for the assimilation of some migrants and the formation of a Russian mentality among them. In the course of the study, the author comes to the conclusion that throughout the existence of Russia as a state, migration policy in the country gave positive results, mainly when the authorities completely took control of this process.

Key words: migration, evacuation during the Second World War, assimilation, regulation of migration, school, art, consequences of migration

УДК 316.7

Формирование финансовой культуры молодежи столичного мегаполиса в родительской семье

Голубева К.А.

Соискатель Центра макро- и микроэкономики
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается вклад семейной финансовой социализации для объяснения когнитивных и поведенческих аспектов финансовой культуры молодежи. Представлена дифференциация некоторых финансовых установок детям в зависимости от доходности родительской семьи. Цель статьи – инициировать теоретическую дискуссию о формировании финансовой культуры в семье и семейной финансовой социализации, о том, как это может помочь лучше понять индивидуальные различия в финансовой культуре молодежи.

Ключевые слова: финансовая культура, финансовое сознание, финансовое поведение, молодежь, семья, финансовая социализация

Принятие более эффективных финансовых решений становится все более важным из-за большей доступности новых сложных финансовых продуктов, поэтому необходим высокий уровень сформированности финансовой культуры молодежи, поскольку именно она определяет будущее страны. Семья, как первичный и на протяжении некоторого времени единственный источник социализации, оказывает непосредственное влияние на формирование финансовой культуры молодежи, поскольку именно родители (или другие родственники) передают свой кумулятивный опыт и знания детям, а также дают первую возможность распоряжения денежными средствами. Тем самым исследование влияния семейной финансовой социализации является необходимым для понимания и возможного регулирования финансовой культуры будущего поколения.

Проведенный теоретико-методологический анализ показал, что исследование финансовой культуры представлено: 1) на когнитивном уровне (финансовая грамотность, знания о финансовой сфере) – в работах М. Брауна и Р. Графа [1], И. Бэкмана [2], О.А. Александровой [3], О.Е. Кузиной [4], М.И. Подболотовой [5], Л.А. Пресняковой [6]); 2) на деятельностном уровне (ценности, нормы, знания, традиции, идеи, опосредующие финансовое поведение) (П. Калми [7], А. Лусарди

[8], Дж. Эгню [9], Р.Т. Насибуллин и А.И. Фатихов [10], Д.В. Нехайчук [11]).

Семья является первичным институтом социализации, когда человек усваивает опыт не просто других, а «значимых других», образ которых служит примером для подражания [12]. По этой причине семья непосредственно оказывает влияние на формирование мышления, сознания, образа жизни, а также объясняет правила и нормы поведения, осуществляет передачу накопленных знаний следующим поколениям, что составляет процесс социализации, в том числе в финансовой сфере. В 1994 г. С. Дейнс определил финансовую социализацию как «процесс приобретения и развития ценностей, отношений, стандартов, норм, знаний и поведения, которые способствуют финансовой жизнеспособности и благополучию человека» [13]. Финансовая социализация имеет свои корни в потребительской социализации, которую в 1974 г. С. Уорд определил как «процессы, посредством которых молодые люди приобретают навыки, знания и установки, необходимые для их функционирования в качестве потребителей на рынке» [14].

Хотя исследований, изучающих конкретные финансовые установки в детстве, довольно мало, есть свидетельства того, что молодые люди приобретают финансовые установки в раннем возрасте и что эти

установки влияют на их поведение. Например, Плинер и др. в 1996 г. [15] обнаружили, что дети, матери которых давали им финансовые рекомендации, демонстрировали положительные установки в финансовом поведении. Точно так же дети, родители которых контролировали их расходы, с большей вероятностью были уверены в своих способностях распоряжаться денежными средствами [16]. Кроме того, если ребенок вырос в финансово-культурной семье, то во взрослом возрасте он менее склонен к негативному финансовому поведению [17]. А. Отто отмечает [18], что многочисленные исследования выявили косвенную связь между финансовой социализацией родителей и сберегательным поведением подростков, хотя связь со сберегательным поведением взрослых менее очевидна [19]. В совокупности эти исследования предполагают прямую связь между родительским моделированием положительного финансового поведения и здоровым финансовым отношением у детей.

Таким образом, формирование финансовой культуры – это целенаправленный и управляемый процесс, осуществляемый субъектом [родительской семьей] для передачи ценностей, знаний, норм поведения, отношения к финансам и финансовым институтам, позволяющий формировать определенный тип финансового поведения молодежи на финансовом рынке.

В 2021 г. проведено авторское исследование методом глубинного интервью, целью которого было изучить восприятие родителей, имеющих взрослых детей (от 18 лет), область их влияния на формирование финансовой культуры¹.

Отделение от родителей, в том числе полная финансовая независимость, – важный этап экономической социализации взрослого ребенка и один из ключевых показателей успешного перехода к взрослой жизни [20], когда он вступает в те же социальные роли, что и родитель, учится полностью самостоятельно принимать финансовые решения. Сегодня молодые люди хотят получить финансовую независимость как можно раньше – желаемый средний возраст начала заработка для юноши – 17 лет, для девушки – 18 лет [21]. Чаще всего родители связывают этап отделения детей от родительской семьи с окончанием учебного процесса (школы, университета) («...но, в любом случае, после окончания школы надо пробовать» (жен., 42 года, 1 ребенок)) или появлением самостоятельного заработка. Финансовая независимость уникальна среди этих целей, однако для ее достижения требуется, чтобы молодые люди имели надежную финансовую практику (опыт) и соответствующие финансовые отношения в детстве:

«То есть можно разделить финансовая грамотность и финансовое поведение. Мне кажется, финансовое поведение, как и любое другое поведение человека закладывается в детстве. Если ты привык тратить, то ты будешь тратить и по жизни. Если ты привык беречь деньги и не тратиться, то ты будешь беречь. Финансовая грамотность, мне кажется, она не зависит от родителей» (жен., 42 года, 1 ребенок).

Респонденты-родители не дают однозначного ответа об уровне сформированности транслируемых детям практик распоряжения деньгами, и не прослеживается ее зависимость от дохода семьи, однако чаще всего отмечается преемственность сберегательного поведения: «...дети видели, что откладываются деньги на их обучение, также дети старались откладывать свои сбережения на свои нужды» (жен., 55 лет, 2 детей), «...они, как и я, очень бережливы к деньгам и всегда думают, могут ли позволить себе какие-либо покупки» (жен., 52 лет, 2 детей). Отмечено также, что «личностные особенности моего ребенка ведут его к другим инструментам и практикам...» (муж., 56 лет, 1 ребенок), «...ценности жизненные, потребности – в другой иерархии, основная – свобода распоряжения временем, свобода передвижения и впечатлений» (муж., 44 года, 1 ребенок).

Проведенный анализ ответов респондентов в ходе глубинных интервью фиксирует отличительные особенности установок родителей столичного мегаполиса своим детям в ходе финансовой социализации в зависимости от дохода (табл. 1).

Различия в доступе к ресурсам и возможностям, несомненно, являются причиной большей части различий в финансовой культуре молодежи, но другие субъекты влияния могут повысить уровень финансовой культуры молодежи независимо от возможностей семьи.

Формальное финансово-экономическое образование в школах, университетах и в других образовательных организациях, как правило, сосредоточено исключительно на механизмах функционирования экономики, финансово-экономической политике государства. Однако такое обучение не охватывает навыки, необходимые для принятия взвешенных финансовых решений в повседневной практике. Большая часть финансового образования и финансового воспитания по-прежнему оставлена на усмотрение родителей или на других агентов социализации.

Таким образом, основываясь на результатах настоящего исследования, можно сказать, что должны быть просветительские программы для родителей и детей. Эти программы должны подчеркивать важность обмена положительными финансовыми практиками дома. В дополнение эти программы должны быть частью дошкольного образования, чтобы мотивировать детей делать сбережения и инвестировать

¹ Исследование проведено в 2022 г. методом глубинного интервью, объект – москвичи 40–60 лет, имеющие взрослого ребенка/детей (от 18 лет до 35 лет, отдельно проживающего(ими) от родителей), г. Москва, $n = 52$.

Таблица 1

**Сравнительные характеристики влияния семьи на формирование финансовой культуры
в зависимости от дохода семьи**

№	Высокий доход	Средний доход	Низкий доход
Цели			
1	В приоритете – познавательные, творческие потребности	В приоритете – экономическая свобода в выборе планов и инструментов их реализации	В приоритете – повышение качества жизни
Начало выделения карманных денег детям			
2	В раннем возрасте (до 7 лет)	В школьном возрасте (от 8 лет)	В школьном возрасте (от 8 лет)
Ведение семейного бюджета			
3	Не обсуждают с ребенком	Не обсуждают с ребенком	Не обсуждают с ребенком
Личные денежные средства ребенка			
4	Смешанный тип (нет контроля над финансами ребенка)	Отчуждение (нет контроля над финансами ребенка)	Гиперопека (контроль над финансами ребенка)
Практика последовательности распоряжения семейным бюджетом			
5	«Обязательные платежи – сбережения (и инвестиции) – свободное потребление»	«Обязательные платежи – свободное потребление – сбережения (и инвестиции)»	«Свободное потребление – обязательные платежи – (сбережения)»
Кредитное поведение			
6	Нейтральное отношение к кредитам, транслируют детям рациональные цели кредитования	Отрицательное отношение к кредитам, транслируют детям отрицательное отношение	Отрицательное отношение к кредитам, не транслируют детям отношение к кредитованию
Сбережения			
7	Имеют сбережения, транслируют сберегательные установки своим детям	Имеют сбережения, транслируют сберегательные установки своим детям	Имеют или не имеют сбережения, транслируют сберегательные установки своим детям
Инвестиции			
8	Положительно настроены к инвестированию и в большинстве случаев имеют инвестиции, а также транслируют свои установки детям	Положительно настроены к инвестированию, но инвестиций нет у родителей и чаще всего нет у детей	Нейтрально настроены к инвестированию, инвестиций нет у родителей и чаще всего нет у детей

Градации по доходам:

Высокий доход – хватает доходов на новый легковой автомобиль, однако покупка квартиры или дома (иной недвижимости) является для нас затруднительной; материальных затруднений не испытываем; при необходимости можем купить квартиру, дом (иную недвижимость).

Средний доход – денег хватает на продукты и одежду, но покупка крупной бытовой техники является для нас затруднительной; можем без труда приобретать крупную бытовую технику, но покупка нового легкового автомобиля была бы затруднительной.

Низкий доход – денег не хватает даже на продукты, «едва сводим концы с концами»; на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения.

вать в свое будущее. Содержание программ должно быть сосредоточено на практическом обучении, основанном на опыте, а не на теоретических взглядах на управление финансами. Благодаря всем этим практикам дети узнают о деятельности, связанной с деньгами, и улучшают свое финансовое благополучие во взрослой жизни.

Литература:

1. Brown M., Graf R. Financial literacy and retirement planning in Switzerland // Numeracy. – 2013. – № 6 (2). – P. 1–21. – DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1936-4660.6.2.6>.
2. Beckmann E. Financial literacy and household savings in Romania // Numeracy. – 2013. – № 6 (2). – P. 1–22. – DOI: <https://doi.org/10.5038/1936-4660.6.2.9>.
3. Александрова О.А., Аликперова Н.В., Марков Д.И., Ненахова Ю.С. Классификация факторов влияния на формирование финансово-экономической культуры россиян // Народонаселение. – 2021. – № 3. – С. 18–31.
4. Кузина О.Е., Ибрагимова Д.Х. Доверие финансовым институтам: опыт эмпирического исследования // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 4 (98). – С. 26–39.
5. Подболотова М.И. Инновационные технологии для повышения финансовой грамотности детей и молодежи // Вестник Московского Городского Педагогического Университета. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2015. – № 4 (34). – С. 83–91.

6. Преснякова Л.А. Финансовая культура населения: угрозы и потенциал для развития инвестиционной активности граждан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 2 (90). – С. 138–155.
7. Kalmi P., Ruuskanen O.P. Financial literacy and retirement planning in Finland // Journal of Pension Economics & Finance. – 2018. – № 17 (3). – P. 335–362.
8. Lusardi A., Mitchell O.S., Curto V. Financial Literacy among the Young // The Journal of Consumer Affairs. – 2010. – № 44 (2). – P. 358–380.
9. Agnew J.R., Bateman H., Thorp S. Financial Literacy and Retirement Planning in Australia // Numeracy. – 2013. – № 6 (2). – DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1936-4660.6.2.7>.
10. Фатихов А.И., Набибуллин Р.Т. Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований // Вестник ТОГУ. – 2010. – № 2. – С. 235–244.
11. Финансовая культура населения / Под ред. д.э.н., доцента Нехайчука Д.В. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – 512 с.
12. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: Treatise on sociology of Knowledge. Allen Lane The Penguin Press; 2nd Revised edition, 1967. – 252 p.
13. Danes S.M. Parental perceptions of children's financial socialization // Financial Counseling and Planning. – 1994. – № 5. – P. 127–149.
14. Pliner P., Freedman J.L., Abramovitch R., Drake P. Children as Consumers: In the Laboratory and Beyond // Economic socialization: The economic beliefs and behaviors of young people. – Edward Elgar Publishing, 1996. – P. 11–34.
15. Kim J., Swarn Ch. Childhood Financial Socialization and Young Adults' Financial Management // Journal of Financial Counseling and Planning. – 2013. – № 24 (1). – P. 61–79.
16. Jeffery H., Beutler I., Martin T. Financial Prudence and Next Generation Financial Strain // Journal of Financial Counseling and Planning. – 2004. – № 15 (2). – P. 51–59.
17. Otto A. Saving in Childhood and Adolescence: Insights from Developmental Psychology // Economics of Education Review. – 2013. – № 33. – P. 8–18.
18. Julie A.S., Schoon I., Webley P. Save Now, Save Later? Linkages Between Saving Behavior in Adolescence and Adulthood // European Psychologist. – 2011. – № 16 (3). – P. 227–237. – DOI: 10.1027/1016-9040/a000067.
19. Danziger S., Ratner D. Labour market outcomes and the transition to adulthood // The Future of Children. – 2010. – № 20. – P. 133–158.
20. Начать зарабатывать – в 18, переехать от родителей – в 20, завести детей – в 25. Молодежь о возрасте важных этапов // НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/analytics/nachat-zarabatyvat-v-18-pereekhat-ot-roditeley-v-20-zavesti-detey-v-25-molodezh-o-vozraste-vazhnykh/> (дата обращения: 14.07.2023).

Formation of the Financial Culture of the Youth of the Metropolitan Metropolis in the Parent Family

Golubeva K.A.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article examines the contribution of family financial socialization to explain the cognitive and behavioral aspects of financial culture of young people. The differentiation of some financial attitudes to children depending on the profitability of the parent family is presented. The purpose of the article is to initiate a theoretical discussion about the formation of financial culture in the family and family financial socialization, and how this can help to better understand individual differences in the financial culture of young people.

Key words: financial culture, financial consciousness, financial behavior, young people, family, financial socialization

УДК 316.7 (450+531)

Этноцентризм в культуре современного общества**Лучшева Л.В.**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета

В статье анализируется такое распространенное явление в современном мире, как этноцентризм, анализируются причины его существования и формы его проявления. Гибкий этноцентризм подается как важный элемент для сохранения самого этноса, воинствующий – как реакция на изменение социальной среды. Крайние формы воинствующего этноцентризма проявляют себя во время конфликтов.

Ключевые слова: этноцентризм, этнические стереотипы, основные элементы этноцентризма, гибкий этноцентризм, воинствующий этноцентризм, причины существования и проявления этноцентризма

К традиционной этнической и современной унифицированной культурам можно относиться по-разному. Сталкиваясь с незнакомой культурой чужих этносов, люди часто занимают позицию, которая заключается в специфической оценке иного сообщества сквозь призму ценностей и стереотипов собственного этноса. Эталон такой позиции может стать любой из элементов культуры: язык, религия, традиции, одежда, еда, способы ее приготовления...

Это явление было обозначено термином «этноцентризм», который впервые в научный оборот ввел польско-австрийский социолог Л. Гумплович. В дальнейшем это понятие, получившее обоснование и конкретизацию в трудах У. Самнера, получило широкое применение в работах философов, социологов, психологов, политологов и этнологов.

Современные исследователи, ссылаясь на работы американских психологов М. Бруэра и Д. Кэмпбелла, выделяют основные элементы этноцентризма, а именно: 1) восприятие элементов своей культуры как «естественных» и «правильных», а элементов других культур – как «неестественных» и «неправильных»; 2) рассмотрение обычаев своей группы в качестве универсальных; 3) оценка норм, ролей и ценностей своей группы как неоспоримо правильных; 4) представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы,

оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять и даже враждовать с членами других групп [1, с. 124].

В наследство от советских обществоведов современным исследователям проблемы досталось негативное отношение к явлению этноцентризма. Поэтому этой позиции придерживаются многие наши современники, видя в этноцентризме неприятие всех иных этнических групп в сочетании с завышенной оценкой собственного этноса. Вместе с тем этноцентризм изначально не несет в себе враждебного отношения к другим группам, такой этноцентризм принято называть гибким.

Предпринимая попытки понять и объективно оценить чужую культуру при сопоставлении своей этнической группы с другой, своя может предпочитаться в одних сферах жизнедеятельности, а чужая – в других. Татарстанский психолог И.М. Юсупов считает, что суровые климатические условия, в которых взаимодействуя развивались различные народы Поволжья, способствовали функционированию именно такого гибкого этноцентризма, как необходимой формы для совместного выживания [2, с. 38]. И хотя условия жизни давно изменились, но такую картину гибкого этноцентризма и сегодня можно наблюдать как в повседневной коммуникации коренных народов России, так и трудовых мигрантов первого поколения, приехавших в нашу страну на

заработки вместе со своими семьями. Кроме того, являясь в определенной степени препятствием для межэтнического взаимодействия, этноцентризм выполняет полезную для этнической группы функцию поддержки позитивной идентичности и даже сохранения ее целостности и уникальности.

Но этноцентризм не всегда благожелателен и степень его проявления всегда бывает разной. Известны случаи, когда «свои» ценности не только оберегаются и демонстрируются, но и стремительно навязываются другим этносам «ради их пользы», «в их же интересах». Такой этноцентризм получил название воинствующего, так как здесь проявляется ненависть, недоверие, страх, обвинение других этнических групп во всех неудачах и бедах. Крайними формами воинствующего этноцентризма являются радикализм, этнический и религиозный экстремизм.

Наблюдая за миграционными процессами стран запада и России, исследователи обычно выделяют несколько причин и степеней выраженности этноцентризма.

Во-первых, причины и выраженность этноцентризма будут зависеть от страны, откуда прибывает мигрант, и страны, куда он прибывает. Узбек не будет протестовать против распространения шаурмичных и кафе халяль по всей России, но сторонники собственных кулинарных традиций могут воспринять этот процесс как угрозу. Русские не будут против того, что русский язык оказался продвинутым до ранга языка межнационального общения. Но иначе смотрят на это некоторые страны постсоветского пространства, где принимаются специальные законы в защиту своего и отмену (даже запрет) русского языка.

Во-вторых, важным моментом выступает экономическая, политическая и военная обстановка в стране. Если эта обстановка будет соответствовать ощущению безопасности, то в такой стране можно не демонстрировать этническую идентичность и различия. Для граждан слабых или зависимых стран элементы этнической культуры приобретают сакральный характер и выполняют защитную функцию.

В условиях нестабильной экономической обстановки этноцентризм у отдельных граждан проявляется в предпочтении отечественной продукции перед импортной, в подчеркивании положительных характеристик изделий отечественного и регионального происхождения, решительном отказе от продукции иностранного происхождения. Перенос концепции этноцентризма на почву рыночных отношений впервые осуществили американские экономисты Т.А. Шимп и С. Шарма, которые закрепили понятие потребительского этноцентризма и выявили его основные признаки [3, с. 5].

В-третьих, на степень и форму проявления этноцентризма влияют сферы занятости и дискриминация при осуществлении трудовой деятельности. Профессиональные группы, работа которых свя-

зана с сельским хозяйством или промыслами, могут демонстрировать как гибкий, так и воинственный этноцентризм. Воинственный этноцентризм чаще проявляется в дискриминируемых группах, представителям которых было отказано в трудоустройстве по этническому, религиозному, расовому признаку или неравной, по сравнению с другими, оплатой труда.

В-четвертых, определенное влияние на этноцентризм оказывает место проживания этнической группы. Сельская среда является бережным хранителем этнической культуры и традиций, что формирует мировоззрение и поведение проживающих в них этнических групп. Польский социолог П. Штомпка указывал на такую особенность сельского жителя, как «ограничение кругозора до чисто локальных дел и определенный провинциализм мышления» [4, с. 260]. Здесь так же следует отметить и то, что маргиналы, возникающие в результате миграций из деревни в город, характеризуются дуальностью самосознания. В силу своего промежуточного в культурном плане положения они частично ассимилированы и в городскую, и сельскую культуры, но полностью не примыкают ни к одной из них. Характеризуя выходцев из деревни, политолог В.А. Беляев указывал на свойственные им социально-психологические особенности: «Самодостаточность, замкнутость, привычка к полной трансцендентности жизни, преобладание культуры «стыда» и «культуры страха» над «культурой вины», меньшая образованность, слабое знакомство с мировой культурой, приверженность большинства сельчан к религии...» [5, с. 60]. Кроме того, у большинства горожан первого поколения сохраняются связи с деревней, а деревенская субкультура на протяжении всей жизни остается для них наиболее понятной и значимой.

В условиях социальных кризисов и этнического ренессанса маргинальная интеллигенция поднимает свою этническую группу на борьбу за расширение её культурных, экономических и политических прав. Гибкий этноцентризм становится воинствующим, что мы и наблюдали в титульных республиках Российской Федерации в 1990-е гг.

В-пятых, проявление этноцентризма зависит так же от индивидуальных предпосылок и установок. Психологи утверждают, что самая мощная эмоция – страх. Поиск ориентиров и стабильности в наше нестабильное время, у некоторых людей усиливает потребность в обеспечении своей безопасности. На начальном этапе поиска стабильности для человека оказывается важным стереотип поведения и сохранение привычной ситуации. Именно такое ощущение безопасности дает ситуация, когда узбеки идут обедать в кафе, где работают их соплеменники, создающие локальную аутентичность, колорит, особенные вкусы и нравы. Таким же образом может

поступить казанская татарка-мусульманка, отказавшись от посещения узбекского кафе халяль только по той причине, что еду там традиционно готовят мужчины, в то время как в татарском кафе еду готовят женщины.

Настороженное отношение мигрантов к местному населению и недружелюбное отношение к мигрантам со стороны принимающих этнических групп создает поле для напряженности. Описывая механизм негибкого этноцентризма, можно воспользоваться словами этнического сирийца, профессора Оснабрюкского университета в Германии А. Эль-Мафаалани: «людям приписывают специфические свойства и, опираясь на биологические и культурные признаки, относят их к категориям из разряда “другие”. Категории эти с их признаками используют как инструмент принижения соответствующих групп. Это сопровождается ростом самооценки, поначалу на уровне самоощущения..., но на следующем шаге процесс переходит в активную фазу, то есть дискриминация становится практикой» [6, с. 59].

Следует отметить, что указанные причины существования такого явления, как этноцентризм, далеко не исчерпаны. Социологи Д.В. Белинская и И.А. Задонская к числу очевидных, помимо стереотипов и уровня миграции, добавляет еще степень развития патриотизма. Они относят патриотизм к числу тех явлений, которые ориентированы на сохранение целостности своего народа. При этом утверждается, что повышенное чувство патриотизма способствует развитию гибкого этноцентризма, а отсутствие патриотизма ведет к развитию воинственного этноцентризма, проявляющегося в его самых крайних формах [7, с. 17].

Как видим, отношение к этноцентризму весьма неоднозначное. Некоторые исследователи сравнивают этноцентризм с эгоцентризмом с разницей в масштабе: эгоцентризм и индивидуализм концентрирует человека на самом себе стремлением соотносить все с собственными интересами и мерить окружающий мир своей меркой, этноцентризм – концентрация внимания на собственной этнической группе. Такой этноцентризм неизбежно и закономерно приводит к неприятию и враждебности. Здесь этноцентризм носит исключительно негативный характер, является объектом борьбы и искоренения.

Не отрицая препятствий для межэтнического взаимодействия, другие исследователи сходятся во мнении, что этноцентризм, формируя позитивную этническую идентичность, в кризисных условиях способствует сохранению целостности и специфичности группы, то есть выполняет защитную функцию.

Вместе с тем момент перехода гибкого этноцентризма в воинственный по своей длительности и способам проявления у разных народов будет разным.

Баланс между этнорелятивизмом и этноцентризмом заставляет внимательнее относиться к особенностям культуры любого этноса и тем социальным факторам, которые могут спровоцировать межэтнический конфликт. Межэтнические конфликты актуализируют воинственный этноцентризм поэтому у многих современных политиков и государственных деятелей велико желание полностью избавиться от этого явления. Провозглашая борьбу с этноцентризмом не следует забывать, что с его ликвидацией будут утрачены сами этносы с их неповторимой культурой и ценностями.

Литература:

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
2. Юсупов И.М. Этнопсихология народов Татарстана. – Казань: Изд-во «Познание», Института экономики, управления и права, 2014. – 223 с.
3. Шромник А., Валянин-Ярош Э. Потребительский этноцентризм – экономический патриотизм как детерминанта развития международного товарообмена // Практический маркетинг. – 2012. – № 7 (185). – С. 3–10.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
5. Беляев В.А. Глобализация и специфика менталитета населения РТ // Проблемы глобализации и антиглобализм в современном мире (сборник докладов и статей) / Под ред. Д.М. Колымцева, В.А. Беляева. – Казань: Школа, 2003. – С. 46–70.
6. Эль-Мафаалани А. Парадокс интеграции. Почему успешная адаптация мигрантов приводит к новым конфликтам. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 216 с.
7. Белинская Д.В., Задонская И.А. Причины и последствия этноцентризма в российском обществе // Социально-экономические явления и процессы. 2018. – № 1. – С. 14–19.

Ethnocentrism in the Culture of Modern Society

Luchsheva L.V.

Kazan National Research Technological University

The article analyzes such a widespread phenomenon in the modern world as ethnocentrism, analyzes the reasons for its existence and the forms of its manifestation. Flexible ethnocentrism is presented as an important element for the preservation of the ethnos itself, militant – as a reaction to a change in the social environment. Extreme forms of militant ethno-nationalism manifest themselves during conflicts.

Key words: ethnocentrism, ethnic stereotypes, basic elements of ethnocentrism, flexible ethnocentrism, militant ethnocentrism, reasons for the existence and manifestations of ethnocentrism

УДК 316.614

Роль социальных сетей в создании и развитии профессиональной карьеры**Махиянова А.В.**

Доктор социологических наук,
профессор кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В статье представлен материал по опросу общественного мнения, который раскрывает роль социальных сетей в построении карьеры и профессиональном развитии. Продемонстрированы временные затраты, наиболее популярные площадки, тип контента и его внутренне содержание, которые используются в социальных сетях для профессионального становления. Показаны способы и прогнозы относительно влияния социальных сетей на карьерный рост.

Ключевые слова: социальные сети, карьера, профессиональное развитие

В январе 2023 г. в России было 106,0 млн пользователей социальных сетей, что составляет 73,3 % от общей численности населения, большая часть которых – молодежь [1]. Цели использования социальных сетей в большинстве случаев связаны с личностным развитием, поддержанием здоровья и развлечением. Они также используются не только для общения, но также для образования и формирования интересов. Пользователи проводят в социальных сетях в среднем 30-45 минут в день [2].

Анализируя роль социальных сетей в создании карьеры, необходимо исходить из того, что информация в социальных сетях в профессиональном срезе имеет важное значение и прямым образом определяет стратегию поведения как соискателей вакантных должностей, так и работодателей [3]. Данные ряда исследований свидетельствуют, что использование социальных сетей на рабочем месте способствует усилению обмена знаниями между пользователями. В итоге расширяется распространение специализированных знаний, а также происходит улучшение деятельности по управлению проектами, устранение границ, ликвидация замкнутости, повышается уровень взаимодействия, что, в свою очередь, помогает создать более высококвалифицированных и знающих работников [4; 5].

Материал статьи основан на результатах опроса 380 респондентов, в котором использовалась квотная выборка с разделением по половозрастному

составу населения. Было опрошено 163 мужчин (18-29 лет – 37 чел.; 30-49 лет – 68 чел.; 50-59 лет – 24 чел. и старше 60 лет – 34 чел.) и 217 женщин (18-29 лет – 49 чел.; 30-49 лет – 78 чел.; 50-59 лет – 32 чел. и старше 60 лет – 58 чел.) [6]. Исследование было проведено с января по март 2023 г. в г. Казани с использованием метода анкетирования. Цель исследования заключалась в изучении роли социальных сетей в создании карьеры и профессиональном развитии.

Согласно полученным данным, большинство опрошенных придерживается мнения, что роль социальных сетей для построения карьеры и развития личностного бренда будет только усиливаться (53,1 %). Данного мнения чаще придерживались респонденты, которые уже имеют или находятся в процессе получения высшего образования. Примерно одна пятая часть опрошенных либо затруднилась сделать прогноз, либо планирует оставить социальные сети как инструмент общения с друзьями и близкими, а не для профессиональных целей (18,8 и 17,7 %). Одна десятая часть участников опроса позиционируют соцсети только как инструмент развития личностного бренда, но не построения карьеры (10,4 %) (рис. 1).

Картина времени, которое проводят респонденты в социальных сетях в рамках профессиональной деятельности, выглядит следующим образом. Лидером среди ответов стал вариант «более 2 часов

в день» (51 %). Четверть участников опроса ответила «1-2 часа в день» (26 %), тогда как одна пятая часть опрошенных проводит в социальных сетях менее часа в день (23 %) (рис. 2).

За последние несколько лет социальные сети развивались достаточно быстро, с каждым днём появляется всё больше и больше новых площадок. Согласно данным опроса, наиболее популярными площадками для построения карьеры и профессионального развития являются ВКонтакте, Telegram (55,2 и 67,7 %).

Было выявлено, что большая часть опрошенных регулярно вступает в сообщества с целью получения новых знаний в своей профессиональной сфере (50 %). Каждый третий использует социальные сети исключительно в личных целях (30,2 %). Около трети респондентов используют социальные сети как площадку для публикаций собственных профессиональных достижений (27,1 %). Примерно четверть респондентов вступает в группы для поиска и связи с единомышленниками (24 %) (рис. 3).

Также респондентам был задан вопрос о том, как социальные сети могут помочь им в построении карьеры. Согласно полученным данным, 68,8 % опрошенных сказали, что именно социальные сети дают возможность установить контакты с потенциальными работодателями и коллегами, что может способствовать получению новых возможностей в карьере. О том, что они позволяют делиться своим профессиональным опытом и знаниями с другими людьми, что, в свою очередь, расширяет круг профессиональных контактов, высказались 59,4 % участников опроса. Могут помочь в развитии навыков самопрезентации и личного брендинга, что может сделать более привлекательным для работодателей, такой ответ прозвучал у 54 % респондентов. И только 1 % отрицает возможность такой помощи (рис. 4).

Согласно полученным данным, самым просматриваемым контентом являются видеоуроки по профессиональным навыкам (60,4 %). На втором месте – статьи и публикации на профессиональные темы (57,3 %). Половина респондентов просматривает темы по мотивации и личностному развитию (50 %). Примерно треть – вакансии и объявления о работе (30,2 %). Также присутствует использование социальных сетей в качестве мессенджеров (1 %).

Помимо вышеперечисленного были даны свои варианты ответов: «социальные сети помогают ис-

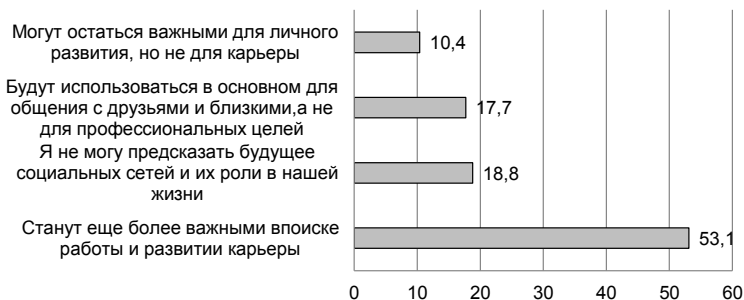

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Какую роль социальных сетей вы видите в будущем для построения карьеры и личностного развития?»

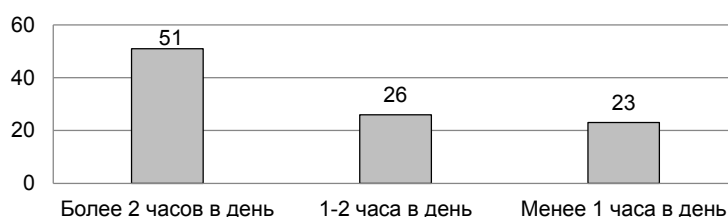

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Сколько времени вы обычно проводите в социальных сетях в рамках профессиональной деятельности?»

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Как вы используете социальные сети в своей карьере и личностном развитии?»

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Как социальные сети могут помочь в построении карьеры?»

ключительно в общении с коллегами по работе, но никак не для получения новых знаний», «это боль-

ше инструмент для развлечений, чем для профессионального развития», «присутствует недоверие информации в социальных сетях, поэтому ее не всегда можно использовать в профессии» (1 %) (рис. 5).

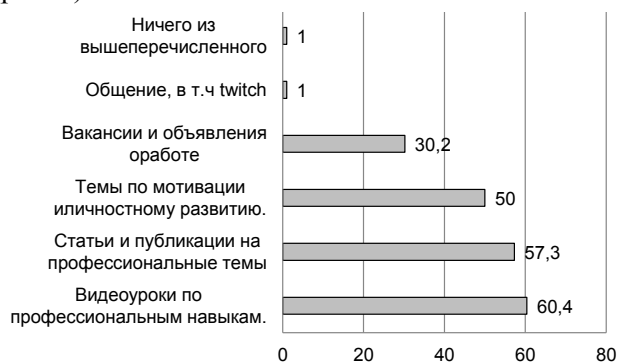

Рис. 5. Ответы на вопрос: «Какой тип контента в социальных сетях вы считаете наиболее полезным для профессионального развития?»

Занимаясь развитием своего аккаунта в социальных сетях или подписываясь на различные группы, публикующие контент в рабочей сфере, люди расширяют круг профессиональных знакомств. Респондентам было предложено оценить то, какую роль играют социальные сети в формировании контактов, расширяющих возможности в карьере. Около половины опрошенных считают, что соцсети сильно помогают расширять круг профессиональных контактов, что открывает новые карьерные возможности (49 %). Чуть меньшее число респондентов сказали, что интернет-сообщества помогают, но не являются решающим фактором (44,8 %). И только 6,2 % опрошенных считают, что социальные сети не играют важной роли в этом.

Профессиональные соцсети – это ресурс, который вмещает в себя большое количество информации по различным профессиональным областям и предоставляет возможность построения коммуникации с другими пользователями. Границы данной коммуникации достаточно обширны и варьируются от материалов по интересующей профессиональной тематике до возможности делиться своим опытом, принимать участие в профессиональных дискуссиях и вступать в профессиональные диалоги.

В целом социальные сети играют важную роль в создании карьеры, и многие используют их для поиска работы, нахождения новых возможностей и контактов в своей отрасли. Благодаря социальным сетям, люди могут узнавать о новых трендах, развивать свои профессиональные навыки и повышать свою квалификацию. Согласно результатам опроса, роль социальных сетей для построения карьеры и развития личного бренда будет только усиливаться.

Каждый второй опрошенный регулярно вступает в группы и сообщества с целью получения новых знаний в своей профессии, и время использования

социальных сетей превышает более 2 часов в день. Установка контактов с потенциальными работодателями и коллегами, обмен профессиональным опытом и знаниями с другими людьми и расширение круга профессиональных контактов представляют собой ведущую тройку основных задач, для решения которых используются социальные сети.

Приоритетными в профессиональном контенте выступают видеоуроки, статьи и публикации. Также популярностью пользуются темы по мотивации и личностному развитию. Ведущими площадками для использования в профессиональной сфере являются ВКонтакте, Telegram. Занимаясь развитием своего аккаунта в социальных сетях или подписываясь на различные группы, публикующие контент в рабочей сфере люди расширяют круг профессиональных знакомств, открывают новые карьерные возможности.

Литература:

1. Digital 2023: статистика аудитории интернета и соцсетей в России. – URL: <https://www.prstudent.ru/research/digital-2023-statistika-auditorii-interneta-i-socsetej-v-rossii> (дата обращения: 20.07.2023).
2. Social Media Networks That Will Actually Improve Your Life // medium. – URL: <https://medium.com/swlh/social-media-networks-that-will-actually-improve-your-life-a253c4dd546a> (дата обращения: 07.05.2023).
3. Чуднова О.В. Особенности использования социальных сетей для поиска сотрудников на региональном рынке труда. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2016/03/6565> (дата обращения: 07.05.2023).
4. Top 7 Impacts of Social Media: Advantages and Disadvantages // simplilearn. – URL: <https://www.simplilearn.com/real-impact-social-media-article> (дата обращения: 07.05.2023).

5. Николаева Г.Н., Перекрестова В.А., Перекрестов А.Е., Фурсова П.В. Влияние профиля в профессиональной социальной сети на развитие карьеры специалиста // Известия Байкальского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 60–68.
6. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2021 г. – URL: <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 07.05.2023).

The Role of Social Networks in the Creation and Development of a Professional Career

Makhiyanova A.V.
Kazan State Power Engineering University

The article presents material on public opinion polls that reveal the role of social networks in career building and professional development. The time costs, the most popular sites and the type of content and its internal content that are used for professional development are demonstrated. Methods and forecasts regarding the impact of social networks on career growth are shown.

Key words: social networks, career, professional development

УДК 316.2, 316.7

Дискурс-анализ в дискурсивном поле современного города***Савченко И.А.**

Доктор социологических наук, профессор Департамента философии и социальных наук, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Трубина Н.А.

Кандидат философских наук, доцент Департамента философии и социальных наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета

Дано обоснование дискурсивной природы города, обусловленной непрерывной коммуникацией и взаимодействием дискурсивных полей в условиях города. Представлено развитие города в поле дискурсивных практик и социальной коммуникации. Показано, что в современных урбанистических исследованиях актуальными семантическими единицами являются город как дискурс и город как текст, понимание которых на данный момент не имеет комплексного методологического обоснования. Изучены научные подходы в дискурс-анализе, имеющие значение для изучения объектов в области социальных и лингвистических исследований. Раскрыт методологический потенциал дискурсивного метода в изучении различных аспектов городской жизни.

Ключевые слова: город, дискурс-анализ, дискурсивное поле города, метод, методология, текст, урбанистика, целостность, знание

Современная урбанистика фундирует множество герменевтических подходов к понятию «город», один из которых получает в настоящее время широкое распространение в социогуманитарной и лингвистической областях познания. Речь идет о понимании города как текста. В.Л. Глазычев в статье «Город на все времена» обозначил главную качественную характеристику города, которая обусловлена наличием «самосознающего сообщества, способного выступать как сложная сеть групп, клубов, сил давления, имеющих законные формы выразить свои мнения публичным образом, вырабатывающих собственную культурно-экономическую политику» [1]. Развитие современных городов ста-

новится возможным благодаря главному ресурсу – жизненному миру горожан, который в структуре урбопространства образует взаимодействие социальных групп, обеспечивая тем самым генерацию смыслов, выраженных в диалогах и дискурсивных практиках городских сообществ. В этом смысле город осуществляет смыслопорождающую деятельность, образует систему социолингвистических структур – языковые сообщества и представляет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288>.

собой масштабный развивающийся «текст», символическое содержание которого требует особого методологического «прочтения». Отсюда понятно, что город, с одной стороны, является продуктом определенной дискурсивной практики, с другой – «фабрикой дискурсов» и средоточием дискурсивных полей. Кроме того, интерпретация «города-текста» конкретизируется смыслами, которые формируются в городской среде и представляют собой синкретизм значений пространственного (событийно-духовная жизнь) и территориального (культурный ландшафт) содержания.

Посредством интеллектуальных и коммуникационных переменных в рамках городского дискурса формируются дискурсивные поля, объединяющие социальные группы, социокультурные общности и социально-экономические слои. Динамичные принципы бытия города способствуют увеличению его смыслового содержания, изучение которого осуществляется в разных областях познания. Диапазон разрозненных знаний о городе расширяется пропорционально самой дискурсивной составляющей города. Городские исследования лишены единого вектора в понимании дискурса города ввиду отсутствия комплексного метода, который бы позволил интегрировать множество подходов, концептуально определить направленность будущих эмпирических социологических исследований.

Учитывая релятивную специфику обозначенного подхода к пониманию города-текста и трактовке дискурса, целью статьи является выявление потенциала существующих методов дискурс-анализа, которые позволили бы концептуализировать применение коммуникационно-когнитивных практик изучения урбопространства и обеспечить комплексное понимание дискурса города.

В современной методологии социально-гуманитарных наук закрепился метод дискурс-анализа, посредством которого осуществляется изучение объектов, имеющих значения «текста», «речи», «коммуникации», проводятся исследования как диалогических, так и монологических текстов. Метод дискурс-анализа имеет широкую область применения при изучении различных видов коммуникации: от естественной речи до идеологической, политической, межкультурной, массовой, экономической, медицинской, педагогической.

Дискурс-анализ имеет методологический потенциал для обоснования и концептуализации городского дискурса.

Полученные результаты: потенциалы дискурс-анализа в городских исследованиях. Этимологически понятие «дискурс» восходит к позднелатинскому слову *discursus*, в котором приставка *dis* означает «разделение». Корень *cur* означает «быстрое движение», «маневр», «суету, круговорот». *Cursus* значит «курс» [2, с. 128], иносказательно – «беседа», «раз-

говор», в широком смысле – речь, процессы языковой деятельности. В своем историческом развитии понятие дискурса сменяло разные интерпретации в соответствии с векторами общественных интересов и динамики. Так, в период позднего Средневековья и Нового времени, в период стремительного развития науки получили распространения такие значения, как «объяснение», «довод», «аргумент», «логически стройное рассуждение», «научная дискуссия». Позже понятие обрывает значениями как «особый жанр сочинений», «систематическое изложение заранее заданной темы». Производные термины «дискурсивность», «дискурсивный» в логике и философии приобрели значения «логическая упорядоченность», «формальная опосредованность» [2, с. 128–129].

Теоретические основы дискурс-анализа сформировались благодаря конгломерату идей из разных научных дисциплин: лингвистики, антропологии, прагматики, когнитивной психологии, социолингвистики. Существенную роль в развитии теории дискурса сыграли идеи постструктуралистов: М. Фуко [3], Р. Барта [4; 5], Ж. Деррида [6], Ж. Лакана [7], Ж.Ф. Лиотара [8]. В современной отечественной науке теоретические исследования дискурса и возможности его методологического применения к различным объектам представлены в социальных и лингвистических областях трудами В.Е. Чернявской, которая исследует научный дискурс, используя лингвистические инструменты [9], О.А. Байша, творчество которой сфокусировано на выявлении различных дискурсивных переломов в России и на постсоветском пространстве [10], И.С. Душакловой, занимающейся вопросами реконструирования медиафреймирования в современных СМИ [11].

Актуальность применения метода дискурс-анализа в междисциплинарных исследованиях обусловлена рядом причин: обращением к использованию естественного языка, находящемуся в отношении комфорта с абстрактными языковыми системами; необходимостью исследовать не только слова и предложения, но и более объемные языковые единицы, такие как дискурсы, тексты, коммуникативные события; адресацией к невербальным аспектам коммуникации, которые ранее не представляли интереса в качестве объектов социолингвистических исследований; интеграцией в лингвистическую сферу коммуникативных интеракций и процессов; изучением языка в контексте социального, культурного и когнитивного содержания [12].

Дискурс-анализ представляет собой концептуальное семейство методов, инструментов и теорий, которые позволяют концептуализировать использование коммуникационно-когнитивных практик в рамках городского пространства для категоризации окружающего мира и производства локальных значений. Предполагается, что социальная группа

во многом зависит от дискурсивных моделей поведения, благодаря которым происходит категоризация мира и передача возможных категорий и способов поведения между (предполагаемыми) членами городской группы. Обратимся к сложившимся концепциям дискурс-анализа, для обнаружения их методологического потенциала в исследовании городского дискурса.

Одна из таких концепций принадлежит Э. Лакло и Ш. Муффу, которые полагают, что значения формируют социальный мир. Значение не может быть постоянным, поэтому и дискурс, в рамках которого эти значения формируются, не может быть постоянным. Дискурс постоянно претерпевает изменения в процессе борьбы с другими дискурсами [13]. Положение превосходства одной дискурсивной позиции над другими можно охарактеризовать как парадигму общественного сознания. Отсюда следует, что дискурсы образуют взаимодействие и бытие социума города, определяя содержание и направленность общественного сознания.

Для концептуализации города-текста релевантными окажутся приемы критического дискурс-анализа, которые разработал Н. Фейрклаф, где ключевым понятием становится интертекстуальность. Поскольку дискурс подлежит постоянным изменениям, которые образуются не на пустом месте, а имеют причины и предпосылки, заключенные в другом дискурсе, то в результате анализа становится возможным отслеживание способов формирования конкретного дискурса и его отличительных особенностей [14, р. 215]. В целом, критический дискурс-анализ Н. Фейрклафа имеет методологический потенциал в познании дискурсивных изменений социальных феноменов в пространстве города.

Концепция «дискурсивной психологии», разработанная Дж. Поттером и М. Уезерел, построена на постулате о конструировании психологических феноменов личности в процессе коммуникативных контактов с социумом. Идентичность личности исключительно складывается в социальных условиях, обусловленных дискурсом. Дискурс основывается на принципах, которые характеризуют его социально-значимые функции: принцип конструктивности обуславливает конструирование дискурса словами, который в свою очередь конструирует социальную реальность; принцип интенциональности ориентирует дискурс на социальные практики; принцип ситуативности дифференцирует каузальность дискурсивных процессов от коммуникативных, институциональных, риторических ситуаций [15]. Отдельные приемы дискурсивной психологии могут применяться для понимания того, каким образом в пространстве города формируется и меняется личность в процессе социального взаимодействия. Люди являются продуктом дискурса, с одной стороны, но, с другой стороны, они сами формируют особые формы

социального взаимодействия. Дискурсивная практика города не только выражает опыт, но он и конструирует опыт и психологическую реальность личности.

Анализируя цифровую трансформацию городской среды, можно отметить, что городской дискурс модифицируется в новых условиях. Для изучения городского дискурса и трактовки современной городской коммуникации как взаимодействия людей с людьми и людей с «не-людьми»: вещами, предметами, технологиями, символами, которые выступают в качестве акторов, целесообразным будет обращение к акторно-сетевой теории, разработанной Б. Латуром, объясняющей существование социума по принципу изменения сетей отношений [16].

Применительно к исследовательской проблематике интерес представляют также идеи представителей отечественной гуманитарной науки, разрабатывающих методологию дискурс-анализа в контексте социальной эпистемологии и социальной философии науки. Так, И.Т. Касавин рассматривает дискурс как «живую знаково эпистемическую реальность», которая, наряду с текстом и контекстом, реализует себя в пространственной синхронности и динамической темпоральности [17, с. 310]. Данная концепция приводит к пониманию, что коммуникация, которая объективно реализует себя в пространстве, обретает временную направленность, когда обеспечивает когнитивный транзит между поколениями и через поколения (посредством артефактов городской жизни, науки, образования, произведений литературы и искусства). В то же время транзит знания во времени и пространстве города имеет коммуникативную основу.

Безусловно, мы только начинаем осознавать потенциалы дискурс-анализа для исследования феноменов городской жизни. Систематизация рассмотренных исследований позволяет сформировать комплексное видение городского дискурса, методологически дополнить изучение дискурсивных полей города в рамках такого нового направления в гуманитарной науке как эпистемологическая урбанистика [18].

Таким образом, дискурсивный метод изучения города является одним из наиболее продуктивных в плане теории и практики, хотя и не исключающим иные перспективные направления городских исследований. Дискурс-анализ – один из примеров культуроцентристского подхода к изучению территорий [19], поскольку изучает город как живой организм, способный к коммуникации и культурному воспроизводству [20]. Изучение города в рамках координат городского дискурса – как когнитивно-коммуникативной целостности – станет новым этапом развития российской урбанистики. Особенно актуальным такой подход становится в цифровой век, когда знание, способы его приобретения и трансляции, различные варианты информационного обмена становятся основным капиталом и маркерами эффективного развития.

Литература:

1. Глазычев В.Л. Город на все времена. – URL: http://www.glazychhev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm?ysclid=lm95v8z52t133886477 (дата обращения: 05.09.2023).
2. Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 128–143.
3. Фуко М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная академия, 2012. – 415 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Барт Р. Семиология и градостроительство // Современная архитектура. – 1971. – № 1. – С. 7–10.
6. Деррида Ж. О грамматики / Пер. с франц., вст. ст. и ком. Н.С. Автономовой. – М.: Ad marginem, 2000. – 512 с.
7. Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan: The Other Side of Psychoanalysis. – Book XVII. – 1st edition. – W.W. Norton & Company, 2007. – 224 p.
8. Lyotard J.F. Discourse, Figure. – 1st edition. – Univ Of Minnesota Press, 2011. – 512 p.
9. Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – URSS, 2017. – 144 с.
10. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайда. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2021. – 184 с.
11. Душакова И.С. Почему не верят опросам, или как фреймируются результаты опросов общественного мнения в современных российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6 (160). – С. 30–52.
12. Van Dijk Teun A. Discourse and Context: A sociocognitive approach. – Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
13. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony And Socialist Strategy: Towards A Radical Democratic Politics (Radical Thinkers). – 2nd ed. Edition. – Verso, 2014. – 200 p.
14. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language (language in social life). – Addison-Wesley, 1995. – 265 p.
15. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. – London: Sage, 1987. – 216 p.
16. Латур. Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014. – 384 с.
17. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.
18. Савченко И.А., Козлова Ю.В. «Право на свой город»: проект эпистемологической урбанистики // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59. – № 3. – С. 185–201.
19. Миркушина Л.Р., Дианов С.А., Чегодаев В.П., Бовкун А.С. Культуроцентризм как фактор устойчивого развития уральских поселений в XXI веке // Устойчивое развитие горных территорий. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 398–407.
20. Савченко И.А., Батаев Д.К.-С., Даукаев А.А., Батаева П.Д. Востановление городских памятников: ресурсный потенциал Северного Кавказа // Устойчивое развитие горных территорий. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 431–441.

Discourse Analysis in the Discursive Field of a Modern City

Savchenko I.A.

Moscow City Pedagogical University,
Linguistics University of Nizhny Novgorod

Trubina N.A.

Moscow City Pedagogical University

The substantiation of the qualitative characteristics of the city is given, due to the presence of an urban community in continuous communication and interaction. The development of the city in the field of discursive practices and social communication is presented. It is indicated that in modern urban studies, the relevant semantic units are the city as a discourse and the city as a text, the understanding of which is devoid of a complex methodological basis. The scientific approaches of discourse analysis that are important in the study of objects in the field of social and linguistic research are presented. The methodological potential of the discursive method in the study of various aspects of the discourse of the city is revealed.

Key words: city, discourse analysis, discursive field of the city, method, methodology, text, urbanism, integrity, knowledge

УДК 659.4

Использования мессенджера *Telegram* как канала коммуникации органов местного самоуправления с молодежью

Фатыхова Д.Р.

Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Зиятдинова Э.М.

Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье представлено исследование коммуникационной деятельности органов местного самоуправления тринадцати российских городов-миллионников в сети Интернет на примере мессенджера Telegram. На основе контент-анализа публикаций, размещенных на официальных аккаунтах органов местного самоуправления городов-миллионников данного сервиса, делается вывод о возможностях его использования при планировании долгосрочной стратегии взаимодействия муниципалитетов с молодежью в Интернете.

Ключевые слова: PR, органы местного самоуправления, мессенджер Telegram, имидж, молодежь

Сегодня социальные медиа как канал коммуникации претендуют на информационное лидерство. По данным исследования *Global Digital 2023* г., ими пользуются 73 % населения России или 106 млн чел. [1]. Кроме того, закономерно, что основными пользователями социальных медиа является молодое поколение. В целом, молодежь по праву можно считать цифровым поколением: доля интернет-пользователей в возрастной группе 18–24 лет – 66 %, 25–34 года – 52 % [2].

Согласно результатам измерения интернет-аудитории компанией *Mediascope*, в первом квартале 2023 г. Telegram по охвату аудитории в дневное время занял пятую строчку среди российских интернет-ресурсов: более 40 % населения пользуются им ежедневно, более 60 % – минимум раз в месяц [3]. Прирост аудитории в Telegram в 2023 г. наблюдается у всех возрастных групп, в том числе в средних и старших группах. При этом, согласно данным *Mediascope*, данный мессенджер стал ос-

новным интернет-ресурсом для молодежной аудитории.

В связи с этим присутствие в Telegram целевой аудитории, удобный и оперативный формат работы делает его привлекательной коммуникационной «площадкой» для государственных органов и органов местного самоуправления. Несмотря на то что только две социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» определены в качестве информационных систем для их обязательного присутствия и создания госпабликов [4]. Данный канал связи позволяет не только информировать подписчиков в формате коротких сообщений об актуальных задачах, проектах муниципальных властей, но и получать «обратную связь», которая способна нести положительную и негативную коннотацию, сигнализировать о проблемных, конфликтных ситуациях, связанных с жизнедеятельностью в границах муниципальной территории.

Поэтому присутствие на «площадке» социальных медиа органов местного самоуправления ста-

новится возможностью обеспечения информационной прозрачности их политической и хозяйственной деятельности, формирования обратной связи с жителями муниципальной территории, в том числе с представителями молодого поколения (возрастная группа 12–24 лет), которые составляют 13 % от всего населения страны – 19,3 млн чел. [5].

Именно с целью определения востребованности мессенджера Telegram как транслятора имиджевых характеристик органов местного самоуправления (далее – МСУ) среди молодой аудитории авторами статьи было проведено исследование официальных аккаунтов органов МСУ городов-миллионников в Telegram в период с 1 января по 1 апреля 2023 г.

В рамках исследования были рассмотрены аккаунты тринадцати муниципалитетов: Казань (https://t.me/kzn_official), Воронеж (https://t.me/adm_vrn), г. Екатеринбург (нет), Новосибирск (https://t.me/nsk54_official), Нижний Новгород (<https://t.me/s/admgornn>), Челябинск (<https://t.me/s/chelmeria>), Самара (https://t.me/adm_samara), Омск (<https://t.me/s/omskonelove>), Ростов-на-Дону (https://t.me/Rostov_Gorod_Admin), Уфа (<https://t.me/ufacityinfo>), Красноярск (https://t.me/s/adm_krasnoyarsk), Пермь (<https://t.me/permadmin>), Волгоград (<https://t.me/volgadmin>).

Сам мессенджер Telegram был запущен в 2013 г. Сегодня он является «гибридным» сервисом, сочетает функции мессенджера и социальной сети: пользователи обмениваются сообщениями и потребляют контент, публикуемый в каналах. Среди тематик каналов преобладает общественно-политическая направленность: новости о политике, СВО. Однако представители возрастной группы 18–24 больше интересуются развлекательными блогами [6]. Например, аудитория популярных каналов составляет: «Леонардо Дайвинчик» – 2 320 747 подписчиков, «ТОПОР-горячие новости» – 1 231 067 [6].

За исследуемый период выявлены следующие показатели ведения официаль-

ных аккаунтов российских городов-миллионников в Telegram (табл. 1).

Представленная информация в таблице свидетельствует о невысокой популярности телеграмм-каналов данных городов. Их условно можно поделить на три группы:

1. Лидеры по использованию мессенджера Telegram как канала коммуникации с населением, местным сообществом – Казань, Уфа, Волгоград;

2. Заинтересованные администрации развивать свои аккаунты в Telegram – Омск, Красноярск, Новосибирск;

3. Новички – Воронеж, Нижний Новгород, Самара, Челябинск, Ростов-на-Дону, Пермь.

Лидирующей тематикой сообщений в рассмотренный период были вопросы, связанные с совершенствованием системы ЖКХ, состоянием дорог и уборкой снега, совершенствованием транспортного

Таблица 1
Показатели ведения официальных аккаунтов российских городов-миллионников в Telegram

Город, паблик	Общее количество публикаций (01.01-01.04.2023)	Количество подписчиков	Средний охват одной публикации, %	Количество публикаций, в которых главе муниципального образования принадлежит «главная роль»
Казань (Мэрия Казани)	315	10 670	43	72
Воронеж (Администрация Воронежа)	233	2 265	55	72
Новосибирск (мэрия Новосибирска)	110	3 025	52	1
Нижний Новгород (мэрия Нижнего Новгорода)	326	1 084	32	70
Челябинск (Администрация Челябинска)	95	1 537	45	0
Самара (Администрация Самары)	760	1 996	34	37
Омск (Администрация города Омска)	341	4 151	30	140
Ростов-на-Дону (Администрация города Ростова-на-Дону)	285	1 936	33	32
Уфа (город Уфа)	528	9 107	31	90
Красноярск (город Красноярск)	450	3 229	39	8
Пермь (Пермь Первая)	162	643	39	82
Волгоград (Администрация Волгограда)	232	8 826	34	23

обслуживания, проведением культурных мероприятий и поддержкой бизнеса. Приоритет данных тем объясним, поскольку именно муниципалитетам отводится решающая роль по обеспечению вопросов благоустройства и ведения городского хозяйства, социально направленной деятельности, продуцирование большого потока значимой для всех возрастных групп информации [7, с. 332].

Отдельной темой в информационной политике администраций является относительно новая тема, связанная с вопросами помощи участникам СВО и их семьям. Так, за рассмотренный период в официальном аккаунте Администрации г. Самары сообщений, связанных с этой темой, – 38, г. Ростова-на-Дону – 14, г. Уфа – 11, г. Омск – 9, г. Казань – 8, г. Воронеж – 8.

Очевидно, что в общем объеме контента, который размещается в официальных аккаунтах администраций, отдельное внимание должно быть отведено фигуре Мэра, главы города. Активная позиция Мэра (мэр лично все контролирует, выезжает на объекты, взаимодействует с гражданами) представляет его как «крепкого хозяйственника» и работает не только на его собственный имидж, но и в целом «очеловечивает» систему институтов власти. Кроме того, посты с активной позицией мэра, как правило, привлекают больше внимания подписчиков, вызывают реакцию в форме лайков и комментариев [8, с. 347]. При этом не все изучаемые города используют данный инструмент в информационных кампаниях. Например, в официальных сообщениях в *Telegram* таких городов, как Новосибирск и Екатеринбург, за анализируемый период активная позиция первого лица практически не присутствует (Челябинск – 0, Новосибирск – 1 сообщение, Красноярск – 8 сообщений).

В то же время в процессе анализа было выявлено, что у многих глав рассматриваемых городов ведутся собственные персональные страницы в мессенджере (главы г. Ростова-на-Дону (https://t.me/logvinenko_rnd), г. Уфа, г. Нижний Новгород (https://t.me/yuriy_shalabaev), г. Омск (https://t.me/shelest_sn) и другие), в котором они также рассказывает о своей детальности и событиях жизни города. У администрации г. Екатеринбурга вообще нет собственного аккаунта в *Telegram*. В свою очередь, глава Екатеринбурга Алексей Орлов открыл свой официальный телеграм-канал и успешно ведет его с 9 мая 2022 г. (<https://t.me/glavaekbofficial>, 3 147 подписчиков). Личные каналы глав имеют намного больше подписчиков, если сравнивать с каналом администрации, посты получают больше отклика и реакций (например, мэрия Омска – 4 151 подписчиков, аккаунт главы города – 6 088 подписчиков). Зачастую очевидно, что и каналы администраций, и каналы глав ведутся одними и теми же структурами в лице специалистов пресс-служб или инфор-

мационных отделов администраций. Так, например, в *Telegram* канале г. Пермь за исследуемый период большинство постов – это репосты с *Telegram*-канала мэра Перми Алексея Демкина.

Полученные результаты в ходе проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что *Telegram* как относительно новый канал двусторонней коммуникации приживается в деятельности изучаемых муниципальных образований с разной степенью интенсивности. Лишь отдельные муниципалитеты из числа изученных используют преимущества данного сервиса при взаимодействии с общественностью, большинство находится на «стартовой позиции». Следует отметить непонимание с их стороны специфики публикации контента в *Telegram*, отсутствие адаптации контента под запросы, интересы пользователя с применением привлекательной для аудитории формы подачи PR-сообщения. В то же время в части взаимодействия с молодой аудиторией аккаунтам органов МСУ в *Telegram* сложно конкурировать с развлекательными блогами, быть для них источником востребованной информации. Вряд ли удастся переломить ситуацию и стать для этой категории населения транслятором имиджевых характеристик местной власти.

Литература:

1. Global Digital 2023 // Интернет-портал. – URL: <https://datareportal.com/> (дата обращения: 20.06.2023).
2. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 20.06.2023).
3. Исследовательская компания Mediascope. – URL: <https://mediascope.net/news/1601603/> (дата обращения: 20.06.2023).
4. Распоряжение правительства Российской Федерации от 02.09.22 г. № 2523-р. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050038>.
5. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

6. Сервис аналитики и статистики Телеграм-каналов. – URL: <https://tgstat.ru/ratings/channels/entertainment/public?sort=members> (дата обращения: 20.06.2023).
7. Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р. Специфика PR-деятельности российских органов местного самоуправления в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2021. – Т. 21. – Вып. 3. – С. 331–334.
8. Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р. Имиджевые характеристики субъекта политического процесса – органов МСУ российских городов-миллионников: анализ социальных медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – № 3. – С. 344–349.

Using the Telegram Messenger as a Communication Channel of Local Governments with Young People

***Fatykhova D.R., Ziyatdinova E.M.
Kazan (Volga Region) Federal University***

The article presents a study of the communication activities of local self-government bodies of thirteen Russian cities with millions on the Internet, using the example of the Telegram messenger. Based on the content analysis of publications posted on the official accounts of the municipal self-government bodies of the cities with millions of this service, a conclusion is made about the possibilities of its use in planning a long-term strategy of interaction between municipalities and young people on the Internet.

Key words: PR, local governments, Telegram messenger, image, youth

УДК 316.62

Влияние пандемии COVID-19 на отношение россиян к ценности здоровья**Фролова Н.А.**

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры логики, философии и методологии науки
Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

Ларина Л.Ю.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры логики, философии и методологии науки
Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

Статья посвящена анализу изменений, произошедших у российского населения по отношению к своему здоровью под влиянием пандемии COVID-19. Авторы используют большой массив эмпирических данных, полученных за период 2020–2022 гг., и делают вывод об увеличившемся за время пандемии количестве российских граждан, ответственно относящихся к своему здоровью.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, отношение к здоровью, ценность, оценка, российское население

Пандемия COVID-19, будучи очередным современным вызовом для человечества, коснулась не только всех сторон общественной, но и личной жизни людей, побудив пересмотреть каждого человека свое отношение к здоровью и его ценности.

«Отношение к здоровью» – одна из современных социологических категорий, включает в себя совокупность ценностно-мотивационных установок, регулирующих взаимоотношения личности, общества и культуры, и выражается в оценке человеком своего собственного здоровья и его ценности, а также в готовности совершать определенные действия по изменению его состояния.

Результаты отечественных исследований, которые ведутся уже несколько десятилетий, говорят о том, что здоровье населением рассматривается как ценность инструментальная, позволяющая достигать более значимых жизненных целей [1; 2]. Поэтому на первом месте среди мотивов заботы о здоровье стоит ухудшение здоровья. Исследователи говорят о том, что такая ситуация характерна для всех групп респондентов, независимо от демографических факторов: пола, возраста, места проживания.

Как правило, здоровье становится для людей объектом внимания и заботы только в ситуации его ухудшения, тем самым превращаясь в барьер для достижения значимых личностных и профессиональных целей. Потребность человека в физическом и социально-психологическом благополучии современными психологами считается одной из важнейших. Однако место, которое она занимает в мотивационной структуре личности, обусловлено влиянием таких факторов, как качество жизни, специфика деятельности, цели и устремления самого человека. Таким образом, можно сказать, что для определения ценности здоровья личностью могут использоваться разные критерии, «главным из которых следует признать самооценку состояния своего здоровья и прогнозирование личностью возможности осуществлять значимую деятельность, позволяющую иметь желаемое для нее качество жизни» [3].

Согласно опросу ВЦИОМ (2020 г.), 24 % опрошенных наряду с благополучием семьи назвали здоровье главной причиной, по которой они чувствуют себя счастливыми [4].

Ряд исследователей в доковидный период отмечали положительную динамику в оценке состояния своего здоровья жителями России. «В целом за 1994–2011 гг., – как отмечают П.М. Козырева и А.И. Смирнов, – доля респондентов, оценивающих свое здоровье позитивно (т.е. как хорошее или очень хорошее), выросла с 25,4 до 35 %» [2, с. 72].

Н.И. Белова отмечает, что для современного человека содержание понятия здоровья не ограничивается наличием или отсутствием болезни, но и включает возможность эффективно выполнять различные виды деятельности, обусловленные целым спектром социальных ролей, и высокую социальную мобильность [5]. Только в конце 2018 г. исследователи констатировали уменьшение позитивных и увеличение негативных самооценок, как следствия кризисных явлений в стране [2, с. 72].

В ходе исследований П.М. Козырева и А.И. Смирнов выявили корреляцию между самооценкой здоровья и степенью удовлетворенности человеком жизнью в целом, социальным самочувствием, оценкой жизненных перспектив. С возрастом усиливается зависимость оценки здоровья от социальных и психологических факторов. «Сегодня самооценка здоровья среднестатистического россиянина в возрасте до 30 лет, не испытывающего серьезных проблем со здоровьем, близка к отметке “хорошее”, тогда как по мере приближения к 50-летней возрастной границе оценка собственного здоровья снижается до среднего уровня, а после преодоления 60-летнего возрастного рубежа она прочно занимает промежуточное положение между отметками “плохое” и “среднее”» [2, с. 74].

По средней продолжительности жизни Россия занимает 97 место (из 101) среди других стран мира с показателем 73,2 года. В среднем мужчины живут 65,5 лет, женщины – 75,7 лет (данные на 2021 г.) [4]. Эти цифры известны практически каждому представителю взрослого населения страны, однако ситуация не меняется. Более того, 95 % россиян считают себя здоровыми, 72 % признались, что не посещают врача тогда, когда требуется, 64 % населения страны считает, что здоровый образ жизни – это «дорогое удовольствие» [6].

Исследования, проведенные социологами, показали, что пандемия и связанные с ней ограничения вплоть до самоизоляции привели к формированию у населения России новых поведенческих практик и социальных конвенций в отношении поддержания здоровья: о занятиях физкультурой и спортом заявили 42 % респондентов, об умеренной физической и двигательной нагрузке – 45 %, о занятиях йогой или другими восточными практиками – 9 %, рациональное и умеренное питание практиковали 52 %, принимали противовирусные препараты 21 % опрошенных, половина респондентов отказалась от курения и употребления алкогольных напитков [7, с. 70].

С целью изучения отношения жителей Орловской, Курской, Брянской областей к мерам по предотвращению эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19 авторами в 2021 г. было проведено социологическое исследование ($n = 300$ чел., квотная выборка, 56,3 % женщин и 43,7 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет). Опрос жителей трех городов Центрального федерального округа (Орел, Железногорск, Клинцы) показал, что помимо основных профилактических мер, как ношение маски и резиновых перчаток, мытье рук, опрошенные принимали противовирусные препараты и пили витамины (в совокупности 7,7 %). В случае подозрения на заражение коронавирусом 73,2 % респондентов готовы были обратиться к врачу, 46,6 % – пройти тестирование на наличие коронавируса.

Режим самоизоляции по различным причинам нарушали 51,1 % опрошенных: 43,8 % покидали свой дом в связи с работой, 21,9 % респондентов выходили на прогулки по городу, посещали друзей и родственников (14,1 %), 10,9 % посчитали режим самоизоляции ненужным и бесполезным. Большую часть нарушающих режим самоизоляции составляли люди в возрасте до 24 лет (свыше 40 %), т.е. молодежь, которая не хотела отказываться от своего привычного образа жизни, невзирая на опасность инфекционного заражения и возможность тяжелого протекания болезни.

Следует отметить, что жители России чаще всего использовали в период пандемии так называемые стереотипные практики поддержания здоровья. Объяснение данного явления заключается в том, что в общественном сознании россиян сформировалось такое представление о здоровом образе жизни, который включает: отказ от вредных привычек, активные занятия спортом и физкультурой, регулярную диспансеризацию. Поэтому респонденты (как и сами разработчики анкет) ориентировались на известные им социально одобряемые ответы.

Результаты, полученные исследовательским холдингом «Ромир» ($n = 3500$ чел.), показали, что 69 % россиян в 2021 г. стали больше внимания уделять своему здоровью. Доля женщин в числе тех, кто озабочен своим самочувствием, незначительно, но тем не менее оказалась выше доли мужчин: 71 и 67 % соответственно. Самой обеспокоенной состоянием своего здоровья группой оказались респонденты старше 75 лет, что и понятно: самая высокая смертность от коронавируса и его последствий отмечается именно в данной категории населения [8]. Причиной такого изменения отношения к своему здоровью, по мнению большинства опрошенных, стала пандемия COVID-19 (54 % мужчин и 53 % женщин). По словам директора *Romir Consumer Scan Panel* Ксении Пайзанской, пандемия сделала проблемы здоровья настолько значимыми, что здоровье попало в топ тем, которые волнуют россиян последние два года [8].

Результаты исследования, проведенного международной исследовательской компанией *Ipsos* при поддержке *Bayer* ($n = 1500$ чел., 2021 г.), свидетельствуют о том, что 72 % респондентов (от 21 года до 59 лет) определили свое отношение к здоровью как ответственное. 66 % опрошенных отметили, что за время пандемии окружающие их люди также стали относиться к своему здоровью более внимательно [8].

Под ответственным отношением респондентами понимается способность человека заботиться о состоянии здоровья и с помощью обращения за профессиональной медицинской помощью, и самостоятельно: 53 % считают, что могут сами оценить состояние своего здоровья.

Исследование показало, что в случае появления признаков болезни 59 % респондентов обязательно обращались к врачу, 66 % россиян самостоятельно выбирали для лечения и поддержания здоровья безрецептурные лекарственные средства, 46 % респондентов вели здоровый образ жизни [9]. По мнению директора Института экономики здравоохранения НИУ ВШЭ биолога Ларисы Попович, здоровье всегда входило в тройку самых важных ценностей россиян, но в условиях пандемии страх заболеть ковидом, заразить близких, оказаться без нужной помощи сделали эту ценность особенно значимой, первостепенной [10].

Российские врачи отмечают, что «уровень озабоченности своим здоровьем у пациентов вырос, симптомы, которые раньше не заставили бы пойти к врачу, сейчас у многих вызывают беспокойство, «если раньше пациенты просили более щадящего лечения, то сейчас, наоборот, требуют сразу назначать антибиотики», «клиенты больше прислушиваются к рекомендациям, открыты любым вариантам лечения» [10]. Сами респонденты в своих интервью говорили следующее:

Когда началась пандемия, я впервые пожалела о том, что пренебрегала диспансеризацией. В голове засела мысль: вдруг у меня есть какое-то заболевание и я в зоне риска? Оперативно стала записываться к врачам и проходить обследования! (Анастасия, 31 год).

Когда началась пандемия, любое недомогание стало вызывать беспокойство – чихнул пару раз и сразу мысли: а не ковид ли это, а выживу ли я!? (Станислав, 40 лет) [10].

По мнению респондентов – жителей Орловской, Курской и Брянской областей, пандемия «показала, что здоровье – это сфера личной ответственности человека», «научила более внимательно относиться к рекомендациям врачей» (в доковидное время, как отмечают социологи, россияне если и обращались к врачу, то предписания его нередко не соблюдали, а врачам – не доверяли [11, с. 94]), «дала понять, что здоровье – это особо важная ценность человека, отсутствие которой ничем не восполнить».

Заслуживают внимания и такие позиции респондентов: «пандемия показала неравенство людей в праве на здоровье, например, в нашем городе можно было сделать тестирование только в платных медицинских центрах», «сегодня сохранение здоровья – это задача для бедных людей трудная».

Анализ эмпирических данных позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, в условиях пандемии россияне, столкнувшись с угрозами собственному здоровью и здоровью близких, стали о нем чаще задумываться.

Во-вторых, пандемия, к сожалению, не стала фактором, способным нивелировать противоречие между довольно высоким уровнем значимости здоровья как ценности и реальным поведением россиян по его сохранению. Социолог Е.Н. Новоселова приводит такие данные: около 40 % респондентов разного возраста говорят о том, что постоянно заботятся о своем здоровье, и около 50 % делают это лишь иногда [11, с. 90].

В-третьих, несмотря на то, что пандемия COVID-19 актуализировала проблему формирования у населения страны культуры здоровья, россияне (особенно активная трудоспособная его часть) недооценивают значимость факторов риска для собственного здоровья (включая пандемию), что приводит к возникновению на практике культуры нездоровья.

В-четвертых, при всех особенностях «русского характера», склонного к пассивности и инфантилизму (по некоторым данным каждый десятый респондент ничего не делал для поддержания здоровья в период пандемии), количество российских граждан, ответственно относящихся к своему здоровью, за время пандемии все-таки увеличилось. Так, например, согласно данным ВЦИОМ, количество мужчин, обращающихся за медицинскими услугами, увеличилось на 20 % (в 2019 г. мужчины в два раза реже женщин обращались за врачебной помощью) [10].

Литература:

1. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. – М.: Наука, 2006. – 238 с.
2. Козырева П.М., Смирнов С.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. – 2020. – № 4. – С. 70–81.

3. А если вакцинацию сделают обязательной: – URL: [https://www.advgazeta.ru/ag-expert/news/a-esli-vaktsinatsiyu-sdelayut obyazatelnoy](https://www.advgazeta.ru/ag-expert/news/a-esli-vaktsinatsiyu-sdelayut-obязatelnoy) (дата обращения: 27.02.2023).
4. Индекс счастья 2020 // Сайт ВЦИОМ. 2020.16.11. – URL: <https://wciom.ru/an-alytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-2020> (дата обращения: 27.02.2023).
5. Белова Н.И. Здоровье и практики его сохранения/поддержания // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Науч. изд. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЦСПиМ, 2016. – С. 113–129.
6. Средняя продолжительность жизни в России. – URL: <https://novomoscow.ru/info/srednyaya-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-dinamika> (дата обращения: 02.04 2023).
7. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / Под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. – 248 с.
8. «Ромир»: 53 % россиян изменили отношение к своему здоровью из-за вспышки коронавируса. – URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 02.04 2023).
9. Исследование: как пандемия внесла коррективы в отношение к здоровью. – URL: <https://rusvrach.ru/node/6926?ysclid=leoh5uzzhz370925087> (дата обращения: 02.04 2023).
10. Уроки пандемии: как изменилось наше отношение к здоровью за последний год. – URL: <https://www.psychologies.ru/wellbeing/uroki-pandemii-kak-izmenilos-nashe-otnoshenie-k-zdorovyu-za-posledniy-god/?ysclid=leoh0157ej397488815> (дата обращения: 02.04 2023).
11. Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – № 27 (3). – С. 81–104.

The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Attitude of Russians to the Value of Health

*Frolova N.A., Larina L.Y.
Orel State University named after I.S. Turgenev*

The article is devoted to the analysis of the changes that have occurred in the Russian population in relation to their health under the influence of the COVID-19 pandemic. The authors use a large array of empirical data obtained for the period 2020–2022, and conclude that the number of Russian citizens who are responsible for their health has increased during the pandemic.

Key words: pandemic, COVID-19, attitude to health, value, assessment, Russian population

УДК 316

Самозанятость студенческой молодежи

Хизбуллина Р.Р.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

В статье произведена попытка рассмотреть сферы и мотивы самозанятой студенческой молодежи с позиции социологического анализа.

На основе обобщения данных исследований перехода на рынок труда молодых женщин и мужчин в странах Восточной Европы и Центральной Азии, полученных Международной организацией труда, и результатов авторского эмпирического социологического опроса студентов 1–4 курсов очной формы обучения сформулированы выводы о возможностях развития самозанятости молодежи в условиях государственной поддержки и введения специального налогового режима для самозанятых.

Ключевые слова: самозанятость, молодежь, самозанятость студентов, мотивы самозанятости, социологическое исследование

В настоящее время к самозанятым относятся сотрудники, которые самостоятельно реализуют трудовую и профессиональную деятельность на рынке товаров и услуг вне штата организации. Социальные практики самозанятости населения, «развиваясь преимущественно обособлено от формальных институциональных правил и норм, получают широкое распространение в трудовой сфере российского общества и становятся комплексным индикатором социально-экономических процессов» [1, с. 408].

Молодежь как социально-экономический потенциал страны всегда активно стремились к поиску путей трудовой, профессиональной и творческой самореализации. В данной связи, самозанятость – это одна из стратегий самоопределения молодежи на рынке труда. Часто самозанятыми становятся молодые люди, студенты, занимающие наиболее активную позицию на рынке труда. Именно эта категория населения чаще выбирает нестандартные формы занятости (удаленная работа, неполный рабочий день, самозанятость и т.д.) [2]. В современных социально-экономических условиях «распространенность молодежных практик самозанятости в сложившихся институциональных условиях имеет скорее позитивный эффект ввиду выраженной адаптационной функции. Вместе с тем стратегический подход

диктует необходимость исследований особенностей и структуры самозанятости молодежи в динамике, а также прогнозирования как последствий существующего статуса-кво самозанятости, так и результатов ее социального регулирования» [1, с. 413].

В качестве эмпирической базы представленного исследования были использованы результаты авторского социологического опроса, проведенного среди студентов 1–4 курсов очной формы обучения Казанского государственного энергетического университета (далее – КГЭУ) (анкетирование, $n = 400$, март–июнь 2023 г.). Цель социологического исследования – определение особенностей и причин распространения студенческой самозанятости. Также использованы результаты вторичного анализа данных исследования «Перехода на рынок труда молодых женщин и мужчин в странах Восточной Европы и Центральной Азии», полученных Международной организацией труда, 2015 г., г. Женева [3].

Результаты проведенного социологического опроса среди студентов КГЭУ показали, что для 60 % респондентов наиболее распространенным каналом заработка является Интернет: IT- и digital технологии (26 %), маркетинг и реклама в социальных сетях (23 %), он-лайн занятость на маркетплейсах (11 %). Согласно опросу, 10 % респондентов само-

заняты офф-лайн в области оказания услуг фото- и видеосъемки, 18 % в сфере бьюти-услуг, 7 % – оказывают услуги репетиторства, 5 % опрошенных затруднились с ответом и не выделили сферу самозанятости в отдельную категорию (см. рис. 1).

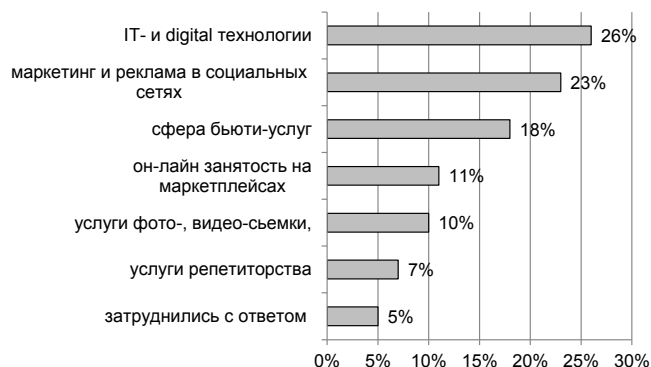

Рис. 1. Распределение сфер самозанятости студентов, %

Полученные данные отчасти коррелируют с результатами научных изысканий отечественных исследователей В.О. Коруновой, М.И. Прыгуновой, которые отмечают, что сегодня наблюдается рост заинтересованности самозанятости среди женщин, ориентированных на предоставление услуг в сфере красоты и здоровья, а также услуг репетитора [4].

Мотивы самозанятости среди опрошенных студентов сконцентрированы преимущественно вокруг стремления к материальной независимости (78 %), возможности развития профессиональных навыков (39 %), желаний монетизации хобби и творческих способностей (21 %), необходимости материальной помощи семье (13 %), другое – 3 % (см. рис. 2).

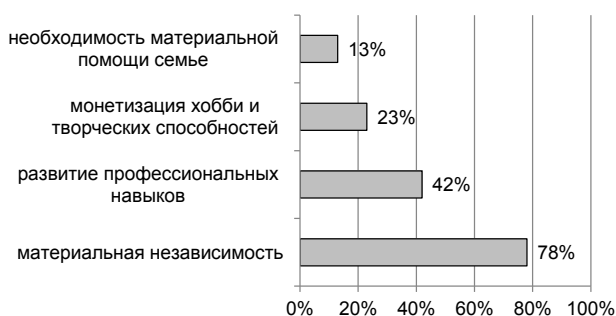

Рис. 2. Мотивы самозанятости студентов, % (множественные ответы)

В рамках авторского социологического опроса также были обозначены основные проблемы, с которыми сталкивается студенческая молодежь при реализации трудовой деятельности в качестве самозанятого: сложности совмещения работы и учебы – 68 %; нехватка времени на развитие дела – 65 %; сложности с самоорганизацией и самодисциплиной – 35 %; недостаточность правовых знаний в области предпринимательской деятельности самозанятых – 33 %; отсутствие навыков продвижения услуг – 25 % (см. рис. 3).

Рис. 3. Основные проблемы реализации трудовой деятельности в качестве самозанятого, % (множественные ответы)

Ограниченность свободного времени носит амбивалентный характер в структуре факторов молодежной самозанятости, поскольку вследствие первостепенной задачи посещения образовательных учреждений является одновременно и одной из основных проблем, затрудняющих реализацию предпринимательской деятельности студенческой молодежи в качестве самозанятых, но вместе с тем и «делает самозанятость особенно актуальной для молодежи, поскольку позволяет выстроить удобный график и зарабатывать во время обучения» [2].

Интересными для анализа представляются данные, полученные в 2015 г. коллективом авторов Международного бюро труда (г. Женева) в рамках исследования перехода на рынок труда молодых женщин и мужчин в странах Восточной Европы и Центральной Азии [3]. По мнению авторов, самозанятость представляется как вольный выбор, реализуемый с конкретной целью, например, увеличения заработка или приобретения независимого социально-экономического статуса. Также это может быть невольным выбором из-за сложности поиска работы по найму либо по настоянию семьи.

Так, например, в Армении и Киргизстане большинство молодых людей были вынуждены работать на семейных предприятиях под давлением самих семей, а в бывшей югославской Республике Македонии главной причиной была невозможность найти работу по найму (53,4 %). Кроме того, 35,3 % помогающих членов семьи в Армении ссылались на отсутствие работы по найму, отмечая, что неоплачиваемый труд на семейном предприятии является для них запасной (или единственной) альтернативой. В трех странах (табл. 1) гораздо меньше молодых людей назвали в качестве причины «обучение семейному бизнесу», что подразумевает более положительную мотивацию пребывания в данной статусной категории; максимальное число таких ответов было получено в Армении – 8,7 %.

В России, например, по состоянию на 30.04.2021 г. численность самозанятых составляет 2,5 млн чел., т.е. в целом увеличилась в 2,7 раза, что гораздо выше плановых значений федерального проекта «Поддержка самозанятых» – 1,6 млн чел. в 2021 г. и

Таблица 1
Причины самозанятости молодежи на
семейных предприятиях, %

№	Фактор мотивации	Армения	Киргизстан	Бывшая югославская Республика Македония
1	Не удалось найти работу по найму	35,3	6,1	53,4
2	По настоянию семьи	54,2	76,2	43,5
3	Обучение семейному бизнесу	8,7	5,0	2,6
4	Другое	1,8	12,8	0,5
Всего		100	100	100

2,1 млн чел. в 2024 г. [5]. Говоря о росте количества ИП и самозанятых, следует отметить, что первый квартал 2023 г. был более продуктивным, нежели первый квартал прошлого года: замечен рост более чем на 40 %, а общее их количество людей, вовлечённых в эту сферу, достигло 4,68 млн чел. [6].

В целом самозанятость, как специфическую форму социально-экономической деятельности, можно рассматривать как одно из возможных решений уменьшения безработицы среди молодежи, в том числе студенческой молодежи [7]. В настоящее время государство стимулирует развитие студенческого предпринимательства и самозанятости молодежи посредством, например, таких методов поддержки, как получение стандартного налогового вычета в размере 10 тыс. руб. при регистрации студента в качестве самозанятого, что способствует снижению налоговой ставки по доходу, полученному от физических лиц с 4 до 3 % [8]. В 2022 г. вне зависимости от региона проживания как специалистам, так и начинающим профессиональный путь в России доступен специальный режим «Налог на профессиональный доход», что представляется удобным для студентов и молодежи ввиду активной территориальной мобильности [9]. Заинтересованность студенческой молодежи в преимуществах использования специального налогового режима на профессиональный доход может быть связана со следующими социально-экономическими факторами: простая система регистрации, отсутствие необходимости подтверждения входного капитала, отсутствие сложной бухгалтерской отчетности, отсутствие обязанности в отчетности по контрольно-кассовой технике и др. Однако, предположительно, приоритетным фактором выбора молодежью специального налогового режима становится возможность получения легальных доходов [10].

В целом самозанятость молодежи, как социально-экономический феномен, способствует социально-экономическому развитию страны и отдельных

отраслей реального сектора экономики. Дальнейшие исследования в этой сфере могут способствовать приращению знаний о перспективах распространения самозанятости как особой формы трудоустройства и развития предпринимательской деятельности среди молодежи.

Литература:

1. Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – №. 4. – С. 407–414.
2. Брагина Д.С. О самозанятости студентов // ВУЗ и реальный бизнес. – 2021. – Т. 1. – С. 116–120.
3. Элдер С., Баркуччи В., Гурбузер Й., Перардель И., Принципи М. Переход на рынок труда молодых женщин и мужчин в странах Восточной Европы и Центральной Азии // Международное бюро труда. – Женева: МБТ, 2015. – URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/documents/publication/wcms_362577.pdf (дата обращения: 08.09.2023).
4. Корунова В.О., Прыгунова М.И. Самостоятельная занятость в Республике Татарстан: социальный портрет татарстанского самозанятого в контексте реализации пилотного проекта // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 111–116.
5. Мухина И.И., Миракян Д.Г. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития. – URL: <https://vcot.info/blog/samozanatost-v-rossii-sovremennye-tendencii-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 12.08.2023).
6. Самозанятость продолжает быть в тренде. – URL: <https://news.tsu.ru/projects/employment/samozanyatost-prodolzhaet-byt-v-trende/> (дата обращения: 09.08.2023).
7. Димурина Д.С. Самозанятость молодежи как направление развития и совершенствования государственной политики в сфере содействия молодежной занятости // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: материалы и доклады II Межд. науч. конф. (Самара, 19 декабря 2016 г.); Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева; под общ. ред. С.А. Мартышкина, С.А. Ключникова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. – С. 204–208.
8. Самозанятость для студентов. – URL: <https://hrbazaar.ru/articles/samozanyatost-dlya-studentov/> (дата обращения: 20.07.2023).

9. Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СПС КонсультантПлюс.
10. «Известия»: число самозанятых подростков в РФ достигло почти 100 тыс. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18408633> (дата обращения: 07.09.2023).

Self-Employment of Student Youth

Khizbullina R.R.

Kazan State Power Engineering University

In the article presented, the author made an attempt to consider the spheres and motives of self-employed student youth from the point of view of sociological analysis. Based on the synthesis of research data on the transition to the labor market of young women and men in Eastern Europe and Central Asia, obtained by the International Labor Organization and the results of the author's empirical sociological survey of full-time students of 1-4 courses, conclusions were formulated on the possible development of youth self-employment in the context of state support and the introduction of a special tax regime for the self-employed.

Key words: self-employment, youth, self-employment of students motives of self-employment, sociological research

УДК 330.322.2

Особенности инвестиционных проектов в АПК

Горланов С.А.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики АПК
Воронежского государственного аграрного университета
имени императора Петра I

Арбенина Е.А.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики АПК
Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I

Измайлов М.К.

Кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы производственного менеджмента
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Актуальность темы обусловлена тем, что в современной науке инвестиции рассматриваются как одно из неперенных условий экономического роста. В настоящее время в агросфере инвестиционный процесс проходит период не просто обеспечения технического, технологического перевооружения, но, прежде всего, адаптации отрасли к быстро меняющимся рыночным условиям, успешность которой будет в том числе определяться пониманием специфики инвестиционных проектов в АПК.

Ключевые слова: аграрное производство, инвестиции, инвестиционная деятельность, риски, факторы активизации инвестиционной деятельности

Необходимость изучения содержания и принципов формирования инвестиционной стратегии развития заключается в том, что ее содержание неразрывно связано с решением долгосрочных задач, направленных на достижение глобальных целей развития [1].

Как и в других сферах экономики, в сельском хозяйстве для успешного решения задач обеспечения максимальной производительности и эффективности производства важна высокая степень активности инвестиционной деятельности. На рисунках 1-3 приведены показатели, характеризующие состояние инвестиционной деятельности в Воронежской области в 2022 г.

В 2022 г. общий объем инвестиций в основной капитал по Воронежской области составил 2207 млрд руб. При этом сельское хозяйство (в составе других видов экономической деятельности, согласно ОКВЭД-2) занимает четвертое место по объему инвестиций в основной капитал (11,8 % общего объема инвестиций). Однако второе и третье место принадлежит таким непроизводительным видам деятельности, как транспортировка и хранение, деятельность по операциям с недвижимостью.

Еще более показательные данные представлены на рисунке 2. Примечательно, что из 19 видов экономической деятельности, представленных на

территории Воронежской области, сельское хозяйство относится к числу тех, инвестиции в которые по сравнению с 2021 г. сократились. Причем виды деятельности, по которым наблюдается снижение инвестиционной активности, составляют лишь 36,8 % от общего списка.

И, наконец, данные, представленные на рисунке 3, свидетельствуют о низкой степени участия государства в формировании инвестиционных потоков, направляемых в сельское хозяйство.

Как видим, для Воронежской области современный уровень инвестиций в агропромышленный комплекс является явно недостаточным. Однако это проблема не только отдельно взятого российского региона. Ее масштабы приобрели национальный характер, что в значительной мере объясняется особенностями инвестиционных проектов в АПК.

В настоящее время государством осознается значительная часть проблем, с которыми сталкиваются инвесторы и сельскохозяйственные предприятия в ходе инвестиционной деятельности. Еще в 2018 г. Постановлением Правительства РФ от 24.11.2018 г. № 1413 [3] предусмотрен комплекс мер поддержки предприятий АПК, в том числе и инвестиционных проектов. Однако специфика инвестиционной деятельности заключается в том, что отраслевое инвестирование направлено не только на приобретение экономических ресурсов (техника, технологии), но предполагает и расходы на вовлечение в деятельность объектов живой и неживой природы (земельные и водные ресурсы, растения и животные), что приводит к возникновению определенных рисков для инвестора [4-7].

Большая часть ресурсов сельского хозяйства узко специализирована и поэтому не востребована в других сферах деятельности. Это обуславливает крайне низкую ликвидность инвестиций в сельское хозяйство. В совокупности с риском нестабильного получения результатов от использования отраслевых активов это является серьезным препятствием для активного привлечения инвестиционного капитала. Сезонность и высокая зависимость производства от погодных условий снижает скорость реакции на изменения конъюнктуры рынка и затрудняет адаптацию инвестиционных проектов к условиям внешнеэкономического окружения.

По мнению специалистов [6], на эффективность реализуемых инвестиционных проектов в АПК РФ будут оказывать влияние общемировые тенденции. Так, например, в настоящее время продовольствен-

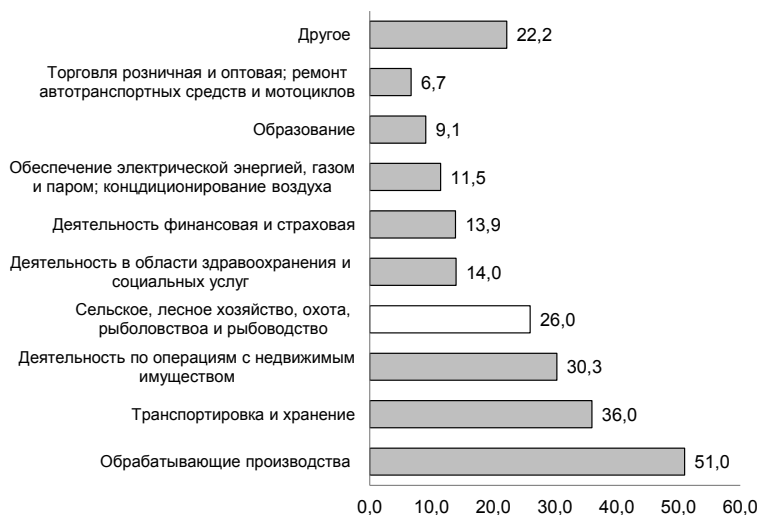

Рис. 1. Объем инвестиций в основной капитал по Воронежской области в 2022 г., млрд руб. [2]

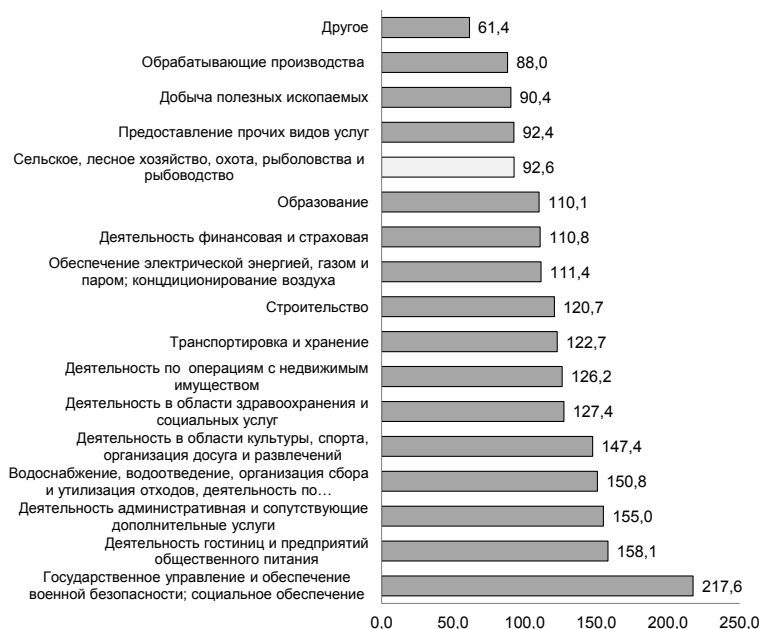

Рис. 2. Объем инвестиций в основной капитал по Воронежской области, 2022 г. в % к 2021 г. [2]

ные системы многих стран выходят на принципиально новый этап развития АПК – «Сельское хозяйство 4.0» («Agriculture 4.0»), предполагающий наличие комплекса самых передовых технологий (робототехника, биотехнологии, концепция использования альтернативных источников сырья). Соответственно, все еще недостаточное внедрение инновационных решений является существенным ограничением для обеспечения требуемого уровня конкурентоспособности отечественного АПК как на мировом, так и на внутреннем рынках.

Таким образом, к числу важнейших особенностей инвестиционных проектов в сфере АПК можно отнести следующее:

– ключевым средством производства в этом секторе экономики являются природные ресурсы, которые имеют свою специфику в использовании и впросах ликвидности;

Рис. 3. Объем инвестиций в основной капитал по Воронежской области в 2022 г., бюджетные средства, млрд руб. [2]

– сезонность производства и высокая зависимость результатов хозяйственной деятельности и успешности инвестиционных проектов от климатических условий и погоды;

– длительный производственный цикл и высокие текущие (операционные) расходы;

– рост потребности в высококвалифицированных специализированных кадрах;

– возможность использования земельных участков не только для реализации инвестиционных проектов в сфере АПК, но и для перепродажи;

– сложности при реализации сельскохозяйственной продукции в условиях высокой конкуренции;

– возможность использования мер государственной поддержки для инвесторов в АПК.

Рассмотренные особенности инвестиционных проектов в АПК целесообразно принимать во внимание при осуществлении инвестиционной деятельности теми экономическими субъектами, деятельность которых связана с аграрным производством и которые стремятся к обеспечению развития в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Козлобаева Е.А., Коваленко Ю.А. Традиционные и альтернативные стратегии инвестиционного развития организации // X юбилейные Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: Материалы межд. науч. конференции, Санкт-Петербург, 23 мая 2022 г. – СПб.: Ленинградский гос. ун-тет им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 242–245.
2. Инвестиционная деятельность в Воронежской области за 2022 год // Федеральная служба государственной статистики, 2022. – URL: <https://36.rosstat.gov.ru/storage/mediabank2022.pdf>
3. Постановление Правительства РФ от 24.11.2018 г. № 1413 «Об утверждении Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ в целях софинансирования расходных обязательств субъектов РФ по возмещению части прямых понесенных затрат на создание и (или) модернизацию объектов агропромышленного комплекса, а также на приобретение и ввод в промышленную эксплуатацию маркировочного оборудования для внедрения обязательной маркировки отдельных видов молочной продукции» (ред. от 14.09.2022) // СПС Консультант Плюс.
4. Ерлыгина Е.Г. Особенности управления рисками на предприятиях агропромышленного комплекса // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. – № 6. – С. 145–149.
5. Ерлыгина Е.Г., Васильева А.Д. Инвестиции в агропромышленный комплекс как фактор устойчивого развития государства // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. – № 10. – С. 253–257.
6. Инновационное развитие агропромышленного комплекса в России. Agriculture 4.0 // XXI междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Н.В. Орлова, Е.В. Серова, Д.В. Николаев и др.; под ред. Н.В. Орловой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. – 128 с.
7. Сенькина А.А., Погребная Н.В. Риски инвестирования в агропромышленном комплексе // Актуальные вопросы развития современного общества: Сб. науч. статей 12-й Всероссийской науч.-практ. конф., Курск, 21–22 апреля 2022 г. – Курск: Юго-Западный гос. ун-тет, 2022. – С. 289–291.

Features of Investment Projects in the Agro-Industrial Complex

Gorlanov S.A., Arbenina E.A.
Voronezh State Agrarian University
Izmaylov M.K.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The relevance of the topic is due to the fact that in modern science investments are considered as one of the indispensable conditions for economic growth. Currently, the investment process in the agro-sphere is going through a period of not just providing technical and technological re-equipment, but above all, adapting the industry to rapidly changing market conditions, the success of which will be determined, among other things, by understanding the specifics of investment projects in the agro-industrial complex.

Key words: agricultural production, investments, investment activity, risks, factors of investment activity activation

УДК 34.096

Цифровое профилирование: новая реальность публичного управления**Игумнов В.В.**

Аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни современного общества, что также проявляется в работе органов государственной и муниципальной власти. Одним из ключевых направлений развития публичного управления в настоящее время является цифровое профилирование, основанное на сведениях о конкретных субъектах цифрового профилирования, хранящихся в инфраструктуре цифрового профиля и собираемых из специальных государственных и муниципальных информационных систем, а также информационных систем подведомственных организаций. Указанные сведения, представляющие собой цифровые данные, позволяют сформировать цифровой профиль отдельной личности или организации, который может быть использован для оказания публичных и частных услуг в интересах профилируемого лица.

В статье обосновано, что цифровое профилирование позволит улучшить эффективность работы органов государственной власти и местного самоуправления, повысить качество обслуживания граждан и организаций, а также ускорить обработку и передачу юридически значимой информации.

Ключевые слова: цифровой профиль, инфраструктура цифрового профиля, цифровое профилирование, система цифрового профилирования, субъекты цифрового профилирования, персональные данные, государственное управление

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни современного общества, в том числе деятельности органов государственной и муниципальной власти, которые используют их с целью хранения, обработки и передачи информации о физических и юридических лицах [1, с. 127]. С указанной целью в России проводится эксперимент по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах с использованием инфраструктуры цифрового профиля [2]. Эксперимент предполагает формирование цифрового профиля физического и юридического лица на основе цифрового профилирования, которое представляет собой технологичный способ сбора, хранения, использования, обработки и предоставления информации о конкретном субъекте цифрового профилирования (гражданине или организации) [3, с. 84].

На сегодняшний день цифровое профилирование является одним из ключевых направлений развития публичного управления в Российской Федерации. Цифровое профилирование призвано улучшить эффективность работы публичных органов власти, повысить качество обслуживания граждан и организаций, а также сократить время на обработку юридически значимой информации, передаваемой посредством системы межведомственного электронного взаимодействия. С развитием цифровизации в России планируется дальнейшее распространение цифрового профилирования в различных областях жизни.

В рамках цифрового профилирования в России разработан и внедрен цифровой профиль, в котором содержатся различные типы информации, относящиеся к персональным данным, а также к данным о деятельности юридического лица. В результате

формирования цифрового профиля можно получить актуальную, достоверную и полную информацию о субъекте цифрового профилирования [4, с. 7].

Цифровой профиль содержит следующие сведения:

1) данные о субъекте цифрового профилирования, представленные в цифровой форме, включая дату рождения, ФИО, паспортные данные и ИНН, информацию о регистрации по месту жительства или пребывания, семейной жизни и т. д.

2) информацию о профессиональной деятельности, данные о доходах, налогооблагаемых операциях, задолженностях перед государством и другими организациями;

3) сведения о назначении наказания в виде лишения свободы, а также об ограничениях, исполнительных производствах лица, если таковые установлены;

4) сведения о выданных согласиях на обработку данных в рамках функционирования инфраструктуры цифрового профиля;

5) иные сведения, которые необходимы для предоставления государственными и иными органами и организациями субъектам цифрового профилирования с возможностью их последующего предоставления пользователям инфраструктуры цифрового профиля.

Цифровой профиль является одним из основных элементов системы публичного управления и позволяет быстро получать необходимую информацию по запросу пользователя без необходимости передачи информации на бумажном носителе и физического перемещения документов, тем самым он является одним из ключевых инструментов для эффективной работы органов власти и повышения качества обслуживания граждан [5, с. 62]. Кроме того, цифровой профиль может стать важным элементом защиты от мошенничества и других видов неправомерного поведения.

Цифровой профиль также позволяет упростить работу многих коммерческих организаций. Так, пользователи данных цифрового профиля могут направить запрос о получении цифровых данных профилируемого лица с помощью единой системы идентификации и аутентификации. С согласия субъекта цифрового профилирования полученные данные могут использоваться организациями для формирования индивидуального подхода к клиентам при оказании услуг, создания условий для эффективного управления рисками, связанными с платежеспособностью клиентов, а также оптимального перераспределения ресурсов компании.

Необходимо отметить, что цифровой профиль представляет собой современную технологию, позволяющую обеспечить поступательное развитие государственного и муниципального управления. При этом для внедрения цифрового профиля в систему публичной власти следует разработать ком-

плекс программных, технических, организационных и правовых механизмов использования цифровых данных.

Следует также сказать о том, что инфраструктура цифрового профиля также имеет свои риски использования. Одной из основных проблем цифрового профиля является то, что к информационной системе может быть получен несанкционированный доступ, а информация, хранящаяся в цифровом профиле, может быть изменена, удалена или неправомерно использована [6, с. 33]. Кроме того, современное общество еще не имеет высокого уровня доверия к существующим системам хранения цифровых данных, так как они беспокоятся о том, что их данные могут быть в дальнейшем использованы против их интересов или будут переданы третьим лицам без их согласия [7].

При этом имеется риск того, что организации, получившие доступ к цифровым данным, могут скопировать их в свои информационные системы и продолжить использование данных для собственных целей после истечения срока или отзыва согласия на обработку данных [8, с. 68].

В связи с этим важно отметить необходимость соблюдения прав и законных интересов субъектов цифрового профилирования на защиту персональных данных, конфиденциальность информации о них, а также прав на безопасную и защищенную обработку цифровых данных с целью недопущения их незаконного использования третьими лицами [9, с. 66].

Определенным риском также является тот факт, что в настоящее время в российском законодательстве отсутствует определение «цифровой профиль» и «цифровое профилирование», хотя уже сегодня данный процесс осуществляется органами государственной и муниципальной власти. Данное обстоятельство также связано с недостаточным уровнем соблюдения прав профилируемых лиц [10, с. 80]. На данный момент правовой основой цифрового профилирования является только законодательство о персональных данных и об обеспечении безопасности критической информационной инфраструктуры.

Необходимо отметить, что государство активно осуществляет разработку соответствующих нормативных актов, закрепляющих особенности механизмов функционирования системы цифрового профилирования, а также инструментов контроля за соблюдением прав граждан и организаций. Так, пользователям данных цифрового профиля при запросе доступа к цифровым данным о соответствующем субъекте цифрового профилирования необходимо получить его согласие. Также субъектам цифрового профилирования обеспечивается возможность обращаться в органы государственной власти с запросом об изменении своих данных в цифровом профиле.

Кроме того, важно следовать правилам использования данных, которые установлены национальным законодательством и международными актами, ратифицированными Российской Федерацией.

Для достижения указанной цели оператору цифрового профиля необходимо соблюдать строгое соответствие комплекса программных и технических средств, обеспечивающих цифровое профилирование, правилам защиты и безопасности данных, а также проводить периодический анализ государственных и муниципальных информационных систем с целью обнаружения и устранения возможных уязвимостей.

Что касается программных средств обеспечения безопасности цифрового профиля, представляется, что инфраструктура цифрового профиля должна быть основана на технологии блокчейн и облачных вычислениях.

Следовательно, цифровое профилирование представляет собой новый этап развития современного общества, который имеет свои преимущества, недостатки и риски, поэтому его успешное внедрение должно основываться на максимальном соблюдении прав и свобод человека, а также прав и законных интересов юридических лиц.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1) цифровой профиль – это совокупность цифровых данных о физических и юридических лицах, содержащихся в единой системе идентификации и аутентификации, в других информационных системах органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления, а также в информационных системах подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия;

2) основная задача цифрового профилирования – повышение эффективности работы органов публичной власти путем оптимизации процессов обмена и предоставления информации, улучшения качества государственных и муниципальных услуг, а также путем повышения качества и связанности данных, хранящихся в публичных информационных системах;

3) для достижения поставленной задачи нужно учитывать множество факторов, таких как: разработанность законодательства, регулирующего институт цифрового профилирования; уровень безопасности цифровых данных, обрабатываемых с помощью инфраструктуры цифрового профиля; актуальные источники формирования цифрового профиля; соответствие инфраструктуры цифрового профиля требованиям нормативных документов и стандартов и т.д.;

4) необходимо обеспечить субъектам цифрового профилирования возможность контроля над доступом к цифровым данным о них, для того чтобы не

допустить несанкционированное использование персональных данных, конфиденциальной информации, а также иных сведений ограниченного доступа;

5) среди наиболее актуальных вызовов и рисков, связанных с использованием цифрового профиля, являются киберугрозы, непроработанность национального законодательства, возможность несанкционированного использования данных пользователями цифрового профиля после истечения срока согласия на обработку данных и другие;

6) роль публичной власти при осуществлении цифрового профилирования заключается в том, чтобы гарантировать права граждан и организаций, защищать субъектов цифрового профилирования от незаконного вмешательства в их деятельность, а также обеспечивать безопасность информационных систем и осуществлять борьбу с киберпреступностью;

7) цифровой профиль может стать важным инструментом для развития экономики страны, так как он позволяет эффективнее управлять производственными процессами, предоставляет возможность оперативного формирования единой информационной базы о субъектах, а также дает возможность получения публичных и частных услуг в короткие сроки в электронной форме.

В целом развитие цифрового профилирования – это важная составляющая современного российского общества, в частности, публичного управления. Цифровое профилирование позволяет держать курс на максимальную транспарентность и открытость в работе органов государственной и муниципальной власти, развивать информационное законодательство, обеспечивать защиту прав и свобод граждан, повышать уровень правовой культуры населения и укреплять национальную безопасность.

Литература:

1. Бронников И.А., Карпова В.В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 123–133.

2. Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» (вместе с «Положением о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах») (ред. от 04.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2019. – № 23. – Ст. 2963.
3. Минбалеев А.В. Проблемы цифрового права: учеб. пособие. – Саратов: Амирит, 2022. – 233 с.
4. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правовое применение. – 2021. – Т. 5. – № 4. – С. 5–19.
5. Антропова И.О. Цифровой контролер как субъект публичного финансового контроля // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 57–64.
6. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 3(52). – С. 32–36.
7. Сологубова Г.С. Фундаментальное значение идентичности. Идентичность в цифровом мире. 2018. – URL: <http://digital-economy.ru/stati/fundamentalnoe-znachenieidentichnosti-identichnost-v-tsifrovom-mire> (дата обращения: 21.08.2023).
8. Карпушин Е. Развитие цифрового документооборота в современной экономике // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2019. – № 7. – С. 65–71.
9. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С. Концептуальные подходы к правовому регулированию информационной безопасности в условиях цифровизации и трансформации права // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2019. – № 3(33). – С. 64–68.
10. Жарова А.К. Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 80–87.

Digital Profiling: a New Reality of Public Administration

Igumnov V.V.

Kutafin Moscow State Law University

Digital technologies are becoming an integral part of life in modern society, which is also manifested in the work of state and municipal authorities. One of the key areas of public administration development at present is digital profiling, based on information about specific subjects of digital profiling, stored in the digital profile infrastructure and collected from special state and municipal information systems, as well as information systems of subordinate organisations. The said information, representing digital data, makes it possible to form a digital profile of an individual or organisation, which can be used to provide public and private services in the interests of the profiled person.

The article substantiates that digital profiling will improve the efficiency of the work of public authorities and local authorities, improve the quality of service to citizens and organisations, as well as accelerate the processing and transmission of legally significant information.

Key words: digital profile, digital profile infrastructure, digital profiling, digital profiling system, subjects of digital profiling, personal data, public administration

УДК 39(470.51)

Формы социальной деятельности национально-культурных объединений в Удмуртской Республике

Касимов Р.Н.

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН)

Кудрявцева И.К.

Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН)

Сегодня национально-культурные объединения (НКО) Удмуртской Республики решают задачи, связанные не только с поддержанием и продвижением лучших образцов своей культуры, но и связанные с социальной поддержкой граждан. Авторами впервые в удмуртской гуманитаристике сделана попытка осмысления форм социальной деятельности местных НКО, когда предлагается отход от описания традиционных «культурно-фестивальных» форм работы таких организаций и делается акцент на социально-значимых проектах. Целью статьи является рассмотрение феномена социального служения через формы гуманитарной социальной деятельности национально-культурных объединений Удмуртской Республики.

Ключевые слова: национально-культурные объединения, общество, государство, социальное служение, социальная деятельность

Современное российское общество обладает высокой степенью социального расслоения, характеризующегося большим разрывом в доходах населения. При сложной стратификации российского общества, в непростых экономических условиях национально-культурные объединения осуществляют деятельность, направленную не только на повышение уровня знаний об окружающих народах и конфессиях, но и на решение социальных проблем.

Авторы статьи предлагают рассматривать феномен социального служения через формы гуманитарной активности национально-культурных объединений, чтобы подчеркнуть содержание благотворительной миссии таких организаций, направ-

ленной на создание социокультурных благ для регионального социума.

Объектом исследования являются национально-культурные объединения Удмуртской Республики, начало деятельности которых совпало с преобразованиями, происходившими в Советском Союзе и постсоветской России.

В настоящее время в Удмуртской Республике активно работают более 40 республиканских национально-культурных общественных организаций, в том числе Ассоциация молодежных национально-культурных объединений Удмуртской Республики «Вместе».

Первоначально в Удмуртии организационно оформились национально-культурные объедине-

ния удмуртов, русских и татар. Чуть позже к этому процессу подключились и представители других народов: бесермяне, марийцы, чуваша, азербайджанцы, армяне, узбеки и др. В Удмуртии получили распространение именно национально-культурные объединения как «структуры, которые в своей деятельности могут решать многоаспектные задачи по сохранению и продвижению национальной культуры. А в этом случае наличие развитой этнокультурной компетентности не просто желательно, но обязательно. Только в этом случае проявится важная роль НКО, как посредника между государством и обществом, т.е. роль важного элемента в диалоге гражданского общества и правового государства» [1, с. 298–299].

Понятие «социальное служение», применимое к национально-культурным объединениям (далее – НКО), можно определить как совокупность организованных форм социальной деятельности общественных организаций, направленных на осуществление гуманитарной миссии в жизни людей. В контексте нормативно-ценностных конструктов социума «выделяются следующие виды социальной деятельности: служение, благотворительность, социальная работа, спонсорство, гуманитарная помощь (опека над детьми, медицинский уход за больными, престарелыми, материальная помощь нищим, нуждающимся)» [2, с. 90].

Приведем некоторые примеры социальной деятельности национально-культурных объединений Удмуртии, рассматривая её формы в деятельности удмуртских, татарских, русских, армянских и азербайджанских НКО.

Идея консолидации удмуртского этноса, общность основных целевых установок и конкретных задач создает благоприятную основу для плодотворного взаимодействия и сотрудничества Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» с другими удмуртскими общественными организациями и объединениями – Обществом удмуртской культуры «Дэмен», молодежной организацией «Шунды», республиканским Советом женщин-удмурток «Нылкышно кенеш». Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» определяет свою миссию как «возрождение и развитие удмуртского народа, защита его демократических прав и свобод; рассмотрение проблем представительства и представленности удмуртов в органах власти; формирование структуры общественного самоуправления», проявляя тем самым социальную направленность своей деятельности [1, с. 302–303].

По словам бывшего президента ассоциации «Удмурт кенеш» Т.В. Ишматовой, «нужна системная работа для реализации поставленных задач. Например, в Алнашской средней школе долгое время не изучали родной удмуртский язык, потому что не набирался национальный класс. Переговоры с адми-

нистрацией школы, обсуждения на разных уровнях власти, встречи с общественностью, активистами дали результат. В 2016 году национальный класс открылся, и желающих изучать удмуртский язык оказалось достаточно много»¹.

Социальное служение удмуртских НКО проявляется в комплексе мероприятий поддержки и развития одаренных детей из сельской местности; в проведении этнокультурных лагерей и тематических лагерных смен; в программах поддержки студентов, старшеклассников через организацию и проведение детских и юношеских фестивалей и праздников, образовательных акций по популяризации удмуртского языка. Особого внимания заслуживает деятельность удмуртских общественников по программам: «Крепкая семья – стабильное государство», «Здоровый образ жизни», а также по акциям: «В интересах семьи», «Скажем нет насилию», «Ждем в гости аиста», «За чистый дом, чистую страну, чистую планету», «Собери ребенка в школу», мероприятиям по формированию трезвого образа жизни, особенно в сельской местности [1, с. 307].

Подобную же социальную направленность имеют и проекты татарских общественных организаций. Например, Татарский общественный центр, основанный в 1991 г., сегодня уделяет большое внимание взаимодействию с мусульманами Удмуртии через материальную помощь в воссоздании снесенных ранее мечетей и строительстве новых. Уже при функционирующих мечетях, в том числе «при активной поддержке представителей национально-культурных организаций татар в Удмуртии открываются пункты приема продуктов питания и предметов быта, для обеспечения ими малоимущих граждан вне зависимости от вероисповедания или национальности»².

Активисты татарских НКО способствуют развитию художественной самодеятельности, организации концертов, конкурсов татарской песни и пляски, фестивалей молодых исполнителей татарской музыки и пр. Они активно участвуют в подготовке культурно-массовых, развлекательных, образовательных и благотворительных акций. В частности, члены республиканской молодежной татарской организации «Иман» в рамках благотворительных акций собирают необходимые предметы гигиены, медикаменты и одежду детям-отказникам БУЗ УР «Городская клиническая больница № 4 МЗ УР» в Ленинском районе г. Ижевска [1, с. 308–310].

Поддержкой талантливой молодежи занимается и Общество русской культуры в Удмуртии. Уже стали традиционными мероприятия и акции, проводимые активистами этой организации: проведение

¹ Ишматова Татьяна Витальевна, 1980 г. рождения, г. Ижевск, запись 2016 г.

² Бузанаков Надир Асхатович, 1953 г. рождения, г. Ижевск, запись 2022 г.

праздников, встреч, лагерных смен, проведение выездных семинаров для сельского населения; участие в конкурсах, фестивалях [3, с. 96]. НКО сотрудничает с образовательными организациями и занимается культурно-просветительской работой [1, с. 313–314].

В условиях проведения СВО Сарапульская казачья станица «уже более года сотрудничает с военными частями, в которые отправились добровольцы и мобилизованные ребята из Удмуртии. Ежемесячно казаки собирают и передают необходимые грузы: одежду, обувь, амуницию, лекарства, продукты и многое другое» [4]. Подобная работа характерна и для других НКО, которые деятельно поддерживают бойцов в зоне СВО.

Важное место среди этнокультурных организаций и НКО занимает Ассоциация молодежных национально-культурных объединений Удмуртской Республики «Вместе». Ассоциацией проводятся интеллектуальные игры, специализированные лагерные смены для детского отдыха, театрализованные представления, образовательные молодежные форумы, межрегиональные и республиканские фестивали национальных культур, спортивные состязания. Активистами этой организации наряду с мероприятиями, направленными на внутриэтническую консолидацию, «все больше проводится совместных социально значимых дел (совместные субботники по обустройству территорий, благотворительные и культурно-просветительские акции и т.д.)» [1, с. 318].

В связи с пандемией коронавируса многие НКО организовали «горячие линии», в 2020–2021 гг. приняли активные меры по оказанию продовольственной помощи городским и сельским жителям республики, независимо от их национальной принадлежности. Особую активность в этой работе проявили объединения удмуртов, русских, татар, армян, евреев, азербайджанцев.

В настоящее время обсуждению темы социальной работы и «добрых дел» стали уделять особое внимание на уровне региональных властей. Но, по признанию председателя армянской общественной организации «Урарту» М.М. Аракеляна, «выделяемая сумма на реализацию благородных инициатив ничтожно мала», поэтому систему поддержки НКО в виде грантов он предлагает видоизменить с привлечением спонсорской помощи. Благодаря слаженной работе и активному привлечению собственных средств (к слову сказать, у многих армян свой бизнес), армянская диаспора нередко оказывает адресную помощь. К примеру, «по просьбе пенсионерки-инвалида из г. Можги представители диаспоры за свой счет отремонтировали прилегающую к воротам частного дома территорию после работ, произведенных местными коммунальными службами. При непосредственной поддержке общественной организации “Урарту” был восстановлен православный храм в селе Малая Пурга»³.

Примеры эффективной социальной работы демонстрирует и азербайджанская диаспора, в частности, включаясь в мероприятия, посвященные Международному дню инвалидов. За последние 5 лет «помощь от Региональной общественной организации “Азербайджанский общественный центр Удмуртии “Достлуг” получили инвалиды Индустриального и Первомайского районов г. Ижевска. Реабилитационным центрам были вручены подарки в виде бытовой техники. Кроме того, благотворительную помощь получили вынужденные переселенцы, оказавшиеся в неблагоприятной ситуации в результате СВО и пострадавшие в результате землетрясений 6 февраля 2023 г. в Турции. Оказанные меры социальной поддержки стали возможны благодаря широкому привлечению спонсоров»⁴.

Таким образом, приоритетными направлениями деятельности многочисленных НКО в Удмуртии являются: социализация представителей своего этноса в региональном сообществе, сохранение и развитие своеобразия этнической культуры, культурно-просветительская, образовательная и благотворительная деятельность. В работе таких организаций значительное внимание уделяется социально-культурной сфере.

В настоящее время деятельность многих национально-культурных организаций республики гармонично встроена в деятельность ряда государственных структур. НКО республики проводят социальную работу согласно Федеральному закону от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» и осуществляют деятельность, направленную на решение социальных проблем: социальная поддержка и защита граждан; профилактика социально опасных форм поведения граждан; благотворительная деятельность; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан и др. направлениях» [5, с. 55].

Роль национально-культурных объединений, как и иных некоммерческих организаций в реализации социальной политики, в вопросах обеспечения роста показателей качества жизни населения в настоящее время возрастает. Подводя итоги, выделим ряд основных моментов:

1. В контексте изучения деятельности современных НКО УР понятие «социальная деятельность» предлагается трактовать как совокупность организованных форм социального служения/активности

³ Аракелян Мнацакан Меружанович, 1965 г. рождения, г. Ижевск, запись 2023 г.

⁴ Мирзаев Зульфигар Рагимович, 1967 г. рождения, г. Ижевск, запись 2023 г.

общественных организаций, направленных на улучшение самочувствия людей в социуме;

2. Социальная деятельность НКО Удмуртии на сегодняшний день находит выражение в мероприятиях, направленных на оказание гуманитарной помощи нуждающимся и в проектах, призванных сохранить этнокультурное наследие народов;

3. При условии совершенствования правовых и финансовых механизмов взаимодействия НКО и государственных структур первые имеют богатый потенциал для решения актуальных проблем регионального общества, а вторые получают эффективных партнеров на пути построения цивилизованного гражданского общества и правового государства.

Литература:

1. Воронцов В.С., Касимов Р.Н., Черниенко Д.А. Современные этнополитические процессы и межнациональные отношения в Удмуртии. – Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. – 364 с.
2. Костылева Т.А. Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним // Омский научный вестник. – 2013. – № 3 (119). – С. 89–92. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-sotsialnogo-sluzheniya-i-osnovnye-ponyatiya-svyazannye-s-nim> (дата обращения: 21.08.23).
3. Черниенко Д.А. Восточнославянские народы Удмуртии. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2017. – 223 с.
4. Сарапульские казаки отправили более 2 тонн гумпомощи добровольцам. – URL: <https://izhevsk.mk.ru/social/2023/03/06/sarapulskiy-kazaki-otpravili-bolee-2-tonn-gumpomoshhi-nashim-dobrovolcam.html> (дата обращения: 22.08.2023).
5. Григорьев С.И., Катаева В.И., Фомичева Т.В. Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) по делам семьи и детей в России // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 1 (207). – С. 54–59. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-praktiki-sotsialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizatsiy-so-nko-po-delam-semi-i-detey-v-rossii> (дата обращения: 22.08.23).

Forms of Social Activity of National-Cultural Associations in the Udmurt Republic

Kasimov R.N., Kudryavtseva I.K.

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Nowadays national cultural associations (NCA) of the Udmurt Republic solve problems related not only to maintaining and promoting the best examples of the culture of their nation, but also to social support for citizens. The authors of the article for the first time in the Udmurt humanitarian studies made an attempt to comprehend the forms of social activity of local NCA. They depart from the description of the traditional "cultural-festival" forms of work of such organizations and focus on socially significant projects. The purpose of the article is to consider the phenomenon of social service through the forms of humanitarian social activity of national-cultural associations of the Udmurt Republic.

Key words: national-cultural associations, society, state, social service, social activity

УДК 339.7; 339.9

Экспортная стратегия Турции: проблемы и перспективы в условиях декарбонизации мировой экономики*

Каибразиев Р.В.

Доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов, старший научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В статье рассмотрен пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ) – предлагаемый ЕС инструмент декарбонизации мировой экономики. Предназначение ПКУМ – сдерживание «углеродной утечки», возникающей при импорте товаров из стран с более углеродоемкими производствами и технологиями, за счет углеродного налога. Последний затрагивает интересы многих экспортеров в страны ЕС, оказывая влияние на отраслевую структуру стран-экспортеров и национальные экспортные стратегии. Возможное воздействие ПКУМ на объемы экспорта углеродоемких товаров из третьих стран в страны Евросоюза рассмотрено на примере турецкого экспорта в ЕС.

Ключевые слова: углеродоемкость производства, пограничный корректирующий углеродный механизм, ПКУМ, Европейский союз, ЕС

В условиях углубления глобального климатического кризиса (когда удержание повышения глобальной средней температуры ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем становится актуальной глобальной задачей [1]) Европейский Союз (ЕС) приступил к решительному обновлению своей климатической повестки. «Европейский зеленый курс» (*European Green Deal*) провозгласил новую цель ЕС – сокращение выбросов парниковых газов в 2030 г. как минимум на 55 % по сравнению с уровнем 1990 г.

Одним из важнейших инструментов, способствующих достижению указанной цели, является пограничный корректирующий углеродный механизм (далее – ПКУМ) [2], который по сути является трансграничным углеродным налогом. Трансграничное налогообложение возникает в силу того, что в ЕС проводится строгая экологическая политика, в то время как в других странах, не входящих в ЕС, как правило, преобладает менее строгая экологическая и климатическая политика. Поэтому существует риск «утечки углерода», переноса выбросов за пределы Европы, серьезно подрывая усилия ЕС по борьбе с изменением климата. Участие любой страны в си-

стеме международной торговли изначально связано с выполнением страной экологических требований (недопустимо снижение в сфере промышленной безопасности в целях повышения конкурентоспособности товаров на мировых рынках), а также определенных технических стандартов и регламентов в производстве, социальной сфере и финансах. Отсюда – глобальное значение ПКУМ. Это новый, «зеленый» механизм импорта товаров из-за пределов Евросоюза, способствующий установлению единых цен за углерод (выбрасываемый в процессе производства) и в конечном итоге – внедрению передовых технологий в странах, не входящих в ЕС.

В глобальных масштабах переход к углеродной нейтральности требует огромных вложений – по расчетам *McKinsey*, в период 2021–2050 гг. расходы на глобальный энергопереход составят 275 трлн долл., или 7,5 % мирового ВВП [3]. Для сравнения: это 11 ВВП США в 2022 г. или 103 компаний *Apple* (по капитализации) (на 27.05.2023). Значительные

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

суммы потребуются и для энергоперехода в Европе – как минимум 7,5 % общеевропейского ВВП. В этих условиях ПКУМ рассматривается как один из важнейших источников «зеленого» финансирования ЕС. Достижение к 2050 г. климатической нейтральности ЕС может быть осуществлено во многом за счет трансграничных платежей. Однако ПКУМ затрагивает интересы большого количества стран, экспортирующих углеродоемкие товары в страны ЕС (Россия, Турция, Китай, Республика Корея, Индия и др.), и по этой причине становится самой обсуждаемой инициативой Еврокомиссии.

Первые предложения Еврокомиссии по установлению ПКУМ были приняты 14 июля 2021 г. На первом этапе в целях трансграничного углеродного регулирования (в 2023–2025 гг. для работы в тестовом режиме) отобраны следующие товарные группы [2]:

- цемент,
- железо и сталь,
- алюминий,
- минеральные удобрения,
- электричество.

Таким образом ПКУМ сосредоточится на товарах, наиболее подверженных риску утечки углерода. Перспективными с точки зрения углеродного налогообложения товарами являются также: нефть и продукты нефтехимии, газ, уголь и другие товары.

Среди стран с углеродоемкими и экспортно-ориентированными отраслями промышленности, находящихся вне ЕС, особое место занимает Турция: во-первых, ЕС и Турецкая Республика тесно связаны торгово-экономическими отношениями (более 25 % турецкого импорта и более 40 % турецкого экспорта приходится на ЕС), во-вторых, с 1995 г. существует таможенный союз между ЕС и Турцией. Согласно *Statista*, турецкая экономика состоит: 5,54 % – сельское хозяйство, 31,11 % – промышленность и 52,75 % – сфера услуг [4]. Объемы ежегодной эмиссии углекислого газа отраслями национальной экономики представлены на рисунке 1.

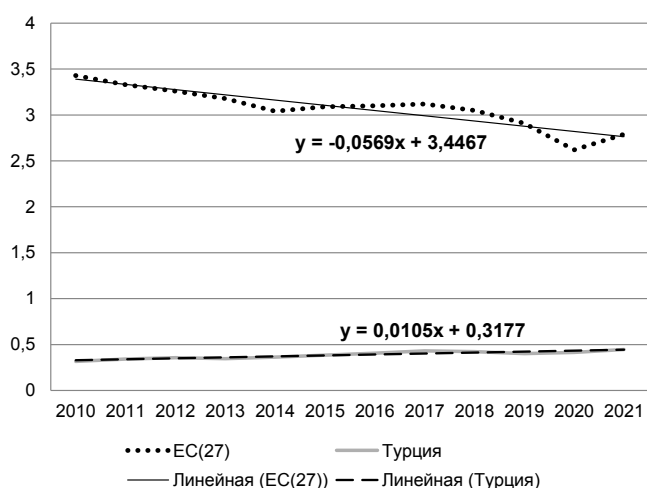

Рис. 1. Ежегодная эмиссия CO₂ в ЕС и Турции в 2010–2021 гг., млрд т [5]

Как показано на рисунке 1, выбросы углекислого газа в Турции выросли за 2010–2021 гг. с 0,316 млрд т до 0,446 млрд т, в то время как в ЕС, инициаторе введения углеродного налогообложения, они сократились с 3,43 млрд т до 2,79 млрд т. Доля Турции в глобальных выбросах CO₂ равна 1,2 % (с 0,90 % в 2000 г.), ЕС – 7,52 % (14,15 % в 2000 г.).

Для определения новых направлений экспортной стратегии Турции в условиях декарбонизации мировой экономики целесообразно охарактеризовать основные отрасли специализации страны.

Одной из ведущих отраслей специализации Турции в мировой экономике является текстильная промышленность. В 2021 г. поставки текстиля на мировые рынки составили 15 млрд долл. США, достигая 4,3 % мирового экспорта (4 место в мире) [6]. Наиболее важной экспортной продукцией в секторе трикотажной одежды стали футболки и пуловеры.

Следующая по значимости отрасль специализации Турции – сталелитейная промышленность. В 2021 г. поставки железа и стали на мировые рынки равнялись 19 млрд долл. США, что составляет 3,2 % мирового экспорта (8 место в мире) [6]. По данным *Turkish Steel Statistics*, сегодня в Турции действуют 26 электродуговых печей, 11 индукционных печей и 3 кислородно-конвертерных сталелитейных заводов, т.е. национальное производство отличается электроемкостью. В 2022 г. страна произвела 35,1 млн т стали, из них было экспортировано стали на 21,1 млрд долл. США (8,3 % от всего турецкого экспорта). В силу технологических особенностей производства средний показатель выбросов CO₂ на тонну производства сырой стали Турции выше общемирового показателя (в соотношении 1,5/0,69). Вместе с тем имеется значительный потенциал снижения выбросов CO₂. Так, за последнее десятилетие потребление энергии на тонну сырой стали сократилось на 18–20 % [7, р. 27]. Учеными уже ведутся исследования в области энергоэффективности, чтобы обеспечить устойчивое низкоуглеродное развитие.

Хорошо развита автомобильная промышленность Турции, что тоже становится отраслью специализации страны. В 2021 г. поставки машин на мировые рынки составили 24 млрд долл. США или 1,6 % мирового экспорта (10 место в мире) [6]. Благодаря удачному размещению производителей автомобилей и поставщиков запчастей, автомобильный кластер Турции стал неотъемлемой частью глобальных производственных цепочек, экспортируя автомобили и комплектующие на сумму около 25 млрд долл. США, причем более 80 % экспорта приходится на Европу.

Как уже было отмечено выше, действие ПКУМ направлено на сдерживание «углеродной утечки». Соответственно, объемы трансграничных платежей зависят от углеродоемкости производства в зарубежных странах, так как существует зависимость

«Чем более углеродоемкое производство – тем больше платежей за углерод».

Углеродоемкость производства определяется как соотношение объемов выбросов углекислого газа и количества потребленной энергии. Процесс снижения углеродоемкости производства, соответственно, – это уменьшение объема выбросов CO₂ при производстве однотипной продукции. Общемировые показатели углеродоемкости в целом снижаются, однако показатели разных стран могут сильно отличаться в основном из-за особенностей производства электроэнергии, а также слабого внедрения современных энергоэффективных технологий, недостаточной генерации на основе возобновляемых источников энергии и т.д.

CO₂ выбрасывается главным образом при сжигании ископаемого топлива (уголь, газ и др.) для производства энергии и при цементном производстве. Согласно данным [5], в 2021 г. 446,2 млн т выбросов углекислого газа в Турции распределились следующим образом: первое место заняло сжигание угля, нефти, газа (88,60 %), далее следует цементное производство (9,95 %), и небольшую долю, по сравнению с первыми двумя, составляют другие производства (1,46 %).

Таким образом, как свидетельствуют расчеты международных организаций, представленных на интернет-странице [5], цементная промышленность Турции окажется среди наиболее пострадавших от введения ПКУМ отраслей и производств, «другие производства» пострадают в незначительной степени или останутся нейтральными.

Экспортная стратегия Турции в условиях имплементации ПКУМ может быть скорректирована следующим образом: существенное сокращение экспорта цемента; из «других производств» – сокращение экспорта энергоемкой продукции горнодобывающей промышленности, цветной металлургии, особенно алюминия; производство и экспорт железа и стали, а также минеральных удобрений могут

оставаться на прежних уровнях при снижении их энергоемкости. Такие отрасли, как автомобильная промышленность, текстиль и производство одежды, электроника, могут наращивать объемы производства и экспорта и в дальнейшем.

Литература:

1. Uyduranoglu A., Ozturk S. Public support for carbon taxation in Turkey: drivers and barriers // *Climate Policy*. – 2020. – № 20(9). – P. 1175–1191.
2. European Commission. CBAM. 14 July 2021. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/%5Beuropa_tokens:europa_interface_language%5D/fs_21_3666 (дата обращения: 27.08.2023).
3. McKinsey оценила расходы на глобальный энергопереход в \$275 трлн до 2050 года. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/453541-mckinsey-ocenila-rashody-na-global-nyj-enerGOPerehod-v-275-trln-do-2050-goda> (дата обращения: 27.08.2023).
4. Statista. Turkey share of economic sectors in GDP 2021. – URL: <https://www.statista.com/statistics/255494/share-of-economic-sectors-in-the-gross-domestic-product-in-turkey/> (дата обращения: 27.08.2023).
5. Turkey: CO₂ Country Profile // *Our World in Data*. – URL: <https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions#citation> (дата обращения: 27.08.2023).
6. World Trade Statistical Review 2022. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtsr_2022_e.htm (дата обращения: 27.08.2023).
7. Bektaş A. The Impact of European Green Deal on Turkey's Iron and Steel Industry: Decomposition Analysis of Energy-Related Sectoral Emissions // *Celal Bayar University Journal of Science*. – 2021. – Vol. 17(1). – P. 17–29.

Turkey's Export Strategy: Problems and Prospects in the Context of Decarbonization of the World Economy

Kashbrasiev R.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article discusses the carbon border adjustment mechanism (CBAM), a tool proposed by the EU for the decarbonization of the global economy. The goal of CBAM is to contain the "carbon leakage" that occurs when goods are imported from countries with more carbon-intensive industries and technologies. It is proposed through a carbon tax. The latter affects the interests of many exporters to the EU countries, influencing the sectoral structure of exporting countries and national export strategies. The possible impact of CBAM on the volume of exports of carbon-intensive goods from third countries to the EU countries is considered on the example of Turkish exports to the EU.

Key words: carbon intensity of production, carbon border adjustment mechanism, CBAM, European Union, EU

УДК 330.322

Особенности реализации инвестиционного процесса в современной экономике**Малаев В.В.**

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Валеев Э.Р.

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Инвестиционный процесс в современной экономической системе определяет перспективы и возможности обеспечения устойчивого экономического роста и экономического развития. Анализ факторов и условий, формирующих возможности повышения эффективности реализации инвестиционного процесса как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне всей национальной экономики, позволяет соотнести процесс инвестирования с общими инновационными изменениями в экономической системе. Совершенствование и развитие человеческого капитала позволяет определить параметры интенсификации инвестиционного процесса в рамках инновационного развития экономики.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, человеческий капитал, эффективность, экономическое развитие

Инвестиционный процесс является важным элементом производственно-хозяйственной деятельности организации. Инвестиционная деятельность предполагает повышение эффективности работы как на уровне отдельных корпоративных структур, так и на уровне экономики в целом. Налаживание эффективного инвестиционного процесса в рамках выбранных направлений развития национальной экономики требует согласованности действий государства и бизнеса как в сфере проведения инновационных исследований, так и в сфере налаживания эффективного управления и координации.

На макроэкономическом уровне инвестиционный процесс позволяет рассматривать особенности обеспечения устойчивого экономического развития и экономического роста. Он непосредственно взаимосвязан с интенсивностью инновационного про-

цесса, с развитием новых технологий и способов производства, с устойчивым развитием отраслей производства и обеспечением соответствующей инфраструктурой в рамках удовлетворения потребностей общества. Производственная, транспортная, энергетическая, социальная инфраструктура становятся фактором роста эффективности промышленности и в свою очередь сама привлекает к себе часть общего инвестиционного потока. Институты, сопровождающие рост эффективности инновационного процесса, становятся при этом фактором регулирования со стороны государства.

На микроэкономическом уровне инвестиции в свою очередь формируют условия для стабильного функционирования и развития компаний, позволяют улучшать их производственно-хозяйственные характеристики. Среди основных целей, достигае-

мых при реализации эффективного процесса инвестирования на уровне организации, можно выделить то, что инвестиции:

1. Являются главным источником для наращивания производственного потенциала организации.
2. Представляют собой основной механизм для достижения поставленных стратегических целей развития организации.
3. Позволяют совершенствовать и оптимизировать структуру активов компании.
4. Являются основным механизмом реализации инновационного процесса организации, а также создают условия для социального развития организации.

В рамках проводимого исследования на основе системного анализа факторов и условий повышения эффективности инвестиционного процесса обосновывается необходимость координации и взаимного влияния в развитии инновационного и инвестиционного процесса, а также процесса совершенствования человеческого капитала. Указанные три составляющие экономического развития общества и производства (инновации, инвестиции и человеческий капитал) определяют потенциальные возможности развития государства и организации как в экономическом, так и социальном плане. При этом координация в развитии взаимодействия и повышения эффективности инвестиционного и инновационного процесса в рамках взаимовлияния с развитием человеческого капитала во многом определяется воздействием государства.

При рассмотрении особенностей формирования эффективного управления реализацией инвестиционного процесса необходимо рассматривать инвестиции как основной ресурс в обеспечении мобильного и эффективного развития организации. В соответствии с этим можно отметить следующие моменты повышения эффективности инвестиционного процесса.

1. Реализация и выбор направлений инвестирования в рамках организации требуют интеграции системы управления инвестициями в общую систему управления организацией.

2. Мобильность в реализации управленческих решений, оперативность в анализе и прогнозировании изменений внешней среды организации, в решении организационных и производственных вопросов развития организации повышают эффективность инвестиционного процесса, но требуют в свою очередь совершенствования и развития человеческого капитала организации как на уровне специалистов и рядового персонала, так и на уровне руководства предприятия.

На основании выделения вышеперечисленных условий обеспечения эффективности инвестиционного процесса можно сделать вывод об эффективности управления как одним из основных элемен-

тов роста эффективности в целом. При определении долгосрочных условий обеспечения опережающего экономического развития необходимо учитывать, что на развитие любой отрасли, как известно, в числе прочих факторов оказывают влияние эффективность управления, профессионализм менеджеров и способность своевременно приспосабливаться к изменяющимся условиям [1, с. 222].

В свою очередь управленческие решения основываются на качестве существующего в организации человеческого капитала. Информация, лежащая в основе любого принимаемого инвестиционного решения, собирается персоналом, анализируется и оценивается специалистами организации. Итоговые управленческие решения принимает руководство компаний. Соответственно, именно качество используемого человеческого капитала фактически становится элементом реализации и повышения эффективности инвестиционного процесса.

При рассмотрении роста эффективности функционирования отдельных организаций необходимо также учитывать, что данный процесс может приводить к последующему изменению направлений технологического, финансового, научного развития общества в целом. Реализуемые прорывы в формировании и развитии новых технологических, организационных и инновационных изменений в рамках отдельного предприятия позволяют формировать приоритеты развития отдельных отраслей или секторов промышленности национальной экономической системы, определяя особенности развития национальной экономики.

Среди базовых факторов, влияющих на эффективность инвестиционного процесса, на наш взгляд, необходимо также выделить:

1. Внешние условия.
2. Стратегию развития компании и стратегию инвестиционного развития.
3. Существующие инвестиционные возможности организации и налаженный механизм инвестирования в рамках организации.

При этом среди внешних факторов в настоящее время необходимо обращать внимание также на экономическую ситуацию (во взаимосвязи с общей политическим ситуацией), на законодательное и нормативное регулирование инвестиционной деятельности. Также к внешним факторам стоит отнести:

- 1) существующие возможные источники для привлечений финансовых ресурсов при необходимости расширения инвестиционного процесса;
- 2) поставщиков и потребителей продукции и услуг организации;
- 3) существующие ограничения реализации инвестиционного процесса в рамках текущей международной ситуации. Изменение международной политической и экономической ситуации оказы-

вает непосредственное влияние на отечественную экономическую систему. Усиление санкционного давления, ограничение доступа к финансовым ресурсам за пределами национальной экономики (за исключением ряда дружественных экономических систем) приводят к серьезным изменениям в реализации инвестиционного процесса.

При этом, с одной стороны, ограниченность доступа отечественных производителей к инновационным и финансовым возможностям внешнего рынка ограничивает традиционные направления развития производства и технологий производства и заставляет трансформировать механизмы достижения поставленных целей. Но, с другой стороны, создаются новые возможные направления развития в рамках формирования новых отраслей и развития импортозамещения с наличием уже в настоящий момент существующего спроса внутри страны. Координация всех происходящих изменений и определение новых приоритетов развития экономики взаимосвязаны в данном случае с процессом совершенствования человеческого капитала.

С учетом вышеизложенного, мы можем сформулировать базовые факторы, определяющие параметры инвестиционного процесса в рамках предприятия. К ним можно отнести:

- долгосрочный горизонт планирования и реализации инвестиционных проектов;
- масштабы вложения инвестиционных ресурсов;
- влияние макроэкономической ситуации;
- влияние инвестиций на экономическую, экологическую и социальную эффективность в рамках организации и ее внешней среды;
- направленность инвестиционного процесса на формирование долгосрочных конкурентных преимуществ.

В целом, подводя итог, можно утверждать, что особенности реализации инвестиционного процесса, с одной стороны, определяются инновациями и потенциалом, накопленным организацией в рамках проводимых исследований и исследовательских разработок. С другой – качество принимаемых инвестиционных решений напрямую связано с особенностями существующего человеческого капитала организации. При этом инвестиционный процесс укладывается в параметры проведения общей промышленной политики в стране, которая пересекается с другими видами политики, проводимой государством. Например, промышленная политика в данном случае пересекается с социальной политикой, обеспечивая возможности для экономического развития [2, с. 391].

Таким образом, эффективность инвестиционного процесса может рассматриваться как функция от:

- 1) инноваций;
- 2) человеческого капитала;
- 3) компетентности руководства;

4) потенциальных возможностей используемых технологий;

5) эффективности организационных решений.

К внешним параметрам можно отнести также общую ситуацию в рамках проводимых инновационных и научных исследований в национальной экономике и общую инновационную активность российского бизнеса. В основе проведения научных исследований, в свою очередь, лежит базовая система образования в национальной экономике [3, с. 56].

При рассмотрении роли государства и предпринимательского сектора в проведении научных исследований и реализации инновационной составляющей инвестиционного процесса необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на таблицу 1.

Таблица 1
Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, млрд руб. [4]

	2019 г.	2020 г.	2021 г.
По источникам финансирования:			
средства бюджета	730,8	768,8	840,4
собственные средства научных организаций	193,4	205,5	242,9
средства фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности	11,7	14,4	13,0
средства организаций предпринимательского сектора	169,1	161,9	176,5
средства образовательных организаций высшего образования	1,5	1,5	2,0
средства частных некоммерческих организаций	1,1	1,7	1,7
средства иностранных источников	27,2	20,7	25,1

Из таблицы 1 можно определить решающую роль государства в реализации научных исследований и разработок в российской экономике при незначительном вложении ресурсов самих организаций в исследования. Тем не менее можно отметить некоторое улучшение в показателях инновационной активности в целом российского бизнеса в последнее время.

Таким образом, инвестиционный процесс представляет собой сложную экономическую категорию, определяемую множеством параметров и факторов развития современной экономической системы. Его необходимо рассматривать в рамках оценки влияния внешней и внутренней среды организации (включая особенности управления и решения производственных и организационных вопросов) в условиях регулирующего и координирующего влияния государства. При этом проблемы развития инновационной составляющей инвестиционного процесса во

многим зависят от общей ситуации с проведением научных исследований в стране, с трансформацией существующей системы образования и общей инновационной активности бизнеса.

Литература:

1. Малаев В.В., Хайруллина Г.Р. Рынок труда в финансовом секторе России // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 222–225.
2. Nizamutdinov I.K., Malaev V.V. Social policy of the state in interrelation with the general economic policy instruments // Astra Salvensis. – 2017. – P. 391–398.
3. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Фахрутдинова Е.В. Эффективность развития региональной высшей школы: качественно-количественный анализ (на примере Приволжского федерального округа) // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2019. – № 12. – С. 55–61.
4. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 691 с.

Specifics of Investment Process Realisation in Modern Economy

***Malaev V.V., Valeev E.R.
Kazan (Volga Region) Federal University***

The investment process in the modern economic system determines the prospects and opportunities for ensuring sustainable economic growth and economic development. The analysis of the factors and conditions that form the possibilities of improving the efficiency of the investment process both at the level of an individual company and at the level of the entire national economy allows us to correlate the investment process with general innovative changes in the economic system. The improvement and development of human capital makes it possible to determine the parameters of the intensification of the investment process in the context of the innovative development of the economy.

Key words: investment, innovation, human capital, efficiency, economic development

УДК 330.322

Космический туризм: перспективы для бизнеса**Охрименко Е.И.**

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Ошкордина А.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

В статье обозначена актуальность космического туризма на современном этапе; представлен обзор и анализ работ ученых, проводивших исследования, связанные с влиянием космического туризма на экономику страны.

В результате проведенного анализа, авторами установлено, что Россия имеет лидирующие позиции среди стран, занимающихся исследованиями в сфере космического туризма; обозначены проблемы, рассматриваемые в рамках процесса реализации проектов космического туризма; определены основные направления деятельности государства, а также представлены условия для привлечения инвестиций.

Ключевые слова: космический туризм, инвестиции, бизнес, экономика, перспективы, проекты, рынок

В настоящее время удивить клиента становится все сложнее и сложнее, так как потребности становятся все разнообразнее. Каждая из сфер обслуживания стремится удовлетворить потребности путем введения новых услуг. Туристическая деятельность не исключение.

На современном этапе космический туризм является перспективным видом путешествий в мире. У туристов возникают потребности в получении новых ощущений, именно космический туризм сможет в большей мере удовлетворить их.

Под космическим туризмом понимается полет в космическое пространство или на околоземную орбиту, который позволяет почувствовать себя космонавтом и совершить космическое путешествие [1, с. 29].

Космический турист – это человек, который совершил полет на околоземную орбиту, также сделал

это на коммерческой основе. Первым полноценным туристом, оплатившим поездку на Международную космическую станцию (далее – МКС) в 2001 г., стал американец Денис Тито [2, с. 26].

Полеты в космос или околоземную орбиту оплачиваются частными средствами. Такой вид туризма проводится в развлекательных или исследовательских целях. Туры подобного вида можно охарактеризовать как новый вид экстрима.

Существуют и разрабатываются программы, связанные с космическим туризмом, каждая такая программа имеет свои особенности и определенную стоимость. Важно отметить, с одной стороны, необходимым условием для дальнейшего развития российского космического туризма является интеграция космической отрасли в международный рынок товаров и услуг космического назначения, с другой стороны – пока на недостаточном уровне ведется

работа со стороны государства для привлечения бизнеса (инвесторов) с целью совместной разработки и реализации космических проектов.

Привлечение инвесторов в ходе выстраивания партнерских отношений и взаимодействия с государством является необходимым условием для развития космического туризма. Более того, данная интеграция ослабит влияние санкций зарубежных стран в отношении России, даст возможность для расширения рынков сбыта и обеспечит приток дополнительных финансовых ресурсов.

На сегодняшний день проведено немало исследований в области изучения влияния космического туризма на экономику страны. Однако, на наш взгляд, существует недостаточно научных трудов, посвященных изучению проблем инвестиционной деятельности со стороны бизнеса в развитие космического туризма.

Д.Л. Дзюман, М.В. Ромаданова подчеркивают, что необходимо уделять особое внимание правовому регулированию космического туризма, поскольку он является перспективой для развития государства [3].

А.Г. Сарафанова, А.А. Сарафанов отмечают в своем исследовании [4], что необходимо рассматривать вопросы, связанные с доступностью космических услуг для среднего класса. Космические услуги остаются дорогостоящими на сегодняшний день. В исследовании авторами обозначены причины в отношении формирования цены на полет в космическое пространство.

Н.Б. Нечаева акцентирует особое внимание на исследование процесса коммерциализации космического туризма, а также вклада российской космонавтики в сотрудничество государств [5].

А.И. Дронов подчеркивает, что существует зависимость индустрии туризма от состояния глобальной экономики [6]. Поскольку индустрия туризма относится к коммерческой сфере, следовательно, влияние на нее является неизбежным. Автор особое внимание уделяет анализу причин популяризации космического туризма. Доказано, что именно для эффективного развития внутреннего туризма необходимо учитывать объекты и исторические места, имеющие отношение к космонавтике. Наша страна богата культурным наследием, которое тесно связано с космонавтикой, следовательно, автор акцентирует особое внимание на необходимость и причины формирования взаимосвязи внутреннего и космического туризма [6].

Единственная станция в космосе, которая используется для туризма, – Международная космическая станция. Такого рода путешествие представляет собой долговременное нахождение на станции [2, с. 25].

На современном этапе российские корабли считаются наилучшими и дешевыми по сравнению с другими странами.

В России для отправки клиентов на околоземную орбиту используют корабли под названием «Союз». Такие корабли считаются надежными и прочными. Также большой плюс «Союза» заключается в том, что полет на таком корабле гораздо дешевле, нежели на шаттле [7, с. 146]. Именно поэтому туристы из других стран приезжают в Россию, чтобы осуществить свою мечту, связанную с путешествием в космос. Большинство таких туристов – американцы. Это связано с тем, что стоимость за двухчасовой полет от компании «*Virgin Galactic*» равна 200 тыс. долл. тогда, как в России стоимость равна 50 тыс. – 80 тыс. долл.

Рассматриваемый вид туризма – очень прибыльная сфера предпринимательства. Стоимость такого вида развлечения слишком велика, поэтому данным видом туризма смогут воспользоваться лишь немногие, кто имеет высокий уровень дохода. Именно этот фактор является серьезной проблемой и оказывает определенное влияние на формирование спроса в рамках данного вида туризма.

На Международной космической станции проектируется расширение космической деятельности. Основной целью в том числе можно обозначить повышение популярности космического туризма. МКС является наиболее «пригодной» для осуществления обозначенных планов. Эксплуатация МКС запланирована до 2028 г. Для этого были разработаны проекты орбитальных отелей-гостиниц, отелей-ресторанов, в которых планируется размещать будущих космических туристов.

Важно обратить особое внимание на то, что до недавнего времени изучением космического пространства занимались только государственные корпорации. Однако отмечается интерес со стороны бизнеса, поступают инвестиции частных компаний с целью изучения космической сферы. Частные компании занимаются разработкой новейших спутников, космических кораблей как одноразовых, подобных «Союз-МС», так и многоразовых, предназначенных для суборбитальных полетов. Следовательно, в рамках перспектив освоения космоса необходимо уделять особое внимание изучению частных проектов, оказывающих влияние на развитие космического туризма. Например, частные проекты по созданию собственных ракет-носителей, различных космических кораблей и специализированных отелей для туристов, чтобы те могли оставаться на орбите долгое время.

Отметим проблемы, которые прослеживаются в рамках реализации космического проекта: финансовые расходы на разработку гостиничного комплекса и их окупаемость; расходы, связанные с эксплуатацией орбитального гостиничного комплекса; разработка инновационных идей, необходимых для поддержки жизнедеятельности, а также организация комфортабельных условий для космических туристов.

Сам по себе космический туризм является инновационным направлением в данной сфере, ведь там используются новейшие технологии и достижения науки для реализации внеземных туров. Космический туризм представляет новую отрасль, которая дает наибольшую прибыль по сравнению с остальными видами туризма. Именно поэтому данное направление очень привлекательно для инвесторов [8, с. 97].

В космическом туризме достаточно широко используются цифровые инновации.

Стоит обратить внимание и на некоторые отрицательные моменты, которые влияют на распространение данной сферы:

- уровень радиации в космосе, который негативно влияет на людей и на оборудование;
- недостаточный уровень безопасности;
- высокая стоимость;
- ограничения по состоянию здоровья [9, с. 253].

На наш взгляд, космический туризм необходимо рассмотреть и с моральной точки зрения. Благодаря путешествиям на околоземную орбиту, люди могут посмотреть на Землю и понять, насколько важно бережно относиться к планете.

На современном этапе развитие новых технологий в мире происходит очень стремительно, и экспедиции в космос могут стать доступными за счет сокращения издержек, которые влияют на цену за полет. Очевидно, что данное направление в туризме является прибыльным, поэтому осуществлять инвестиции в развитие данной отрасли будет наиболее целесообразно для бизнесменов и инвесторов.

На мировом рынке уже существуют иностранные компании, которые активно проявили интерес к космическому туризму. Компания *SpaceX* стремится развивать космический туризм. Она может отправлять в космос до шести миссий с туристами каждый год [9, с. 253].

Например, 25 октября 2021 г. новое орбитальное направление открыло пространство для бизнеса и путешествий. Американские компании *Blue Origin* и *Sierra Space* [10] запланировали строительство на низкой околоземной орбите *Orbital Reef*, коммерчески разработанную и управляемую космическую станцию [10]. Для станции будет обеспечена поддержка, в том числе со стороны бизнеса. Планируется, что *Orbital Reef*, например, может предоставить возможность космическим туристам установить на орбите свой собственный адрес. На станции созданы все условия для исследовательской деятельности. На *Orbital Reef* представлены коммерческие заказчики, различные конкурентоспособные услуги. На станции запланировано все, что необходимо для проведения различных работ и для комфортного жилья космических туристов. Функционирование станции планируется в ближайшее время.

В проекте *Voyager* обозначено, что космическую гостиницу планируют запустить в 2030 г. *Orbital*

Assembly Corporation объявила о том, что в январе 2021 г., компания наметила строительство орбитальной коммерческой станции с искусственной гравитацией *Voyager* для туристов. Старт назначен на 2025 г., первых туристов станция планирует принимать в 2030 г. Диаметр орбитальной станции – 200 м, ширина – 20 м. Орбитальная станция будет необычной, выполненной в форме кольца, которое похоже на гигантское колесо с 24 модулями. Перемещение между модулями будет осуществляться с помощью лифтов. Планируется работа ресторанов, кинотеатра, тренажеров, а также комнаты на 400 чел. [11].

Таким образом, иностранные государства достаточно активно выходят на мировой космический рынок туристских услуг. Это достигается путем разработки соответствующих программ, с помощью которых государство успешно привлекает частные инвестиции в развитие космического пространства.

Важно акцентировать особое внимание на следующих основных моментах рынка космического туризма. Объем рынка космического туризма оценивался в 1181,37 млн долл. США в 2022 г. В течение прогнозируемого периода увеличение в среднем составит 22,09 % и тем самым сможет достичь к 2028 г. 3912,67 млн долл. США [12].

Стоит понимать, что перспективы у космического туризма, действительно, большие. В данный момент происходит разработка Коммерческой космической станции (далее – ККС) отечественной компанией «Энергия». Разработка и дальнейшая реализация данной станции поможет увеличить прибыль от нахождения туристов в космосе, ведь тогда они смогут приобрести что-то в магазине в космосе, что уже звучит достаточно привлекательно. Также космические гости смогут иметь полноценный отдых: они смогут пребывать в космическом пространстве не несколько часов, как сейчас, а несколько дней за счет предоставления спальных мест в космической гостинице [1, с. 30]. Данная станция разрабатывается с целью предоставления туристам всех тех удобств, которые есть на Земле в обычном курортном городе, но только все эти блага будут представлены в космосе.

Также стоит отметить, что Коммерческая космическая станция может стать убежищем для экипажа МКС, если возникнет чрезвычайная ситуация.

В настоящее время компании, занимающиеся космонавтикой, направляют свои ресурсы на разработку и реализацию специальных кораблей, которые могут заменить самолеты. Путешествия на таких средствах передвижения помогут сократить время пребывания в полете в несколько десятков раз [2, с. 28].

Космический туризм – это не только полеты в космос, но и посещение таких мест, которые связаны с космосом, которые имеют огромное значение

для развития космонавтики. Например, существует Музей космонавтики в Москве, который посвящен «Покорителям космоса». Турист может посетить данный музей и окунуться в космическое пространство, не покидая Земли.

Космический туризм и его дальнейшее развитие для России имеет важное значение. Именно из-за развития этой отрасли в стране и организации относительно недорогих полетов в космос Россия стала привлекательной для туристов из других стран, что повлияло в значительной мере на развитие въездного туризма. А въездной туризм положительно влияет на экономику нашей страны [13, с. 281].

В рамках развития космического туризма очевидно получение экономических выгод для бизнеса и государства. Для государства – это уникальная возможность разработать совместно с инвесторами новые варианты финансирования космической деятельности, привлечь необходимые инвестиционные ресурсы, обеспечить большую гибкость в применении различных рыночных механизмов. Для бизнеса – получение заказов, тиражирование и продвижение пилотных проектов на рынке, создание операторских компаний и т.д.

Необходимо своевременно анализировать рынок развития космического туризма. Составление отчета по данному направлению будет являться важным инструментом для всех заинтересованных сторон, например, инвесторов, владельцев бизнеса, исследователей и т.д.

На наш взгляд, всесторонний анализ и отчет позволят потенциальным инвесторам принимать обоснованные решения, связанные с инвестиционной деятельностью в рамках развития сферы космического туризма. Кроме того, у предприятий появится возможность, благодаря исследованию рынка космического туризма, разрабатывать успешные бизнес-стратегии и получать соответствующие доходы.

По результатам проведенного исследования сформулирован вывод о том, что не только государству, но и инвесторам (бизнесу) необходимо вкладывать средства в развитие космического туризма, поскольку данный вид туризма может принести в будущем значительную прибыль. Средства, заработанные с туров и экскурсий, можно инвестировать в дальнейшее изучение космоса.

Предложены и обоснованы совместные направления деятельности со стороны государства и бизнеса в сфере развития космического туризма.

Развитие космического туризма положительно влияет на туристическую сферу. Такое направление дает большое количество возможностей для создания новых путей сбыта различных туристических продуктов. Широкое применение космических туристических продуктов будет являться стимулом для дальнейшего развития и поддержки космонавтики, а также различных отраслей народного хозяйства.

Благодаря сотрудничеству государства и бизнеса появится уникальный шанс для разработки качественно новых перспективных направлений для будущих космических туристов. Более того, это уникальная возможность для нашего государства укрепить свои позиции на мировом рынке.

Литература:

1. Акельева А.А., Кирова И.О. К вопросу предпринимательской деятельности в сфере космического туризма // Перспективы развития науки в современном мире: Материалы XI межд. науч.-практ. конф. (Уфа, 19 октября 2018 г.). – Уфа, 2018. – С. 29–35.
2. Коржанова А.А. Космический туризм // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: Материалы II межд. науч. конф. (Красково, 11-12 апреля, 2018 г.). – Красково, 2018. – С. 25–29.
3. Дзюман Д.Л., Ромаданова М.В. Международно-правовое регулирование космического туризма // International & Domestic Law: Материалы XVI ежегодной межд. конференции по национальному и международному праву / Отв. за выпуск А.В. Галиулина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2022. – С. 375–378.
4. Сарафанова А.Г., Сарафанов А.А. Космический туризм как объект исследования экстремально-го досуга // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 1(207). – С. 65–74.
5. Нечаева Н.Б. Горизонты космического туризма // XLVI академические чтения по космонавтике: Сборник тезисов, посвященные памяти академика С.П. Королёва и других выдающихся отечественных ученых – пионеров освоения космического пространства. В 4-х т. Т. 2. – М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2022. – С. 252–255.
6. Дронов А.И. Космический туризм – инновационные технологии туристической индустрии // Наука. Искусство. Культура. – 2022. – № 4(36). – С. 15–27.
7. Шипулина Л.В., Беспелюхина Е.И. Космический туризм – реальность и перспективы. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36934468> (дата обращения: 01.12.2022).

8. Парфенова С.А. Развитие космического туризма // Туризм и гостеприимство сквозь призму инноваций: Материалы III науч.-практ. конф. (Москва, 27 февраля 2018 г.). – М., 2018. – С. 95–99.
9. Поддубная Т.Н., Луганская Ю.С. Перспективы развития космического туризма. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35533035> (дата обращения: 1.12.2021).
10. Blue Origin and Sierra Space developing commercial space station. – URL: <http://www.blueorigin.com/news/orbital-reef-commercial-space-station>.
11. Космическую гостиницу хотят запустить уже в 2030 году. – URL: <http://zen.yandex.ru/media/nauka/kosmicheskuiu-gostinicu-hotiat-zapustit-uje-v-2030-godu-glawye-fakty-o-proekte-voyager-60fd256fc107de1e3b7c0e5a> (дата обращения: 01.06.2021).
12. Рост рынка космического туризма и прогноз до 2031 года. – URL: <http://www.marketwatch.com>press-release/space-tourism-market-research-report-on-regional-size-and-status-2023-2030-2023-06-19>.
13. Дронов А.И. Космический туризм в стратегии развития космонавтики. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37099440> (дата обращения: 1.12.2021).

Space Tourism: A Business Outlook

Okhrimenko E.I., Oshkordina A.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The article outlines the relevance of space tourism at the present stage. An overview and analysis of the work of scientists who conducted research related to the impact of space tourism on the country's economy is presented.

As a result of the analysis, the authors found that Russia occupies a leading position among countries engaged in research in the field of space tourism. Identified issues addressed in the implementation of space tourism projects. The main directions of the state's activities are determined, and the conditions for attracting investments are presented.

Key words: space tourism, investments, business, economy, prospects, projects, market, research

УДК 342

Эколого-правовой механизм защиты от радиационного загрязнения и его негативного воздействия: проблемы реализации и перспективы совершенствования**Саркисов О.Р.**

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Института социальных и гуманитарных знаний,
Заслуженный работник высшей школы РТ (Казань)

Гуревич В.А.

Эксперт Министерства юстиции РТ, Ответственный редактор
журнала «Вестник экономики, права и социологии»,
Заслуженный юрист РТ (Казань)

В статье исследуется состояние радиационного загрязнения в регионах Российской Федерации, рассматриваются перспективы и возможности улучшения экологической обстановки зараженных участков с учетом принятия специальных мер защиты.

Ключевые слова: радиационная загрязненность территорий России, контроль над состоянием окружающей среды, правовые проблемы обеспечения экологической безопасности

Прежде всего следует отметить, что нормы Конституции РФ, в частности, ст. 58 требуют от государства, его органов и граждан принятия постоянных мер по защите окружающей среды [1]. Ст. 2 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ № 7-ФЗ) определяет, что охрана окружающей среды является основой жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, в целях обеспечения их прав на благоприятную окружающую среду [2]. В этой связи обеспечение экологической безопасности – одна из составляющих экологической функции российского государства и, соответственно, задача практически всех государственных органов по защите прав граждан в сфере охраны здоровья.

Особую реальную опасность для здоровья людей представляют радиоактивные отходы (радионуклиды), которые распадаются и испускают ионизирующее излучение – радиацию. Радиационная загрязненность является долгоживущим источником облучения населения. Именно радиация представляет большую опасность для окружающей среды. Одним из слож-

ных и важных направлений деятельности института государства в области охраны окружающей среды является контроль состояния радиации в регионах России. Действующий ФЗ № 7-ФЗ рассматривает экологическую безопасность как состояние защищенности природной среды и жизни людей от негативного воздействия радиации. В Законе от 09.01.1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» (ред. от 19.07.2011 г., с изм. от 18.03.2023 г.) основным показателем для принятия решения специально уполномоченными органами в случае нанесения ущерба природной среде и здоровью населения радиационной загрязненностью являются оперативные и эффективные меры воздействия государства.

Авария на Чернобыльской АЭС 26.04.1986 г. вызвала крупнейшую по масштабам радиоактивного загрязнения биосферы экологическую катастрофу, стала общенародным бедствием, затронувшим судьбы миллионов людей, проживающих на огромных территориях, привела к самому масштабному заражению территорий в истории человечества. Облака радиоактивных газов прошли Советский

Союз насквозь, досталось и Юго-Восточной Европе – Румынии, балканским странам. Но больше всего пострадали приграничные с СССР территории: Белорусская ССР, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Ульяновская области, Мордовия. В результате аварии из сельхозоборота было выведено около 5 млн га земель, вокруг Чернобыльской АЭС была создана зона отчуждения в 30 км, были уничтожены сотни мелких населенных пунктов. Анализ радиоактивного загрязнения территории Европы цезием-137 показывает, что около 35 % чернобыльских выпадений этого радионуклида на европейском континенте находится на территории Беларуси. Самые большие потери Республики Беларусь от чернобыльской катастрофы, безусловно, связаны с ухудшением здоровья людей, общая величина экономического ущерба за 1986–2015 гг. составляет около 93,27 млрд долл. Кроме того, были подвержены радиации территории РФ площадью 56 тыс. кв. км с населением около 3 млн чел., из которых 52 тыс. граждан был эвакуированы или переселились в добровольном порядке. Многие населенные пункты оказались доступными воздействию радиации.

Возникли новые социальные и экономико-правовые условия в районах, где сформировались зоны повышенного радиоактивного загрязнения вследствие аварии. В этой связи были приняты нормативно-правовые акты для граждан, проживающих на вышеуказанных территориях, защиты их законных прав и здоровья: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 29.05.1986 г. № 634-188 «О проведении дезактивационных работ в районах Украинской ССР и Белорусской ССР, подвергшихся радиоактивному загрязнению в связи с аварией на Чернобыльской АЭС»; Постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС от 05.06.1986 г. № 665-195 «Об условиях оплаты наемного труда и материального обеспечения работников предприятий, организаций и учреждений, занятых на работах, связанных с ликвидацией последствий аварий на Чернобыльской АЭС и предотвращением загрязнения окружающей среды»; Закон РФ от 15.05.1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ред. от 28.12.2022 г.). Принятые нормативные акты установили правовой статус населения и территорий в зоне экологического бедствия, права государственных органов, граждан и т.п. Определены важные направления по дезактивации нанесенного ущерба и недопущению таких аварий впредь.

Нанесенный радиационный ущерб территориям Советского Союза, Российской Федерации характеризуется наличием радиоактивных веществ на поверхности земли, в воздухе, в теле человека, и т.д., в количестве, превышающем установленные уров-

ни. За определенное время они или распадаются или переходят в другое состояние. Тем не менее наносится вред всему живому – людям, животному миру, водным акваториям, лесным насаждениям. Экологи выделяют свыше 55 крупных городов, где сложилась критическая экологическая обстановка [3]. Кроме того, в 1993 г. определены площади с уровнем загрязнения цезием-137 более 1 Ки/км² в областях и республиках России (Татарстан – 68 Ки/км², Нижегородская обл. – 74,8 Ки/км², Ленинградская обл. – 85,9 Ки/км², Пензенская обл. – 43,2 Ки/км², Воронежская обл. – 52,4 Ки/км²). Постановлением Правительства РФ от 18.12.1997 г. № 1582 утвержден «Перечень населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного «загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Такие населенные пункты находятся в 14 субъектах РФ. В Брянской области пострадало 440 пунктов, жители которых должны были быть отселены. Постановлением Правительства РФ от 14.06.2002 г. № 421 утвержден порядок и сроки разработки специальных экологических программ реабилитации загрязненных радиацией участков территории России.

В 40 субъектах Российской Федерации более 54 % городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. На полигонах Новой Земли произведено 180 поверхностных и подземных ядерных взрывов, последствия которых пока не известны. В этой связи определена зона проживания с льготным социально-экономическим статусом. Во всех регионах действует система защиты от внешнего ионизирующего излучения людей, городов, поселений и природных комплексов. Научная предельно допустимая доза радиации для человека составляет не более 5 мЗв, или 0,5 бэр, или 0,5 Р в год. Главный санитарный врач Российской Федерации Г. Онищенко Постановлением от 26.04.2010 г. № 40 утвердил «Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности» (в ред. от 16.09.2013 г.). Вышеуказанные правила и нормативы обеспечения радиационной безопасности устанавливают требования по защите людей от вредного радиационного воздействия при всех условиях облучения. При радиационной аварии принцип обоснования относится к защитному мероприятию. Для чего обеспечивается оценка состояния радиационной безопасности в данной местности, регионе, городе и т.д. Рассматривается вероятность радиационных аварий и их масштаб – степень готовности к эффективной ликвидации радиационных аварий, число лиц, подвергшихся облучению вышеустановленных пределов доз облучения, проводится анализ доз облучения. Радиационная безопасность населения и специалистов (персонала) обеспечивается: созданием условий жизнедеятельности людей, отвечающих требованиям, установленным санитарными прави-

лами и нормами снижения облучения, ограничениями допуска к работе с источниками ионизирующего излучения по возрасту, полу, состоянию здоровья, уровню предыдущего облучения и другим показателям. Кроме того, приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 6.08.2020 г. № 294 утверждена рекомендация по размещению и безопасной эксплуатации радиационных источников.

Анализируя состояние отдельных регионов и городов РФ с напряженной экологической ситуацией, необходимо обозначить наличие источников загрязнения атмосферного воздуха, воды, почвы, наносящих ущерб. Это, прежде всего, нефтяная промышленность, химическая промышленность, машиностроение, добыча и обогащение минерального сырья и т.д. [4].

Так, на территории Республики Татарстан находятся 178 промышленных объектов с радиационным фоном, одними из которых являются нефтедобывающие комплексы. И таких мест предостаточно. В связи с этим под г. Казань находится Федеральный центр токсикологической, радиационной и биологической безопасности ВНИВИ, который занимается вопросами контроля над состоянием радиационного фона. Кроме того, Постановлением Кабинета Министров РТ от 26.05.1998 г. № 293 введены радиационно-гигиенические паспорта (РГП), характеризующие параметры радиационной безопасности территории предприятия, использующего источники ионизирующего излучения (ИИИ). В соответствии с чем создана Единая государственная система контроля и учета индивидуальных доз облучения граждан региона. Наблюдение за ситуацией, связанной с радиацией, возлагается на Государственный комитет санитарного надзора РТ. Кроме того, на территории республики находятся два десятка лабораторий, занимающихся вопросами мониторинга окружающей среды и радиационной безопасности. Однако добыча нефти связана с повышением уровня радиации, там, где есть разработки, радиационный повышенный фон достигает до 500 микрорентген в час и, естественно, наносится ущерб окружающей среде и здоровью работников нефтяной промышленности. Так, только на предприятии «Сибур» «Казаньоргсинтез» работают в настоящее время 6 тыс. чел., в г. Нижнекамске на заводе «Нижнекамскнефтехим» – 15 тыс. чел. Несмотря на современные технологии, радиационный фон на предприятиях заметно повышен, основные вредные вещества, влияющие на здоровье работников, – хлор, свинец, фенол [5]. Проведенные исследования зафиксировали превышения допустимой их концентрации в атмосферном воздухе вышеуказанных объектов республики.

Настораживает ситуация в области радиационного загрязнения на Северном Кавказе. Кавказские Минеральные Воды – единственный многопрофильный бальнеологический курорт, который по разнообразию

своих климатологических факторов не имеет аналогов на евро-азиатском континенте. На известных всему миру курортах – Пятигорске, Кисловодске, Железноводске, Ессентуках с населением более 0,5 млн чел. сосредоточено 120 санаторно-курортных учреждений, кемпингов, туристических гостиниц, которые только в течение одного года способны принять на отдых и лечение больше миллиона россиян. В этом уникальном регионе основные бальнеологические факторы – минеральные воды, климат, ландшафт и др. соседствуют, а порой и сопровождаются природно-экологическими негативными воздействиями, к числу которых относятся и радиационные, которые наносят ущерб природе и находящемуся на данной территории населению. Кроме того, на территории Кавказских Минеральных Вод имеются урановые залежи. Еще в послевоенные годы XX столетия, когда стране был необходим ядерный щит, вспомнили об исследованиях геологов, которые обнаружили урановую руду. В горе Бештау началось строительство шахт по разработке урана. В 1952 г. появился шахтерский город Лермонтов. Трудная и опасная работа дала определенные результаты, однако в 1974 г. урановые залежи были исчерпаны. Шахты закрылись, а город остался. С момента основания город Лермонтов тесно связан с крупными промышленными объектами: Горно-химическим рудным управлением – первым в СССР предприятием по добыче и переработке ураносодержащих руд, гидрометаллургическим заводом, выстроенным в 1954 г. В 1975 г. был разработан генплан застройки Лермонтова. Основной отраслью экономики четко значилась промышленность. Уже в середине 1980-х гг. добыча руды была прекращена из-за снижения ее количества. Гора Бештау изрезана рудниками, общая протяженность 50 штолен составляет около 150 км. Но все входы давно замурованы или заварены. Радиационный фон и экологическая обстановка в городе будто бы не вызывают тревоги у компетентных специалистов. Однако неблагоприятное воздействие облучения наносит ущерб населению [6]. Кроме того, проведенные исследования свидетельствуют о наличии на территории вокруг горы Бештау радиационного фона. А он создает около 70 % суммарной дозы, получаемой человеком от всех источников радиации.

В соответствии с государственными программами и правительственными постановлениями, государственным предприятием «Кольцовгеология» во всех городах и курортах Кавказа проведены исследования по оценке радиационной обстановки и выявлению техногенных радиоактивных загрязнений. Определены уровни естественного гамма-фона на Кавказских Минеральных Водах, которые составили по Кисловодску – 8–16 мкр./час, в Ессентуках – 10–20 мкр./час, в Пятигорске – 9–20 мкр./час, участками до 30 мкр./час, в г. Лермонтове он составляет 20–25 мкр./час, т.е. является явно повышенным ра-

диационным фоном, негативно воздействующим на состояние здоровья населения городов и граждан России, прибывших на курорт. В этой связи положительным является то, что Распоряжением Правительства РФ от 30.04.2022 г. № 1089-р учреждена «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года». В ней рекомендовано органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органам местного самоуправления руководствоваться положениями Распоряжения Правительства РФ при разработке и реализации важных задач в области оздоровления окружающей среды. Стратегия предписывает обратить особое внимание на сравнительно высокий уровень загрязнения атмосферы радиацией в отдельных промышленных центрах, крупных городах и агломерациях региона.

В других регионах страны также наблюдается сложная ситуация. Так, по данным Росгидромета, на территории Нижегородской области существует три предприятия, которые можно классифицировать как радиационноопасные объекты. Один из самых известных ядерных объектов – в Семеновском районе, примерно в 100 км от Нижнего Новгорода. Наблюдается высокая радиация в Восточно-Уральском радиационном заповеднике. Радиоактивно загрязнена речная система Теча – Исеть – Тобол – Иртыш – Обь. Архипелаг Новая Земля – слив жидких и твердых радиоактивных веществ. Поражена радиацией арктическая зона – Мурманская и Архангельская области. В этой связи радиационное воздействие негативно отражается на здоровье граждан России: раковые заболевания щитовидной железы, легких, желудка, кишечника, наследственные нарушения генетического кода, поражение органов зрения (катаракта), нервов, кровеносных и лимфатических сосудов, нарушение психического и умственного развития [7]. Исходя из этого, принципиальным является то, что в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений, ст. 1 ФЗ от 24.11.1995 г. “О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» отмечено, что независимо от того, о каких способах возмещения идет речь в Законе: льготах, денежных (материальных) компенсациях, денежных доплатах к социальным выплатам, все они входят в объем возмещения вреда на основе максимально возможного использования государством имеющихся средств для обеспечения достаточности такого возмещения. Законодательство должно быть направлено на защиту жизни и здоровья граждан России. В этой связи Постановлением Правительства РФ от 30.01.2023 г. № 119 чернобыльцы и к ним приравненные отнесены к федеральным льготникам, которым полагается ежемесячная денежная

выплата (инвалиды, ликвидаторы чернобыльской катастрофы, перенесшие лучевую болезнь, их семьи и дети, проживающие на территории, подвергшейся радиоактивному воздействию). Для инвалидов, ликвидаторов последствий чернобыльской катастрофы в 1986–1987 гг. – 3540,76 руб.; для перенесших лучевую болезнь, ликвидаторов чернобыльской катастрофы в 1988–1990 гг., граждан, выехавших из зоны отчуждения, – 2834,4 руб.; для граждан, постоянно проживающих на территории с правом на отселение, с льготным экономическим статусом или в зоне отселения, – 708,6 руб. Для сравнения: в других странах компенсации при нанесении ущерба здоровью радиацией в десятки раз выше.

Необходимо отметить то, что вышеуказанные действующие законы и Указ Президента РФ от 13.10.2018 г. № 585 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» направлены на обеспечение национальных приоритетов Российской Федерации, защиту жизни и здоровья граждан, охрану окружающей среды. Активно продолжается работа общественных структур страны в области недопущения строительства несовершенных и ненужных радиационных объектов. Благодаря усилиям антиядерных активистов с 1988 по 1992 гг. было предотвращено строительство нескольких ядерных реакторов. Запланированное строительство ряда реакторов (Костромской АЭС, Калининградской АЭС, Курской АЭС и т.д.) было отменено. Общественное движение против ядерных технологий способствует предотвращению ядерных проектов. Группы прямого действия «Зеленых» в РФ связывают себя с антиядерным движением. 9 ноября ежегодно в России отмечается Международный день антиядерных акций. На территории Республики Татарстан также ежегодно проводятся антиядерные протесты [8]. Антиядерное общество Татарстана только в 2023 г. организовало и провело 3 пикета против планов строительства атомной энерготехнологической станции для выработки водорода.

Бесспорно, что современная социально обусловленная сфера деятельности государства должна быть направлена на: совершенствование и развитие служб изучения, прогнозирования, обнаружения, мониторинга чрезвычайных ситуаций, оповещения населения; научно-методическое обоснование разработки планов превентивных действий по защите населения и минимизации потенциально предотвратимых ущербов; предупреждение возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера; развитие служб ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий.

Разрушительные воздействия радиации на человека и окружающую среду обуславливают необходимость строжайшего регулирования обращения с

упомянутыми источниками радиации, что и является задачей введения норм радиационной безопасности. К сожалению, введенные и установленные в законах меры социальной поддержки и компенсации не возмещают причиненный вред в полном объеме, так как на практике вред, причиненный здоровью в результате, например, радиационного воздействия, оказывается куда более значительным. В этой связи определенные выше показатели не соответствуют социальному уровню жизнедеятельности населения страны. В отличие от социальной защиты граждан Белоруссии, получающих 100 % выплату вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, в России законодательная база еще явно недостаточно защищает пострадавших от ядерной катастрофы 1986 г., а также и других категорий, пострадавших от облучения радиацией, что вызывает справедливое возмущение людей. Исходя из этого, безусловно, в действующие нормативные акты необходимо внести соответствующие дополнения и изменения, направленные на улучшение состояния жизнедеятельности граждан России с учетом реалий настоящего времени. Эта проблема стала именно «кричащей», ведь вопрос не решается уже десятилетиями.

Следовательно, государственная политика в области радиационной безопасности должна осуществляться, исходя из совокупности мер, направленных на предупреждение или локализацию чрезвычайных ситуаций, а также на максимально возможное снижение угрозы жизни и здоровью граждан от поражающих факторов при чрезвычайных ситуациях и размеров ущерба от них [9]. Думается, что сегодня, наконец, это должно стать одной из приоритетных задач в законодательской деятельности депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, медлить больше нельзя.

Очевидно, что, не решив проблем с радиационной загрязненностью территорий страны, со-

ответствующей компенсации за нанесенный вред здоровью, невозможно на должном уровне в целом обеспечить безопасность граждан России.

Литература:

1. Конституция РФ // СПС Гарант.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС Гарант.
3. Малышев В.П. Уроки преодоления последствий Чернобыльской катастрофы: 25 лет спустя. Безопасность и чрезвычайные ситуации // Проблемы анализа риска. – 2011. – Т. 8. – № 2. – С. 14–25.
4. Балонов М.И., Анисимова Л.И., Перминова Г.С. Критерии защиты населения и реабилитации территорий России в отдаленный период после чернобыльской аварии // Радиация и риск. – 1999. – Вып. 11. – С. 108–116.
5. «Казаньоргсинтез» (предприятие ГК «Сибур») или УК «ПЖКХ» // Зеленый фонд. – 2023. – № 3. – С. 1–11.
6. Шахрамьян М.А., Акимов В.А., Козлов К.А. Субъекты Северо-Кавказского региона: опасности природного, техногенного и экологического характера // Экология и промышленность России. – 2000. – № 8. – С. 8–12.
7. Маренный А.М., Киселев С.М., Семенов С.Ю. О проблемах обеспечения защиты населения России от природных источников ионизирующих излучения // Медицина экстремальных ситуаций. – 2019. – С. 371–382.
8. Степкина К.В. Радиационная безопасность в российском законодательстве // Молодой ученый. — 2016. — № 6(6). – С. 106–107.
9. Саркисов О.Р., Любарский Е.Л. Экологическая безопасность и эколого-правовые проблемы в области загрязнения окружающей среды: учеб. пособие. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 288 с.

Ecological and Legal Mechanism of Protection Against Radiation Pollution and its Negative Impact: Problems of Implementation and Prospects for Improvement

Sarkisov O.R.

Institute of Social and Humanitarian Knowledge

Gurevich V.A.

The Review of Economy, the Law and Sociology

The article examines the state of radiation pollution in the regions of the Russian Federation, discusses the prospects and opportunities for improving the environmental situation of infected areas, taking into account the adoption of special protection measures.

Key words: radiation pollution of the territories of Russia, control over the state of the environment, legal problems of ensuring environmental safety

УДК 325.14

Миграционные процессы в Швейцарии: эволюция и ретроспективный анализ**Тышкевич А.И.**

Аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва)

Швейцария на протяжении длительного времени сохраняет свою экономическую стабильность и высокий процент иммиграции. Тысячи иммигрантов ежегодно стремятся получить разрешение на проживание в Швейцарии, однако на сегодняшний день получить такую возможность достаточно непросто, а в отдельных случаях практически невозможно, если мигрант не является гражданином ЕС. Швейцарская экономическая независимость и ее одни из лучших экономических показателей в мире тесно связаны с тем фактом, что на протяжении многих веков именно иммиграционные потоки способствовали развитию Швейцарской Конфедерации, чей политический нейтралитет, экономическое благосостояние и защищенность своих граждан так ценятся во всем мире. Швейцарское социальное государство в целом получает экономические выгоды от иммиграции ввиду того факта, что, как правило, прибывающие мигранты моложе принимающего общества и нередко имеют более высокую квалификацию. Кроме того, они энергичны, трудолюбивы и чаще работают полный рабочий день, чем местные жители. В данной работе будет проведен ретроспективный анализ миграционных процессов в Швейцарии в период с древних времен по конец XX в., в большей степени будут затронуты иммиграционные процессы и некоторые аспекты миграционной политики Швейцарии ввиду того, что именно иностранное население внесло свой вклад в развитие и становление современного швейцарского государства.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграция, история иммиграции, миграционная политика, эмиграция, Швейцария

Введение

История становления швейцарского государства достаточно сложная и интересная для изучения. К примеру, до 1848 г. (благодаря кантональным гражданским правам) любой гражданин уже считался иностранцем при переезде из одного кантона в другой. Только с 1915 г. швейцарские граждане получили швейцарские паспорта, которые четко определяли людей как швейцарских граждан и считались гарантом гражданских прав и свобод [1].

В процессе становления и развития Швейцарии как суверенного государства основополагающее значение для страны занимали иммиграционные процессы, поскольку иммигранты всегда составляли значительную часть населения швейцарского государства. В 1914 г. численность иностранцев в швейцарском

населении достигла максимума в 600 тыс. чел. или 15 %, что считалось большим показателем для европейского континента в то время [1]. Стоит отметить, что в Швейцарии индустриализация происходила на более ранней стадии по сравнению с другими европейскими странами [2]. Так, например, текстильная промышленность дала толчок к развитию машиностроения, к которой позже присоединилась и химическая промышленность. Были созданы тысячи новых рабочих мест, которые пришлось заполнить. Законов, ограничивающих иммиграцию, в то время не существовало [1].

Интересно то, что Швейцария не всегда была одной из самых богатых стран мира, ей также были свойственны различные экономические кризисы на этапе становления. Швейцарская экономика получа-

ла определенные выгоды и преимущества от большого потока иммигрантов или «сезонных работников», которые были полны энтузиазма трудиться ради заработка и обеспечения своих семей. Тем самым иммигранты вкладывали свою энергию и труд в экономический рост Швейцарии. С политической точки зрения швейцарские власти обсуждали также вопрос и о «принудительной натурализации», чтобы иметь возможность удержать иностранных рабочих в стране в долгосрочной перспективе [1].

Однако не стоит забывать, что в Швейцарии также были времена и крупных эмиграционных движений. Между 1815 г. и началом Первой мировой войны около 1 млн чел. покинули страну, чтобы избежать нищеты [2]. Около 400 тыс. граждан Швейцарии покинули свою родину в период с 1850 по 1914 гг. В основном это были фермеры, которые боролись с проблемами голода и нехваткой продовольствия [2; 3].

Без иммиграции интенсивное экономическое развитие Швейцарии было бы невозможно. Это относится к прошлому, настоящему и, вероятно, также к будущему Швейцарской Конфедерации. Трудящиеся-мигранты способствовали значительному экономическому росту во второй половине прошлого века. Сегодня промышленность, научные исследования, гостиничный бизнес и сектор здравоохранения также были бы неэффективны без иностранной рабочей силы, доля которой составляет почти 30 % по сравнению с 20 % в 1960-х гг. [5].

Иммиграция как фактор становления швейцарского государства: V–XIX вв.

Современная Швейцария как федеративное и демократическое государство сложилось к концу 1840-х гг., что было закреплено принятой, 12 сентября 1848 г. союзной конституцией. Этому способствовало и то, что окружающие державы сочли этот территориальный буфер весьма удобным. С самого начала маленькая страна получила новый импульс благодаря внутренней иммиграции. Однако швейцарцы также постоянно покидают свою страну: временно (на определенный период) или навсегда [2].

В Средние века швейцарские города стремились принять больше иммигрантов ввиду высокой смертности от эпидемий и различных смертельных заболеваний, которые были частым явлением в те времена. Но наряду с сельскохозяйственными рабочими на территорию Швейцарии также иммигрировали ремесленники, врачи и художники, которые способствовали процветанию государства. Только благодаря иммиграции города смогли сохранить свое население.

С XV в. для многих молодых людей военная служба была достаточно привлекательной. Их привлекали хорошее жалование и, в случае победоносных походов, еще и возможность завладеть трофеями. Швей-

царские фермеры и пастухи считались вспыльчивыми и склонными к насилию, поэтому их высоко ценили как воинов. По оценкам, в XVII в. до трети взрослых швейцарских мужчин эмигрировали за границу в качестве военных наемников. Те, кто выживал, не всегда возвращались: многие остались в Италии или Франции и начали там гражданскую жизнь [3].

Помимо военной миграции, миграция ремесленников, кондитеров, художников и торговцев была менее значительной. Но даже такие специалисты, обладающие ремесленными и коммерческими навыками, внесли большой вклад в обмен знаниями о границах своей долины или своего города. При этом языковые границы в большинстве случаев также являлись границами миграции. Начиная с XVII и в XVIII вв. швейцарские гувернантки с удовольствием работали при европейских княжеских дворах и в семьях представителей высшего класса [3]. В частности, высокообразованные мужчины и женщины из Западной Швейцарии пользовались большим спросом в качестве педагогов и учителей, поскольку знание французского языка было обязательным условием для представителей высшего европейского класса.

Одной из значительных групп иммигрантов на швейцарскую землю были гугеноты. Они стали первыми беженцами, прибывшими в Швейцарию в большом количестве в XVI и XVII вв. Преследуемые во Франции, они искали убежище на территории Швейцарии. По оценкам, около 100 тыс. гугенотов прибыли в страну в качестве беженцев. Многие уехали, но некоторые остались в основном в Женеве, Невшателе, Берне и Во. Гугеноты были хорошими специалистами и умелыми профессионалами. В основном они работали на прядильных и ткацких фабриках, в часовой промышленности, а также в торговле и банковском деле. Таким образом, иммигрировавшие гугеноты внесли большой вклад в раннюю индустриализацию Швейцарии.

Швейцария как страна иммигрантов (конец XIX – начало XX вв.)

В 1848 г. Швейцария становится федеративным государством и делится на 26 автономных областей – кантонов и полукантонов [4]. Экономическое положение молодого государства было достаточно слабым. На протяжении более ста лет население Швейцарии росло, в основном это было связано с тем, что благодаря надомному труду в текстильной и часовой промышленности появились новые возможности для заработка, молодые люди раньше начали вступать в брак и заводить больше детей (рис. 1).

Неурожаи, наводнения и вытеснение надомного труда развивающейся промышленностью приводили к экономическим кризисам. Таким образом, в XIX в. и на протяжении большей части XX в. многие граждане Швейцарии страдали от бедности [4].

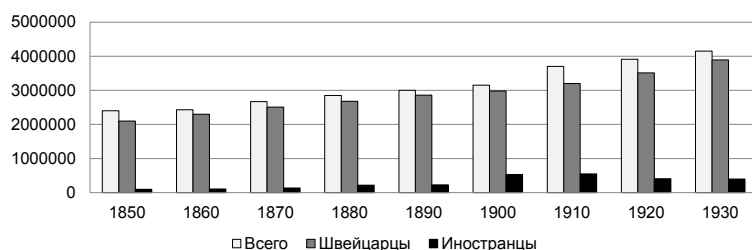

Рис. 1. Динамика численности населения Швейцарии (1850–1930 гг.), чел. [9]

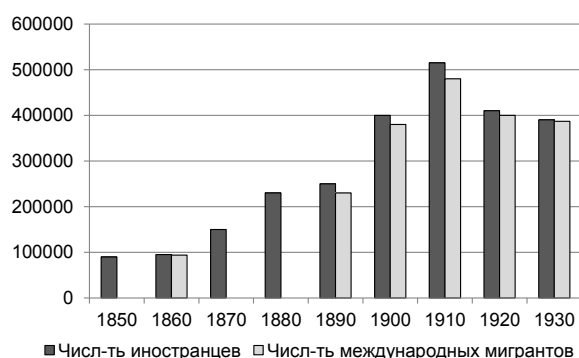

Рис. 2. Численность международных мигрантов и иностранцев в населении Швейцарии (1850–1930 гг.), чел.

Источник: составлено автором по [9; STAT-TAB]. Примечание: данные по количеству международных мигрантов впервые собирались в 1860 г., в переписях 1870 и 1880 гг. данные о международных мигрантах отсутствуют.

Эмиграция становится для них единственным способом избежать голода (рис. 2).

1 марта 1855 г. *NZZ (Neue Zürcher Zeitung* – «Новая цюрихская газета») сообщает следующее из кантона Аргау: «В районе Цофинген, похоже, скоро станет модным истреблять население путем (...) организованной эмиграции. Так, сегодня из единственной общины Нидервиля 305 прихожан отправились в Америку, на Землю обетованную» [8]. Издание считает, что община заслуживает за это высокой похвалы, поскольку «страна страдает от чумы, пауперизма и все ищет и ищет, как бы ей помочь». В результате около 12 % населения Швейцарии покинуло страну во 2-й половине XIX в. Однако американское общество не было радо швейцарцам, так как оно опасалось, что и в «Стране обетованной» они не смогут сами о себе позаботиться и станут обузой для местного населения [8].

Поездка в Америку в то время занимала до нескольких недель. Она проходила на пароходе, а иногда и на парусном судне. Многие швейцарцы ездили вместе, и в «новом мире» они остались вместе, образовав свои районы и кварталы. Таким образом, в Америке до сих пор существуют города и деревни, названия которых напоминают о прежних иммигрантах: «Новая Швейцария» в штате Иллинойс, «Нью-Гларус» в штате Висконсин, «Берн» в Канзасе, «Нью-Берн» в Северной Каролине или «Нова Фрибурго» в Бразилии. Не только бедность,

но и стремление к счастью, приключениям и экономическому успеху побудили некоторых швейцарцев и некоторых женщин Швейцарии эмигрировать в XIX в. Эта форма эмиграции, хотя и менее значимая в количественном отношении, часто ограничивается отдельными лицами. Тем не менее она сыграла важную роль в экономическом развитии Швейцарии. Например, архитекторы из Тичино и кондитеры из Бюндена эмигрировали в Португалию, Испанию или Россию и часто добивались там больших успехов. Некоторые вернулись, даже построили роскошные особняки, которые до сих пор напоминают об их богатстве, приобретенном за границей [3; 6].

Швейцарские торговые компании и их сотрудники также внесли свой вклад в эмиграцию. В поисках дешевого сырья для текстильной промышленности (хлопок, красители) и возможностей для продажи швейцарских товаров (хлопчатобумажные ткани, часы и другие) они, в частности, отправились в колонии и открыли там свои торговые дома. К 1850 г., например, около 65 % швейцарского экспорта приходилось на Северную, Латинскую Америку и Азию [7].

Швейцария не имела собственных колоний, однако она была включена в процессы колонизации. Ее торговые дома и банки извлекали выгоду из военного и административного присутствия в колониях, участия в строительстве железных дорог и морских портов, необходимых для торговли. Швейцарцы также участвовали в военном подчинении колоний. Так, например, в период с 1815 по 1914 гг. в голландской колониальной армии служило около 7600 швейцарских наемников [1; 7]. В поисках работы и приключений они поддерживали насильственную экспансию голландской колониальной империи на территории современной Индонезии. Примером деятельности швейцарской торговой компании в колониях является «Торговый дом братьев Фолькарт». Он был основан в 1851 г. для торговли между Индией и Европой. Первоначально он экспортировал в Индию такие товары, как часы, стеклянные бусы, текстиль и красители, а также импортировал в Европу специи, древесину, кофе и кокосовую стружку. Однако с 1860-х гг. торговля индийским хлопком стала его основной деятельностью.

До 1880-х гг. братья Фолькарт открыли еще шесть филиалов в Индии, один из которых находился в Бомбее, а также филиал в Лондоне [8]. Головной офис в Винтертуре стал центром текстильной промышленности континентальной Европы, поскольку до этого здесь *Volkarts* контролировала одну из крупнейших в мире торговых компаний и отвечала за 10 % всего индийского экспорта хлопка в Европу.

Следует отметить, что первая федеративная конституция Швейцарии от 1848 г. устанавливает право швейцарских мужчин на постоянное жительство

[7]. Всем мужчинам христианского вероисповедания было разрешено селиться в любой точке страны. Это называется внутренним равенством. Однако кантональное правительство часто сталкивалось с различными трудностями, особенно в том, что касается миграции через конфессиональные границы. Часто Федеративному суду приходилось вмешиваться, чтобы обеспечить соблюдение свободы проживания католиков в кантонах с протестантским большинством и наоборот. Однако свобода проживания не распространялась на граждан еврейского происхождения, не проживающих в стране, и людей из низших слоев общества. А женщинам придется ждать более 130 лет, прежде чем они будут юридически приравнены к мужчинам, согласно новой Федеральной конституции от 1981 г. Кроме того, даже до 1988 г. закон не давал мужу права единолично определять место жительства семьи.

Важным стоит отметить тот факт, что с конца XVIII в. благодаря промышленной революции на территории Швейцарии активно строятся фабрики, где товары могут производиться намного быстрее и дешевле. Производили в основном текстиль и изделия из металла.

До середины XIX в. Швейцария была сравнительно бедной страной. Во второй половине XIX в. швейцарская экономика начинает догонять другие европейские страны – начинается «вторая промышленная революция», которая коренным образом меняет страну и ее экономическое положение. Новый федеральный закон устанавливал единые правила и рамки для ведения бизнеса. Так, развиваются пищевая промышленность и химическая промышленность, открываются торговые дома, строятся фабрики, водохранилища и железные дороги. Открытия в области электрической энергии начинают все чаще использоваться, с её помощью приводят в движение машины и локомотивы, а заводские цеха теперь можно освещать по вечерам. В этот период железнодорожная сеть продолжает расширяться, появляются Готардский и Симплонский туннели. Люди и товары теперь могут перевозиться намного лучше и быстрее, люди начинают мигрировать в крупные города. Сельскохозяйственное население Швейцарии сократилось с 57 до 27 % в период с 1850 по 1910 гг. [9]. Но большое количество рабочих мест также привлекало иммигрантов из-за рубежа. В период с 1850 по 1880 гг. около 105 тыс. чел. иммигрировали в Швейцарию [9]. В период с 1888 по 1910 гг. сюда прибыло около 260 тыс. иностранцев. Большинство из них – немцы и итальянцы: между 1888 и 1919 гг. количество немцев увеличилось вдвое со 112 тыс. до 220 тыс., в то время как итальянская община выросла с 117 тыс. до 203 тыс. в период с 1900 по 1910 гг. [9].

В течение 1880-х гг. в Швейцарии впервые стало больше иммигрантов, чем эмигрантов. Если в 1870 г.

в Швейцарии все еще проживало 5,7 % иностранцев, то к 1900 г. этот показатель уже вырос до 11,6 % [9]. Незадолго до Первой мировой войны (1910 г.) этот показатель составлял примерно 14,7 % [9]. Таким образом, Швейцария превращается в «страну иммигрантов», в которую иммигрирует больше людей, чем эмигрирует из нее.

Благодаря политическому и экономическому развитию Швейцария также становится привлекательной страной для иностранных предпринимателей и ученых. Например, итальянский кондитер Юлиус Магги в 1869 году разработал порошкообразный суп, а затем сусло, которое стало всемирно известным. Немецкий фармацевт Генрих Нестле в 1886 г. основал фабрику по производству сухого молока, которая стала мировой корпорацией. Иностранцы также сыграли важную роль в создании высших учебных заведений. Они помогли основать университеты в Цюрихе (основаны в 1833 г. и в 1855 г.) и Берне (1834 г.) [8].

Миграционная политика Швейцарии: конец XIX – середина XX вв.

Как было указано в предыдущем разделе, в 1848 г. кантональные правительства Швейцарии, которые до этого времени были довольно независимы, решают создать федеративное государство. Отныне в стране появляются такие органы, как Национальный совет, Совет штатов и Федеральный совет, которые существуют до сих пор. Они устанавливают законы, действующие на всей территории Швейцарии. В 1848 г. власти Швейцарии решают начать чеканку и печатание единых денег, чтобы по всей стране можно было расплачиваться одними и теми же монетами и купюрами [10]. С 1848 г. между кантонами упрощаются границы, их пересечение становится свободным и беспрепятственным. Однако законы для граждан по-прежнему во многих областях определяются самими кантонами.

В 1868 г. Швейцария и Италия впервые заключают договор о въезде и выезде своих граждан. Соглашение предполагало, что въезд и выезд итальянцев в Швейцарию и из Швейцарии в Италию является бесплатным и свободным [1; 10]. Это соглашение показывает, насколько открыто страны в то время относились к иммиграционным процессам. Так, во вступлении к договору говорится: «Федеральный совет Швейцарской Конфедерации и Его Величество Король Италии (приняли решение), руководствуясь желанием сохранить и укрепить дружеские отношения, существующие между обеими нациями, и содействовать посредством новых и более свободных условий добрососедским отношениям между гражданами обеих стран». Кроме того, в соглашении оговаривалось, что обе страны будут способствовать перемещению людей и товаров. Соглашение действовало с 1868 по 1914 гг. [1]. Таким образом, жителям Ита-

лии было разрешено приезжать в Швейцарию в любое время, когда они захотят, чтобы работать здесь и жить со своими семьями. Точно так же граждане Швейцарии могли отправиться в Италию.

В 1874 г. Конституция Швейцарии была пересмотрена [10]. Особым изменением в этой Конституции являлось то, что швейцарское гражданское право начинает впервые регулироваться на всей территории Швейцарии. До этого отдельные кантоны определяли гражданские права в соответствии со своими собственными правилами. Новый закон о гражданстве также устанавливал правило, касающееся натурализации, согласно которому иностранец должен был проживать и работать в Швейцарии не менее двух лет, прежде чем подать заявление на получение гражданства Швейцарии [11].

Однако в 1914 г. в Европе начинается Первая мировая война, которая длилась до 1918 г. Это приводит к возвращению многих иностранцев в свои родные страны. Швейцария не участвует в войне военным путем, однако, несмотря на это, она не так уж далека от военных действий. До войны Швейцария вела активный обмен сырьем, товарами и людьми с соседними странами. Теперь у нее осталось всего несколько торговых партнеров. Ей не хватает угля и металла, и многие граждане начинают терять работу, жизнь становится очень тяжелой. Они не могут зарабатывать деньги и больше не могут содержать свои семьи. В 1918 г. из-за этого происходит крупная общенациональная забастовка [11]. Границы Европы были в основном открыты до 1914 г. Таким образом, можно было путешествовать по Западной Европе без паспорта. С началом войны и после нее границы становятся все более непроницаемыми. Иммиграция в Швейцарию становится все более сложной. Кроме того, Швейцария не очень гостеприимна по отношению к иностранцам во время и после Первой мировой войны. Ближе к концу Первой мировой войны в Берне создается иностранная полиция, которая предназначалась для контроля над въездом и за пребыванием иностранцев на территории Швейцарии. С 1921 г. иностранцы должны были сначала получить разрешение на работу, прежде чем им было разрешено поселиться в стране [11].

В 1925 г. швейцарцы голосованием одобрили новую статью Федеральной конституции. Федеральное правительство должно было законодательно регулировать въезд и выезд иностранцев, а также их пребывание в стране [11]. Отныне иностранцам будет разрешено въезжать в Швейцарию только в том случае, если это пойдет на пользу швейцарской экономике и если они не будут способствовать «чрезмерному переселению». При принятии решения также учитывается религия иностранцев и их происхождение. Таким образом, людям с Балкан или евреям из Восточной Европы больше не разрешалось работать в Швейцарии. Однако новый закон опреде-

лял не только въезд в страну, а также права рабочих и то, каким образом им разрешается передвигаться по стране. Иностранцы теперь разделялись на три группы. Тем, кому разрешено остаться на один сезон, то есть на срок до 9 месяцев (их называли сезонниками). Вторую группу составляли иностранцы, которым было разрешено оставаться в стране до одного года. Третья группа – это те лица, у кого было так называемое разрешение на проживание «С», им было разрешено оставаться в Швейцарии навсегда. Этот федеральный закон действовал с 1934 г. и влиял на иммиграционную политику до 2008 г.

Число иностранцев в Швейцарии стремительно уменьшается, в период с 1910 по 1920 гг. на 110 тыс. чел., а в период с 1930 по 1941 гг. в общей сложности еще на 56 тыс. чел. [9]. Таким образом, в то время как в 1910 г. 14,7 % населения Швейцарии все еще имело заграничный паспорт, в 1920 г. этот показатель составлял 10,4 %, а в 1930 г. – всего 8,8 % [9]. В 1941 г. (во время Второй мировой войны) этот показатель снизился до 5,2 % [9].

1 сентября 1939 г. начинается Вторая мировая война, которая вскоре становится еще более разрушительной, чем Первая. Вторая мировая война ведется нацистским блоком – Германией, Италией и Японией против США, Великобритании, Франции и Советского Союза. 6 лет спустя половина Европы была разрушена, Германия и Италия побеждены, а 2 сентября 1945 г. Япония также капитулировала. Швейцария оставалась нейтральной во время Второй мировой войны. Она закрывает свои границы, в результате чего почти никто больше не может иммигрировать. Во время войны в Швейцарию прибывают только бежавшие военнопленные, бежавшие солдаты или гражданские беженцы. Некоторые беженцы принимаются, для других был организован переезд в другие страны, например, в Австралию или Аргентину. Но многих граждан не впускали на границе и, таким образом, отправляли обратно в страну их происхождения. Благодаря нейтралитету Швейцария остается защищенной в военном отношении до конца Второй мировой войны. В отличие от большинства европейских стран она не разрушена войной, и промышленность может продолжать производить все необходимое в полную силу.

Миграционные процессы в Швейцарии (вторая половина XX – начало XXI вв.)

В 1948 г. Швейцария заключила первые так называемые соглашения о приглашенных рабочих (*Vereinbarung über Gastarbeiter*) с Италией [12]. Эти соглашения были направлены на регулирование иммиграции итальянцев в качестве «гастарбайтеров». С помощью этих контрактов можно было уточнить, сколько людей могут приехать в Швейцарию на работу, на какой срок и на каких условиях. Многие иммигранты, приезжающие в Швейцарию, – это те,

кто хочет работать здесь в качестве «сезонников», чтобы прокормить себя и свои семьи дома (табл. 1). Во-первых, это в основном граждане Италии. Их страна была сильно ослаблена Второй мировой войной, и многие люди были бедны и искали работу. Уже после 1945 г. многие итальянцы приезжают в Швейцарию [13]. Швейцарская сторона, в свою очередь, была очень заинтересована в них, поскольку на тот момент была критически необходима рабочая сила для развития экономики. Благодаря этому соглашению итальянские сезонные рабочие теперь могли получить разрешение на пребывание категории «В». Данное разрешение было действительно в течение одного года и позволяло работать в Швейцарии в течение девяти месяцев. Если работники получали разрешение категории «В» в течение десяти лет, то они могли получить пособие следующего уровня – категории «С». Это давало право поселиться и проживать с семьей в Швейцарии на длительное время.

В 1952 г. был принят новый закон о гражданских правах [12]. В нем указывалось, кем является швейцарец или швейцарка, как им можно стать и в каких случаях они могут потерять швейцарское гражданство. До 1952 г. швейцарские женщины автоматически теряли свое швейцарское гражданство, если выходили замуж за иностранца [12; 13]. Затем они должны были принять гражданство иностранца. Например, в то время, когда швейцарка выходила замуж за итальянца, она тоже становилась итальянкой и больше не была швейцаркой. Но если швейцарский мужчина женился на иностранке, он по-прежнему оставался швейцарцем, но его жена должна была отказаться от своего прежнего гражданства и стать швейцаркой. Итак, если итальянка выходила замуж за швейцарца, то она становилась швейцаркой.

В частности, Вторая мировая война затруднила возвращение швейцар-

ских женщин из-за границы на родину, поскольку они больше не имели гражданских прав. Теперь, с новым гражданским законодательством, эта ситуация должна была быть изменена. С 1952 г. швейцарские женщины могли сохранять швейцарское гражданство при вступлении в брак с иностранцем [13]. Швейцарцы, которые должны были отказаться от своего гражданства в предыдущие годы, теперь могли потребовать его обратно. Натурализация детей также облегчалась.

Новый закон о натурализации также регулировал натурализацию иностранцев, которые долгое время проживали в Швейцарии [10]. Предыдущий десятилетний срок будет продлен до 12 лет. Это означало, что иностранец мог подать заявление на натурализацию только по истечении 12 лет. Причина такого продления срока заключалась в убеждении, что иностранцам нужно больше времени, чтобы интегриро-

Таблица 1

Динамика миграционных потоков в Швейцарии в зависимости от страны прибытия и выбытия в 1958–1974 гг., чел.

Год	Италия	Франция	ФРГ	Европа	США	Латинская Америка	Азия	Всего
Эмиграция из Швейцарии								
1958	863	1417	1648	9504	1709	653	534	14470
1959	902	1794	1489	9565	1666	577	522	14265
1960	935	1463	1827	10611	1877	503	607	15507
1961	952	1793	1844	10903	1780	574	672	15974
1962	1140	1751	1909	10843	2122	533	704	15970
1963	1230	1904	1951	11010	1789	506	775	16073
1964	1185	2059	2115	11352	2164	534	849	17195
1965	1085	1845	2160	11271	2222	633	770	17696
1966	1059	1964	2167	11543	1949	721	814	18583
1967	1125	2091	1930	11208	2239	667	651	19236
1968	1065	1666	1820	9918	2106	637	807	17732
1969	978	1728	1989	10810	1904	875	733	18612
1970	1047	1543	2286	10251	2010	777	854	18322
1971	941	1643	1900	9048	1542	683	1123	16809
1972	779	1361	1784	8179	1487	752	1045	15168
1973	827	1438	1825	8058	1543	786	1275	15202
1974	824	1270	1572	7366	1497	992	1060	14819
Иммиграция в Швейцарию								
1958	622	1385	1267	8360	1001	551	568	11728
1959	896	1826	1189	8857	1022	596	620	12570
1960	801	1794	1423	9125	1472	684	619	13665
1961	836	2161	1467	9888	1423	657	712	14689
1962	894	2058	1662	10118	1396	654	735	14982
1963	1045	1790	1772	9828	1321	756	633	14540
1964	1072	1860	1623	9284	1475	731	812	14220
1965	967	2089	1630	9487	1478	635	716	13980
1966	1215	1599	1611	9452	1460	646	784	14245
1967	992	1628	1929	9846	1340	690	749	15091

Продолжение таблицы 1

Год	Италия	Франция	ФРГ	Европа	США	Латинская Америка	Азия	Всего
Иммиграция в Швейцарию								
1968	1120	1727	1656	8981	1606	611	722	14667
1969	871	1764	1611	9162	1655	715	686	15336
1970	1011	1501	1410	8650	2066	772	860	15674
1971	851	1569	1570	8161	1879	910	996	15496
1972	847	1296	1798	7552	1616	1025	979	15186
1973	715	1258	1454	6816	1250	808	1054	13847
1974	789	1188	1282	6538	1367	713	1004	13044
Миграционный прирост								
1958	241	32	381	1144	708	102	-34	2742
1959	6	-32	300	708	644	-19	-98	1695
1960	134	-331	404	1486	405	-181	-12	1842
1961	116	-368	377	1015	357	-83	-40	1285
1962	246	-307	247	725	726	-121	-31	988
1963	185	114	179	1182	468	-250	142	1533
1964	113	199	492	2068	689	-197	37	2975
1965	118	-244	530	1784	744	-2	54	3716
1966	-156	365	556	2091	489	75	30	4338
1967	133	463	1	1362	899	-23	-98	4145
1968	-55	-61	164	937	500	26	85	3065
1969	107	-36	378	1648	249	160	47	3276
1970	36	42	876	1601	-56	5	-6	2648
1971	90	74	330	887	-337	-227	127	1313
1972	-68	65	-14	627	-129	-273	66	-18
1973	112	180	371	1242	293	-22	221	1355
1974	35	82	290	828	130	279	56	1775

Источник: Составлено автором на основе записей консульских учреждений Швейцарии (1958–1974 гг.) Stat. Jb, Bde. 1969 und 1976.

ваться в Швейцарии и почувствовать себя частью швейцарского общества.

В 1951 г. Швейцария подписывает Женевскую конвенцию ООН о статусе беженцев, которая вступила в силу в 1954 г. [13]. Таким образом, Швейцария дала обязательство принимать беженцев, если они подвергались преследованиям в своей стране по определенным причинам. Эти причины включают преследование по признаку расы, происхождения, религии, политической деятельности и многое другое [10; 13].

До 1945 г. все было иначе, потому что тогда беженцев принимали только группами, но не отдельными лицами. Благодаря Конвенции о беженцах Швейцария теперь также может принимать в качестве беженцев отдельных лиц, если они подвергаются преследованиям на своей родине. Таким образом, Швейцария теперь входит в число 160 стран мира, подписавших Женевскую конвенцию о статусе беженцев.

В 1961 г. Швейцария принимает решение заключить миграционные соглашения и с другими странами [13]. Так, было заключено соглашение с

Испанией, регулирующее иммиграцию испанцев в качестве приглашенных работников. Одной из причин, побудивших к увеличению числа испанцев, было, среди прочего, недовольство многих итальянских рабочих [14]. Цель заключалась в том, чтобы «разнообразить» происхождение сезонников, то есть добиться того, чтобы в Швейцарию приезжали работники из разных стран.

В последующий период многие испанцы мигрируют в Швейцарию. Испания страдает как от послевоенного периода, так и от политической ситуации при диктаторе Франко. С 1958 г. испанцы въезжали в Швейцарию в поисках работы по туристическому разрешению [15]. Благодаря договору с приглашенными лицами в целях обеспечения их рабочими местами испанцам теперь было легче найти работу в Швейцарии.

В октябре 1956 г. примерно 12 тыс. беженцев из Венгрии прибыло в Швейцарию из-за политического кризиса в их родной стране [13]. Среди беженцев было много студентов, стажеров и рабочих. Правительство вскоре предоставит всем венгерским беженцам статус постоянного жителя. Многие возобновляют учебу. Таким образом, венгерские беженцы очень быстро интегрируются в швейцарское общество. С 1950 по 1960 гг. иностранное население увеличилось с 271 тыс. до 476 тыс. чел. [9].

Таким образом, только к концу 1980-х гг. швейцарская экономика становится одной из лучших в мире, а иностранное население увеличивалось за счет иммиграции. В 1988 г. доля иностранного населения достигла одного миллиона впервые с 1975 г. В период с 1985 по 1995 гг. ежегодно выдавалось 50 тыс. новых разрешений на работу. Всего в эти годы в Швейцарию приезжает 130 тыс. сезонников. Новыми являются страны происхождения: отныне сюда приезжает много югославов и португальцев. Они заменяют итальянцев, испанцев, а также швейцарцев на рынке труда, особенно в строительстве и гостиничном бизнесе.

В 1961 г. Швейцария принимает решение заключить миграционные соглашения и с другими странами [13]. Так, было заключено соглашение с

Заключение

Швейцария – это относительно молодое государство в центральной части Европы с качественно продуманной миграционной политикой, которая выстраивалась на протяжении многих веков. Швейцарский политический нейтралитет складывался на протяжении последних столетий в период ожесточенных войн и кризисов. Швейцария не принимала непосредственного участия в двух мировых войнах в XX в. Однако разрушительные войны влияли на швейцарскую экономику.

До XIX в. Швейцария была страной эмиграции. После этого она постепенно превратилась в страну иммигрантов. Индустриализация способствовала иммиграции, особенно во второй половине XIX в. В 1888 г. перепись населения Швейцарии впервые зафиксировала положительное сальдо миграции. Во время Первой мировой войны многие иммигранты покинули Швейцарию и вернулись в страны своего происхождения. В межвоенный период иммиграционная политика, за которую до 1925 г. в основном отвечали кантоны, была централизована на федеральном уровне. Федеральное правительство с тех пор придерживалось ограничительного подхода к регулированию миграции, который заменил довоенную либеральную политику. Были введены въездные визы, и количество иностранных граждан, находящихся на территории страны, строго контролировалось. В 1931 г. вступил в силу Федеральный закон об иностранцах, проживающих в Швейцарии, который до 2008 г. составлял основу швейцарской политики в отношении иностранцев.

После войн Европа долгое время не могла восстановиться экономически. Многие граждане европейских государств не могли найти работу и полностью потеряли свои сбережения. Благодаря высокому спросу на рабочую силу многие граждане из-за рубежа начали приезжать в Швейцарию в качестве сезонных рабочих. В частности, многие итальянцы и испанцы приезжают работать в Швейцарию, кроме того, между странами подписываются двусторонние соглашения о беспрепятственном въезде своих граждан в оба государства.

В 1985–1990 гг. швейцарская экономика процветала за счет большого потока иммигрантов, которые в основном заменяли швейцарскую рабочую силу в производственных секторах, строительстве и гостиничном бизнесе.

В данной работе было выявлено, что Швейцария сумела хорошо использовать большое количество рабочей силы, поскольку у нее есть много рабочих мест, которые она могла предложить на протяжении всей своей истории, потому что она не участвовала в войнах и не пострадала от разрушений, вызванных вооруженными конфликтами. Поэтому многие молодые европейские мужчины, а позже и женщины мигрировали в Швейцарию и работали в основ-

ном в промышленном секторе (на сталелитейных заводах, в строительстве или текстильной промышленности).

Литература:

1. Holenstein A., Kury P., Schulz K. Schweizer Migrationsgeschichte – Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Hier und Jetzt-Verlag, Baden. – 2020 (2. Auflage). – 382 s.
2. Arlettaz S., Arlettaz G. Formation nationale et identité: La Suisse des années 1848–1930 // Terra cognita. – 2008. – № 13. – P. 28–31.
3. Arlettaz S., Arlettaz G. Les étrangers: camarades ou concurrents? Le mouvement ouvrier et la politique nationale à l'égard des étrangers (1914–1927) // Revue syndicale suisse. – 1990. – № 82. – P. 117–128.
4. Chambovey D. Politique à l'égard des étrangers et contingentement de l'immigration. L'exemple de la Suisse // Population, 50-e année. – 1995. – № 2. – P. 357–384.
5. Eidgenössische Volkzählung 1980. Band 8. Schweiz / Bundesamt für Statistik. Recensement fédéral de la population 1980. Volume 8. Suisse / Office fédéral de la statistique. – Bern, 1983. – 128 p. (Statistische Quellenwerke der Schweiz. Heft 708 / Statistique de la Suisse. 708-e fascicule).
6. Les Suisses dans le vaste monde / réd. A. Lätt; Nouvelle Société Helvétique; Commission des Suisses à l'Etranger. – Geneve: SADAG S.A., 1931. – 330 p.
7. Matériaux pour la statistique de la Confédération Suisse. Tableaux de la population de la Suisse, dressés d'après les résultats du dernier recensement fédéral (18–23 mars 1850). II partie / Département fédéral de l'intérieur. – Berne: Imprimerie Stämpfli, 1854. – 115 p.
8. Mayer K.B. Foreign Workers in Switzerland and Austria // European Demographic Information Bulletin. – 1971. – Vol. 2 (3). – P. 93–104.
9. Office fédéral de la statistique (OFS). – URL: <https://www.bfs.admin.ch/>.
10. Wanner Ph., Piguet E. The Practice of Naturalization in Switzerland: A Statistical Overview / Translated in English by S.R. Hayford // Population (English Edition). – 2002. – Vol. 57 (6). – P. 917–925.

11. White P. Switzerland: From Migrant Rotation to Migrant Communities // *Geography*. – 1985. – Vol. 70 (2). – P. 168–171.
12. Wicker H.-R. Migrations, recherches ethnologiques et transformations sociales en Suisse // *Ethnologie française, nouvelle série*. – 2002. – T. 32. – № 2. – P. 243–251. (HELVETICA. La Suisse plurielle).
13. Wiskemann E. Too Many Foreigners in Switzerland // *The World Today*. – 1961. – Vol. 17 (8). – P. 355–363.
14. Синцеров Л.М. Подъём и упадок эмиграции из Европы // *География мирового развития: сб. науч. тр.* / Под ред. Л.М. Синцера. Вып. 1. – М.: Институт географии РАН, 2009. – С. 233–253.
15. Слука А.Е. Международные миграции рабочей силы в Западной Европе // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран: сб. статей* / Отв. ред. В.В. Вольский и И.М. Маергойз; АН СССР, Институт Латинской Америки. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет, 1971. – С. 245–271.

Migration Processes in Switzerland: Evolution and Retrospective Analysis

Tyshkevich A.I.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Switzerland has maintained its economic stability and a high percentage of immigration for a long time. Thousands of immigrants annually seek to obtain a residence permit in Switzerland, but today it is quite difficult to get such an opportunity, and in some cases, it is almost impossible if the migrant is not from EU countries. Swiss economic independence and its one of the best economic indicators in the world are closely linked to the fact that for many centuries it was immigration flows that contributed to the development of the Swiss Confederation, whose political neutrality, economic well-being, and protection of its citizens are so valued all over the world. The Swiss welfare State receives economic benefits from immigration since, as a rule, arriving migrants are younger than the host society and often have higher qualifications. In addition, they are energetic, hardworking, and more likely to work full-time than locals. In this paper, a retrospective analysis of migration processes in Switzerland in the period from ancient times to the end of the XX century will be carried out, immigration processes and some aspects of Swiss migration policy will be more affected since it was the foreign population that contributed to the development and formation of the modern Swiss state.

Key words: migration processes, migration, immigration history, migration policy, emigration, Switzerland

Социальное познание в дискурсе «ученый и общество»

Размышления над книгой: Агапов О.Д. Познавая общество: искусство возможного.

– Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета; СПб.: Алетейя, 2022. – 140 с.

Щелкунов М.Д.

Доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Содержанием монографии выступает социально-эпистемологический анализ процессов развития социально-гуманитарных наук в XX – начале XXI вв. Книга состоит из серии очерков, в которых предметом осмысления являются гуманитарные технологии, процессы производства, распространения и потребления социального знания, а также вопросы, связанные с экспликацией социально-антропологических аспектов социального познания. Показывается, что для ученого социально-гуманитарные науки являются формами личностного претворения и пребывания (наряду с философией, искусством, религией), а также социальным институтом, выступающим фундаментом рациональности, осознанной политической, экономической и социокультурной идентичности, основой для навигации в международной политике, глобальной экономике, транснациональных взаимодействиях, практиках устойчивого развития.

Ключевые слова: дискурс, образ науки, метарефлексия, научное познание, парадигма, социальные технологии, философия науки, социальные науки, ученый, этос науки

Философия и история науки – динамично развивающаяся область современных философских исследований. Это обстоятельство объективно отражает место и роль науки в развитии общества. Тематика философии науки стала неотъемлемой частью содержания как академических философских журналов («Вопросы философии», «Философские науки», «Человек», «Высшее образование в России»), так и специализированных периодических изданий («Эпистемология и философия науки», «Философия науки», «Философия науки и техники»). Регулярно созываются международные и всероссийские конференции, круглые столы по методологии научного познания, стратегиям развития научных знаний во всех областях человеческого бытия.

Вместе с тем при всем многообразии направлений историко-научных и философских исследований наука продолжает оставаться феноменом, обнаруживающим всё новые, ранее не известные стороны собственного бытия. В этом отношении привлекает внимание один из недавно вышедших трудов по истории и методологии социального познания – монография «Познавая общество: искусство возможного» [1], принадлежащая перу

известного российского специалиста в области социальной эпистемологии и философской антропологии О.Д. Агапову¹.

Автор книги видит смысл своего исследования в «изучении проблем производства, воспроизводства, распределения, обмена и потребления социального знания» [1, с. 14–15]. С этой целью он обращается к феномену науки, научно-познавательной деятельности, используя принципы и идеи экзистенциально-антропологического подхода. Развитие последнего связано с именами известных российских и зарубежных мыслителей – А.В. Ахутина, И.Т. Касавина, М.А. Мамардашвили, Л.А. Микешиной, А.П. Огурцова, В.Г. Поруса, В.М. Розина, В.С. Степина, П. Бурдые, Б. Латура, Дж. Ло, М. Полани, С. Фуллера. Помимо того, автор опирается на концепцию синергийной антропологии С.С. Хоружего, обладающей большим эвристическим потенциалом для философии науки. Оно состоит в понимании науки в качестве секуляризированной формы духовной практики человека, которая воплощается в современности с помощью определенных страте-

¹ О.Д. Агапов – доктор философских наук, профессор Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязева.

гий, тактик, речевых и ролевых игр, моделей коммуникации, линий воплощения (гражданская и «военно-промышленная» науки) [2].

Композиционно книга состоит из четырех очерков, связанных с анализом развития преимущественно научного общественнознания XX – начала XXI вв.

Первый очерк «*High-hume* – современный формат развития социально-гуманитарных наук» посвящен феномену социальных и гуманитарных технологий. Автор исходит из определения «*High-Hume* – это гуманитарные технологии, которым свойственна открытость целей и диалогичность и которые направлены на саморазвитие и самоактуализацию человека с учетом всей его сложности и многомерности его жизненного мира» [3]. Рассмотрены достоинства наиболее эффективных *high-hume* технологий – социальной инженерии, социальной геймификации, метода форсайта, построения «дорожных карт» развития общественных субъектов (предприятий, городов, регионов, государств) [1, с. 31–39].

Автор приходит к выводу о том, что гуманитарное сообщество может, опираясь на *high-hume* технологии, которые способны восполнить дефицит социокультурного предвидения и прогнозирования, создать спектр сопровождающих практик (тьюторство, менторство), способствующих социальной адаптации и координации инноваций в обогащенном технологиями социуме, развивающих культуру социального сценирования и экспертизы, исследующих мультипликационные социокультурные эффекты от внедрения *high-tech* инноваций в средне- и долгосрочной перспективе [1, с. 109].

Предметом второго очерка «Социально-гуманитарные науки: как сделать “великую невидимку” видимой» выступает феномен слабой легитимности социально-гуманитарного знания как у представителей политического класса, так и иных общественных субъектов. Трудно не согласиться с утверждением автора о том, что «среднестатистический человек современности полагает полученное в результате кропотливого труда социально-гуманитарное знание чем-то естественным, очевидным» [1, с. 42]. В этой связи работу множества социогуманитариев (философов, социологов, экономистов, психологов, политологов, историков и др.) О.Д. Агапов сравнивает со знаменитой «невидимой рукой рынка» А. Смита и делает вывод, что «мы живем в социальном мире, отчасти сконструированном социально-гуманитарными науками, в мире, который активно и рационально творится и утверждается учеными-социогуманитариями» [1, с. 43]. В книге убедительно показывается, каким образом, благодаря последним, в общественном сознании формируется образы социальной реальности, государства, мира в целом.

Автор настаивает, что «игры разума» XIX–XX вв. в духе О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера и Э. Дюркгейма привели к поистине тектоническому

перевороту, пересборке традиционного общества / уклада жизни (по Б. Латуру), открывшей не только эпоху индустриального общества, но и поместившей научную рациональность в самую «сердцевину» бытия человеческого рода [1, с. 44]. Пересборку прошли не только социальные институты традиционного общества, но все ранее сложившиеся формы общественного сознания – религия, философия, искусство. Современные цифровые технологии также «перепрошивают» структуры повседневности, все сферы человеческого бытия [4].

О.Д. Агапову удалось артикулировать наиболее существенные факторы, делающие социально-гуманитарные науки «великой невидимкой». Среди них он выделяет хабиитуализацию² социально-гуманитарного знания; «неопределенность миссии интеллектуала» (Ю.М. Резник); высокий уровень конкуренции в сфере социального за «режим истины», где конкурентами ученых по полю производства истины выступают философы, политики, лидеры НКО, носители суб- и контркультурных знаний; «цифровое ожирение» от знаний в условиях Интернета (С. Фуллер); феномен «нераскрытого публичного знания» (С. Фуллер) – не полностью развернутое теоретическое и практическое знание, не освоенное субъектами социальных отношений; недоверие к социально-гуманитарным наукам / знанию как агенту «высокого авторитарного модернизма»; постоянную динамику и многообразие форм жизненного мира, которые не укладываются в формы научного знания (гипотезы, теории, концепции) [1, с. 45].

Третий очерк «Наука как форма личностной практики: антропологический профиль науки» нацелен на постижение научного познания как формы личностной практики ученых. Следуя экзистенциально-антропологическому подходу в философии науки, О.Д. Агапов раскрывает историю научного познания не только как становление очередного трансцендентального субъекта (наряду с субъектом истории, права, политики и т.д.), но и как развитие социальных и гуманитарных практик предстания ученых в качестве граждан своих государств, личностей, способных трансформировать собственное экзистенциальное удивление миром в интересующие и интерактивные стратегии и тактики, методы и приемы познания [1, с. 62–83]. Здесь он следует за разработками М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, И.Т. Касавина, В.Н. Поруса, С.С. Хоружего и особенно Р. Ингардена, Э. Левинаса.

Согласно интерпретации О.Д. Агапова, деятельность ученого является «формой манифестации определенного способа быть личностью», посредством которой тот утверждает свободу и надежду, жертвует собой ради открытия «завора» между тем, «что есть», и тем, «что должно» быть, между ис-

² От англ. *habitualization* – опривычивание, превращение в повседневность.

тиной и заблуждением [1, с. 64]. Каждое научное исследование – это экзистенциальная «пограничная ситуация» между знанием и незнанием, ведущая к различным практикам жизни – или в режиме «заброшенности», ужаса и страха перед сущим, или в режиме света и знаний. Солидаризируясь с В.Н. Порусом, автор убежден, что ученый выступает в роли «голоса бытия» [5, с. 18]. Он пишет: «Научное познание дает человеку – субъекту научно-исследовательской деятельности – экзистенциальное осознание полноты / наполненности / исполненности жизни, чувство причастности доброй работе (Т. Котарбинский), чувство прямого действия (О. Генисаретский), а также открывает дверь в процессы взращивания институтов (И. Дискин, А. Аузан), в практику взращивания смыслов бытия, которая не может быть заменена никакой другой» [1, с. 66]. В своем пределе научное познание – это одновременно вариация антроподицеи (оправдание человека), онтодицеи (оправдание мира) и теодицеи (оправдание Бога) [1, с. 67].

Основным качеством ученого должно быть мужество истины, предполагающее такие практики, как-то: проявление интереса; ответственность; свобода интеллектуального труда, научного творчества; развитие в зрелую форму всего спектра экзистенциальных состояний, присущих человеческому бытию [1, с. 70]. «Искусство научного познания ученого состоит в претворении как экзистенциальных, так и социально-исторических интенций в ясную научно-исследовательскую программу, которая может выступить как в личностной (программа личности), так и в коллективной проекциях (программа научной школы, направления)» [1, с. 70].

И, наконец, в четвертом очерке «Методологические стратегии субъекта социально-гуманитарного познания» представлен анализ научно-исследовательских программ и практик, реализуемых современными социогуманитариями с опорой на классические, неклассические и постнеклассические идеалы рациональности. Автор развивает гипотезу «зрелости» социально-гуманитарных наук. По его убеждению, «зрелость» науки³ проявляется в различных моментах: институциональном; теоретико-методологическом; социокультурном; экзистенциальном (мудрость, рефлексивность, искусство «иметь в виду» С. Аванесова, избавление от комплексов, преемственность, самоирония) [1, с. 102]. Делается вывод, что «наша социальная жизнь, благодаря такой интеллектуальной инновации, как социальные науки, стала более сложной, дифференцированной, свободной. Благодаря социально-гуманитарным наукам мы обрели понимание: 1) пластичности социального бытия; 2) плюралистичности форм общественного сознания; 3) толерантности в отношении

множественности социального и культур; 4) важности рационального осмысления множества социальных процессов, из которых состоит человеческое бытие; 5) необходимости проективного и проактивного мышления о социальном для снижения рисков развития» [1, с. 108].

Одно из несомненных достоинств монографии – как, впрочем, всего научного творчества автора, которое мне достаточно знакомо, – состоит в умении О.Д. Агапова донести свои мысли до читателя, прибегая к образной лексике и занимательному изложению. Такой способ экспликации философских положений – редкое и приятное исключение в творчестве коллег-философов. Неслучайно рассматриваемое произведение стилизовано под «приключение идей» и временами производит впечатление детективного романа, где в каждом очерке есть свои завязка, кульминация и развязка. Широко используются метафоры «искусство возможного», «великий невидимка» и др. Однако, если в детективе основная задача состоит в раскрытии анатомии преступления, то автор монографии стремится исследовать генезис и движущие силы социально-гуманитарных наук, их место и роль в конституировании современности.

С точки зрения замысла и выбранного теоретико-методологического дискурса, исследование О.Д. Агапова по большинству рассмотренных сюжетов стоит в ряду пионерских направлений философии науки. Трудов подобного рода – единицы. И, как всякому исследователю, одному из первых прокладывающему борозду по практически нетронутому предметному полю, ему зачастую свойственны мимолетная эскизная «прорисовка» отдельных проблем, путей и результатов их осмысления, стремление высказаться «обо всем, но понемногу», некоторая фрагментарность изложения материала. Думаю, что эти критические замечания сигнализируют лишь о том, что решение обозначенной О.Д. Агаповым исследовательской задачи – по ее масштабу и содержательному наполнению – нуждается в совместных усилиях большого числа заинтересованных коллег-единомышленников.

Помимо содержания самих очерков, читателей может заинтересовать весьма представительный список использованной автором литературы; табличные приложения, фиксирующие практические аппликации результатов исследования, приводящие к желаемым социальным изменениям, а также краткая хронология развития социально-гуманитарных наук.

Показательно, что книга, увидела свет одновременно в двух городах: Казани и Санкт-Петербурге. Не секрет, насколько требовательно относятся центральные издательства к качеству рукописей заказчиков. Тот факт, что монография опубликована под грифом известного издательского дома «Алетейя»,

³ Концепт «зрелости» науки принадлежит И. Лакатосу и М. Фуко.

красноречиво свидетельствует о ее немалой научной ценности.

Уверен, что в работе О.Д. Агапова каждый из представителей академического сообщества – ученый, аспирант, студент – найдет для себя много нового и интересного, позволяющего раскрыть место и роль социального познания, научной деятельности в развитии человеческого рода.

Литература:

1. Агапов О.Д. Познавая общество: искусство возможного. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета; СПб.: Алетейя, 2022. – 140 с.
2. Хоружий С.С. Очерки синергической антропологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2005. – 408 с.
3. Галажинский Э. High-Hume и место гуманитария в технологизированном обществе. – URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/high-hume-i-mesto-gumanitariyav-tekhnologizirovannom-obshchestve.
4. Вахштайн В.С. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект пкм-1 // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 2(117). – С. 1–48.
5. Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии. – М.: Изд-во ИФ РАН, 2007. – 184 с.

Social Cognition in the Discourse «Scientist and Society»

Schelkunov M.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

The content of the monograph is a socio-epistemological analysis of development of social and humanitarian sciences in the XX–XXI centuries. The subjects of study are humanitarian technologies, processes of production, distribution and consumption of social knowledge, as well as issues related to the explication of socio-anthropological aspects of social cognition. For the human the social and humanitarian sciences are the forms of his personal realization and existence along with philosophy, art, religion, as well as a social institution that provides the foundation of rationality, conscious political, economic and socio-cultural identity, the basis for navigation in international politics, global economy, transnational interactions, sustainable development practices.

Key words: discourse, ethos of science, image of science, meta-reflection, paradigm, philosophy of science, scientific cognition, scientist, social sciences, social technologies

Информация об авторах

- Авахадиева Эллина Амировна** – бакалавр кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета 420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел.: +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru
- Адонина Светлана Юрьевна** – аспирант кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета 424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1 Тел.: +7(8362)42-53-31 e-mail: asp_doc@marsu.ru
- Альтерман Анастасия Александровна** – стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru
- Арбенина Евгения Андреевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики АПК Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1 Тел.: +7(473) 253-86-51 e-mail: main@vsau.ru
- Артёмченко Наталья Николаевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия 420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com
- Ахметзянова Гульнара Нафисовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия 420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com
- Балынин Игорь Викторович** – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru
- Белякова Анна Владимировна** – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д.34 Тел.: +7 (495) 719-70-00 e-mail: office@izak.ru
- Берникова Александра Михайловна** – стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru
- Билалов Алексей Владимирович** – аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Бучкова Алла Ивановна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова 117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 e-mail: press@rea.ru
- Вайсбург Александра Владимировна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета 170026, Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22 Тел.: +7(4822) 52-42-23 e-mail: common@tstu.tver.ru
- Валеев Эмиль Рамилевич** – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Вусович Ольга Владимировна** – кандидат химических наук, и.о. заведующая кафедрой управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета 634050, Томск, пр. Ленина, 36 Тел.: +7(3822) 529 585 e-mail: rector@tsu.ru
- Галеев Айбек Робертович** – аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), специалист Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации 119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82 Тел.: +7(495) 933-80-30 e-mail: information@rane.ru
- Голубева Ксения Александровна** – соискатель Центра макро и микроэкономики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: unn@unn.ru
- Горб Денис Александрович** – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра непрерывного образования и финансового консалтинга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru
- Горланов Сергей Анатольевич** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики АПК Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1 Тел.: +7(473) 253-86-51 e-mail: main@vsau.ru
- Гуревич Виктор Александрович** – эксперт Министерства юстиции РТ, Ответственный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии», Заслуженный юрист РТ 420015, Казань, ул. К.Маркса, 53а Тел.: +7 (843) 238-15-93 e-mail: vestnik_eps@mail.ru
- Демидова Светлана Евгеньевна** – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru
- Зиятдинова Эльмиры Мансуровны** – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Иванов Сергей Евгеньевич** – старший преподаватель кафедры сервиса и туризма Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма 420138, Казань, Деревня Универсиады, д. 33 Тел.: +7 (843) 221-09-02 e-mail: info@sportacadem.ru

- Игумнов Вячеслав Валерьевич** – аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9 Тел.: +7(499) 244-88-71 e-mail: msal@msal.ru
- Измайлов Максим Кириллович** – кандидат экономических наук, доцент высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: office@spbstu.ru
- Касимов Рустам Нурулович** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
426067, Ижевск, ул. им. Т.Барамзиной, 34 Тел.: +7 (3412) 50-82-00 e-mail: udnc@udman.ru
- Качалов Вадим Юрьевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института Российского университета кооперации
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com
- Каибразиев Ринас Васимович** – доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов, старший научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru
- Квасников Владимир Анатольевич** – руководитель Управления Федерального казначейства по Самарской области
443110, г. Самара, ул. Ново-Садовая, 24а Тел.: +7 (846) 334-52-50 e-mail: ufk42@roskazna.ru
- Ковалькова Елена Юрьевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com
- Колесникова Юлия Сергеевна** – доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Кудрявцева Ирина Константиновна** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
426067, Ижевск, ул. им. Т.Барамзиной, 34 Тел.: +7 (3412) 50-82-00 e-mail: udnc@udman.ru
- Курилова Елена Николаевна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru
- Куфёлкина Ирина Юрьевна** – соискатель кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Ларина Лада Юрьевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95 Тел.: +7 (4862) 751-318 e-mail: info@oreluniver.ru
- Хизбуллина Радмила Радиковна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел.: +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru
- Лучшева Людмила Владимировна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru
- Малаев Владимир Валентинович** – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Маслиенко Мария Александровна** – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru
- Матюгина Элеонора Григорьевна** – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры менеджмента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
634050, Томск, пр. Ленина, 36 Тел.: +7(3822) 529 585 e-mail: rector@tsu.ru
- Махиянова Алина Владимировна** – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел.: +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru
- Михеева Татьяна Николаевна** – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета
424001, г. Йошкар-Ола, пл.Ленина, 1 Тел.: +7(8362)42-53-31 e-mail: asp_doc@marsu.ru
- Мишин Андрей Викторович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел.: +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru
- Нестулаева Диана Рустамовна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел.: +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru
- Охрименко Елена Ивановна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru
- Ошкордина Алла Анатольевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Печегин Денис Андреевич – кандидат юридических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра непрерывного образования и финансового консалтинга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Печегина Юлия Сергеевна – старший преподаватель кафедры медицинского права и биоэтики Самарского государственного медицинского университета
443099, Самара, ул. Чапаевская, 89 Тел.: + 7 (846) 374-10-01 e-mail: info@samsmu.ru

Поздеева Ольга Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук, профессор департамента философии и социальных наук, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 e-mail: rector@mgpu.ru

Самышева Екатерина Юрьевна – кандидат технических наук, доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: kai@kstu-kai.ru

Саркисов Олег Ростиславович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института социальных и гуманитарных знаний. Заслуженный работник высшей школы РТ
420087, Казань, ул. Комарова, д. 14 Тел.: +7(843)298-52-62 e-mail: isgzkazan@gmail.com

Симаков Антон Викторович – аспирант юридического факультета Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: info@sinerghia.ru

Соснин Эдуард Анатольевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры управления инновациями Национального исследовательского Томского государственного университета
634050, Томск, пр. Ленина, 36 Тел.: +7(3822) 529 585 e-mail: rector@tsu.ru

Сундуров Федор Романович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru

Тисленко Мария Игоревна – аспирант, ассистент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87 e-mail: rudn@rudn.ru

Трубина Наталья Алексеевна – кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 e-mail: rector@mgpu.ru

Тышкевич Анна Ивановна – аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5 Тел.: +7(495) 719-09-40 e-mail: isras@isras.ru

Усов Алексей Сергеевич – аспирант кафедры финансов и бухгалтерского учета Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова
141074, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 Тел.: + 7 (495) 516-99-29 e-mail: mo_techuniv@mosreg.ru

Фатыхова Дианы Рустэмовны – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru

Федянин Юрий Михайлович – соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru

Фероян Артур Арменович – аспирант кафедры теории права и государства, истории и философии Сочинского государственного университета
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94 Тел.: +7 (862) 264-85-03 e-mail: nauka@sutr.ru

Фролова Надежда Афанасьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95 Тел.: +7 (4862) 751-318 e-mail: info@oreluniver.ru

Шайхутдинова Флюра Нургаяновна – кандидат химических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Шайкова Нина Игоревна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Херсонского государственного педагогического университета
273003, г. Херсон, Университетская ул., д. 27 Тел.: +7(990) 006-98-04 e-mail: hgpu.priyemnayakomissiya@mail.ru

Щелкунов Михаил Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru

Щигорцова Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного института Российского университета кооперации
420138, РТ, г.Казань, Деревня Универсиады, д. 33 Тел.: +7 (843) 221-09-02 e-mail: info@sportacadem.ru

